

TATARICA

ISSN 2311-2042

№ 1 (22)

2024
KAZAN

TATARICA

Research Journal. Founded in 2013.

Founder and publisher – Kazan (Volga Region) Federal University.

Published semi-annually in English, Tatar and Russian.

Editor-in-Chief

Zamaletdinov Radif Rifkatovich, Doctor of Philology, Professor, Director, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (Russian Federation)

Editorial Board

Alkaya Erzhan	Professor, Head of the Department of Modern Turkic Languages and Literatures, Firat University (Turkey)	Sagdeev Roald Zinnurovich	Professor, University of Maryland (USA)
Huseynova Mahira Nagi Kyzy	Professor, Dean of the Faculty of Philology, Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan)	Schamiloglu Uli	Professor, University of Nazarbayev (Kazakhstan)
Khayrullin Grif Timurzagitovich	Professor, Kazakh National Pedagogical University Abai (Kazakhstan)	Sunyaev Rashid Alievich	Director, Max Planck Institute for Astronomy (Germany)
Khazipov Rustem Narimanovich	Professor, Mediterranean Institute of Neurobiology (France)	Sunyaev Shamil Rashidovich	Professor of Medicine, Harvard University (USA)
Mustafa Oner	Professor, University of the Aegean (Turkey)	Yakici Ali	Professor, Head of the Department of Turkish Languages, Gazi University (Turkey)
Rajabov Dilshod Zaripovich	Professor, Dean of the Philological University of Bukhara University (Uzbekistan)		

Advisory Board

Akchurin R.S. , Head of the Department of Cardiovascular Surgery, A.L.Myasnikov Institute of Clinical Cardiology, Russian Cardiology Research and Production Centre, Russian Academy of Sciences (Russia)	Minnullin K.M. , Director of the G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan (Russia)
Akhmetshin R.K. , Deputy Prime Minister, Republic of Tatarstan – Plenipotentiary, Republic of Tatarstan, Russian Federation (Russia)	Nigmatullin R.I. , Scientific Supervisor at the P. Shirshov Institute of Oceanography, Russian Academy of Sciences (Russia)
Gilmutdinov I.I. , Chairperson of the Federal Tatar National-Cultural Autonomy (Russia)	Nizamov R.K. , Rector of Kazan State University of Architecture and Engineering (Russia)
Khakimov R.S. , Scientific Supervisor at the S.Mardjani Institute of History, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan (Russia)	Sagdeev R.Z. , Director of the International Tomography Center, Siberian Branch, Academy of Sciences (Russia)
Khayrullin R.Z. , Leading Researcher of the Institute of Content and Methods, Russian Academy of Education (Russia)	Suleymanov D.Sh. , full member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, General Director of the Tatarstan Republican Youth Public Fund “Syalyat” (Russia)
Khotinets V.Yu. , Head of the Department of General Psychology, Udmurt State University (Russia)	Volodarskaya E.F. , President of the Academy of Linguistic Sciences (Russia)

Executive Editors

Khabutdinova M.M., PhD (Philology)

Editors:

Section “Language”

Akimova O.V., PhD (Philology), **Alishina H.Ch.**, Doctor of Philology, **Galiullina G.R.**, Doctor of Philology,
Nuriyeva F.Sh., Doctor of Philology,
Nurmukhametova R.S., PhD (Philology), **Svirina L.O.**, PhD (Pedagogy),
Timerkhanov A.A., Doctor of Philology

Section “Literature”

Bakirov M.Kh., Doctor of Philology, **Galimullin F.G.**, Doctor of Philology, **Gilazov T.Sh.**, PhD (Philology),
Zagidullina D.F., Doctor of Philology, **Zakirzyanov A.M.**, Doctor of Philology,
Zinnatullina Z.R., PhD (Philology), **Solnyshkina M.I.**, Doctor of Philology, **Yashina M.E.**, PhD (Philology)

Section “History and Society”

Almazova L.I., PhD (Philosophy), **Gilyazov I.A.**, Doctor of History, **Iskhakov D.M.**, Doctor of History,
Subich V.G., PhD (Philology), **Tagirov I.R.**, Doctor of History, **Khabutdinov A.Yu.**, Doctor of History,
Khayrutdinov R.R., PhD (History), **Khuzin F.Sh.**, Doctor of History

Section “Culture, Personality and Education”

Bayanova L.F., Doctor of Psychology, **Valeeva-Suleymanova G.F.**, Doctor of Arts,
Gibatdinov M.M., PhD (History), **Dulat-Aleev V.R.**, Doctor of Arts, **Kalimullin A.M.**, Doctor of History,
Salehova L.L., Doctor of Pedagogy, **Sultanova R.R.**, PhD (Art Criticism), **Shelestova O.V.**, PhD (Philology),
Yavgildina Z.M., Doctor of Pedagogy, **Yarmakeev I.E.**, Doctor of Pedagogy

Section “Personalia”, “Reviews”, “Scientific Chronicles of the Turkic World”

Ashrapova A.Kh., PhD (Philology), **Grolman M.B.**, Lecturer, **Nabiullina G.A.**, PhD (Philology),
Kirillova Z.N., PhD (Philology), **Mirzagitov R.H.**, PhD (Pedagogy), **Shaydullin R.V.**, Doctor of History,
Shakirzyanov R.A., PhD (Engineering), **Yusupova A.Sh.**, Doctor of Philology, **Zamaletdinova G.F.**, PhD (Philology)

Design, DTP

Gerasimova N.V., **Gimadeev A.M.**, **Najip Nakkash**, **Salakhov R.F.**

Address of the publisher:

18 Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Editorial Office address:

2 Tatarstan Street, Kazan, 420021, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Phone: 7-843-292-9206

E-mail: tatarica.kpfu@gmail.com

Journal website: <https://tatarica.elpub.ru/jour>

Subscription index: 66079

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration certificate

PI №FS77-55800 dated 28 October 2013.

The materials of the journal are posted on the website of the Scientific Electronic Library and are included in the national information-analytical system RSCI (Russian Science Citation Index).

The journal is included in EBSCO publishing database.

TATARICA

Фәнни журнал. 2013 елдан чыга.

Гамәлгә куючы һәм нәшир – «Казан (Идел буе) федераль университеты» югары белем бирү федераль дәүләт автоном мәгариф учреждениесе.

Журнал елга 2 тапкыр инглиз, татар һәм рус телләрендә нәшер ителә.

Баш мөхәррир

Жамалетдинов Рәдиф Рифкатъ улы, филол. фән. д-ры, Казан (Идел буе) федераль университетының Филология һәм мәдәниятара багланышлар институты директоры (Россия)

Халыкара редакция советы

Алкая Эржан	Фират университетының хәзерге төрки телләр һәм әдәбиятлар департаменты мөдире, профессор (Төркия)	Сүнәев Рәшид Гали улы	Макс Планк исемендәге жәмгыятьнең Астрофизика институты директоры (Германия)
Гусейнова Маһирә Наги Кызы	Азәрбайжан дәүләт педагогика университетының филология факультеты деканы, профессор	Сүнәев Шамиль Рәшид улы	Гарвард университеты профессоры (АКШ)
Мостафа Өнәр	Эгей университеты профессоры (Төркия)	Хәҗипов Рөстәм Нариман улы	Урта диңгез нейробиология институты профессоры (Франция)
Рәжәбов Дильшод Зарип улы	Бохара университетының филология факультеты деканы, профессор (Үзбәкстан)	Хәйруллин Гриф Тимерзаһит улы	Абай исемендәге Казах милли педагогика университеты профессоры (Казахстан)
Сәгъдиев Роальд Зиннур улы	Мерилэнд университеты профессоры (АКШ)	Юлай Шамиль угли	Назарбаев университеты профессоры (Казахстан)
		Якыжы Али	Гази университетының төрек теле кафедрасы мөдире (Төркия)

Консультатив совет

Акчурин Р.С., Россия Фәннәр академиясе Россия кардиологик фәнни-житештерү үзәгенә А.Л.Мясников исемендәге Клиник кардиология институты йөрәк-кан тамырлары хирургиясе бүлегә житәкчесе (Россия)

Әхмәтшин Р.К., Татарстан Республикасының Премьер-министр урынбасары – Татарстан Республикасының Россия Федерациясендәге тулы вәкаләтле вәкиле (Россия)

Володарская Э.Ф., Россия лингвистик фәннәр академиясе президенты (Россия)

Гыйльметдинов И.И., Татар федераль милли-мәдәни мохтарияте рәисе (Россия)

Миңнуллин К.М., Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә Тел, әдәбият һәм сәнгать институты директоры (Россия)

Нигъмәтуллин Р.И., Россия Фәннәр академиясенә П.П.Ширшов исемендәге Океанология институты фәнни житәкчесе (Россия)

Низамов Р.К., Казан дәүләт архитектура-төзелеш университеты ректоры (Россия)

Сәгъдиев Р.З., Россия Фәннәр академиясенә Себер бүлегә Халыкара томография үзәге директоры (Россия)

Сөләйманов Ж.Ш., Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә хакыйкый әгъзасы, Татарстанның республика «Сәләт» яшьләр ижтимагый фонды генераль директоры (Россия)

Хәйруллин Р.З., Россия Мәгариф академиясенә Белем бирү этәлегә һәм методлары институтының әйдәп баручы фәнни хезмәткәре (Россия)

Хәкимов Р.С., Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә Ш.Мәрҗани исемендәге Тарих институты фәнни житәкчесе (Россия).

Хотинцев В.Ю., Удмурт дәүләт университетының гомуми психология кафедрасы мөдире (Россия)

Башкаручы мөхәррир:

Хәбетдинова М.М., филол. фән. канд.

«Тел» бүлге редакциясе

Акимова О.В., филол. фән. канд., **Алишина Х.Ч.,** филол. фән. д-ры, **Галиуллина Г.Р.,** филол. фән. д-ры,
Нуриева Ф.Ш., филол. фән. д-ры,
Нурмөхәммәтова Р.С., филол. фән. канд., **Свирина Л.О.,** филол. фән. канд.,
Тимерханов А.Ә., филол. фән. д-ры

«Әдәбият» бүлге редакциясе

Бакиров М.Х., филол. фән. д-ры, **Галимуллин Ф.Г.,** филол. фән. д-ры, **Гыйлажев Т.Ш.,** филол. фән. канд.,
Закиржанов Ә.М., филол. фән. д-ры, **Заһидуллина Д.Ф.,** филол. фән. д-ры,
Зиннәтуллина З.Р., филол. фән. канд., **Солнышкина М.И.,** филол. фән. д-ры, **Яшина М.Е.,** филол. фән. канд.

«Тарих һәм жәмгыять» бүлге редакциясе

Алмазова Л.И., философ. фән. канд., **Гыйләжев И.А.,** тарих фән. д-ры, **Исхаков Д.М.,** тарих фән. д-ры,
Субич В.Г., филол. фән. канд., **Таһиров И.Р.,** тарих фән. д-ры, **Хәбетдинов А.Ю.,** тарих фән. д-ры,
Хәйретдинов Р.Р., тарих фән. канд., **Хужин Ф.Ш.,** тарих фән. д-ры

«Мәдәният, шәхес һәм мәгариф» бүлге редакциясе

Баянова Л.Ф., психол. фән. д-ры, **Вәлиева-Сөләйманова Г.Ф.,** сәнгать фән. д-ры,
Гыйбатдинов М.М., тарих фән. канд., **Дулат-Алиев В.Р.,** сәнгать фән. д-ры,
Кәлимуллин А.М., тарих фән. д-ры, **Салехова Л.Л.,** пед. фән. д-ры, **Солтанова Р.Р.,** сәнгать фән. канд.,
Шелестова О.В., филол. фән. канд., **Яугилдина З.М.,** пед. фән. д-ры, **Ярмәкзев И.Э.,** пед. фән. д-ры

«Personalia», «Рецензия һәм күзәтүләр», «Төрки дөнья фәнни хроникасы» бүлектәре редакциясе

Әшрәпова А.Х., филол. фән. канд., **Грольман М.Б.,** **Жамалетдинова Г.Ф.,** филол. фән. канд.,
Нәбиуллина Г.Ә., филол. фән. канд., **Кириллова З.Н.,** филол. фән. канд.,
Мирзәһитов Р.Х., пед. фән. канд., **Шәйдуллин Р.В.,** тарих фән. д-ры,
Шакиржанов Р.Ә., техн. фән. канд., **Юсупова Ә.Ш.,** филол. фән. д-ры

Дизайн, компьютерда битләргә салу

Герасимова Н.В., **Гыймадиев А.М.,** **Нәжип Нәккаш,** **Сәләхов Р.Ф.**

Нәшрият адресы:

420008, Россия Федерациясе, Татарстан Республикасы, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт

Редакциянең адресы:

420021, Россия Федерациясе, Татарстан Республикасы, Казан ш., Татарстан ур., 2 нче йорт

Телефон: (843)292-92-06

E-mail: tatarica.kpfu@gmail.com

Журналның сайты: <https://tatarica.elpub.ru/jour>

Индекс: 66079

Журнал Элементә, мәгълүмати технологияләр һәм массакүләм коммуникацияләр даирәсендәге күзәтчелек буенча федераль хезмәт идарәсендә теркәлгән.

Теркәлү таныклыгы

ПИ №ФС77-55800 2013 елның 28 октябреннән

Журнал материаллары Фәнни электрон китапханә сайтына урнаштырыла, РИНЦның (Фәнни сылтама ясауның Россия индексы) милли информацион-аналитик системасына кертелә.

Журнал EBSCO Publishing Database мәгълүматлар базасына кертелә.

TATARICA

Научный журнал. Основан в 2013 году.

Учредитель и издатель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Выходит 2 раза в год на английском, татарском и русском языках.

Главный редактор

Замалетдинов Радиф Рифкатович, д-р филол. наук, директор Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия)

Международный редакционный совет

Алкая Эржан	профессор, заведующий департаментом современных тюркских языков и литератур Университета Фират (Турция)	Сюняев Рашид Алиевич	директор Института Астрофизики Общества имени Макса Планка (Германия)
Гусейнова Махира Наги Кызы	профессор, декан филологического факультета Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан)	Сюняев Шамиль Рашидович	профессор Гарвардского университета (США)
Мустафа Онер	профессор Эгейского университета (Турция)	Хазипов Рустем Нариманович	профессор Средиземноморского института нейробиологии (Франция)
Раджабов Дильшод Зарипович	профессор, декан филологического университета Бухарского университета (Узбекистан)	Хайруллин Гриф Тимурзагитович	профессор Казахского Национального педагогического университета имени Абая (Казахстан)
Сагдеев Роальд Зиннурович	профессор Мерилендского университета (США)	Юлай Шамильоглу Якыджы Али	профессор Назарбаев университета (Казахстан) заведующий кафедрой турецкого языка университета Гази (Турция)

Консультативный совет

Акчурин Р.С. , руководитель отдела сердечно-сосудистой хирургии Института клинической кардиологии имени А.Л.Мясникова Российского кардиологического научно-производственного центра Российской академии наук (Россия)	Нигматуллин Р.И. , научный руководитель Института океанологии имени П.П.Ширшова Российской Академии наук (Россия)
Ахметшин Р.К. , Заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – Полномочный представитель Республики Татарстан в Российской Федерации (Россия)	Низамов Р.К. , ректор Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Россия)
Володарская Э.Ф. , ректор Московского института иностранных языков, Президент Академии лингвистических наук (Россия)	Сагдеев Р.З. , директор Международного томографического центра Сибирского отделения Российской Академии наук (Россия)
Гильмутдинов И.И. , председатель Федеральной национально-культурной автономии татар (Россия)	Сулейманов Д.Ш. , действительный член Академии наук Республики Татарстан, генеральный директор Татарстанского республиканского молодежного общественного фонда «Сэлэт» (Россия)
Миннуллин К.М. , директор Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (Россия)	Хайруллин Р.З. , ведущий научный сотрудник Института содержания и методов обучения Российской академии образования (Россия)
	Хакимов Р.С. , научный руководитель Института истории имени Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Россия)
	Хотинец В.Ю. , зав. кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета (Россия)

Исполнительный редактор:

Хабутдинова М.М., канд. филол. наук

Редакция раздела «Язык»

Акимова О.В., канд. филол. наук, **Алишина Х.Ч.,** д-р филол. наук, **Галиуллина Г.Р.,** д-р филол. наук,
Нуриева Ф.Ш., д-р филол. наук, **Нурмухаметова Р.С.,** канд. филол. наук,
Свирина Л.О., канд. филол. наук, **Тимерханов А.А.,** д-р филол. наук

Редакция раздела «Литература»

Бакиров М.Х., д-р филол. наук, **Галимуллин Ф.Г.,** д-р филол. наук, **Гилязов Т.Ш.,** канд. филол. наук,
Загидуллина Д.Ф., д-р филол. наук, **Закирзянов А.М.,** д-р филол. наук,
Зиннатуллина З.Р., канд. филол. наук, **Солнышкина М.И.,** д-р филол. наук, **Яшина М.Е.,** канд. филол. наук

Редакция раздела «История и общество»

Алмазова Л.И., канд. филос. наук, **Гилязов И.А.,** д-р ист. наук, **Исхаков Д.М.,** д-р ист. наук,
Субич В.Г., канд. филол. наук, **Тагиров И.Р.,** д-р ист. наук, **Хабутдинов А.Ю.,** д-р ист. наук,
Хайрутдинов Р.Р., канд. ист. наук, **Хузин Ф.Ш.,** д-р ист. наук

Редакция раздела «Культура, личность и образование»

Баянова Л.Ф., д-р психол. наук, **Валеева-Сулейманова Г.Ф.,** д-р искусствоведения,
Гибатдинов М.М., канд. ист. наук, **Дулат-Алеев В.Р.,** д-р искусствоведения,
Калимуллин А.М., д-р ист. наук, **Салехова Л.Л.,** д-р пед. наук, **Султанова Р.Р.,** канд. искусствоведения,
Шелестова О.В., канд. филол. наук, **Явгильдина З.М.,** д-р пед. наук, **Ярмакеев И.Э.,** д-р пед. наук

Редакция разделов «Personalia», «Рецензии и обзоры», «Научная хроника тюркского мира»

Ашрапова А.Х., канд. филол. наук, **Грольман М.Б.,** **Замалетдинова Г.Ф.,** канд. филол. наук,
Набиуллина Г.А., канд. филол. наук, **Кириллова З.Н.,** канд. филол. наук,
Мирзагитов Р.Х., канд. пед. наук, **Шайдуллин Р.В.,** д-р ист. наук,
Шакирзянов Р.А., канд. техн. наук, **Юсупова А.Ш.,** д-р филол. наук

Дизайн, компьютерная верстка

Герасимова Н.В., **Гимадеев А.М.,** **Наджип Наккаш,** **Салахов Р.Ф.**

Адрес издателя:

420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции:

420021, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Телефон: (843)292-92-06

E-mail: tatarica.kpfu@gmail.com

Сайт журнала: <https://tatarica.elpub.ru/jour>

Подписной индекс: 66079

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС77-55800 от 28 октября 2013 г.

Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Журнал включен в базу данных EBSCO Publishing Database.

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-7-25

STUDIES IN THE HISTORY OF THE TATAR LANGUAGE AT KAZAN UNIVERSITY

Khalisa Khatipovna Kuzmina,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
shirmanx@yandex.ru.

Fanuza Shakurovna Nurieva,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
fanuzanurieva@yandex.ru.

The Tatar literary language is one of the most important values created by the people over the centuries. Language is not only a means of communication, but also the main indicator of a nation's spiritual activity. Over the centuries spiritual wealth has been accumulated in literary written monuments, reflecting traditions, linguistic norms and various social events of each historical period. The study of the Tatar literary language found in written monuments and of the language development patterns is one of the current scientific trends followed by the Tatar Language Department at Kazan University. The studies focus both on the the development of the Tatar language and on the historical place the language holds in the Tatar people's ethnogenesis and in the current existence of the Tatar language as a state language on the basis of traditions. Kazan University has more than a century-long history of comprehensive studies in the history of the Tatar language. This article is about the legacy of outstanding scholars who left their indelible mark on the study of the Tatar language history.

Key words: history of the Tatar literary language, Tatar scholars, Tatar Language Department, Kazan University

Introduction

Kazan University is the center of many world-famous scientific societies. It was the fourth university opened in Russia after Moscow, Tartu and Vilnius universities. As early as in the 1830s–1840s, it became one of the centers of Oriental Studies. At that time, recruited from various de-

partments, the Oriental Division appeared at the Faculty of Philosophy, which subsequently became famous for its outstanding scientific experts in Oriental Studies.

Kazan has long had extensive trade relations with the East. Trade routes to Iran, Central Asia and the Far East passed through Kazan, so the de-

velopment of Oriental Studies in Kazan had begun even before the university was opened, which ensured the emergence and fruitful activity of the Oriental Division [1, p. 418]. In the late 19th century, a school of linguistics was created at the university, later called the Kazan Linguistic School. I. Baudouin de Courtenay, N. Krushevskiy, V. Bogoroditsky and other scholars conducted research in the areas of structural linguistics, morphonology, linguistic typology and psycholinguistics.

In 1812, the Tatar language was included in the curriculum of Kazan University. Later, at the end of 1828 – beginning of 1829, on the initiative of the university rector N. Lobachevsky, the Oriental Division was created, which included two departments: Turkish-Tatar and Arab-Persian, formed on the basis of the Department of Eastern Languages. The founders of the Kazan School of Turkology were I. Khalfin, Ch. Fren, F. Erdman, A. Kazembek, A. Troyansky, I. Berezin, M. Makhmudov, A. Vagabov, M. Ivanov, S. Kuklyashev, K. Nasyri, N. Katanov, V. Radlov and others. They conducted in-depth research into the history of the Tatar people and the history of the literary language. After the transfer of the Oriental Division to St. Petersburg, the teaching of the Tatar language continued.

The study of the history of the Tatar language at Kazan University can be divided into three periods. The first period covers the years 1804–1917, this period is associated with the life of the Oriental Division and the subsequent period of the Tatar language studies. The second period was devoted to the history of the Tatar language during the Soviet period, covering the period from 1917 to 1991. The period after 1944 is especially noteworthy, as after the Department of Tatar Language and Literature was opened the study of the history of the language became especially extensive. The period from the 2000s to the present time can be called the Studies in the History of the Tatar Language in the 21st century.

Each period has its own stages of development; Turkologists from Kazan University received recognition not only in Russia, but also worldwide.

Materials and research methods

This article aims to describe the long-term history of the scientific studies devoted to the Tatar language and its history at Kazan University, we name the scholars who worked and are still working in this field and highlight their scientific and pedagogical heritage.

The main research methods are the biographical, descriptive, historical-comparative and axiological ones. We use the biographical and descriptive methods to study the activities of the people who conducted research into the history of the Tatar language. The historical-comparative and axiological methods have made it possible to evaluate this activity from the point of view of the present and the past.

Discussion

When Kazan University began its first academic year in 1804, its staff, according to the charter, was supposed to include a professor of oriental languages and a lecturer of the Tatar language. At that time, not a word was said about any departments. Teaching was not based on programs or curricula. There was no division into faculties and specialties. Only three years later, in 1807, the Department of Oriental Languages began to operate, where the Arabic and Persian languages were taught, and some years later Hebrew and Syriac were added. The famous orientalist and numismatist Christian Frehn, who came from Germany, the city of Rostock, was appointed head of this department. He worked at Kazan University for about ten years. During this time, Ch. Frehn expanded the teaching of Oriental Studies and laid the foundations for a comprehensive scientific study of the East. He became interested in numismatics, found more than 400 coins of the Golden Horde period, from which he managed to reconstruct the names of the khans and explored the location of Horde cities and Russian-Tatar relations of that time. Fren's closest collaborator in his teaching and research activities was Ibrahim Khalfin, who worked at the University as a lecturer of the Tatar language from 1811, and from 1823 was an adjunct of oriental literature [1, p. 420]. It is worth noting that the Khalfin dynasty taught the Tatar language in Kazan for 60 years. Ibrahim Khalfin's grandfather, Sagit Khalfin, was the first official teacher of oriental languages in Russia. In 1769, he was entrusted with teaching the Tatar language at the Kazan gymnasium. From 1785, his son Ishak (1785–1800) became his successor; after Ishak's death, Ibrahim Khalfin (1800–1828) continued teaching the Tatar language.

After the departure of Ch. Frehn from Kazan University, the studies of oriental languages and cultures declined. Only the arrival of N. Lobachevsky to work in the university administration in 1827 had a positive impact on the development of the "Oriental Division". In 1828, the Tatar

language lectureship was transformed into the Department of the Turkish-Tatar Language, which in the first period was headed by Alexander (Mirza) Kazembek. The Mongolian, Chinese and Armenian languages were taught at the university, and Turkic Studies were beginning to develop. Lobachevsky founded a fund of manuscripts and early printed books in many Eastern languages. With the direct assistance of Lobachevsky and the help of the Oriental Division, a large number of rare oriental books and manuscripts were collected in the library, the written monuments which to this day have enormous scientific value. Among the numerous Tatar manuscripts, the original Tatar alphabet and grammar, compiled in 1775 by Sagit Khalfin, a Tatar language teacher at the first Kazan gymnasium, and a Russian-Tatar dictionary (in two volumes) were found. This book was published in St. Petersburg in 1778. They also found the manuscripts of lectures on the Tatar language course given by Ibrahim Khalfin in 1824–1826. The scholar was one of the initiators of the publication of Turkic-Tatar historical sources. The works of Ibrahim Khalfin “Dastane Chyngyz ve Aksak Timer” (“The Dastan about Genghis Khan and Aksak Timer”) (1819), “Shezherei et-turk” (“Genealogy of the Turks and Mongols”) (1820) and “Timer Kotlyg tarkhan yarlygy” (“Jarlig of Timer Kotlyg”), co-authored with Ch. Frehn, attracted the attention of researchers from different countries.

The orientalist A. Kazem-Bek and I. Berezin made a great contribution to the scientific development of studies the Turkic languages. So, if Kazem-Bek’s fruitful scientific activity was aimed at studying the history, literature, religious views and laws of the Turkic peoples, I. Berezin in his turn devoted much time to the collection and publication of oriental historical manuscripts, thanks to which he gained worldwide fame. I. Berezin compiled the three-volume work “Konchygysh tarikhylyar kitapkhane” (“Library of Oriental Historians”) (1850–1851) and published works on Tatar history “Sheybani-name” (“The Book of Shaibani”) and “Dzhamig-et-tewarikh” (“General History”), related to Abulgazi Khan. For more than 10 years he headed the Department of the Turkic-Tatar Language at Kazan University, taught Turkish and lectured on the history of the Turkic peoples and Turkish literature.

It is important to mention the numismatic and ethnographic works of Karl Fuchs, the first researcher of the Kazan Tatars’ life, the famous naturalist and ethnographer. A doctor by profession, Fuchs devoted a lot of time to researching the life

of local residents, mainly Tatars. He communicated closely with the Tatars, studied their language, lived among the Tatars in the Tatar settlement of Kazan, and outlined and summarized his many years of observations in a later ethnographic work entitled “Statistic hem ethnographic dzehetten Kazan tatarlary” (“Kazan Tatars in Statistical and Ethnographic Relation”). In this work, he focused on the physical type of the Tatars, their economy, external life, the issue of women, poetry, culture and holidays, school and education, and relations between Russians and Tatars.

In the first half of the 19th century, Kazan University became the center of oriental studies and oriental language teaching in Russia. The Oriental Division functioned until 1854. On October 22 of the same year, by the decree of the Senate, the teaching of oriental languages at Kazan University and the First Kazan Gymnasium was discontinued. The Tatar language was allowed to be taught at the Gymnasium.

The closure of the Oriental Division was explained in the decree by the need to concentrate the teaching of oriental languages in one place to ensure more successful scientific research. This place belonged to the University of St. Petersburg, in which “more funds were collected for the development of this vast branch of knowledge and more teaching aids than in any other place in the empire.” In this regard, the Department of Oriental Languages at St. Petersburg University was transformed into the Oriental Faculty, where many Kazan orientalist continued their activities [2, p. 212].

In the second half of the 19th century, the development of the Tatar language was mainly aimed at having more publications printed in the Tatar language. In 1808, Ivan Zapolskiy, an associate professor of mathematics and experimental physics at Kazan University, came up with a project to publish the “Kazanskie izvestiya” (“The Kazan News”) newspaper in Russian and Tatar, but he did not receive the permission to publish the newspaper in the Tatar language. From 1833, representatives of Kazan University had made more attempts to create a newspaper in the Tatar language. The student of the Oriental Division, Markel Nikolskiy, made several attempts to publish the newspaper called “Bekhrrel ekhbar” (“The Sea of News”). The initiative of the famous Orientalist Pyotr Pashino to publish the magazine “Faida” (“Benefit”) in the Tatar language in 1864 was also unsuccessful. A year later, Vasily Kurochkin wanted to publish a

newspaper of the same name, but it also ran into bureaucratic obstacles.

In 1863, the famous Tatar educator Kayum Nasyri (1825–1902) submitted a petition to the Kazan military governor for permission to produce a printed publication in the Tatar language. A similar attempt was made by Khusein Fayzkhanov, a teacher of Turkic languages at St. Petersburg University (1823–1866).

In the second half of the 19th century alone, various authorities received more than twenty applications for permission to organize periodicals for the Tatars. However, these attempts were rejected for various reasons.

Only the revolutionary events of the early 20th century forced the tsarist authorities to change their attitude towards the issue of publishing the Tatar national press. As a result, on September 2, 1905, the first issue of the newspaper in the Tatar language, “Nur” (“The Ray”), was published in St. Petersburg. From 1905 to 1917, more than 120 newspapers and magazines were published in the Tatar language in 17 cities of the Russian Empire, but they all ceased to exist after the revolutionary events [3].

Until 1917, Kazan University was the only secular university in the Kazan Province where the Tatar language was taught. The curriculum of this educational institution included a course in Turkic-Tatar speech, which was taught in the classical department of the History and Philology Faculty. Before the revolution of 1917, this course was taught by the famous orientalist N. Katanov who worked here as an acting extraordinary professor (Professor Extraordinarius). In the 1910s, when Sergei Malov, a graduate of the Oriental Faculty of St. Petersburg University, began working at Kazan University, the course “Turkic-Tatar dialects” was significantly expanded. The scholar paid much attention to the history of the language; it is known that in those years he got interested in the language of Turkic runic inscriptions [4, p. 109].

As early as in the first years of Soviet power, the Tatar language as an academic subject was actively introduced into Higher Schools, which led to the creation of a number of large educational institutions that trained scientific and pedagogical personnel in Tatar linguistics.

The Department of Tatar Language and Literature at the Faculty of History and Philology of Kazan University was opened in the autumn of 1944. After a discussion at the Academic Council of the Faculty of History and Philology, on April 13, 1945, Rabiga Khakimova, a disciple of the famous

Russian and Soviet orientalist Nikolai Marr, was elected to the position of associate professor and head of the Department of Tatar Language and Literature [5, p. 104].

R. Khakimova was recognized as an excellent organizer. Planning the development of the research work in the Department of Tatar Language and Literature for the 1945–1946 academic year, she intended to continue studying the language of Shigabutdin Mardzhani and Musa Akyegetzade’s works, and the biography of Gabdulla Tukay. Senior teacher Sungatulla Nigmatullovich Bikkulatov analyzed the dictionary of Mahmud Kashgari “*Diwanu logat et-turk*” (“Compendium of the Languages of the Turks”). Lectures on the Tatar language and its history were delivered by Associate Professors Shigap Ramazanov, Latif Zalyaletdinov, and Senior Lecturer Bakir Yafarov.

After the refutation of N. Marr’s theory of language, the research work in the Tatar Language and Literature Department changed its direction. The study of the language of written monuments was conducted in accordance with the doctrines of Joseph Stalin. For example, the topic of the dissertation of the Department Assistant Gayaz Ishmukhametov was “XIV gasyr Bolgar chory istelege “*Nahj el faradis*” eserenen tele iptesh Stalinyn tel beleme buencha mes’elelere buencha khezmetlere yaktysynda” (“The language of the work “*Nahj el faradis*” (“Open Road to the Gardens of Eden”) of the Bulgarian period in the 14th century in the light of the works of Comrade Stalin on linguistics”). The members of the Department studied the works of Tatar literature in the pre-Soviet and post-Soviet periods and dealt with the issues of the Tatar language historical morphology (Latyf Zalyaletdinov) and the patterns of the Tatar language internal development in the light of Stalin’s doctrine on language (Lotfi Yafarov) [6, p. 235].

The Department of Tatar Language and Literature was constantly working to build up its scientific potential. So, on December 31, 1958, after a successful discussion of Dzhavad Almazov’s dissertation “XIII gasyr poemasy Kyisa-i Yosyf – bolgar-tatar istelege” (“The 13th century poem of Kyisa-i Yusuf (The legend about Yusuf) – Bulgaro-Tatar memory”) at the Department, the Rector’s Office decided to enroll the author full time from January 1, 1959. Having successfully completed graduate school, Dzhavad Almazov, who knew Arabic, Persian and several Turkic languages, had experience of teaching at university. At that time, the Department faculty had such

teachers as Khatyb Gusman, Prof. Latif Jalay, Associate Professors Yakub Agishev, Mirfatikh Zakiev, Ibragim Nurullin, Zait Mazitov and Uzbek Baichura, teachers Mahmut Khasanov, Anvar Aflyatunov, Fuat Ganiev, Vakhit Khakov, Gumer Sattarov, Albert Yakhin and others. In the future, these names would be known as the names of the Tatar great scholars in the area of the Tatar language and literary criticism, but in the 1950–60s they were just beginning their scientific career.

Although many teachers of the Tatar Language Department conducted individual research in the field of language history throughout the 20th century, there were several researchers who laid the foundations for the new scientific trend of the history of the Tatar language and created their own scientific school at the university. These were Latif Jalay, Vakhit Khakov, Almazia Nurieva, Fagima Khisamova and Fanuza Nurieva. Gumer Sattarov conducted research into the onomastic system of the Tatar language in historical terms and created the Kazan School of Onomastics. Today his disciples are Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Tatar Linguistics Gulshat Galiullina and Candidate of Philology, Associate Professor Gulfiya Khadieva [7, p. 418].

The life of the first Doctor of Philology in the Tatar language, Latif Jalay (1929–1966), was incredibly full and complicated. Latif Jalay's scientific career began in 1929, in the same year his first work on methods of raising children was published, after which he published several books on methods of teaching the Tatar language and participated in the compilation of a Tatar literature textbook. In 1932, Latif entered the graduate school of the Samara Agricultural College, but after the closure of the graduate school in 1933, he continued his graduate studies at the Kazan Pedagogical Institute. From 1935 he began teaching Tatar dialectology and language history there. From 1939 to 1962, Latif Jalay headed the Tatar Language Sector at the Institute of Language, Literature and History. At the same time, he taught Tatar dialectology and the history of the Tatar language at higher educational institutions – the Kazan Pedagogical Institute and Kazan University.

While studying folk dialects, L. Jalay provided the necessary linguistic material for the history of the literary language and its historical grammar, so his sphere of interest was the history of the Tatar literary language and historical grammar. In 1938, the scholar published the book “Tatar tele tarikhyna karagan kaiber materiallar” (“Some Materials on the History of the Tatar Language”) and

presented his Ph.D. thesis on the same topic. In the 1940–60s, he was the only expert in dialectology, language history and historical grammar of the Tatar language. In 1954, L. Jalay published the book “Tatar tele fonetika materiallar” (“Materials on the Phonetics of the Tatar Language”) [8]. This book has not lost its relevance to this day. In 1960, L. Jalay handed over the manuscript of the book “Tatar tele tarikh morfologiyese buencha ocherklar” (“Essays on the Historical Morphology of the Tatar Language”) to the Kazan University Publishing House, but this book was not published; it was published by the Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2000 [9]. At Kazan University, this work is still borrowed by students as the first major monographic work written in the Tatar language in the area of the historical grammar of the Tatar language.

The main scientific views of Latif Jalay were presented in his research into the origin of the Tatar people and were based on linguistic material. Having analyzed linguistic material in terms of ethnogenesis, L. Jalay did not agree with the conclusions of some scholars that the Tatars and their language came from Altai and Mongolia. In his opinion, the Tatar language was formed as a result of the unification of local Turkic dialects belonging to various local Turkic tribes. He thoroughly studied the three large dialects of the Tatar language – Middle, Eastern and Western, and proved that the Tatar language arose on the basis of local Turkic dialects.

Latif Jalay was a scientist who laid the scientific foundations for studying the history of the Tatar language and had many followers of this scientific trend. One of his disciples, Doctor of Philology Vakhit Khakov, a professor at Kazan University (1926–2008), was an outstanding scholar who had been studying the history of the literary language for many years, and laid the foundations for the sociolinguistic trend in the study of the history of our language.

Vakhit Khakov was born into a family of a teacher on August 16, 1926, in the village of Srednyaya Lashcha (Kuzbi) of the Buinsky District, the Republic of Tatarstan. A seventeen-year-old young man was drafted to the front during the Great Patriotic War and fought in Mongolia and China where he first saw the texts of runic inscriptions. After demobilization, he worked as a teacher in a rural school in the Buinsky District, entered the Faculty of History and Philology of Kazan

State University, and in 1960 completed his graduate course at the Institute of Language, Literature and History, the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. In 1961, he presented his candidate dissertation, and in 1971, his doctoral dissertation on the history of the Tatar literary language of the early 20th century entitled “Tatar edebi tele hem anyn stil’lerenen barlykka kilue hem useshe” (“The emergence and development of the Tatar literary language and its styles”). In 1965, he was awarded the academic title of associate professor, and in 1974 he became a professor. Until 2008, he was a professor in the Tatar Language Department at Kazan University, and in 1989–1994, he was the head of the Tatar Language Department.

The main scientific interests of Vakhit Khakov included the history of Turkic (mainly Tatar) literary languages, the development of their stylistic categories and the study of the language of ancient Turkic and Tatar written monuments. Over the years, he studied general issues of linguistics, issues of lexicology, terminology, phraseology, spelling and etymology; dealt with the problems of teaching methods and language studies of literary works at universities and schools [10, 11, 12].

For many years, Vakhit Khakov was a scientist who read lectures on the history of the Tatar literary language to students of the Tatar Language Department and created his own scientific school in this area, educating a large number of students. Under his guidance, about 20 candidate dissertations were prepared, he was a scientific supervisor for three doctoral dissertations. For many years, the scholar worked as a member of the Academic Council for the Defense of Candidate and Doctoral Dissertations, and participated in the compilation of the “Tatar Encyclopedia” in the section “Linguistics”. For more than 30 years, he was in charge of the republican radio broadcasting, and it was with his direct participation that the popular science program on the Tatar language and speech culture “Tel Kurke – Suz” (“The Beauty of Speech Is in Its Words”) was on the radio, its handwritten materials amount to more than ten volumes. For his scientific, pedagogical and social activities, the Professor was awarded eighteen orders and medals, got many Certificates of Honour and Gratitude [13, p. 5].

Almazia Nurieva was a scholar who worked in the area of the historical grammar of the Tatar language. For seventeen years, from 1967 to 1984, she worked as an assistant professor at the Tatar Language Department at Kazan University, wrote numerous textbooks for schoolchildren, compiled a

multi-volume Tatar spelling dictionary, which was repeatedly reprinted. In 1975, she defended her doctoral dissertation “Tatar tele tarikhynnan materiallar. Leksikologiyz, morfologiyz. Studentlar ochen kullanna” (“Materials on the history of the Tatar language. Lexicology, morphology. A Student Guide”) [14]. This book was distinguished by the fact that it contained materials related to the previously undeveloped historical lexicology of the Tatar language. The scientist relied on the comparative historical method in studying the history of the region and identified criteria for the study of common Altai and common Turkic layers.

After Almazia Nurieva, the area of historical grammar at the Tatar Language Department was continued by Fagima Khisamova.

Fagima Khisamova (1936–2018) was a famous linguist, author of scientific works in the field of phonetics and morphology, historical grammar of the Tatar language, curricula, textbooks and teaching aids. She was an Honoured Teacher of Tatarstan and Honoured Scientist of the Republic of Tatarstan. She was born on December 1, 1936, in the village of Karakashly, the Yutazinsky District, the Republic of Tatarstan. In 1955–1960, she studied at the Tatar Language and Literature Department of the Faculty of History and Philology of Kazan State University. After graduating from university, she worked for seven years as a teacher of Tatar language and literature in schools in the Drozhzhanovsky and Aznakaevsky Districts. In 1967–1970, she completed her postgraduate studies at the Department of Tatar Language of Kazan State University under the scientific supervision of D. Tumasheva. In 1971, she presented her Ph.D. thesis on the topic “Khezerge tatar edebi telende syifat figyl” (“Qualitative verbs in the modern Tatar literary language”); in 1995, she defended her doctoral dissertation “Iske tatar resmi yazuynyn gamelde buluy hem useu (XVI–XIX gg. bashy)” (“The existence and development of Old Tatar official writing (the 16th – early 19th centuries)”).

For more than thirty years of teaching at the Tatar Language Department, she created teaching aids, programs for giving lectures on phonetics and morphology, historical grammar of the Tatar language, etc. She was an author of a number of scientific articles on various aspects of the structure of the modern Tatar language and a textbook for universities “Khezerge tatar edebi tele. Morfologiya” (“Modern Tatar Literary Language. Morphology”) (2006). Most of her articles, published in various collections and magazines, are devoted to the history of the Tatar literary language

and historical grammar [pp.15, 16]. The book “Tatar telenen tarikhi grammatikasy. Fonetika. Morfologiya” (“Historical Grammar of the Tatar Language. Phonetics. Morphology”), published in 2017, is one of currently few scientific works on the historical grammar of the Tatar language written in the Tatar language [17]. In this work, the scholar gave an explanation to each phenomenon, translating the theories and assumptions on historical grammar available in Turkic linguistics into the plane of the history of the Tatar language; determined the features of the grammatical development of the Tatar language and studied dialect phenomena. The researcher identified common linguistic phenomena of different dialects focusing on the dialects of the Tatar language. The preservation of Oghuz languages in the Tatar language of the Kipchak group was explained by the historically close connection of the tribal languages. The scholar also highlighted the historical changes that were reflected within the language itself. In this work, Fagima Khisamova relied on the materials from her lectures on historical grammar of the Tatar language, which she had taught for many years at the Tatar Language Department, on her personal observations, as well as on the opinions of experts in the history of the Tatar language.

Prof. Farit Yusupov, a famous linguist, dialectologist, doctor of philology, achieved great success in the study of the Tatar language dialects based on the methods of linguistic geography and areal linguistics. He was born on May 15, 1939, in the village of Bolshaya Karauza, the Zelenodolsk District. Having graduated from the Tatar Department of the Faculty of History and Philology of Kazan University in 1956–1961, in 1964 he began to study local dialects of the population, organizing expeditions to various areas where Tatars lived compactly. In each of his monographs, Farid Yusupov scientifically processed the collected materials, paying serious attention to the history of the ethnic groups that spoke the Tatar dialects. In the work “Kazan tatarlary shiwase” (“Dialects of the Kazan Tatars”), the result of his many years of scientific research, the scholar explored the period of the Kazan Khanate, the history of the emergence of the Kazan Tatars’ dialects, the system of sounds and grammatical structures, constituting a rich system of dialects that became the basis of the Tatar literary language after the collapse of the Kazan Khanate [18]. The famous scholar found that the Tatar dialects, which spread to the vast expanses of Russia, had much in common with each other in the field of phonetics, morphology and vocabulary.

He noted that the literary language system and local dialects were undergoing a process of mutual enrichment and improvement.

Doctor of Philology, Prof. Alfiya Yusupova has studied the Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries of the 19th century and has explained the reasons for creating printed dictionaries of Tatar lexicography by social and political conditions on an all-Russian scale. The existence of mutual trade, economic, socio-political and cultural ties between the Russian and Tatar peoples gave rise to the need for two languages; therefore, dictionaries combining the richness of the two languages began to be published. She has conducted historical and linguistic analysis of the dictionaries from the collections of Kazan State University, national libraries of Tatarstan, central libraries of Moscow and Berlin. Having examined the lexical wealth recorded in the dictionaries, in terms of their origin and use, the scholar found that during this period the process of rapprochement of the Tatar literary language with the popular colloquial language began [19].

Prof. Fanuza Nurieva, Doctor of Philology, was a student of outstanding representatives of Tatar and Turkic linguistics Dilyara Tumasheva and Adgam Tenishev, she is also one of the creators of a unique scientific trend in the history of the Tatar language.

Nurieva Fanuza was born on March 8, 1956 in the village of Starye Chuty, the Bavlinsky District. After graduating from school (1974), she entered the Faculty of History and Philology of Kazan State University. During her studies, her scientific research began under the direct supervision of the Doctor of Philology, Dean of the Faculty Prof. D. Tumasheva. She did a course in oriental languages – Arabic and Turkish studying according to an individual curriculum. Later, she taught Tatar language and literature at a school in the village of Bayryaki-Tamak, the Bavlinsky District. In 1983, she began her postgraduate course at the ILLH KBSA (the Institute of Language, Literature and History, the Kazan Branch of the Academy of Sciences) named after Galimdzhan Ibragimov. Under the guidance of E. Tenishev, a Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, the Head of the Turkic and Mongolic Studies Laboratory of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, and Doctor of Philological Sciences F. Khakimzyanova, she studied the Turkic-Tatar written monuments of the 14th century “Nahj el faradis” (“Open Road to the Gardens of

Eden”) by Mahmud al-Bulgari as-sarai (1358) and presented her Ph.D. thesis.

The book “Historical and Linguistic Conditions for the Formation of the Turkic-Tatar Literary Language of the Golden Horde Period”, published in 2004 by the Kazan State University Publishing House, laid the basis for her doctoral dissertation [20]. As a result of the creative use of previous literary traditions, this work explored the two-hundred-year literary and cultural heritage of the Golden Horde, on the one hand; on the other hand, it established a pattern characteristic of the development of a common literary language – the fact of changes in the Turkic literary language. Her thorough research allowed F. Nurieva to take a new approach to many linguistic phenomena. For example, the term “katnash tel” (“mixed language”), accepted in Turkic linguistics, was interpreted by scholars in different ways. F. Nurieva insisted on the need to consider it as “norma hem variantlyk” (“the norm and variation”). In order to establish literary norms for this period, the author made many statistical observations, that is, she examined large literary texts of 200-300 pages each, establishing their norms and variability. Having examined nine monuments in accordance with uniform requirements, F. Nurieva substantiated the penetration of Kipchak forms into the Karakhanid-Uyghur traditional Turkic literary language, the emergence of a new regional literary language, one of the variants of the old Tatar literary language, the Volga Turkic literary language in the era of the Golden Horde. Her scientific research in this area has been highly appreciated in Turkic linguistics, her articles on general Turkic issues have been translated into Turkish and English and published in foreign languages, many works have been published in collective monographs.

The Tatar Language Department continues the study of the Tatar language history to this day. Since 2003, at Kazan Federal University, Yusupov Airat has been teaching the following courses: “Arab-Persian traditions in the Tatar language”, “Islamic studies”, “Fundamentals of the Arabic language”, “Stylistic evolution of Tatar Sufi poetry”, “Language of Sufi literature”, etc. In 2004 he presented his thesis “XIX gasyrnyn berenche yartysynda sufi shagyir’ Shemsetdin Zeki eserlerenen morfologicheskoye uchencheleklere” (“Morphological features of the Sufi poet Shamsutdin Zaki’s works of the first half of the 19th century”). In 2022, he defended his doctoral dissertation on the topic “XIX gasyr tatar sufi shigriyete telen atributsiyaleu” (“Attribution of the language of

19th- century Tatar Sufi poetry”) [21]. Today Airat Yusupov, Doctor of Philology, is one of the leading teachers of the Tatar Language Department.

Vakhit Khakov’s disciple, Khalisa Kuzmina, is a scientist who studies the history of the Tatar language, the language of written monuments of the Bulgarian period. In 1998, she presented her Ph.D. thesis on the topic “Kol Galinen ‘Kyissai Yosyf’ eserenen tel hem stil’ uzencheleklere (XIII g.)” (“Characteristic features of the language and style of Kul Gali’s work ‘Kyissai Yusuf’ (13th century)”) and since then she has been teaching classes on the history of the Tatar literary language, historical grammar of the Tatar language to students, together with her colleagues from the Galimdzhan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, participating in monographs on the historical development of the Tatar literary language.

Thus, we can conclude that many studies have been conducted devoted to the language of written monuments from various historical periods, to the history of the literary language in the Tatar world, numerous dissertations have been defended and monograph books have been published. The staff of the Institute of Language, Literature and Art named after Galimdzhan Ibragimov of the Tatarstan Academy of Sciences have also made great contributions to the study of the history of our language. Among the outstanding scholars who worked in this area were Mirfatykh Zakiev, Khalif Kurbatov, Ilida Bashirova, Marcel Akhmetzyanov, Rifkat Akhmetyanov, Farit Khakimzyanov and others. Today their work is continued by Doctors of Philology Bakhtiyar Minnullin, Rifat Mirkhaev, Candidate of Philology Milyausha Valeeva and others.

The Tatar Language Department to this day makes a lot of efforts to train researchers in the history of the language. In this area, we can list the defended candidate’s theses on the history of the language by Alfiya Iskhakova, Gulnaz Gainullina, Gulnaz Zakirova, Albina Islamova, Enge Kadyrova, Alfiya Mannapova, Razina Mukhametrakhimova, Fanis Mukhametshin, Ilvira Salakhova and other authors. Kadyrova Enzhe and Gainullina Gulnaz worked for a long time as associate professors in the Tatar Language Department; the history of the Tatar literary language, its features during the period of the Kazan Khanate and the Golden Horde are reflected in numerous articles, programs and textbooks.

Conclusions

In 2024, the Tatar Language Department at Kazan University celebrates its 80th anniversary. During this time, its faculty have continued the study of the history of the Tatar language in two aspects– the history of the Tatar literary language and historical grammar. Today, these trends, supported by monographs, textbooks and programs for teaching students, have emerged as a stable system. At the Tatar Language Department, dozens of dissertations on the history of the Tatar language have been reviewed and presented at the Dissertation Councils, new candidates and doctors of linguistics appeared. It holds scientific conferences, seminars and memorial evenings dedicated to the heritage and blessed memory of the scholars who systematized the studies in the area of the Tatar language history; the conference proceedings are published in the form of collections of articles.

Thus, at present, through the efforts of researchers into the history of the Tatar language, a fairly harmonious system of the process of the formation and development of the Tatar literary language has been created, identifying the existence of literary traditions and the features of the Tatar language development and its main characteristics.

References

1. Shofman, A. S., Shamov, G. F. (1956). *Vostochnyi razryad Kazanskogo universiteta (kratkii ocherk)* [Eastern Category of Kazan University (A Short Essay)]. *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya*. Pp. 417–448. Moscow, izd-vo AN. (In Russian)
2. Tumasheva, D. G. (1996). *Razvitie tatarskogo yazykoznaniiya v Kazanskom universitete (1944–1995)* [Development of Tatar Linguistics at Kazan University (1944–1995)]. *Gasyrlar avazy – Ehkho vekov*. No. 1/2, pp. 212–216. (In Russian)
3. Garifullin, V. Z., Sabirova, L. R. (2015). *Tatarskaya zhurnalistika: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiya* [Tatar Journalism: Historical Experience and Development Prospects]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*. Tom 157, kn. 4, pp. 54–61. (In Russian)
4. Bushueva, L. A. (2021). *Prepodavanie tatarskogo yazyka v vuzakh Kazani v 1920-e gg.: ot drevnetyurkskoi pis'mennosti k Dal'ton-planu* [Teaching the Tatar Language at Universities in Kazan in the 1920s: From Ancient Turkic Writing to the Dalton Plan]. *Istoricheskaya ehtnologiya*. T. 6. No. 2, pp. 208–220. (In Russian)
5. Zamaletdinov, R. R., Khabutdinova, M. M. (2018). *Istoriya sozdaniya otdeleniya tatarskogo yazyka i literatury v Kazanskom gosudarstvennom universitete v vospominaniyakh prepodavatelei i pervykh studentov* [The Department of Tatar Language and Literature in Kazan University: The History of Its Creation in Memories of the Faculty Members and Alumni]. *Tatarica*. No. 1(10), pp. 91–113. (In Russian)
6. Khanipova, I. I. (2021). *Sozdanie kafedry tatarskogo yazyka i literatury v Kazanskom gosudarstvennom universitete i ee deyatelnost' s serediny 1940-kh – 1950-e gg. (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Respub-liky Tatarstan)* [Creation of the Department of Tatar Language and Literature at Kazan State University and Its Activities from the Mid-1940s to the 1950s (based on materials from the State Archive of the Republic of Tatarstan)]. *Istoricheskaya ehtnologiya*. T. 6. No. 2, pp. 231–242. (In Russian)
7. Galiullina, G. R., Kadirova, E. Kh., Khadieva, G. K. (2020). *Sovremennaya tatarskaya razgovornaya rech': identifikatsionnye priznaki i sotsial'naya differentsiatsiya* [Modern Tatar Colloquial Speech: Identification Features and Social Differentiation]. 222 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)
8. Jalay, L. Z. (1954). *Materialy po istoricheskoi fonetike tatarskogo yazyka* [Materials on Historical Phonetics of the Tatar Language]. 108 p. Kazan', (In Russian)
9. Jalay, L. Z. (2000). *Istoricheskaya morfologiya tatarskogo yazyka: ocherki* [Historical Morphology of the Tatar Language: Essays]. 287 p. Kazan'. (In Russian)
10. Khakov, V. Kh. (1985). *Razvitie tatarskogo literaturnogo yazyka v sovetskii period. 20–30-e gody* [Development of the Tatar Literary Language in the Soviet Period. 1920s–1930s]. 150 p. Kazan', izd KGU. (In Russian)
11. Khakov, V. Kh. (1993). *Istoriya tatarskogo literaturnogo yazyka (Izuchenie razvitiya literaturnogo yazyka v diakhronnom i sinkhronnom aspekte)* [History of the Tatar Literary Language (Studying the Development of the Literary Language in Diachronic and Synchronous Aspects)]. 329 p. Kazan'. (In Russian)
12. Khakov, V. Kh. (2003). *Yazyk – zerkalo istorii. Iz istorii razvitiya tatarskogo literaturnogo yazyka s drevnikh vremen* [Language is a Mirror of History. From the History of the Development of the Tatar Literary Language since Ancient Times]. 296 p. Kazan', Tat. knizhn. izd. (In Russian)
13. Kuz'mina, Kh. Kh. (2023). *Vklad zasluzhennogo professora kazanskogo universiteta V. Kh. Khakova v izuchenie razvitiya tatarskogo literaturnogo yazyka* [Professor Emeritus of Kazan University V. Khakov's Contribution to the Study of the Tatar Literary Language Development]. *Khakovskie chteniya – 2023 [Elektronnyi resurs]: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, posvyashchennoi pamyati zasluzhennogo professora Kazanskogo universiteta Vakhita Khozyatovicha Khakova (Kazan', 26–27 oktyabrya 2023 g.); pod obshch. red. G. R. Galiullinoi. Elektronnye setevye dannye (1 fail: 515 Kb)*. Pp. 3–5. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

14. Nurieva, A. Kh. (1975). *Materialy po istorii tatarskogo yazyka. Leksikologiya, morfologiya. Posobie dlya studentov* [Materials on the History of the Tatar Language. Lexicology, Morphology. A Student Guide]. 97 p. Kazan', izd-vo Kaz-go univ. (In Russian)
15. Khisamova, F. M. (1990). *Funktsionirovanie i razvitie starotatarskoi delovoi pis'mennosti XVI — XVII vv.* [Functions and Development of Ancient Tatar Business Writing in the 16th – 17th Centuries]. 152 p. Kazan', izd-vo KGU. (In Russian)
16. Khisamova, F. M. (1999). *Tatarskii yazyk v vostochnoi diplomatii Rossii (XVI – nachalo XIX vv.)* [Tatar Language in Russian Eastern Diplomacy (the 16th – early 19th centuries).]. 407 p. Kazan', Master-Lain. (In Russian)
17. Khisamova, F. M. (2017). *Istoricheskaya grammatika tatarskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Historical Grammar of the Tatar Language. Phonetics. Morphology]. 182 p. Kazan', Tat. knizhn. izd. (In Russian)
18. Yusupov, F. Yu. (2023). *Dialekty Kazanskikh tatar* [Dialects of Kazan Tatars]. 993 p. Kazan', Tat. knizhn. izd. (In Russian)
19. Yusupova, A. Sh. (2008). *Dvuyazychnaya leksikografiya tatarskogo yazyka XIX veka* [Bilingual Lexicography of the Tatar Language of the 19th Century]. 410 p. Kazan', izd-vo Kazansk. gos. un-ta. (In Russian)
20. Nurieva, F. Sh. (2004). *Istoricheskie i lingvisticheskie usloviya formirovaniya tyurko-tatarskogo literaturnogo yazyka zolotoordynskogo perioda* [Historical and Linguistic Conditions for the Formation of the Turkic-Tatar Literary Language of the Golden Horde Period]. 376 p. Kazan', Kazan.gos.un-t. (In Russian)
21. Yusupov, A. F. (2022). *Yazykovaya sistema tatarskoi sufiiskoi poehzii XIX veka* [Linguistic System of Tatar Sufi Poetry of the 19th Century]. 448 p. Kazan', Ikhlās. (In Russian)

КАЗАН УНИВЕРСИТЕТЫНДА ТАТАР ТЕЛЕ ТАРИХЫ ФӘННЕН ӨЙРӘНҮ

Халисә Хатыйп кызы Кузьмина,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
shirmanx@yandex.ru

Фәнүзә Шәкүр кызы Нуриева,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
fanuzanurieva@yandex.ru

Татар әдәби теле – халкыбыз тарафыннан гасырлар дәвамында иҗат ителгән тиндәшсез кыйммәтле хәзинәләребезнең берсе. Тел аралашу чарасы гына түгел, ул – халыкның рухи эшчәнлеген чагылдырган төп күрсәткеч. Шушы рухи байлык гасырлар дәвамында әдәби истәлекләрдә тупланып, һәр тарихи чорга хас традицияләрен, тел нормаларын, төрле иҗтимагый вакыйгаларны чагылдыра. Татар әдәби теленең язма ядкарлары телен бөтен тулылыгы белән өйрәнү, үсеш закончалыкларын тикшерү Казан университеты татар теле кафедрасының фәнни юнәлешләре арасында чор таләп иткән актуаль мәсьәләләрнең берсе булып тора. Бу – татар теле үсешен күз алдына китерү өчен генә түгел, ә телнең татар халкы этногенезында тоткан тарихи урынын билгеләү һәм хәзерге шартларда традицияләр жирлегендә татар телен дәүләт теле буларак яшәтү мәсьәләсен хәл итү белән дә бәйләнгән. Казан университетында татар теле тарихын төрле яктан җентекләп өйрәнүнең гасырдан артык вакытка сузылган тарихы бар. Әлеге мөкаләдә сүз татар теле тарихын өйрәнү юнәлешендә үзләрнең жуелмас эзән калдырган күренекле галимнәр турында бара.

Төп төшенчәләр: татар әдәби теле тарихы фәне, татар галимнәре, татар теле кафедрасы, Казан университеты

Кереш

Казан университеты бөтен дөньяга танылган күп кенә фәнни жәмгыятьләренең үзәге булып тора. Ул Россиядә Мәскәү, Дерпт (Тарту), Вилен (Вильнюс) университетларын-

нан соң дүртенче университет булып ачыла һәм XIX гасырның 30-40 елларында ук көнчыгышны өйрәнү үзәкләренең берсенә әверелә. Бу вакытта фәлсәфә факультетында төрле кафедралардан жыелган Көнчыгыш

разряды барлыкка килә, соңыннан ул атказанган фәнни абруйлы ориенталистлары белән дан казана.

Казан элек-электән Көнчыгыш белән киң сәүдә элемтэләренә ия булган. Казан аша Иранга, Урта Азиягә һәм Ерак Көнчыгышка сәүдә юллары үткән, шуңа күрә Казанда көнчыгышны өйрәнү фәннәре университет ачылганчы ук үсеш ала башлый, бу исә Көнчыгыш разрядының барлыкка килүен һәм нәтижәле эшчәнлеген тәмин иткән [1, б. 418]. XIX гасырның соңгы чирегендә исә университетта соңрак Казан лингвистика мәктәбе исеме белән аталган тел белеме мәктәбе булдырыла. И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий һәм башка галимнәр структур лингвистика, морфонология, лингвистик типология, психоллингвистика юнәлешендә эзләнүләр алып бара.

1812 елда татар теле Казан университетының уку программасына кертелә. Соңрак, 1828 ел ахырында – 1829 ел башында университет ректоры Н.И. Лобачевский инициативасы белән Көнчыгыш разряды төзелә, аңа көнчыгыш телләре кафедрасы базасында формалаштырылган ике кафедра – төрек-татар һәм гарәп-фарсы телләре кафедрасы керә. Казан тюркология мәктәбенә нигез салучылар – И. С. Хәлфин, Х. Д. Френ, Ф. И. Эрдман, А.К. Казем-Бек, А. Троянский, И.Н. Березин, М. Мәхмүдов, А. Вагабов, М. Иванов, С. Кукляшев, К. Насыйри, Н. Ф. Катанов, В. В. Радлов һ.б. татар халкы тарихына һәм аның әдәби теле тарихына зур игътибар биргәннәр. Көнчыгыш разряд Санкт-Петербургка күчерелгәннән соң да татар телен укыту дәвам иткән.

Казан университетында татар теле тарихын өйрәнүне шартлы рәвештә өч чорга бүлеп карарга мөмкин. Беренче чор 1804–1917 елларны үз эченә ала, бу чор Көнчыгыш разряды яшәеше һәм аннан соңгы чорда татар телен өйрәнү белән бәйле. Икенче чорны совет чорында татар теле тарихын өйрәнү дип карарга мөмкин, ул 1917–1991 елларны үз эченә ала. Бу аралыкта 1944 елдан соңгы чор – татар теле һәм әдәбияты бүлгә ачылганнан соң дәвам иткән вакыт аеруча игътибарга лаек, чөнки бу вакытта тел тарихын өйрәнү аеруча жанланып китә. 2000 еллардан башлап бүгенгә көнгә кадәр булган чорны XXI гасырда татар теле тарихын өйрәнү дип аталырга хаклы.

Һәр чорның үзенчәлекле үсеш этаплары булган, Казан университеты тюркологлары Россия күләмендә генә түгел, дөнья күләмендә дә танылуга ирешкәннәр.

Тикшеренү материаллары һәм методлары

Әлеге мәкаләдә Казан университетында татар теле һәм аның тарихын фәнни яссылыкта өйрәнүнең озак елларга сузылган тарихын тасвирлау, бу өлкәдә хезмәт куйган галимнәргә һәм аларның фәнни-педагогик мирасын барлау бурычы куела.

Тикшеренү төп методлары буларак, биографик метод, тасвирлама, тарихи-чагыштырмалы һәм аксиологик методлар кулланылды. Биографик метод һәм тасвирлама методлар ярдәмендә татар теле тарихын өйрәнгән шәхесләр эшчәнлеген тикшерү эше башкарылды. Тарихи-чагыштырмалы һәм аксиологик методлар әлеге эшчәнлекне бүгенгә көн һәм узган гасыр күзлегеннән бәяләргә ярдәм итте.

Фикер алышу

1804 елда Казан университеты үзенә беренче уку елын башлагач, аның штатында, уставка яраклы рәвештә, көнчыгыш телләре профессоры һәм татар теле лекторы булырга тиеш булган. Ул вакытта әле бернинди кафедралар турында сүз дә булмый. Укыту да программаларсыз һәм уку планнарыннан башка гына бара. Шулай ук факультетларга бүленешләр дә, белгечлекләр дә булмаган. Өч елдан соң гына, 1807 елда, көнчыгыш телләре кафедрасы эшли башлый, анда гарәп һәм фарсы телләре укытыла, аерым елларда яһүд һәм сүрия телләре өстәлә. Бу кафедраның житәкчесе итеп, Германиянең Росток шәһәрненнән килгән күренекле ориенталист һәм нумизмат Христиан Данилович Френ билгеләнә. Ул Казан университетында ун елга якин эшли. Бу вакыт эчендә Х. Д. Френ көнчыгыш фәннәрен укытуны киңәйтә, көнчыгышны һәрьяклап фәнни өйрәнүгә нигез сала. Ул нумизматика белән кызыксына башлый, Алтын Урда чорында басылган 400 дән артык тәңкә таба, алар буенча ханнарның исемнәрен торгызуга ирешә, Урда шәһәрләренә урнашуын һәм шул вакыттагы рус-татар мөнәсәбәтләрен һ.б. тикшерә. Френның укыту һәм фәнни эшчәнлегендә иң якин хезмәткәре Ибраһим Хәлфин була, ул 1811 елдан университетта татар теле лекторы, ә 1823 елдан Көнчыгыш сүз гыйлеме адъюнкты

булып эшли [1, б. 420]. Шуны да әйтергә кирәк: Казанда татар телен укытуда Хәлфиннәр династиясе 60 ел дәвамында эшчәнлек алып барган. Ибраһим Хәлфинның бабасы Сәгыйть Хәлфин Россиядә беренче рәсми көнчыгыш телләре укытучысы була. 1769 елда аңа Казан гимназиясендә татар телен укыту йөкләнә. 1785 елдан аның варисы булып улы Исхак (1785–1800) тора, Исхак үлеменнән соң татар телен укыту эшен Ибраһим Хәлфин (1800–1828) дәвам иткән.

Казан университетыннан Х. Д. Френ киткәннән соң, көнчыгыш телләрен һәм мәдәниятен өйрәнү көчсезләнә. Бары 1827 елда Н. И. Лобачевскийның университет житекчелегенә килүе генә «Көнчыгыш разряды» үсешенә уңай йогынты ясый. 1828 елда татар теле лектурасы төрек-татар теле кафедрасына үзгәртелә, беренче чорда аны Александр Касимович (Мирза) Казембек житекли. Университетта монгол, кытай, әрмән телләре дә укытыла башлый, түркология үсеш ала. Лобачевский күп кенә Көнчыгыш телләрендә кулъязмалар һәм иске китаплар фондын булдыруга нигез сала. Турыдан-туры Лобачевский ярдәмендә Көнчыгыш разряды көчләре белән китапханәдә бик сирәк очрый торган Көнчыгыш китаплары һәм кулъязмалары жыйелган, алар хәзерге вакытка кадәр гаять зур фәнни кыйммәткә ия. Күпсанлы татар кулъязмалары арасында 1775 елда беренче Казан гимназиясендә татар теле укытучысы Сәгыйт Хәлфин тарафыннан төзелгән татар әлифбасы һәм грамматикасының чын нөсхәсе һәм рус-татар сүзлегә (ике томда) табылган. 1778 елда бу китап Петербуртта басыла. Шулай ук татар теле курсы буенча 1824–1826 елларда Ибраһим Хәлфин тарафыннан укылган лекцияләрнең кулъязмалары табылган. Галим төрки-татар тарихи чыганаclarны бастыру эшен башлап жибәрүчеләрнең берсе булып тора. Ибраһим Хәлфин үзе тапкан һәм нәшрияткә әзерләгән «Дастане Чыңгыз вә Аксак Тимер» (1819), «Шәжәрәи эт-түрк» (1820), Х. М. Френ белән берлектә нәшер ителгән «Тимер Котлыг тархан ярлыгы» хезмәтләре төрле ил галимнәренәң игътибарын жәлеп иткән.

Көнчыгыш белгечләре А. К. Казембек һәм И. Н. Березин төрки телләренә өйрәнүнең фәнни үсеше өчен күп эшләр башкарганнар. Мәсәлән, Казем-Бекның нәтижәле фәнни эшчәнлегә төрки халыкларның тарихын, әдәбиятын, дини карашларын һәм законнарын өйрәнүгә

юнәлдерелсә, И. Н. Березин Көнчыгыш тарихи кулъязмаларын жыюга һәм бастырып чыгаруга зур игътибар биргән, шуның нәтижәсендә ул бөтен дөньяга таныла. Үзе төзегән өч томлык «Көнчыгыш тарихчылары китапханәсе»ндә (1850–1851) И. Н. Березин татар тарихына караган «Шәйбани-намә» һәм «Жәмигъ-эт-тәварих», Әбелгазый ханга мөнәсәбәтле хезмәтләр бастыра. Ул Казан университетында 10 елдан артык төрек-татар теле кафедрасын житекли, төрек телен укыта, төрки халыклар тарихы һәм төрек әдәбияты буенча лекцияләр укый.

Казан татарларының көнкүрешен беренче тикшерүче, танылган натуралист һәм этнограф К. Ф. Фуксның нумизматик һәм этнографик хезмәтләрен дә искә алу мөһим. Белгечлеге буенча табиб Фукс күп вакытын жирле халыкларны, күбесенчә татарларны тикшерүгә юнәлтә. Ул татарлар белән якыннан аралаша, аларның телен өйрәнә, Казан шәһәренәң татар бистәсендә татарлар арасында яши һәм үзенәң күпсәләт күзәтүләрен соңрак этнография буенча язылган «Статистик һәм этнографик яссылыкта Казан татарлары» хезмәтендә баян итә һәм гомумиләштерә. Бу эштә ул татарларның физик типажына, аларның икътисадына, тышкы көнкүрешенә, хатын-кызлар мәсьәләсенә, шигърияткә, мәдәнияткә һәм бәйрәмнәргә, мәктәпкә һәм мәгърифәткә, руслар белән татарлар арасындагы үзара мөнәсәбәтләргә зур игътибар бирә.

XIX гасырның беренче яртысында Казан университеты Көнчыгышны өйрәнү һәм Россиядә көнчыгыш телләрен укыту үзгә булып тора. Көнчыгыш разряд 1854 елга кадәр яши. Бу елның 22 октябрендә Сенат Указы нигезендә Казан университетында һәм I Казан гимназиясендә көнчыгыш телләрен укыту туктатыла. Соңгысында татар телен укыту калдырылган.

Указда разрядны ябу көнчыгыш телләрен уңышлы өйрәнү өчен аларны бер урында укытуны туплау кирәклегә белән аңлатыла. Бу урын Санкт-Петербург университеты булган, анда «бу киң белем тармагын үстерү өчен күбрәк акча һәм империянең башка урыннарына караганда күбрәк уку әсбаплары берләштерелгән». Шуңа бәйле рәвештә Санкт-Петербург университеты каршындагы көнчыгыш телләре бүлегә Көнчыгыш факультетына үзгәртелә, анда Казанның күп кенә көнчыгышны өйрәнүчеләре үз эшчәнлекләрен дәвам итә [2, б. 212].

XIX гасырның икенче яртысында татар теленә үсешенә караган төп мәсьәләләр татар телендә басма матбугат чарасы чыгаруга юнәлтелә. Казан университетының математика һәм тәҗрибә физикасы адъюнкты Иван Ипатович Запольский 1808 елда рус һәм татар телләрендә «Казанские известия» газетасын чыгару проекты белән чыгыш ясый, әмма татар телендә газета чыгаруга рөхсәт ала алмый. 1833 елдан Казан университеты вәкилләре яңадан татар телендә газета булдырырга тырышалар. Көнчыгыш разряды тәрбияләнүчесе Маркел Григорьевич Никольский «Бәхрел әхбар» («Хәбәрләр диңгезе») дип аталган газета чыгару өчен берничә тапкыр омтылыш ясый. 1864 елда татар телендә «Файда» журналын чыгару буенча танылган ориенталист Петр Иванович Пашино инициативасы да уңышсыз була. Бер елдан соң шул ук исемдәге газетаны Василий Степанович Курочкин чыгарырга тели, ләкин ул да бюрократик киртәләргә юлыга.

1863 елда күренекле татар мәгърифәтчесе Каюм Насыри (1825–1902) Казан хәрби губернаторы исеменә татар телендә басма орган чыгарырга рөхсәт сорап гариза яза. Санкт-Петербург университетының төрки телләр укытучысы Хөсәен Фәйзханов (1823–1866) шундый ук омтылыш ясый.

XIX гасырның икенче яртысында гына да төрле инстанцияләргә татарлар өчен вакытлы басмалар оештырырга рөхсәт сорап, егермедән артык үтенеч килгән. Әмма бу омтылышлар төрле сәбәпләр белән кире кагылган.

Бары тик XX гасыр башындагы революцион вакыйгалар гына патша хакимиятен татар милли матбугатын чыгару мәсьәләсенә мөнәсәбәтән үзгәртәргә мәҗбүр итә. Нәтиҗәдә, 1905 елның 2 сентябрендә Санкт-Петербуркта татар телендә беренче газета – «Нур» газетасының беренче саны дөнья күрә. 1905 елдан 1917 елга кадәр Россия империясенең 17 шәһәрләндә татар телендә 120дән артык газета һәм журнал чыга, әмма алар барысы да революцион вакыйгалардан соң үз эшчәнлеген туктата [3].

1917 елга кадәр Казан губернасында татар теле укытыла торган бердәнбер дөньяви югары уку йорты Казан университеты була. Бу уку йортының уку программалары төрки-татар сөйләмнәре курсы күздә тотыла, ул тарих-филология факультетының классик бүлегендә уқыла. 1917 елгы революцияләрдән алдыннан бу курсны Көнчыгышны өйрәнүче танылган галим

Н. Ф. Катанов укыта, ул монда экстраординар профессор вазифасын башкаручы булып хезмәт итә. 1910 елларда, Казан университетында Петербург университетының Көнчыгыш факультетын тәмамлаган Сергей Ефимович Малов эшли башлагач, «Төрөк-татар сөйләмнәре» курсы шактый киңәйә. Галим тел тарихына зур игътибар биргән, аның шул елларда ук төрки рун язмалары теле белән кызыксына башлавы билгеле [4, б. 109].

Совет властенең беренче елларында ук татар теле уку предметы буларак югары мәктәпкә актив кертелә башлый, бу татар тел белеме буенча фәнни һәм педагогик кадрлар әзерли торган берничә зур белем бирү институтын булдыруга китерә.

Татар теле һәм әдәбияты бүлегә Казан университетының тарих-филология факультетында 1944 елның көзендә ачыла. Тарих-филология факультетының Гыйльми советында фикер алышудан соң, 1945 елның 13 апрелдә татар теле һәм әдәбияты кафедрасы мөдире һәм доцент вазифасына танылган Россия һәм совет галиме Көнчыгышны өйрәнүче Марр Николай Яковлевичның укучысы Рабига Афзаловна Хәкимова сайлана [5, б. 104].

Р. А. Хәкимова бик яхшы оештыручы буларак таныла. Ул татар теле һәм әдәбияты кафедрасының 1945–1946 уку елына фәнни-тикшеренү эшенә юнәлешендә Шиһабетдин Мәрҗани һәм Муса Акъегетзадә эсәрләренә телен, Габдулла Тукайның тормыш эшчәнлеген өйрәнүгә дәвам итәргә ниятли. Өлкән укытучы Сөнгәтулла Нигъмәтулла улы Бикбулатов Мәхмүд Кашгарыйның «Дивану лөгәт әт-түрк» сүзлеген анализлау белән шөгыльләнә. Доцентлар Шиһаб Галим улы Рамазанов һәм Латыф Жәләй улы Жәләлетдинов, өлкән укытучы Бәкер Гарифулла улы Яфаровлар татар теленә һәм аның тарихына караган лекцияләр укыйлар.

Н. Маррның тел теориясе кире кагылганнан соң, татар теле һәм әдәбияты кафедрасының да эш юнәлеше үзгәрә. Язма истәлекләренә телен Иосиф Сталин тәгълиматларына яраклаштырып өйрәнү башлана. Мәсәлән, кафедра ассистенты Гаяз Мәһди улы Ишмөхәммәтовның темасы «XIV гасыр Болгар чоры истәлегә «Нәһж әл-фарәдис» эсәренә теле иптәш Сталинның тел белеме мәсьәләләре буенча хезмәтләре яктысында» дип аталган. Кафедра әгъзалары совет чорына кадәрге һәм совет чоры татар әдәбияты вәкилләренә ижатын өйрәнүгә

игътибарны юнәлтәләр, татар теленең тарихи морфологиясе (Латыйф Жәләй улы Жәләлетдинов), тел турында Сталин тәғлиматы яктылыгында татар теленең эчке үсеше законнары мәсьәләләре (Лотфи Исмагыйль улы Яфаров) белән шөгыльләнәләр [6, б. 235].

Татар теле һәм әдәбияты кафедрасында даими рәвештә фәнни потенциалны арттыру буенча эш алып барыла. Мәсәлән, 1958 елның 31 декабрендә кафедрада Жәвад Диндар улы Алмазовның «XIII гасыр поэмасы Кыйс-и Йосыф – болгар-татар истәлеген» дип аталган диссертациясе уңышлы фикер алышу узганнан соң, ректорат алдында авторны 1959 елның 1 гыйнварыннан тулы штат берәмлегенә кертү турында үтенеч белән мөрәжәгать итәргә карар кабул ителә. Аспирантураны уңышлы тәмамлаган, гарәп, фарсы һәм берничә төрки телне белгән Жәвад Алмазның югары уку йортында эшләү тәҗрибәсе дә була. Ул вакытта кафедра составына Хатыйп Госман, профессор Латыйф Жәләй, доцентлар Якуб Агишев, Мирфатыйх Зәкиев, Ибраһим Нуруллин, Зәет Мәжитов, Үзбәк Байчура, укытучылар Мәхмүт Хәсәнов, Әнвәр Әфләтунов, Фуат Ганиев, Вахит Хаков, Гомәр Саттаров, Альберт Яхин һ.б. укытучылар керә. Киләчәктә бу исемнәр татар теле һәм әдәбияты белеме сәхифәләрендә татар халкының олы галимнәре буларак язылачак, 1950–60 нчы елларда исә алар эле үзләрен фәнни юлы башында гына торалар.

Татар теле кафедрасының күп кенә укытучылары XX гасыр дәвамында тел тарихы юнәлешендә аерым эзләнүләр алып барсалар да, татар теле тарихын фәнни юнәлештә өйрәнүгә нигез салган һәм университетта үзен фәнни мәктәбен булдырган берничә галимне аерып күрсәтергә мөмкин. Болар – Латыйф Жәләй, Вахит Хаков, Алмазия Нуриева, Фәһимә Хисамова, Фәнүзә Нуриева. Татар теле ономастик системасын Гомәр Фәез улы Саттаров тарихи планда өйрәнүгә нигез сала һәм шулай ук Казан ономастика мәктәбен булдыра. Бүгенге көндә аның юлын шәкертләре – филология фәннәре докторы, профессор, татар теле белеме кафедрасы мөдире Гөлшат Рәис кызы Галиуллина һәм филология фәннәре кандидаты, доцент һадиева Гөлфия Камил кызы дәвам итәләр [7, б. 418].

Татар теле буенча беренче филология фәннәре докторы Латыйф ага Жәләйнең (1929–1966) тормыш юлы искиткеч бай һәм катлаулы. Латыйф Жәләйнең фәнни эшчәнлеген 1929 елда

башлана, шул ук елда аның балаларны тәрбияләү методикасы буенча беренче эше басылып чыга, шуннан соң ул татар телен укыту методикасы буенча берничә китап бастыра, татар әдәбияты буенча дәрәслек-хрестоматия төзүдә дә катнаша. 1932 елда Латыйф Самара авыл хужалыгы техникумының аспирантурасына укырга керә, анда аспирантура ябылганнан соң, 1933 елда Казан педагогия институтының аспирантурасында укуын дәвам итә. 1935 елдан ул шунда ук татар диалектологиясе һәм тел тарихы буенча укыту эшен башлый. 1939 елдан 1962 елга кадәр Латыйф Жәләй Тел, әдәбият һәм тарих институтында татар теле секторын житекли. Бер үк вакытта югары уку йортларында – Казан педагогия институтында һәм Казан университетында татар диалектологиясе һәм татар теле тарихы фәннәрен укыта.

Халык сөйләмнәрен өйрәнгәндә, Л. Жәләй, беренче чиратта, әдәби тел тарихын һәм тарихи грамматиканы кирәкле тел материалы белән тәмин итә, шуңа күрә ул татар әдәби теле тарихын һәм тарихи грамматиканы өйрәнү белән шөгыльләнә. 1938 елда галим «Татар теле тарихына караган кайбер материаллар» китабын бастыра һәм шул ук темага кандидатлык диссертациясе яклый. 1940–60 елларда ул татар теленең диалектологиясе, теле тарихы һәм тарихи грамматикасы буенча бердәнбер белгеч була. 1954 елда Л. Жәләй «Татар теленең тарихи буенча фонетикасы буенча материаллар» китабын бастыра [8]. Әлеге китап бүгенге көнгә кадәр үзенә актуальлеген югалтмаган. 1960 елда Л. Жәләй Казан университеты нәшриятына «Татар теленең тарихи морфологиясе буенча очерклар» китабының кулъязмасын тапшыра, тик бу китап ул вакытта басылып чыкмаган, аны Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Тел, әдәбият һәм сәнгать институты 2000 елда бастыра [9]. Казан университетында әлеге хезмәт студентларга бүгенге көндә дә татар теленең тарихи грамматикасы юнәлешендә татар телендә язылган беренче зур монографик хезмәт буларак тәкъдим ителә.

Латыйф ага Жәләйнең төп фәнни фикерләре татар халкының килеп чыгышын тел материалы нигезендә аңлатуга барып тоташа. Тел материалын этногенез күзлегеннән анализлаганда, Л. Жәләй кайбер галимнәрнең татарлар һәм аларның теле Алтай һәм Монголиядән килгән дигән нәтиҗәләре белән

килешми. Аның фикеренчә, татар теле төрле жирле төрки кабиләләргә караган жирле төрки сөйләшләрнең берләшүе нәтижәсендә формалаша. Ул татар теленең өч зур диалектын – Урта, Көнчыгыш һәм Көнбатыш диалектларын жентекләп өйрәнүгә аерым игътибар бирә, шулар нигезендә татар теленең жирле төрки сөйләшләр нигезендә формалашканын раслый.

Латыйф ага Жәләй татар теле тарихын өйрәнүнең фәнни нигезләрен булдырган һәм бу юнәлештә үзенә шәкертләрен тәрбияләгән олы галим. Аның шәкертләренең берсе – Казан университеты профессоры, филология фәннәре докторы Вахит Хаков (1926–2008) озак еллар дәвамында әдәби тел тарихын өйрәнеп, шулай ук тел тарихын социалингвистик юнәлештә өйрәнүгә нигез салган олпат галим.

Вахит Хөҗжәт улы Хаков 1926 елның 16 августында Татарстан Республикасы Буа районының Урта Лаще (Күзби) авылында укытучы гаиләсендә туа. Унжиде яшьлек егет Бөек Ватан сугышы елларында фронтка чакырыла, Монголиядә, Кытайда сугыша, анда беренче тапкыр руник язучылар текстларын күрә. Демобилизациядән соң Буа районы авыл мәктәбендә укытучы булып эшли, Казан дәүләт университетының тарих-филология факультетына укырга керә, 1960 нчы елда СССР Фәннәр академиясенең Казан филиалында Тел, әдәбият һәм тарих институты каршындагы аспирантураны тәмамлый. 1961 елда XX гасыр башы татар әдәби теле тарихы буенча кандидатлык, ә 1971 елда «Татар әдәби теле һәм аның стильләренең барлыкка килүе һәм үсеше» темасына докторлык диссертациясен диссертациясен яклый. 1965 елда аңа доцент, ә 1974 елда профессор исеме бирелә. 2008 нче елга кадәр Казан университетында татар теле кафедрасы профессоры, ә 1989–1994 нче елларда татар теле кафедрасы мөдире булып тора.

Вахит Хаковның төп фәнни кызыксынулары төрки (башлыча татар) әдәби телләр тарихы, аларның стилистик категорияләре үсеше, борынгы төрки һәм татар язма истәлекләре телен тикшерү өлкәсенә карый. Төрле елларда тел белеменең гомуми мәсьәләләре, лексикология, терминология, фразеология, орфография, этимология мәсьәләләрен тикшерә; уку-укыту методикасы, югары уку йортында һәм мәктәптә әдәби эсәрләренң телен өйрәнү проблемалары белән шөгыльләнә [10], [11], [12].

Вахит Хөҗжәт улы Хаков – татар теле кафедрасында студентларга озак еллар дәвамында татар әдәби теле тарихы буенча лекцияләр укыган һәм шушы юнәлештә үзенә фәнни мәктәбен булдырган, күпсанлы шәкертләр тәрбияләгән галим. Аның житәкчелегендә 20гә якын кандидатлык диссертациясә якланган, 3 докторлык диссертациясенең фәнни консультанты булган. Озак еллар галим кандидатлык һәм докторлык диссертацияләрен яклау буенча Гыйльми совет составында эшли, «Тел белеме» бүлегә буенча «Татар энциклопедиясе»н төзүдә катнаша. 30 елдан артык республика радиотапшырулары буенча аның житәкчелегендә һәм турыдан-туры үзенә катнашында татар теле һәм сөйләм културасы буенча «Тел күрке – сүз» фәнни-популяр тапшыруы алып барыла, аның кулъязма материаллары ун томнан артык тәшкил итә. Профессор фәнни-педагогик һәм ижтимагый эшчәнлегә өчен унсигез орден һәм медаль, күп кенә Мактау грамоталары һәм Рәхмәт хатлары белән бүләкләнгән [13, б. 5].

Татар теленең тарихи грамматикасы юнәлешендә эшчәнлек алып барган галимә – Алмазия Хажиевна Нуриева. Ул унжиде ел дәвамында – 1967–1984 елларда Казан университетының татар теле кафедрасында доцент булып эшли, мәктәп укучылары өчен күпсанлы дәреслекләр яза, озак еллар гамәлдә булган, кабат-кабат басылган татар орфографик сүзлеген төзи, 1975 нче елда галимәнең татар теленең тарихи грамматикасына караган «Татар теле тарихыннан материаллар. Лексикология, морфология. Студентлар өчен кулланма» эсбабы дөнья күрә [14]. Әлегә кулланма татар теленең моңа кадәр эшләнмәгән тарихи лексикологиясенә караган материалларның да бирелүе белән аерылып тора. Галимә ел тарихын өйрәнүдә чагыштырма-тарихи методка нигезләнеп; гомумалтай, гомумтөрки катламнарны тикшерү критерийларын ачыклай.

Алмазия Хажиевна Нуриевадан соң тарихи грамматика юнәлешен татар теле кафедрасында Фәһимә Миргали кызы Хисамова дәвам итә.

Фәһимә Миргали кызы Хисамова (1936–2018) – танылган галим, тел белгече, татар теле фонетикасы һәм морфологиясә, тарихи грамматикасы өлкәсендә фәнни хезмәтләр, уку программалары, дәреслекләр, методик кулланмалар авторы, Татарстанның атказанган укытучысы, Татарстан Республикасының атказанган фән эшлеклесе. Ул 1936 елның 1

декабрдә Татарстан Республикасының Ютазы районы Кәрәкәшле авылында туа. 1955–1960 елларда Казан дәүләт университетының тарих-филология факультетының татар теле һәм әдәбияты бүлегендә укый. Университетны тәмамлаганнан соң, жиде ел дәвамында Чүпрәле һәм Азнакай районнары мәктәпләрендә татар теле һәм әдәбияты укытучысы булып эшли. 1967–1970 елларда Казан дәүләт университетының татар теле кафедрасы каршында Д.Г. Тумашева фәнни житәкчелегендә аспирантура уза. 1971 елда «Хәзерге татар әдәби телендә сыйфат фигыль» темасына кандидатлык диссертациясе, 1995 елда «Иске татар рәсми язуының гамәлдә булуы һәм үсүе (XVI – XIX гг. башы)» темасына филология фәннәре докторлыгына диссертация яклый.

Утыз елдан артык татар теле кафедрасында укытучы булып эшләү дәверендә галимә татар теленң фонетикасы һәм морфологиясе, тарихи грамматикасы буенча лекцияләр уку өчен методик эсбаплар, программалар һ. б. төзегән. Ул хәзерге татар теле структурасының төрле аспектлары буенча фәнни мәкаләләрнең һәм югары уку йорты өчен язылган «Хәзерге татар әдәби теле. Морфология» (2006) хезмәтенң авторы. Төрле жыентыкларда һәм журналларда басылган күпчелек мәкаләләре татар әдәби теле тарихы һәм тарихи грамматика мәсьәләләренә багышланган [15], [16]. 2017 елда дөнья күргән «Татар теленң тарихи грамматикасы: Фонетика. Морфология» хезмәте бүгенге көндә татар теленң тарихи грамматикасы фәне буенча татар телендә язылган санаулы хезмәтләрнең берсе [17]. Әлеге хезмәттә галимә тарихи грамматика буенча төрки тел белемендә булган теория һәм фаразларны татар теле тарихы яссылыгына күчереп, һәр күренешкә аңлатма бирә; татар теленң грамматик үсеш үзенчәлекләрен билгели, диалекталь күренешләргә туктала. Татар теленң төрле диалектлары һәм сөйләшләре арасында барлыкка килгән уртақ күренешләр ачыклана. Кыпчак төркеменә кергән татар телендә утыз телләренң саклануы кабилә телләренң тарихи тыгыз бәйләнеше белән аңлатыла. Шулай ук галимә телнең үз эчендә чагылыш тапкан тарихи үзгәрешләрен ачыклауга зур игътибар юнәлтә. Бу хезмәттә Фәһимә Миргали кызы озак еллар дәвамында татар теле кафедрасында татар теленң тарихи грамматикасы буенча алып барган лекция материалларына, шәхси

күзәтүләренә, шулай ук татар теле тарихы белгечләре фикерләренә таяна.

Лингвистик география һәм ареал лингвистика методларына нигезләнеп, татар теленң диалектларын өйрәнү өлкәсендә зур уңышларга ирешкән танылган тел белгече, галим-диалектолог, филология фәннәре докторы, профессор Фәрит Йосыф улы Юсупов – 1939 нчы елның 15 маенда Яшел Үзән районы Зур Караужа авылында дөньяга килә. 1956–1961 елларда Казан университетының тарих-филология факультетының татар бүлеген тәмамлагач, 1964 елдан татар халкы күпләп яши торган төрле өлкәләргә экспедицияләр оештырып, халыкның жирле сөйләшләрен өйрәнә башлый. Тупланган материалларны фәнни эшкәртү юнәлешендә эш алып барган Фәрит Йосыф улы һәр монографиясендә татар сөйләшләрен формалаштырган этник төркемнәр тарихына житди игътибар бирә. Күпеллык фәнни эшчәнлегә тупланган «Казан татарлары шивәсе» хезмәтендә галим Казан ханлыгы чоры, Казан ханлыгы жимерелгәннән соң татар әдәби теленң нигезен тәшкил иткән, бай сөйләшләр системасынан торган казан татарлары шивәсенң барлыкка килү тарихын, аның авазлар системасын һәм грамматик төзелешен өйрәнә [18]. Танылган галим Россиянең иксез-чиксез киңлекләренә таралган татар сөйләшләренң фонетика, морфология һәм лексика өлкәсендә узара зур уртақлыклары булуын ачыклай, әдәби тел системасы һәм жирле сөйләшләрнең бер-берсен баету һәм камилләшү процессы кичерүен билгели.

Филология фәннәре докторы, профессор Әлфия Шәүкәт кызы XIX гасырда дөнья күргән татарча-русча һәм русча-татарча сүзлекләрен тикшереп, татар лексикографиясендә басма сүзлекләр төзелүнең сәбәпләрен бөтен Россия масштабындагы социаль, сәяси шартларга бәйләп аңлата. Рус һәм татар халкы арасында узара сәүдә-икътисади, ижтимагый-сәяси һәм мәдәни бәйләнешләрнең яшәп килүе һәр ике телгә ихтыяж тудыра, шул сәбәпле ике тел байлыгын туплаган сүзлекләр нәшер ителә башлый. Казан дәүләт универстеты, Татарстан Милли китапханәләрендә, Мәскәү, Берлинның үзәк китапханәләре фондларыннан сүзлекләрен барлап, аларга тарихи-лингвистик анализ бирә. Галимә сүзлекләрдә теркәлгән лексик байлыкны килеп чыгышы, кулланылышы ягыннан тикшереп, әлеге чорда татар әдәби телен халыкның жанлы сөйләм теленә якынайту процессы башлануын билгели [19].

Татар һәм төрки тел гыйлеменә күренекле вәкилләре Диләрә Гариф кызы Тумашева һәм Әдһәм Рәхим улы Тенишевларның шәкерте, филология фәннәре докторы, профессор Фәнүзә Шәкүр кызы Нуриева да татар теле тарихы юнәлешендә үзенчәлекле фәнни юнәлеш барлыкка китергән галимәләренә берсе.

Фәнүзә Шәкүр кызы Нуриева 1956 елның 8 мартында Баулы районының Иске Чүте авылында туа. Мәктәпне тәмамлаганнан соң (1974) Казан дәүләт университетының тарих-филология факультетына укырга керә. Уку дәверендә филология фәннәре докторы, профессор, факультет деканы Д. Г. Тумашеваның турыдан-туры житәкчелегендә аның фәнни тикшеренүләре башлана. Шәхси уку планы буенча шөгылләнә, көнчыгыш телләрен гарәп, төрек телләрен өйрәнә. Аннары Баулы районы Байрәки-Тамак авылы мәктәбендә татар теле һәм әдәбияты укыта. 1983 елда Галимжан Ибраһимов исемендәге ИЯЛИ КФАН каршындагы аспирантурага укырга керә. Россия Фәннәр Академиясенә (РФА) әгъза-корреспонденты, РФА Тел белеме институтының тюркология һәм монголистика лабораториясе мөдире Э. Р. Тенишев һәм филология фәннәре докторы Ф. С. Хәкимжанов житәкчелегендә XIV гасыр төрки-татар язма истәлегә Мәхмүт әл-Болгари әс-Сараинның «Нәһж әл-Фәрадис» әсәрен (1358) өйрәнә һәм кандидатлык диссертациясе яклый.

2004 елда Казан дәүләт университеты нәшриятында нәшер ителгән «Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золото-ордынского периода» китабы докторлык диссертациясенә нигезен тәшкил итә [20]. Әлегә хезмәттә Алтын Урданың ике йөз еллык әдәби-мәдәни мирасы, бер яктан, элекке әдәби традицияләренә ижади куллану нәтижәсе буларак тикшерелә, икенче яктан, гомуми әдәби телләр үсеше өчен хас закончалык – төрки әдәби телнең үзгәреш факты билгеләнә. Жентекле тикшеренүләр Ф. Нуриевага күп кенә тел күренешләренә яңача якын килергә мөмкинлек бирә. Мәсәлән, төрки тел белемендә кабул ителгән «катнаш тел» термины галимнәр тарафыннан төрлечә аңлатыла. Галимә аны «норма һәм вариантлык» итеп карау кирәклекне күтәрә. Бу чор өчен әдәби нормаларны билгеләү максатында, автор бик күп статистик күзәтүләр ясый, ягъни һәрберсе 200-300 биттән торган зур күләмле әдәби

текстларны карый, алардагы норма һәм вариантлыкны билгели. Тугыз истәлекне бердәм таләпләр нигезендә тикшереп, Ф. Нуриева караханид-уйгур традицияле төрки әдәби телгә кыпчак формалары үтеп кереп, Алтын Урда чорында яңа региональ әдәби тел, иске татар әдәби теленә бер варианты, Идел буе төрки әдәби тел барлыкка килүен нигезли. Аның бу өлкәдәге фәнни тикшеренүләре төрки тел белемендә зур бая ала, гомумтөрки мәсьәләләргә багышланган мәкаләләре төрек, инглиз телләренә тәржемә ителеп, чит ил басмаларында урын ала, коллектив монографияләрдә күп кенә махсус хезмәтләре басыла.

Бүгенге көндә дә татар теле кафедрасында татар теле тарихын өйрәнү юнәлеше дәвам итә. Йосыпов Айрат Фаик улы 2003 елдан Казан федераль университетында «Татар телендә гарәп-фарсы традицияләре», «Ислам белеме», «Гарәп теле нигезләре», «Татар суфичылык поэзиясенә стилистик эволюциясе», «Суфи әдәбияты теле» һ.б. курслар алып бара, 2004 елда «XIX гасырның беренче яртысында суфи шагыйрь Шәмсетдин Зәки әсәрләренә морфологик үзенчәлекләре» дип аталган кандидатлык диссертациясе, 2022 елда «XIX гасыр татар суфи шигърияте телен атрибуцияләү» темасына докторлык диссертациясе яклый [21]. Бүгенге көндә Айрат Фаик улы – татар теле белеме кафедрасының әйдәп баручы укытучыларыннан берсе, филология фәннәре докторы.

Вахит Хаковның шәкерте Халисә Хатыйп кызы Кузьмина да татар теле тарихын, аның Болгар чоры язма истәлекләре телен өйрәнүче галимә. 1998 нче елда ул «Кол Галинә „Кыйссаи Йосыф“ әсәренә тел һәм стиль үзенчәлекләре (XIII г.)» дип аталган темага кандидатлык диссертациясе яклый һәм шул вакытлардан бирле татар әдәби теле тарихы, татар теленә тарихи грамматикасы буенча студентларга дәресләр алып бара, Галимжан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты хезмәткәрләре белән берлектә татар әдәби теленә тарихи үсеше турында монографияләр язуда катнаша.

Татар дөньясында әдәби тел тарихы буенча төрле тарихи чорларга караган язма истәлекләр телен тикшереп, күпсанлы диссертацияләр яклана, китап-монографияләр дөнья күрә. Тел тарихын өйрәнүдә Татарстан Фәннәр академиясенә Галимжан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты

хезмәткәрләренә дә өлеше бик зур. Әлеге юнәлештә хезмәт иткән олпат галимнәребездән Мирфатыйх Зәки улы Зәкиев, Хәлиф Рәхим улы Курбатов, Илида Басыйр кызы Бәширова, Марсель Ибраһим улы Әхмәтжанов, Рифкать Газизжан улы Әхмәтьянов, Фәрит Сабиржан улы Хәкимжанов һ.б. атарга мөмкин. Аларның юлын бүгенге көндә филология фәннәре докторлары Бәхтияр Миңнуллин, Рифат Мирхаев, филология фәннәре кандидаты Миләүшә Вәлиева һ. б. дәвам итә.

Татар теле белеме кафедрасы бүгенге көндә дә тел тарихы белгечләре әзерләүгә күп көч куя. Бу юнәлештә Әлфия Исакова, Гөлназ Гайнуллина, Гөлназ Закирова, Альбина Исламова, Энже Кадырова, Әлфия Маннапова, Рәзинә Мөхәммәтрәхимова, Фәнис Мөхәммәтшин, Салахова Ильвира һәм башка авторларның тел тарихы буенча якланган кандидатлык диссертацияләрен күрсәтергә мөмкин. Энже Хәнәфи кызы Кадырова һәм Гөлназ Фәтмә кызы Гайнуллина шактый озак вакыт татар теле белеме кафедрасында доцент булып эшлиләр; татар әдәби теле тарихы, аның Казан ханлыгы һәм Алтын Урда чоры тел үзенчәлекләрен күпсанлы макаләләрдә, программаларда һәм уку-укыту әсбапларында чагылдыралар.

Төп нәтиҗәләр

2024 нче елда Казан университетының татар теле белеме кафедрасы үзенә 80 еллык юбилеен билгеләп үтә. Бу вакыт эчендә әлеге кафедрада озак еллар дәвамында хезмәт иткән галимнәр тарафыннан татар теле тарихын ике яһшылыкта – татар әдәби теле тарихы һәм тарихи грамматика юнәлешләрендә өйрәнү башкарылган. Бу юнәлешләр студентларга белем бирү өчен монографияләр, уку-укыту әсбаплары һәм программалар белән ныгытылган, бүгенге көндә тотрыклы система буларак оешкан. Татар теле белеме кафедрасында татар теле тарихы буенча дистәләгән диссертацияләр тикшерү узган һәм диссертация яклау советларында якланган, фән кандидатлары һәм докторлары барлыкка килгән. Татар теле тарихын өйрәнүне системага салган галимнәрнең мирасына һәм якты истәлегенә багышланган фәнни конференцияләр, семинарлар, искә алу кичәләре үткәрелә, конференция материаллары җыентык булып басылып чыга.

Шул рәвешле, хәзерге вакытта татар теле тарихын өйрәнүчеләр тырышлыгы белән татар

әдәби теленең формалашу һәм үсеш процессының шактый төзек системасы, шулай ук әдәби традицияләр барлыгы турындагы күзаллау булдырылган, татар теленең үсеш үзенчәлеге һәм аның төп характеристикалары ачыкланган.

Әдәбият

1. Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. М., Изд-во АН, 1956. С. 417-448.
2. Тумашева Д. Г. Развитие татарского языкознания в Казанском университете (1944–1995) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №1/2. С. 212-216.
3. Гарифуллин В. З. Сабирова Л. Р. Татарская журналистика: исторический опыт и перспективы развития // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Том 157, кн.4. С. 54–61.
4. Бушueva Л. А. Преподавание татарского языка в вузах Казани в 1920-е гг.: от древнетюркской письменности к Дальтон-плану // Историческая этнология. 2021. Т. 6. № 2. С. 208–220.
5. Замалетдинов Р. Р., Хабутдинова М. М. История создания отделения татарского языка и литературы в Казанском государственном университете в воспоминаниях преподавателей и первых студентов // Tatarica. 2018. № 1 (10). С. 91–113.
6. Ханипова И. И. Создание кафедры татарского языка и литературы в Казанском государственном университете и ее деятельность с середины 1940-х – 1950-е гг. (по материалам Государственного архива Республики Татарстан) // Историческая этнология. 2021. Т. 6. № 2. С. 231–242.
7. Галиуллина Г. Р., Кадирова Э. Х., Хадиева Г. К. Современная татарская разговорная речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. 222 с.
8. Жәләй Ж. З. Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казан, 1954. 108 б.
9. Жәләй Ж. З. Татар теленең тарихи морфологиясе: очерктар. – Казан, 2000. 287 б.
10. Хаков В. Х. Татар әдәби теленең совет чорында үсеше. 20–30 нчы еллар (Развитие татарского литературного языка в советский период. 20–30-е годы). Казан: КДУ нәшр., 1985. 150 б.
11. Хаков В. Х. Татар әдәби теле тарихы (Әдәби телнең үсешен диахроник һәм синхроник аспектта тикшерү). Казан. 1993. 329 б.
12. Хаков В. Х. Тел – тарих көзгесе. Татар әдәби теленең борынгы чорлардан башлап үсеш тарихыннан. Казань: Тат. кит. нәшр., 2003. 296 б.
13. Кузьмина Х. Х. Вклад заслуженного профессора казанского университета В. Х. Хакова в

изучение развития татарского литературного языка // Хаковские чтения – 2023: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной памяти заслуженного профессора Казанского университета Вахита Хозятовича Хакова (Казань, 26–27 октября 2023 г.) / под общ. ред. Г. Р. Галиуллиной. Электронные сетевые данные (1 файл: 515 Кб). Казань: Издательство Казанского университета, 2023. С. 3–5.

14. Нуриева А. Х. Татар теле тарихыннан материаллар. Лексикология, морфология. Студентлар өчен кулланма. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1975. 97 б.

15. Хисамова Ф. М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI – XVII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1990. 152 с.

16. Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1999. 407 с.

17. Хисамова Ф. М. Татар теленең тарихи грамматикасы. Фонетика. Морфология. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2017. 182 б.

18. Юсупов Ф. Ю. Казан татарлары шивәсе. Казан: татар кит. нәшр., 2023. 993 б.

19. Юсупова А. Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. 410 с.

20. Нуриева Ф. Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казан. гос. ун-т. 2004. 376 с.

21. Юсупов А. Ф. Языковая система татарской суфийской поэзии XIX века. Казань: Ихлас, 2022. 448 с.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Халиса Хатиповна Кузьмина,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
shirmanx@yandex.ru.

Фануза Шакуровна Нуриева,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
fanuzanurieva@yandex.ru.

Татарский литературный язык – одна из самых главных ценностей, созданных народом на протяжении веков. Язык является не только средством общения, но и основным показателем духовной деятельности народа. Духовное богатство веками накапливалось в литературных письменных памятниках, отражая традиции, языковые нормы, различные общественные события, присущие каждому историческому периоду. Изучение языка письменных памятников татарского литературного языка во всей его полноте, исследование закономерностей его развития является одним из актуальных научных направлений кафедры татарского языкознания Казанского университета. Оно связано не только с представлением развития татарского языка, но и с определением исторического места языка в этногенезе татарского народа и решением вопроса о существовании татарского языка как государственного на базе традиций в современных условиях. Ученые Казанского университета на протяжении более века занимаются всесторонним изучением истории татарского языка. В данной статье речь идет о наследии выдающихся ученых, оставивших свой неизгладимый след в изучении истории татарского языка.

Ключевые слова: история татарского литературного языка, татарские ученые, кафедра татарского языкознания, Казанский университет

TATAR DIALECTOLOGICAL SCHOOL IN KAZAN UNIVERSITY: ORIGINS, FORMATION AND DEVELOPMENT

Airat Faikovich Yusupov,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
faikovich@mail.ru.

Guzel Yagfarovna Faizullina,

Tyumen State University,
6 Volodarskiy Str., Tumen, 625003, Russian Federation,
utgus@mail.ru.

One of the well-developed scientific areas in Tatar linguistics is dialectology, its main task being the study of the living spoken language of indigenous peoples, that is, local dialects. It studies the phenomena of folk speech that are not included in the literary language, conducts the scientific analysis in this field and determines the territory of their usage.

For several centuries, consistent and systematic research work has been carried out in the area of Tatar people's spiritual culture, the history of various ethnic groups, the characteristics of their language, their way of life and customs. This work, devoted to studying live speech, to recording materials related to individual subdialects and dialects of the Tatar language, to collecting factual material and its scientific interpretation, began in the first half of the 18th century. The scientific study of Tatar dialectology at Kazan University has a history of more than two centuries, so a wealth of experience has been accumulated in this area; the tradition of studying Tatar dialects and subdialects at the university continues to this day, being one of the most relevant and sought-after scientific trends followed by the Department of Tatar Linguistics. For the first time providing its systematic study, this article describes the formation and development of the Kazan University Dialectological School, which is the main object of our research. This constitutes the scientific novelty and relevance of the article. The study of the history of this scientific school in an educational institution goes hand in hand with the study of the scientific research of the outstanding scholars, who made great contributions to Tatar dialectology, leaving rich scientific and methodological heritage.

Key words: Tatar dialectology, Tatar scientists, dialectologists, Department of Tatar Linguistics, Kazan University

Introduction

In the field of linguistics, Tatar dialectology has several stages of its scientific research. The recording of materials, related to the Tatar spoken language and Tatar local subdialects and dialects, their early interpretation began in the first half of the 18th century. During this period, in certain territories of compact residence of the Tatars, certain elements of spiritual and material culture were identified; lexical material was collected by scholars and historians, such as G. F. Miller, I. Georgi, F.-I. Stralenberg, P. S. Pallas and others. The work on the collection and subsequent scientific processing of oral folk dialect materials began with the Great Northern Expedition (1733–1743), in which Prof. G. Miller, a historian from St. Petersburg Academy of Sciences, took part (1705–1783).

In Russia (he arrived in St. Petersburg in 1725), G. Miller's research work began during the

years when the scholars implemented Peter I's ideas concerning the organization of academic expeditions for a comprehensive study of the territories and languages of the Russian state, primarily its eastern regions. The study of the nature and natural resources of the interior regions in Siberia, of the local peoples' history and ethnography was entrusted to the participants of the academic detachment whose leader was G. Miller. The academic detachment's journey across Siberia was a part of the Great Northern Expedition (1733–1743).

G. Miller's expeditionary route to Siberia passed through Kazan; consequently, on October 18, 1733, he arrived in the Kazan Province where, on behalf of the St. Petersburg Academy of Sciences, he collected information about the features of culture and the way of the Volga region peoples' life. Thanks to his work, serious academic

research was conducted in the province, in particular, it led to the publication of the scholar's book "Description of the Pagan Peoples Living in the Kazan Province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks: With an Indication of Their Life, Political Structure..." (1791) [1]. Unfortunately, until recent years, this work and the scholar's study of the Tatar dialects was not given due attention to. The part of the work containing a dictionary is presented on pages 81–99 and has more than 2650 word forms in the languages of the peoples living in the Volga-Ural Region (eight languages in total). There are more than 325 word forms in the Russian language, they are presented on pages 82, 84, 86, 88, 90, 92, 94, 96, 98 [2, p. 267].

G. Miller's second major work "History of Siberia" (1937) presents the lexical material, collected from all dialects of the Siberian Tatars. It makes an attempt to explore the history of the people, to reveal their ethnonymic features based on linguistic material; for example, the work contains judgments about the etymology of the word *Baraba* and *Tura* indicating their shades of meaning [3, pp. 185–189].

Thus, the first half of the 18th century was the time when the work on studying living speech and the recording of materials related to the individual dialects and the dialects of the Tatar language was conducted, factual material was collected and its scientific interpretation was given.

Materials and research methods

This article describes, in a chronological aspect, the history of the Tatar dialectology at Kazan University and the issues of teaching the subject of dialectology to students. Our task is to identify the scientific and methodological heritage of dialectologists who worked and conducted scientific research in the field of Tatar dialectology, review and evaluate their works in terms of modern scientific achievements.

The main methods of scientific research were the biographical, descriptive, historical-comparative and axiological methods. By using biographical and descriptive methods, we explored the research of the scholars studying Tatar dialects; the historical-comparative and axiological methods helped in evaluating the scientific and methodological work of the dialectologists.

Discussion

With the opening of Kazan University in November 1804, it became a center of scientific research and study in the field of Turkology. Since

its foundation, Kazan University has been the cradle of research in the field of Turkic studies in Russia. As early as in the 1810s, there was a revival of research activity in the field of Turkology. At this stage, new scientific research began at Kazan University, the first steps were taken towards a more in-depth study and development of the scientific foundations of the Turkic languages.

It is known that in the first half of the 19th century, about ten eastern languages were taught at the university (for example, Arabic, Persian, Tatar, Turkish, Chinese, Mongolian, Armenian; in some years, Hebrew and Syriac were added). We should note that during this period, this advanced level of the teaching and studying of oriental languages was not observed in any other university of Russia (Moscow, St. Petersburg, Kharkov).

As a result of this multifaceted work, in the 1830–40s, the Kazan Turkic School was formed at the Eastern Division of the University. The founders of the Kazan Turkic School were I. Halfin, Ch. Fren, F. Erdman, A. Kazem-Bek, A. Troyansky, I. Berezin, M. Makhmudov, A. Vagabov, M. Ivanov, S. Kuklyashev, K. Nasyri, N. Katanov, V. Radlov and others. Many of them performed encyclopedic functions: they were simultaneously linguists, historians, folklorists, studied the of the Tatar people's spiritual culture in different aspects, studied the history of the Tatar people and the history of the literary language. At the same time, they studied the 19th-century Tatar live speech and the languages of the Tatars living in certain regions.

In the 19th century, the studies of the Tatar dialects at Kazan University can be divided into two periods: 1) The first half of the 19th century – the period from the opening of the University to the time when the Eastern Division was transferred to St. Petersburg University (1804–1854). This period is associated with the beginning of teaching the Tatar language at the University, the widespread dissemination of scientific research into the history of the Tatar people, their ethnography, the Tatar language, the foundation and existence of the Eastern Division at the University; 2) the second half of the 19th century and the early 20th century (1855–1917) covers the period from the transfer of the Eastern Division to St. Petersburg University to the time of the October Revolution. At this stage, the "Society of Archaeology, History and Ethnography" was created at the University and the activities of its members played an important role in the study of Tatar dialects.

The socio-political activities of the Russian government contributed to the increase in the opportunities for collecting materials on the local subdialects. In different cities, the Tatar language was taught in schools and gymnasiums, and, due to the need to teach the Tatar language to Russians, that is, for missionary purposes, many practical manuals were compiled, which reflected the features of the local language [4, pp. 11–12].

Ibragim Khalfin (1778–1829) is considered to be the first teacher of the Tatar language at Kazan University. It should be noted that the Khalfin dynasty (Sagit Khalfin, Ishak Khalfin, Ibragim Khalfin) had been actively working teaching the Tatar language at the First Kazan Gymnasium and Kazan University for 60 years (1769–1828). The teaching of the Tatar language was aimed at developing practical language skills: exercises were given for mastering brief grammatical rules, for translation from Tatar into Russian and vice versa, attention was also paid to spoken language and speech practice. We should note that Ibragim Khalfin taught the literary Old Tatar language. At the same time, in language learning and in Tatar language textbooks, language material, collected in the vicinity of Kazan, was used; the author's aim was to establish the language of the Kazan Tatars as a literary norm.

At the end of 1828 and in early 1829, through the efforts of the University Rector N. Lobachevsky and thanks to his active work, the Eastern Division was created. The Eastern Division made great contributions to the formation and development of the Kazan Turkic School. It is known that the most prominent representatives of the Kazan School of Turkology (I. Khalfin, A. Kazembek, I. Berezin and others) brought the comparative study of languages to the forefront and proved the advantage of this method over others. In the early 19th century, the first experiments were conducted in the study of the local subdialects of the Tatar language, although the proper study of their linguistic features was not given due attention to.

Kazan University Prof. Franz Erdman (1793–1863) taught students the Arabic and Persian languages, paying great attention to the history of the peoples of the East, especially the Tatars, and identifying sources on the history and philology of the Turkic peoples. Of particular importance was the scholar's program to compile a complete dictionary of the Tatar language, which was realized in the early 1830s. On September 29, 1829, F. Erdman addressed the Linguistics

Department of the University with a proposal to develop a complete dictionary of the Tatar language in order to compile complete grammar and complete vocabulary of the Tatar language. F. Erdman considered it possible to create a dictionary based on the linguistic material collected from the Tatar subdialects from the Kazan, Astrakhan, Orenburg and Tobolsk Provinces. This program of the scholar was adopted at a meeting of the Linguistics Department of the University, but, unfortunately, it did not find support in the Ministry of Public Education in Moscow. Thus, the idea of compiling a complete dictionary of the Tatar language, significant for the development of Turkic linguistics, remained unrealized. The decision of the Academic Council on the issue of this program is another piece of evidence confirming that Kazan University occupied a central position in the field of Turkic studies.

The second Tatar personality, the teacher of the Tatar language after Ibranim Khalfin, who worked in the first half of the 19th century in the Eastern Division, was Mukhametgali Makhmudov (1824–1891). M. Makhmudov was an expert in oriental calligraphy, taught the Turkish and Tatar languages at the University, and as a Turkic scholar was under the influence of the Kazan School of Turkic Studies. His works "On the Prevention of Frostbite from Burial" (1851), "A Practical Guide to the Study of the Tatar Language" (1857) were published, and he was known to be involved in translations from Russian into Tatar. Mukhametgali Makhmudov, contrary to the popular belief of that time, proved through his activities that academic works could be written in a common spoken language. In his work, related to medicine and translated from Russian, he writes: *do not get indignant because I translated the book into the language of the common people, this book was translated in this way for everyone to read and understand it* [5, p. 79]. The most significant work in Turkic linguistics is considered to be M. Makhmudov's work "A Practical Guide to the Study of the Tatar Language" (1857). In the preface to the work, the scholar notes: "when publishing this book, my only desire was to introduce Russian compatriots to the Kazan subdialect of the Tatar language" [6, p. 3]. This textbook can be called the first work on the spoken language of the Kazan Tatars [7, p. 23]. Considering this book as a textbook used to teach the Tatar language at the first Kazan Gymnasium and Kazan University, we can note that in the

middle of the 19th century, the spoken language of the Kazan Tatars was taught in educational institutions, and subsequently, on the basis of the Kazan Tatars' subdialect, the Tatar literary language was formed.

Thus, in the first half of the 19th century, owing to the scientific work of Eastern scholars and prominent representatives of the Kazan Turkic School, successful experiments were carried out to introduce the materials from local colloquial speech into scientific circulation and to use them in the educational process. At a subsequent stage, these materials became a solid basis for the scientific study of the living spoken language, folk subdialects and comparative historical research.

Since the middle of the 19th century, there had been a revival in the study of Tatar dialects and subdialects: materials on individual subdialects were eventually introduced into scientific research. In the second half of the 19th and in early 20th centuries (1855–1917), the scientific study of Tatar dialectology issues at Kazan University developed in connection with the activities of the “Society of Archeology, History and Ethnography”. This society was created in 1878 and gave a great impetus to the study of the Volga Region peoples' ethnography. The traditions of studying the Tatar people's spiritual culture, including the Tatar dialects, was part of the Society activities until the 1920s.

One of the most important aims of the members of the Society of Archaeology, History and Ethnography was to collect samples of folk literature: songs, fairy tales, riddles and legends. They also studied texts, compared and published various versions (in several variants: in the original language, in the phonetic notation using special characters accepted in academic science – in transcription, in translations into Russian).

The society conducted research on the spiritual and material culture of the Volga Region peoples. It was active in the area of the comparative study of different peoples' folklore, exploring oral folk art. The members of the Society of Archaeology, History and Ethnography studied the monuments of fine and decorative arts, architecture and folk musical culture. They published articles on the history of language, dialectology, paleography and textual criticism in the “Bulletin of the Society of Archeology, History and Ethnography”.

In the second half of the 19th century, the scientific study of the Tatar subdialects and dialects began. Tatar dialectology as a science arose thanks to the activities of A. Bessonov [4, p.

13]. In his article “On the Subdialects of the Kazan Tatar Dialect and Its Relationship to the Dialects and Languages Closest to It” (1881), A. Bessonov described the Tatar, Mishar, Teptyar, “Bashkir” and Kryashen subdialects. Having studied them by means of the comparative method, he made an attempt to establish the degree of their proximity to the Transcaucasian dialects [8].

An important place in the history of Tatar dialectology is occupied by the works of Kazan University Professor Nikolai Fedorovich Katanov (1862–1922), a doctor of comparative linguistics, ethnographer, folklorist and famous Turkologist. In 1894, N. Katanov was appointed professor in the Turkish-Tatar Department of the Historical and Philological Faculty of the University. N. Katanov's multifaceted activities in the field of oriental studies, his scientific and educational work contributed to the preservation and development of oriental studies in Kazan. The role and importance of the scholar in establishing Kazan University as a major center of oriental studies in Russia is invaluable.

In 1898–1914, N. Katanov headed the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University. The society devoted great attention to the study of various ethnic groups of the Tatars: especially the Kryashens, Mishars and Teptyars. At one of the general meetings of the society, a decision was made to organize special expeditions to study the Mishar language [9, pp. 449–450]. During field expeditions to the regions inhabited by Turkic peoples, attention was paid to the linguistic characteristics of the local population when collecting and recording materials on the spiritual culture of the population and taking folklore samples. Thus, at the end of the 19th century, the organization of special expeditions to study local dialects began. During the expeditions, the natural speech of the population from individual regions was recorded; in dialectological studies, an individual method was introduced into scientific circulation, which is now considered one of the most reliable and fruitful methods.

N. Katanov's research of the Kazan period included work on organizing and participating in field expeditions to various regions of Turkic peoples' settlement. In particular, in 1897 and 1898, the scholar made expeditions to Menzelinsky (1897) and Belebeevsky (1897, 1898) Districts of the Ufa Province [10; 11] and conducted comparative studies of the subdialects spoken by the representatives from different villages (Tatars, Teptyars, Mishars, Bashkirs and true Bashkirs) and

recognizing the proximity of their subdialects to the Tatar language, with the exception of the subdialects of true Bashkirs [4, p. 13]. It is well known that N. Katanov took part in an expedition to Siberia in the summer of 1899 to the Yensei Province and studied the spoken language of the Siberian Tatars [12]. His scientific report reviewed the eastern dialects of the Tatar language.

In addition, in the late 19th – early 20th centuries, members of the Society of Archeology, History and Ethnography or researchers closely associated with the Society, V. Radlov, S. Malov, N. Akhmerov, V. Magnitsky, V. Kazarinov and others, contributed to the study of the Tatar subdialects. Among the Turkic peoples of the Volga Region, various ethnographic groups of the Tatars – the Mishars, Teptyars and Kryashens – became the object of their research.

Most of the articles published in the “Bulletin of the Society of Archeology, History and Ethnography” indicated the most noticeable phonetic and grammatical features of the Mishar dialect, compared them with the features of the Zakazan (beyond Kazan) subdialects and the subdialects of the Kryashen Tatars, and provided parallels. It is known that scholars and missionaries conducted a lot of research in this field. Thus, S. Malov, having been on expeditions to the Chistopol District, wrote about the Mishar gypsies, pointing out a number of features inherent in the Mishar dialect [13; 14]. There were plenty of interesting observations made by V. Magnitsky, V. Kazarinova, N. Zolotnitsky about the Mishars. V. Magnitsky studied the Mishars of the Kazan and Simbirsk (Ulyanovsk) Districts [15], and V. Kazarinov studied the Mishars of the Chistopol District [16].

Among the works devoted to the study of the Mishar dialect, the scientific research of G. Akhmerov deserves special attention. It presents information about the spiritual culture of the Tatars, carefully collected by a representative of these people. The central place is occupied by G. Akhmerov's article “On the Mishar People and Their Language” (1903) [17]. In 1894–1895, the scholar, during his scientific trip to the Spassky and Tetyushsky Districts of the Kazan Province [18, p. 349], began to collect information about the Mishars' life and language and recorded the phonetic and lexical features of the Mishar dialects. It was only in 1903 that G. Akhmerov presented the results of his scientific work. The main goal of the study was to establish the origin of the Mishars based on linguistic features, legends and traditions [19, p. 184]. While studying the origin of the Tatar-

Mishars, G. Akhmerov relied on their legends, traditions, his own observations and local toponymic and, in particular, linguistic materials. The study and analysis of the collected material, enabled G. Akhmerov to establish the Turkic origin of the Mishars, which was confirmed by ethnographic studies conducted in the second half of the twentieth century. We should note that in some works of this period (for example, in the works of V. Velyaminova-Zernov and E. Malov) the origin of the Mishars was explained in close connection with the history of the Finno-Ugric peoples.

Of interest is G. Akhmerov's work dedicated to the Teptyars and their origin [20]. It is known that G. Akhmerov met the Teptyar people in the 1880s when he worked as a teacher in the Yelabuga District of the Vyatka Province [21, p. 355]. In 1904, the scholar planned a scientific trip, an expedition, to the places of the Mishars, Teptyars and Bashkirs' compact residence, but he failed to implement this plan, and he realized it only in 1906.

Due to the scarcity of scientific literature and information on the origin of the Teptyars, G. Akhmerov had to rely on his own observations. He conducted a historical and comparative analysis of the Teptyars' spiritual culture and other ethnographic groups of the Tatars and neighbouring peoples. He explored their folk customs, various holidays, everyday life and traditional activities, analyzed onomastic units in their language. Using the results of his research, the scholar identified the Teptyars as one of the ethnographic groups of the Tatar people and put forward a scientifically substantiated assumption about the origin of the ethnonym “Teptyari” (the name Teptyars in translation from Arabic and Persian means “list, register”). It should be noted that the opinion about the origin of the name “Teptyari”, put forward by G. Akhmerov at the beginning of the 20th century, has been confirmed by modern research.

Thus, the works of G. Akhmerov, devoted to the study of various ethnic groups of the Tatars, their ethnonyms, material and spiritual culture in historical and linguistic aspects, are still relevant in scientific circles, they present rich factual material about the Kazan Tatars, Mishars and Teptyars.

Consequently, as early as in the late 19th and early 20th centuries, Tatar dialectology as a science was founded, the concepts of the dialect, the division into subdialects and their classification were finalized - the achievements that we mainly owe to the scientific research of the scholars from Kazan University. In the post-October years, the

role of the University scholars was great in the systematic study of subdialects and the development of dialectological science as a whole.

The post-October period of Tatar dialectology is divided into 4 stages: 1) the end of 1917–1940, 2) the end of the 1940s–1950s, 3) the end of the 1950s–1980s, 4) from the end of the 1980s to the present time [4, p. 13].

In the study of Tatar dialectology of the post-October period, the work of Jamal Validi (full name Dzhamaletdin Zalyaletdinovich Validov, 1887–1932) deserves special attention. He was an outstanding Tatar linguist, critic, literary critic and teacher. Jamal Validi was a teacher at the workers' faculty of Kazan University in 1922–1923; from 1923 to May 1931 (before his arrest) he worked at the Kazan Oriental Pedagogical Institute and was engaged in scientific research. It is known that J. Validi, using the questionnaire method, collected samples of the local subdialects and conducted expeditions to the Vyatka subdialect regions. As a result of this work, he made a brief description of the Tatar dialects and their classification, and published research articles, devoted to the study of the Tatar dialects [22; 23; 24].

Throughout the twentieth century, many teachers and scholars of Kazan University conducted active research in the field of Tatar dialectology, especially such university scholars as Latif Jalyai, Dilyara Tumasheva and Farit Yusupov, who made great contributions to the justification and development of the scientific trend, devoted to Tatar dialectology, creating their own scientific school in the educational institution.

Latyf Jalyai (full name Latyf Zalyaletdinovich Zalyaletdinov, 1894–1966) was the first Doctor of Philology in the Tatar language, professor and linguist. From 1935, he began his teaching career: he taught Tatar dialectology and the history of the Tatar language at higher educational institutions – the Kazan Pedagogical Institute and Kazan University. From 1939 to 1962, he headed the Tatar Language Division at the Institute of Language, Literature and History; he successfully defended his doctoral dissertation on the Middle Dialect of the Tatar language in 1955 at the Institute of Linguistics in Moscow and became the first doctor of philology in the Tatar language, being one of the major experts in the field of Tatar dialectology and the history of the Tatar language in the 1940s–1960s.

During these years, Latyf Jalyai conducted active research in the field of Tatar dialectology: using the questionnaire method and individual

method, he collected significant data on Tatar dialects and carried out their scientific processing. It is known that he organized and nineteen times headed dialectological expeditions. L. Jalyai was one of the first in Tatar dialectology to carry out mapping of linguistic features, that is, the first experiments in applying the method of linguistic geography [4, p. 14].

In 1947, as a result of his work on the accumulated material, based on practical activities and systematization of scientific achievements, the scholar published “Tatar Dialectology”, a textbook for university students (1947). The textbook provides information about the local Tatar subdialects in Tatarstan and beyond, and presents a classification of the Tatar dialects and the dialects based on the territorial-linguistic principle [25]. It should be noted that this textbook and the classification proposed by the scientist have not lost their relevance to this day. Being the first textbook on Tatar dialectology written for students, it is used in studying and teaching Tatar dialects. Owing to the activities of L. Jalyai, Tatar dialectology developed as an independent branch of Tatar linguistics and was included in university programs as an academic subject.

Based on linguistic materials, the scholar's research was devoted to the ethnogenesis of the population, the history of the emergence and formation of individual ethnic groups. In his works, the scholar, who was deeply interested in the history of the Tatar people, proved that the Tatar language was formed on the basis of the local Turkic dialects. In his article “Tatar Linguistics Objectives” (1956), L. Jalyai proposed to compile and publish an explanatory dictionary of the Tatar language, a dialectological atlas and a dialectological dictionary.

It was in 1956–1965 that the expeditionary study of the Tatar dialects, the Tatar subdialects widespread in Bashkortostan and Western Siberia, and the organization of dialectological expeditions to these regions resumed at Kazan State University. It is known that the study of live speech, the recording of the local speech peculiarities during the expeditions goes back to the Kazan Turkic School practices. The teachers and students of the University in small groups went on dialectological expeditions to the western regions of Bashkortostan and Western Siberia; later the expeditions moved further on to the Tyumen, Omsk, Novosibirsk and Kemerovo Regions. During these dialectological expeditions, speech samples collected among the local population were recorded and linguistic

material was obtained. The university management evaluated the development of Tatar philology as one of the most important tasks of the University; it provided comprehensive support to dialectological research and the organization of expeditions of the teachers and students: financially (for example, it helped in organizing expeditions to the Tatars of the swamp region, purchased special clothing, hired a helicopter and a seaplane) and in the scientific aspect (provided the opportunity to publish scientific works and research results). By the end of the 1960s, the study of the Siberian Tatars' dialects through expeditions had largely been completed. The years 1966–1975 were devoted to processing the materials, summarizing the results and providing theoretical substantiation.

Dilyara Tumasheva's name and work during this period are associated with scientific research in the field of Tatar dialectology at the University. Dilyara Garifovna Tumasheva (1926–2006) was a doctor of philology, professor, academician, linguist, dialectologist; her research work occupied a prominent place in the history of Tatar linguistics and Turkology; along with her scientific research, she conducted active social work.

D. Tumasheva began to seriously study the Tatar dialects during her postgraduate studies at the Department of Turkology at the Institute of Asian and African Countries in Moscow in 1949–1952. Through expeditionary research, she studied the dialects of the Siberian Tatars under the guidance of N. Dmitrieva. In 1952, the scholar returned to Kazan State University where she defended her PhD thesis on the dialects of the Siberian Tatars ("The Tatar Dialects of Western Siberia"). Consequently, her entire subsequent life, scientific and teaching activities were connected with Kazan and Kazan State University.

D. Tumasheva's scientific research was closely connected with her work as a teacher: in 1969 she completed and defended her doctoral dissertation on the topic "The relationship of the dialects of the Siberian Tatars with Tatar and other Turkic languages."

In her scientific research, D. Tumasheva developed the ideas of the outstanding Turkologist Vasily Vasilyevich Radlov (1837–1918) who was the first to study the dialects of the peoples of Siberia. She began her research in this field by studying the dialects of the Siberian Tatars: with students she organized scientific and dialectological expeditions to the regions of the Siberian Tatars residence, studying the subdialects of local residents for their scientific research. D. Tumasheva collected

unique and rich material on linguistic features, oral folk art, ethnography, history of the Siberian Tatars and carried out the scientific processing of the collected data, publishing three monographs and a large number of articles: "The Language of the West Siberian Tatars (grammatical essay and dictionary)" (1961), "The Language of the Siberian Tatars" (1968), "The Dialects of the Siberian Tatars: Experience of Comparative Research" (1977).

Over the course of several decades, the outcome of scientific and practical study of the Western Siberia Tatar dialects has led to a holistic idea of the Siberian Tatar language. This research, based on the comparative-historical method, has made it possible to identify common features and connections of the Siberian Tatar dialects not only with the Tatar language, but also with the Altai, Khakass, Uzbek, Uighur and Kipchak languages, clarifying the place of the Siberian dialects in the classification of Turkic languages.

D. Tumasheva developed and improved her work on the vocabulary of the Siberian Tatars and began her research into the lexical features of the dialect associated with ethnically similar Turkic languages. As a result of these studies, a map of the territorial distribution of dialects and subdialects was developed, and the "Dictionary of Dialects of the Siberian Tatars" was published (1992), which was highly appreciated by the scientific community.

The scientific research in the field of the Siberian Tatar language enabled D. Tumasheva to clarify the dialectal and subdialectal division of the eastern group of dialects: she identified the Tobolsk-Irtysh, Barabinsk and Tomsk dialects of the Siberian Tatar language, her research based on rich scientific and factual material. She proved that they belong to the system of the Tatar language dialects. She studied the language by analyzing its phonetic, lexical and grammatical features; as a result, she was able to identify individual subdialects as part of these dialects.

Owing to her research, D. Tumasheva enriched and improved the source base of comparative historical studies in Turkic linguistics and introduced the historical and linguistic concept into scientific circulation. According to her study, the dialects of the Siberian Tatars were historically correlated with the languages and dialects of various ethnic groups of the vast West Siberian area.

In subsequent years, the scientific study of Tatar dialectology has been continued at Kazan University: Farid Yusupovich Yusupov has achieved great success in the field of studying

dialects of the Tatar language, his research based on the methods of linguistic geography and areal linguistics. F. Yusupov is a doctor of philology, professor, famous linguist, dialectologist; he conducts scientific research in the field of linguistic geography and areology.

Since 1964, he has been researching the dialects of the Tatar language using the methods of linguistic geography and areal linguistics. He has organized scientific and dialectological expeditions to the regions densely populated by the Tatars, studied local subdialects of the population, and carried out their scientific processing. In 1972, F. Yusupov wrote and defended his candidate's dissertation on the topic "Dialects of the Southern Urals and Trans-Urals" (under the guidance of N. Burkhanova), based on these materials. This work, devoted to the study of subdialects of the Kurgan and Chelyabinsk Regions previously unknown in Tatar linguistics, indicated that a strong dialectologist, a major expert in studying Tatar dialects of foreign regions, was joining the scientific community.

In 1988, at the Council for the Defense of Doctoral Dissertations at the Institute of Linguistics of the Kazakhstan Academy of Sciences, F. Yusupov defended his doctoral dissertation "Areal study of Tatar verbs" (scientific consultant – A. Tenishev). This work, dedicated to the study of linguistic features, areal linguistic zones of the Tatar dialects from the Moscow Region to the Far East, became a milestone in Tatar linguistics. With this research, the scholar was the first in Tatar dialectological science to identify the classification characteristics of three dialects and introduced the concept of dialect language into broad scientific circulation.

Subsequently, these studies were continued by F. Yusupov in his monographs "South Ural and Trans-Ural Dialects" (1979), "Tatar Dialects. Ural Subdialects" (2003), "Krasnoufimsky Tatars: History, Language, Folklore" (2003), "Safakulevsky Tatars: History, Language, Folk Art" (2006). These works, using linguistic geography and system-synchronous methods, explore the origins, ethnic history and main linguistic features of the Krasnoufimsky, Vyatka-Kistinsky, Ichkinsky, Nagaibaksky, Safakulevsky subdialects, widespread in the geographical area of the Urals. In addition to linguistic materials, the use of archival materials and historical sources significantly increased the relevance and scientific value of these monographs and provided a powerful basis for clarifying the place of the subdialects in the Tatar dialect system.

F. Yusupov developed and improved these research results in his monographs "Nonlinear Verb Forms in Dialects of the Tatar Language" (1985), "Study of the Tatar Verb" (1986), in numerous articles and speeches. His monograph "Morphology of the Tatar Dialect Language" (2004) was recommended by the Educational and Methodological Association for Philology under the Ministry of Education and Science of Russia as a textbook for national departments of classical universities of the Russian Federation and was awarded the title of the best scientific work of 2005 at a competition among the works in humanities completed at Kazan State University.

F. Yusupov is still carrying out extensive work in the field of systemic research into Tatar dialects. His work "Dialects of the Kazan Tatars" (2023), the result of his many years of scientific research, explores the period of the Kazan Khanate, the history of the emergence of the Kazan Tatars' dialect, which after the collapse of the Kazan Khanate formed the basis of the Tatar literary language. To clarify the territorial relationships of the Kazan Tatars' dialects with other Turkic languages, the scholar widely uses linguistic methods [26].

Tatar dialectology studies continued at Kazan University in the late 20th–early 21st centuries. Enumerating the works of our famous scholars, who conduct their research in this field, we can name the candidate and doctoral dissertations on Tatar dialectology by G. Sungatov, M. Sattarova (Khabibullina), G. Faizullina and others. In 1988–1989, dialectological expeditions were organized headed by G. Sungatov, to study the language of the Sazov Region Tatars in the Tyumen Region, when the phonetic system of the dialect was experimentally studied [27]. M. Sattarova studied variants of the phoneme [a] in the Tatar dialect and determined the breadth of its distribution [28]. In her doctoral dissertation, G. Faizullina studied the transfer of the image of a person in the dialect language in the linguocultural aspect, her research is based on the material of Tatar folk subdialects, widespread in the south of the Tyumen Region [29].

Expeditionary research into Tatar dialects and subdialects is still in progress at Kazan University: G. Galiullina, A. Yusupova, E. Kadyrova conducted a scientific processing of the materials collected during dialectological expeditions, studying the samples of spoken language of the Tatars living in the Republics of Mordovia and Chuvashia, the Penza Region in 2015–2016, and published their monographs [30, p. 9].

Teachers from Kazan University make great contributions to the monographic study of the individual Tatar subdialects. For example, the monograph by Z. Kirillova, co-authored with the Turkish University Prof. Firat Erzhan Alkaya, studies the dialects of the Kryashen Tatars and describes their linguistic and cultural features [31]; in addition, numerous articles are published aimed at a historical and comparative study of the linguistic features characterizing the Tatar dialects [32; 33].

In recent years, teachers and scholars of the Tatar Linguistics Department have been actively working to reintroduce the scientific heritage of outstanding dialectologists and Turkologists into scientific circulation and present them to the general public: these are the materials collected by the historian of the St. Petersburg Academy of Sciences, Prof. G. Miller (1705–1783) during the Great Northern Expedition (1733–1743) and have remained unnoticed so far [2, p. 267]. It is important that these manuscripts and dictionaries should be primary sources in the study of the Tatar subdialects.

The study of the history of the Tatar dialects and subdialects formation, the study of individual ethnic groups and their linguistic systems based on linguistic features reflected in the written monuments of the 19th – early 20th centuries, remain relevant issues in Tatar linguistics; in this field, we can highlight the articles of F. Nurieva [34; 35].

Particular attention at the Department of Tatar Linguistics is paid to increasing the number of young researchers in the field of Tatar dialectology. In the first quarter of the 21st century, dialectological expeditions continue their work (they were headed first by E. Kadyrova, later by A. Yusupov); teachers and students of the university go to different regions of Russia and collect samples of local speech. Thus, dialectological expeditions were organized to the Safakulevsky and Shadrinsky Districts of the Kurgan Region (2005–2007), the Tyumen Region (2012–2013), the Nizhny Novgorod Region (2015), the Republic of Mordovia and the Penza Region (2015), and the Chuvash Republic (2016). In recent years, students have been on expeditions to the Zakazansky Regions of the Republic of Tatarstan – the Vysokogorsky (2019), Arsky (2021), Atninsky (2023) Regions.

Main results

Turkology and Tatar linguistics have accumulated a wealth of experience in the study of

the Tatar dialects. It should be noted that the scientific research into the Tatar dialects and subdialects at Kazan University has been carried out consistently and systematically from the day the University was opened to the present time: in the first half of the 19th century (1804–1854), the study of the history of the Tatar people, their ethnography and the issues of dialectology developed in connection with the activities of the Eastern Division. In the second half of the 19th and early 20th centuries (1855–1917), a significant place in the study of the Tatar dialects was occupied by the activities of the University “Society of Archaeology, History and Ethnography,” which laid the foundations of Tatar dialectology as a science. At the turn of the 20th and in the early 21st centuries, within Tatar dialectology, different scientific schools were formed. In each period of the Tatar dialectology history, university scholars made significant contributions to the scientific research, laid the foundations of new trends and conducted active research in this field, teaching students who defended their candidate and doctoral dissertations. During this period, L. Zalyai, D. Tumasheva, G. Sattarov, F. Yusupov, G. Sungatov, E. Kadyrova, O. Khisamov and A. Yusupov were among those who took part in teaching students the subject of dialectology and conducted scientific research, organizing expeditions in the territory of the Tatars’ compact residence.

Kazan University has made a great contribution to the development of Turkology and Tatar linguistics through enhancing scientific exchange. At several departments of the university, numerous dissertations on Tatar dialectology of various levels are being worked on and defended at the Dissertation Councils, new candidates and doctors of science are being prepared. The Department holds research and practice conferences, memorial evenings dedicated to the heritage of the scholars who made significant contributions to the study of the Tatar language history and Tatar dialectology. Its faculty publish collections of research papers and conference materials.

Over the years, Kazan University has accumulated a wealth of experience in teaching Tatar dialectology to students. Based on systematization of the scientific research results, textbooks, teaching aids and programs for teaching students have been written, and a system of scientific and methodological trends that is stable to date has been created.

References

1. Miller, G. F. (1791). *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoi gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov: s pokazaniem ikh zhitel'stva, politicheskogo uchrezhdeniya ...* [Description of the Pagan Peoples Living in the Kazan Province, such as the Cheremis, Chuvash and Votyaks: With Evidence of Their Residence, Political Institution...]. 99, [2] s., [8] p. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk. (In Russian)
2. Nurieva, F. Sh., Galiullina, G. R., Yusupov, A. F. (2023). *G. F. Miller's Dictionary "Description of Pagan Peoples Living in Kazan Province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks..." as a Valuable Source for Studying the Tatar Language of the 18th Century (based on LingvoDoc material)*. Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS, vol. 35, issue 6, pp. 265–282. (In English)
3. Miller, G. F. (1937). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 1937–1941. T. 1. 608 p. Moscow-Leningrad, izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russian)
4. *Tatar khalyk soïlashlære: ike kitapta* (2008) [Tatar Folk Dialects: In Two Books]. Kollektiv avtorov: F. S. Bayazitova i dr. Kniga. 1. 461 p. Kazan', Prosveshchenie. (In Tatar)
5. Makhmudov, M. G. (1851). *Ylgan kebek bulgan keshelärne kabergä kymmäkdin saklaunyñ gamälläre bayanyndadyr* [On the Protection of the Nearly Dead from Burial]. Kazan', 82 p. (In Tatar)
6. Makhmudov, M. G. (1857). *Prakticheskoe rukovodstvo k izucheniyu tatarskogo yazyka* [A Practical Guide to Learning the Tatar Language]. Kazan', izd-vo knigoprodavtsa Ivana Dubrovina. (In Russian)
7. *Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: Kniga pervaya: Kazanskaya tyurkskaya lingvisticheskaya shkola* (2008) [Kazan Linguistic School: Book One: Kazan Turkic Linguistic School]. Sost. M. Z. Zakiev. 255 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
8. Bessonov, A. G. (1881). *O govorakh kazanskogo tatarskogo narechiya i ob otnoshenii ego k blizhaishim k nemu narechiyam i yazykam* [On the Accents of the Kazan Tatar Dialect and Its Relationship to the Dialects and Languages Closest to It]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. CH. CCXVI (avgust). Pp. 200–242. St. Peterburg. Tipografiya V. S. Balasheva. (In Russian)
9. *Protokoly obshchikh sobranii Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii za 1898 g.* (1899) [Minutes of the General Meetings of the Society of Archaeology, History and Ethnography of 1898]. Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazan. universitete. T. 15, Vyp. 4, pp. 442–482. (In Russian)
10. *Otchet o poezdke, sovershennoi s 1 iyunya 1897 g. po 20 avgusta togo zhe goda v Belebeevskii i Menzelinskii uezdy Ufimskoi gubernii* (1898) [Report on a Trip Made from June 1, 1897 to August 20 of the Same Year to the Belebeevsky and Menzelinsky Districts of the Ufa Province]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Kn. 11, pp. 1–37. Kazan'. (In Russian)
11. *Otchet o poezdke, sovershennoi s 20 maya po 20 avgusta 1898 g. v Belebeevskii uezd Ufimskoi gubernii* (1900) [Report on a Trip Made from May 20 to August 20, 1898 to the Belebeevsky District of the Ufa Province]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Kn. 7 i 8. Pp. 1–30. Kazan' (In Russian)
12. *Otchet o poezdke v Minusinskii uezd Eniseiskoi gubernii, sovershennoi po porucheniyu istoriko-filologicheskogo fakul'teta imperatorskogo Kazan. universiteta, letom 1899 goda* (1900) [Report on a Trip to the Minusinsk District of the Yenisei Province, Made on Behalf of the Historical and Philological Faculty of the Imperial Kazan. University, Summer 1899.]. Kazan', 59 p. (In Russian)
13. Malov, E. A. (1885). *Svedeniya o misharyakh: etnograficheskii ocherk* [Information about the Mishars: An Ethnographic Sketch]. Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii. T. 4, pp. 13–91. (In Russian)
14. Malov, E. A. (1904). *Iz poezdki k misharyam (o narechii misharei Chistopol'skogo uyezda)* [From a Trip to the Mishars (about the Mishar dialect of the Chistopol District)]. Prilozhenie k "Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta". Kn. 4, pp. 1–24. Kazan', Tipografiya litogr. un-ta. (In Russian)
15. Magnitskii, V. K. (1896). *Neskol'ko dannykh o misharyakh (meshchera, meshcheryaki) i seleniyakh ikh v Kazanskoi i Simbirskoi guberniyakh* [Some Information about the Mishars (Meshchera, Meshcheryaks) and Their Villages in the Kazan and Simbirsk Provinces]. Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii. T. 13. Vyp. 4, pp. 245–257. (In Russian)
16. Kazarinov, V. A. (1895). *O misharyakh v Chistopol'skom uезде Kazanskoi gubernii* [On the Mishars in the Chistopol District of the Kazan Province]. Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii. T. 4, pp. 1–12. (In Russian)
17. Akhmarov, G. N. (1903). *O yazyke i narodnosti misharei* [On the Language and Nationality of the Mishars]. Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazan. universitete. T. 19. Vyp. 2, pp. 91–160. (In Russian)
18. Salakhova, E. K. (2016). *Problema proiskhozhdeniya tatar-misharei i teptyarei v trudakh G. N. Akhmarova* [The Issue of the Tatar-Mishars and Teptyars' Origins in the Works of G. N. Akhmarov]. Istoricheskaya etnologiya. T. 1. No. 2, pp. 349–362. (In Russian)
19. Mardanova, F. F. (2020). *Rol' Kazanskogo universiteta v izuchenii dukhovnoi kul'tury tatar Povolzh'ya* [The Role of Kazan University in the Study of the Volga Tatars' Spiritual Culture]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. nauki. T. 162, Kn. 3, pp. 181–195. (In Russian)
20. Akhmarov, G. N. (1908). *Teptyari i ikh proiskhozhdenie* [The Teptyars' and Their Origins]. Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii

- pri Kazan. universitete. T. 23, Vyp. 5, pp. 340–364. (In Russian)
21. Salakhova, E. K. (2016). *Problema proiskhozhdeniya tatar-misharei i teptyarei v trudakh G. N. Akhmarova* [The Issue of the Tatar-Mishars and Teptyars' Origins in the works of G. N. Akhmarov]. *Istoricheskaya ehtnologiya*. T. 1. No. 2, pp. 349–362. (In Russian)
22. Validi, Dzh. (1927). *O dialektakh kazanskogo tatarskogo yazyka* (1927) [On the Dialects of the Kazan Tatar Language]. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya*. No. 6, pp. 50–65. (In Russian)
23. Validi, Dzh. (1929). *Nokrat ham Glazov tatarlary arasynda* [Among the Tatars of the Vyatka and Glazov]. *Tatarstan*. No. 5, pp. 40–42. (In Tatar)
24. Validi, Dzh. (1930). *Narechie karinskikh i glazovskikh tatar* [The Dialect of the Karin and Glazov Tatars]. *Trudy obshchestva izucheniya Tatarstana*. T. 1, pp. 135–144. (In Russian)
25. Validi, Dzh. (1947). *Tatar dialektologiyase: yugary uku iortlary ham pedagogiya uchilishchelary studentlary ochen dāreslek*. [Tatar Dialectology: A Textbook for Students of Universities and Teacher Training Colleges]. 137 p. Kazan'. (In Tatar)
26. Yusupov, F. Yu. (2023). *Kazan tatarlary shivāse*. [Kazan Tatar Dialects]. 993 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Tatar)
27. Sungatov, G. M. (1991). *Foneticheskaya sistema zabolotnogo govora tobolo-irtyshskogo dialekta sibirskikh tatar (ehksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phonetic System of the Swamp Dialect of the Siberian Tatars' Tobol-Irtysh Dialect (an experimental phonetic study): Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 23 p. (In Russian)
28. Khabibullina, M. R. (2002). *Kharakteristika izogloss variantov fonemy [a] v tatarskom lingvinisticheskoy prostranstve: dis. ... kand. filol. nauk* [Characteristics of Isogloss Variants of the Phoneme [a] in the Tatar Linguistic Space: Ph.D. Thesis]. Kazan', 173 p. (In Russian)
29. Faizullina, G. Ch. (2017). *Obraz cheloveka v dialektnoi yazykovoi kartine mira (na materiale tatarskikh narodnykh govorov yuga Tyumenskoi oblasti): diss. ... d-ra filol. nauk* [The Image of a Person in the Dialectal Linguistic Picture of the World (based on the Tatar folk dialects in the south of the Tyumen Region): Doctoral Thesis]. Kazan', 406 p. (In Russian)
30. Kadirova, Eh. Kh., Galiullina, G. R., Saifulina, F. S., Yusupova, A. Sh. (2015). *Mordoviya Respublikasy ham Penza olkase tatarlary: dialektologiya ham khalyk avyz iŋaty materiallary* [Tatars of the Republic of Mordovia and the Penza Region: Materials on Dialectology and Oral Folk Art]. 313 p. Kazan'. (In Tatar)
31. Alkaya, E., Kirillova, Z. (2018). *Kreşin Tatar Türkçesi (Dil, Tarih, Kültür)* [Tatar Turkish Relationships (Language, History, Culture)]. 670 p. İstanbul, Kesit Yay. (In Turkish)
32. Kirillova, Z. N., Alkaya, A. (2018). *Kerāshen tatarlary sōilāshlāreneŋ leksik yzenchāleklāre* [Lexical Features of the Kryashen Tatars' Dialects]. *Tatarica*. No. 2 (11), pp. 7–30. (In Tatar)
33. Yusupov, A. F. (2023). *Russkie zaimstvovaniya v tatarskikh govorakh: osobennosti funktsionirovaniya i adaptatsii* [Borrowings in the Tatar Dialects: Function and Adaptation Features]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 3 (73), pp. 81–86. (In Russian)
34. Normanskaya, Yu. V., Nurieva, F. Sh. *Grafiko-foneticheskie osobennosti dialektov tatar-kryashen v kontse XIX – nachale XX v.* [Graphic and Phonetic Features of the Tatar-Kryashen Dialects in the late 19th–early 20th Centuries]. *Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altaiskikh yazykakh*. I tom. Grafiko-foneticheskie osobennosti knig XIX v. Pp. 339–354. Moscow, izd. gruppa “Al'ma Mater”. (In Russian)
35. Nurieva, F. Sh. *Yazykovoi pamyatnik govora sergachskikh misharei: tekst ispovedi XIX v.* [Linguistic Monument of the Sergach Mishar Dialect: The Text of the Confession of the 19th Century]. *Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altaiskikh yazykakh*. I tom. Grafiko-foneticheskie osobennosti knig XIX v. Pp. 354–370. Moscow, izd. gruppa “Al'ma Mater”. (In Russian)

КАЗАН УНИВЕРСИТЕТЫНДА ТАТАР ДИАЛЕКТОЛОГИЯСЕ МӨКТӨБЕ: АЛШАРТЛАРЫ, ФОРМАЛАШУЫ ҺӘМ ҮСЕШЕ

Айрат Фаик улы Юсупов,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
faikovich@mail.ru.

Гүзәл Жәгъфәр кызы Фәйзуллина,

Төмән дәүләт университеты,
Россия, 625003, Төмән ш., Володарский ур., 6 йорт,
utgus@mail.ru.

Татар тел белемендә төп бурычы жирле төбәкләрдә яшәп килә торган жанлы сөйләм телен, ягъни жирле сөйләшләрне өйрәнү булган диалектология – алга киткән фәнни юнәлешләрнең берсе. Ул халык сөйләм теленең әдәби телгә керми калган күренешләрен тикшерә, фәнни анализлай, аларның таралыш территориясен билгели.

Татар халкының рухи мәдәниятен, төрле этник төркемнәрнең тарихын, тел үзенчәлекләрен, аларның көнкүрешен һәм яшәү рәвешен, гореф-гадәтләрен өйрәнү юнәлешендә берничә гасыр дәвамында эзлекле, системалы фәнни эш алып барылган. Жанлы сөйләм телен өйрәнү, татар теленең аерым сөйләшләре һәм диалектларына караган материалларны теркәү, фактик материал жыйю, аларга фәнни аңлатма бирү эше XVIII гасырның беренче яртысында ук башлана. Казан университетында татар диалектологиясе мәсьәләләрен фәнни өйрәнүнең дә ике гасырдан артык тарихы бар, һәм бу юнәлештә бай тәжрибә тупланган, университетта татар диалектлары һәм сөйләшләрне тикшерү традицияләре хәзерге вакытта да давам итә, татар теле белеме кафедрасының фәнни юнәлешләре арасында чор таләп иткән актуаль мәсьәләләрнең берсе булып кала. Әлеге мәкаләдә Казан университетында диалектология мәктәбенең формалашуы һәм үсеше төп өйрәнү объекты итеп куела, беренче мәртәбә системалы төстә өйрәнелә. Бу мәкаләнең фәнни яңалыгын һәм актуальлеген тәшкил итә. Уку йортындагы әлеге фәнни мәктәп тарихын өйрәнү татар диалектологиясен өйрәнүгә зур өлеш керткән күренекле галимнәрнең гыйльми эшчәнлеген, аларның фәнни-методик мирасын тикшерү белән янәшә алып барыла.

Төп төшенчәләр: татар диалектологиясе, татар галимнәре, галим-диалектологлар, татар теле кафедрасы, Казан университеты

Кереш

Тел белеме өлкәсендәге фәнни тикшеренүләрдә татар диалектологиясен өйрәнүнең берничә этабы аерып куела. Татар сөйләм теленә һәм жирле сөйләшләргә, татар диалектларына караган материалларны теркәү, аларга теге яки бу күләмдә аңлатма бирү XVIII гасырның беренче яртысында ук башлана. Әлеге чорда рухи һәм матди мәдәният элементлары ачыклана, татарлар компактлы яшәгән аерым территорияләрдә Г. Ф. Миллер, И. Георги, Ф.-И. Страленберг, П. С. Паллас һ. б. кебек төрле эшлеклеләр, тарихчы-галимнәр тарафыннан лексик материал туплана. Татар жанлы сөйләү материалларын жыйю һәм соңрак фәнни яктан эшкәртү эше Санкт-Петербург Фәннәр академиясе профессоры, тарихчы Г. Ф. Миллер (1705–1783) катнашкан Бөек Төньяк экспедициясеннән (1733–1743) башлана.

Г. Ф. Миллер Россиядәге фәнни эшчәнлеген (ул 1725 елда Санкт-Петербург шәһәренә килә) Петр I нең Россия дәүләте территорияләрен һәм телләрен, беренче чиратта, аның көнчыгыш төбәкләрен һәрьяклап өйрәнү өчен академик экспедицияләр оештыру турындагы идеяләрен тормышка ашыру елларында башлап жибәрә. Себердәге эчке төбәкләрнең табигатен һәм табигый байлыкларын, тарихын һәм жирле халыкларның этнографиясен өйрәнү академик отрядта катнашучыларга йөкләнә, аның житәкчесе итеп Г. Ф. Миллер билгеләнә. Академик отрядның Себер буйлап сәяхәте Бөек Төньяк экспедициясе кысаларында (1733–1743) уза.

Г. Ф. Миллерның Себергә экспедиция юлы Казан аша уза, шул максаттан ул 1733 елның 18 октябрендә Казан губернасына килә, биредә Санкт-Петербург Фәннәр академиясе йөкләмәсе буенча Идел бие халыкларының мәдәни тормышы һәм көнкүреше үзенчәлек-

ләрә турында мәғлүматлар жыйа. Губерна чикләрендә алып барган эшчәнлегә нәтижәсәндә житди академик эшләргә нигез салына, аерым алганда, галимнең «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: с показанием их жительства, политического учреждения...» (1791) хезмәте дөнья күрә [1]. Кызганычка каршы, соңгы елларга кадәр әлегә хезмәткә, галимнең татар диалектларын өйрәнүдәгә эшчәнлегенә тиешле игътибар бирелмәде. Хезмәтнең сүзлек өлеше 81–99 битләрдә урнаштырылып, Идел-Урал төбәгендә яшәгән халыкларының телләрендә (барлыгы 8 телдә) 2650 дән артык сүз формасы туплана. Татар телендәгә 325 тән артык сүзформа тәкъдим ителә, ул сүзлекнең 82, 84, 86, 88, 90, 92, 94, 96, 98 битендә урын алган [2, б. 267].

Г. Ф. Миллерның «Себер тарихы» (1937) дигән икенче зур күләмле хезмәтендә себер татарларының барлык диалектларыннан жыйелган лексика тәкъдим ителә, тел материаллары нигезендә халыкның тарихын тикшерү, аның этнонимик үзлекләрен ачу омтылышы ясала, мәсәлән, хезмәттә *Бараба*, *Тура* сүзләренә этимологиясе турында фикерләр китерелеп, аларның мәгънә төсмерләре күрсәтелә [3, б. 185–189].

Шулай итеп, жанлы сөйләм телен өйрәнү, татар теленә аерым сөйләшләре һәм диалектларына караган материалларны теркәү, фактик материал жыйю, аларга фәнни аңлатма бирү эше XVIII гасырның беренче яртысыннан ук юл ала.

Тикшеренү материаллары һәм методлары

Әлегә мәкаләдә Казан университетында татар диалектологиясен фәнни яссылыкта өйрәнү тарихы, студентларга диалектология предметын укыту мәсьәләләре хронологик аспектта тасвирлана; татар диалектологиясе өлкәсендә хезмәт иткән һәм фәнни тикшеренүләр алып барган галим-диалектологларның фәнни-методик мирасын ачыклау, аларның хезмәтләренә күзәтү ясау һәм бүгенгә көн күзлегеннән бая бирү максаты куела.

Фәнни тикшерү барышында төп методлары буларак, *биографик метод*, *тасвирлама*, *тарихи-чагыштырмалы һәм аксиологик методлар* кулланылды. Биографик һәм тасвирлама методлар ярдәмендә татар диалектлары, сөйләшләр өйрәнүгә галимнәрнең фәнни эшчәнлегә тикшерелде; тарихи-чагыштырмалы һәм аксиологик методлар

галим-диалектологларның фәнни-методик эшчәнлеген баяләгәндә ярдәм итте.

Фикер алышу

1804 нче елның ноябрендә Казан университеты ачылуга ук тюркология өлкәсендәгә фәнни тикшеренү һәм эзләнүләр учагына әверелә. Казан университеты үзенең барлыкка килгән көннәреннән бирле Россиядә төрки тел белеме һәм тюркология өлкәсендәгә тикшеренүләрнең бишеге булып тора. XIX гасырның 10 елларында ук тюркология өлкәсендәгә фәнни-тикшеренү эшчәнлегендә жанланыш күзәтелә башлый. Бу этапта Казан университетында яңа фәнни тикшеренүләр башлана, төрки телләрнең фәнни нигезләрен тирәнрәк өйрәнү һәм эшләү юлында беренче адымнар ясала.

Билгеле булганча, XIX гасырның беренче яртысында университетта унга якын көнчыгыш телә укытыла (мәсәлән, гарәп, фарсы, татар, төрек, кытай, монгол, әрмән телләре, аерым елларда яһүд һәм сүрия телләре өстәлә) шуның белән бергә бу халыкларның тарихын, аларның телләрен, көнкүрешен һәм яшәү рәвешен, гореф-гадәтләрен өйрәнү юнәлешендә дә фәнни эш алып барыла. Шунысын да ассызыклап китү кирәк: әлегә чорда көнчыгыш телләрен бу дәрәжәдә мондый күләмдә өйрәнү Россиядәгә университетларның берсендә дә (Мәскәү, Санкт-Петербург, Харьков университетларында) күзәтелми.

Әлегә күпкырлы эшчәнлек нәтижәсендә, XIX гасырның 30–40 нчы елларында университетның Көнчыгыш разряды каршында Казан тюркология мәктәбе оеша. Казан тюркология мәктәбенең башында торучылар, нигез салучылар булып И. Хәлфин, Х. Д. Френ, Ф. И. Эрдман, А. К. Казем-Бек, А. Троянский, И. Н. Березин, М. Мәхмүдов, А. Вагабов, М. Иванов, С. Кукляшев, К. Насыйри, Н. Ф. Катанов, В. В. Радлов һ. б. санала. Аларның күбесе энциклопедик эшчәнлеккә ия: бер үк вакытта тел белгече, тарихчы, фольклор белгече була, татар халкының рухи мәдәниятен төрлә яссылыкта тикшерә, татар халкы тарихын һәм әдәби тел тарихын өйрәнә. Шуңа ук вакытта алар XIX гасырда татар жанлы сөйләм телен тикшерү, аерым төбәкләрдә яшәүче татарларның телләрен фәнни өйрәнүгә зур игътибар бирә.

XIX гасырда Казан университетында татар диалектологиясен өйрәнүгә шартлы рәвештә ике чорга бүлүп карарга мөмкин: 1) XIX гасырның беренче яртысы – университет ачылганнан алып, Көнчыгыш разряды Санкт-Петербург

университетына күчерелгәнгә кадәр булган чор (1804–1854 еллар). Бу чор университетта татар телен укыта башлау; татар халкы тарихын, аның этнографиясен, татар телен фәнни тикшеренүнең киң жәелүе, университетта Көнчыгыш разряды ачылу һәм яшәеше белән бәйле; 2) XIX гасырның икенче яртысы – XX гасыр башы (1855–1917), ягъни Көнчыгыш разряды Санкт-Петербург университетына күчерелгәннән алып, Октябрь инкыйлабына кадәр булган чорны колачлый. Бу этапта татар диалектларын өйрәнүдә университет каршында оешкан «Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте» эгъзалары эшчәнлегә әһәмиятле роль уйный.

Жирле сөйләшләр буенча материаллар жыйнау өчен мөмкинлекләр аруга Россия хөкүмәтенен ижтимагый-сәяси эшчәнлегә дә сәбәпче була. Төрле шәһәрләрдә мәктәп-гимназияләрдә татар теле өйрәтелә башлый һәм, русларга татар теле укыту ихтыяжынан чыгып, ягъни миссионерлык максатларында, күп төрле практик кулланмалар төзелә, аларда жирле тел үзгәрешләре дә чагылыш таба [4, б. 11-12].

Казан университетында беренче татар теле укытучысы булып Ибраһим Хәлфин (1778–1829) санала. Шунда да әйтергә кирәк: Хәлфиннәр династиясе (Сәгыйть Хәлфин, Исхак Хәлфин, Ибраһим Хәлфин) Беренче Казан гимназиясендә һәм Казан университетында 60 ел дәвамында (1769–1828) татар телен укыту юнәлешендә актив эш алып баралар. Татар телен укыту телне гамәли өйрәнүгә юнәлдерелгән була: кыска грамматик кагыйдәләргә үзгәртү, татар теленнән рус теленә һәм киресенчә тәржемәләр итү өчен күнегүләр бирелә, шулай ук сөйләмә телне өйрәнү һәм сөйләм практикасын алып бару иҗтимагый ителә. Шуннан да билгеләп үтәргә кирәк: Ибраһим Хәлфин китаби иске татар телен укыта. Шулай ук вакытта уку-укыту процессында һәм татар телен өйрәтү өчен төзелгән кулланма-эсбапларда Казан тирәсеннән жыйналган тел материаллары файдаланыла, автор Казан татарлары телен әдәби норма итү юлында нәтижәләр эшли.

1828 ел ахырында – 1829 ел башында университет ректоры Н. И. Лобачевский тырышлыгы белән, аның актив эшчәнлегенә нәтижәсендә Көнчыгыш разряды («Восточный разряд») ачыла. Көнчыгыш разряды Казан тюркология мәктәбенең формашуына һәм үсеш алуына зур этәргеч бирә. Билгеле булганча, Казан тюркологлары мәктәбенең иң күренекле вәкилләре (И. Хәлфин, А. К. Казембек,

И. Н. Березин һ. б.) телләргә чагыштырмача өйрәнүгә беренче планга куялар, бу ысулның башкалардан өстенлеген исбатлыйлар. XIX гасырның беренче яртысында татар теленен жирле сөйләшләр, аларның тел үзгәрешләрен турыдан-туры махсус тикшерүгә тиешенчә игътибар бирелмәсә дә, жанлы сөйләм телен өйрәнү юнәлешендә беренче тәҗрибələr ясала.

Казан университеты профессоры Эрдман Франц Иванович (1793–1863) студентларга гарәп һәм фарсы телләрен укыта, көнчыгыш халыклары тарихын, бигрәк тә татарларны өйрәнүгә, төрки халыклар тарихы һәм филологиягә буенча чыганаclarны ачыклауга зур игътибар бирә. Галимнең татар теленен тулы сүзлеген эшләү программасы аеруча әһәмиятле, әлеге программа 1830 ел башында эшләнә. Ф. И. Эрдман 1829 елның 29 сентябрендә университетның сүз гыйлеме бүлегенә каршында татар теленен тулы сүзлеген эшләү тәкъдире белән чыгыш ясый, программа татар теленен тулы грамматикасын һәм тулы сүзлеген төзүгә максат итеп куя. Хезмәтнең сүзлек өлешен татар сөйләшләрненнән жыйналган лингвистик материалларга таянып эшләү күздә тотыла, Ф. И. Эрдман Казан, Әстерхан, Оренбург һәм Тубыл губернияләрендә яшәүче татарлар теленнән тупланган материал нигезендә сүзлек эшләргә мөмкин дип саный. Галимнең әлеге программасы университетның тел гыйлеме бүлегенә утырышында кабул ителә, ләкин, кызганычка каршы, Мәскәүдә Халык мәгарифе министрлыгында яклау тапмый. Шулай итеп, төрки лингвистика үсеше өчен әһәмиятле булган татар теленен тулы сүзлеген төзү идеясе тормышка ашырылмыйча кала. Гыйльми советның программа мәсьаләсендә кабул ителгән карары Казан университетының тюркологик тикшеренүләр өлкәсендә үзгәреш булуын тагын бер кат раслый.

XIX гасырның беренче яртысында Көнчыгыш разрядта эшләгән Ибраһим Хәлфиннән соң икенче татар кешесе һәм татар теле укытучысы – Мөхәммәтгали Мәхмүдов (1824–1891). М. Мәхмүдов көнчыгыш каллиграфиягә белгече була, университетта төрек һәм татар телләреннән дәресләр алып бара, галим-тюрколог буларак исә Казан тюркология мәктәбе йогынтысында формалаша. Аның «Үлгән кебек булган кешеләргә кабергә күммәкдин саклауның гамәлләре бәянындадыр» (О предохранении обмерших от погребения) (1851), «Практическое руководство к изучению татарского языка» (1857) кебек хезмәтләре

басылып чыга, рус теленнән татарчага тәржемә итү белән дә шөгылләнүе билгеле. Мөхәммәтгали Мәхмүдов, шул чорда киң таралган фикерләргә каршы чыгып, үзенчә эшчәнлегә белән халыкның гади сөйләм телендә фәнни хезмәтләр язарга мөмкин булуны дәлилли. Медицинага караган һәм рус теленнән тәржемә ителгән хезмәтләрдә *мин фәкыйрегезне кара халык телендә тәржемә иткән өчен ачуланмагыз, бу китапчык һәр кеше укып аңласын өчен тәржемә ителде* [5, б. 79] дип асызыклы. Төрки тел белемдә М. Мәхмүдовның «Практическое руководство к изучению татарского языка» (1857) хезмәте аеруча әһәмиятле дип санала. Хезмәтнең кереш өлешендә галим түбәндәгелә билгеләп үтә: «бу китапны бастырганда, минем бердәнбер теләгем: рус ватандашларымны татар теле Казан сөйләмә белән таныштыру иде» [6, б. 3]. Әлегә әсбапны Казан татарларының сөйләмә теле буенча язылган беренче хезмәт дип атарга да мөмкин булыр иде [7, б. 23]. Әсбапны Казанның беренче гимназиясендә һәм Казан университетында татар теле укытуда дәрәҗәлек буларак кулланыны истә тотып, шуны асызыкларга мөмкин: XIX гасыр урталарында Казан татарларының сөйләмә теле уку йортларында укытыла башлый, һәм алга таба Казан татарлары сөйләше нигезендә татар әдәби теле формалаша.

Шулай итеп, XIX гасырның беренче яртысында Көнчыгыш разрядында эшләгән галимнәрнең һәм Казан тюркология мәктәбенә күренекле вәкилләренә фәнни эшчәнлегә нәтижәсендә жирле сөйләм теле материалларын фәнни әйләнешкә кертү, аларны уку-укыту процессында куллану юлында уңышлы тәҗрибәләр яса. Әлегә материаллар алдагы этапта жанлы сөйләмә телне, халык сөйләшләрен фәнни өйрәнү, чагыштырма-тарихи юнәлештәге тикшеренүләр юлында ныклы нигез булып торалар.

XIX гасыр урталарынан татар диалектларын һәм сөйләшләрен өйрәнүдә жанлану күзәтелә: аерым сөйләшләр буенча материаллар фәнгә кертелә башлый. XIX гасырның икенче яртысы – XX гасыр башында (1855–1917) Казан университетында татар диалектологиясә мәсьәләләрен фәнни нигездә өйрәнү университет каршында оешкан «Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте» эшчәнлегә белән бәйле үсеп китә. Билгеле булганча, әлегә жәмгыять университет каршында 1878 елда оештырыла һәм Идел буе халыкларының этнографиясен өйрәнүгә зур

этәргеч бирә. Татар халкының рухи мәдәниятен, шул исәптән татар диалектларын өйрәнүдә булган традицияләр, жәмгыять эшчәнлегендә 1920 елларга кадәр үсеш-үзгәреш кичерә.

Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте әгъзаларының мөһим бурычларыннан берсе булып халык әдәбияты үрнәкләрен ачыклау: жырлар, әкиятләр, табышмаклар, риваятьләр жыю тора. Шулай ук алар текстларны тикшерү, төрле вариантларны чагыштыру һәм бастырып чыгару (берничә вариантта: оригинал телендә, академик фәндә кабул ителгән махсус билгеләрне кулланып эшләнгән фонетик язмада – транскрипциядә, рус теленә тәржемәдә) белән дә шөгылләнгәннәр.

Жәмгыять эшчәнлегендә Идел буе халыкларының рухи һәм матди мәдәниәте буенча тикшеренүләр аерым урын алып тора, төрле халыкларның фольклорын, авыз ижаты әсәрләрен чагыштырма аспектта өйрәнү юнәлешендә актив эш алып барыла. Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте әгъзаларының өйрәнү объектлары булып шулай ук рәсем һәм декоратив-гамәли сәнгать, архитектура, халык музыка культурасы һәйкәлләре дә тора. «Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте хәбәрләре»ндә дөнья күргән язмалар арасында тел тарихы, диалектология, палеография, текстология буенча эшләр бар.

XIX гасырның икенче яртысында татар сөйләшләрен һәм диалектларын фәнни өйрәнүгә нигез салына. Татар диалектологиясә фән буларак А. Г. Бессонов эшчәнлегә белән дөньяга туа [4, б. 13]. А. Г. Бессонов үзенчә «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» (1881) мәкаләсендә татар, мишәр, типтәр, «башкорт», керәшен сөйләшләрен тасвирлый, аларны чагыштырма метод нигезендә өйрәнә, Казан арты сөйләшләренә якын тору дәрәҗәләрен билгеләү омтылышы ядый, галим беренчеләрдән булып татар сөйләшләрен классификацияләп карый [8].

Татар диалектологиясә тарихында Казан университеты профессоры, чагыштырма тел белеме докторы, этнограф, фольклор белгече, танылган тюрколог Николай Фёдорович Катанов (1862–1922) хезмәтләре әһәмиятле урын алып тора. Н. Ф. Катанов 1894 елда университетның тарих-филология факультеты төрек-татар кафедрасы профессоры итеп билгеләнә. Н. Ф. Катановның көнчыгышны өйрәнү һәм фәнни-агарту өлкәсендәге күпкырлы эшчәнлегә Казанда шәрыкны өйрәнү фәненең сакланып

калуына һәм үсешенә ярдәм итә. Казан университетының Россиядә көнчыгышны өйрәнүнең зур үзәге буларак үсеп китүендә дә галимнең роле һәм әһәмияте баянлап бетергесез.

1898–1914 елларда Н. Ф. Катанов Казан университеты каршындагы Археология, тарих һәм этнография жәмгыятегә кергән. Жәмгыятьтә татарларның төрле этник төркемнәрен: аеруча керәшеннәрне, мишәрләрне, типтәрләрне өйрәнүгә зур урын бирелә. Жәмгыятьнең гомуми жыелышларының берсендә мишәрләр телен тикшерү максатыннан махсус экспедицияләр оештыру кирәклеген турында карар кабул ителә [9, б. 449–450]. Төрки халыклар яшәгән регионнарда оештырылган кыр экспедицияләре вакытында халыкның рухи мәдәниятегә караган материалларны, фольклор үрнәкләрен жыйганда һәм язып алганда, жирле халыкның тел үзенчәлекләренә дә игътибар ителә. Шулай итеп, XIX гасыр ахырында жирле сөйләшләрне өйрәнү өчен урыннарда махсус экспедицияләр оештыру башланып китә. Экспедиция вакытында аерым төбәкләрдә яшәгән халыкның табигый сөйләм тәңләп-язып алына, диалектологик тикшеренүләрдә индивидуаль метод фәнни әйләнешкә керә, ул хәзерге вакытта да ышанычлы һәм продуктив методларның берсе булып санала.

Н. Ф. Катановның Казан чорына караган фәнни эшчәнлегендә дә төрки халыклар яшәгән төрле регионнарда кыр экспедицияләрен оештыру һәм аларда катнашу эше үзәктә тора. Аерым алганда, галим 1897 һәм 1898 елларда Уфа губернасының Минзәлә (1897 ел) һәм Бәләбәй (1897, 1898 еллар) өязләренә экспедицияләр оештыра [10; 11] һәм халык төрле исемдә (татар, типтәр, мишәр, башкорт, чын башкорт) аталып йөртелгән авылларның сөйләшләрен чагыштырма планда өйрәнә, чын башкортлардан тыш булган авылларның сөйләше барысыныкы да бертөсле икәнлеген, һәм аларның татар теленә бик якын булуларын танып [4, б. 13]. Шулай ук Н. Ф. Катановның 1899 елның жәй айларында Себергә Енисей губернасына оештырылган экспедициядә катнашуы һәм себер татарларының сөйләм телен өйрәнүе дә мәгълүм [12], фәнни хисапта татар теленң көнчыгыш диалектларына күзәтү ясала.

Моннан тыш, XIX гасырның соңгы чирегендә – XX гасыр башында татар сөйләшләрен өйрәнүгә Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте эгъзалары яки жәмгыять белән тыгыз элемәттә торган галимнәр – В. В. Радлов, С. Е. Малов, Г. Н. Әхмәров,

В. К. Магницкий, В. А. Казаринов һ. б. үз өлешләрен кертәләр. Идел буе төрки халыклары арасында татарларның төрле этнографик төркемнәре – мишәрләр, типтәрләр, керәшеннәр тикшеренү объектлары итеп алына.

«Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте хәбәрләре»ндә басылган күпчелек мәкаләләрдә мишәр диалектының аеруча күзгә ташлана торган фонетик һәм грамматик үзенчәлекләре күрсәтелә, алар казан арты сөйләшләре һәм керәшен татарлары сөйләшләренә хас үзенчәлекләр белән чагыштырыла, параллельләр китерелә. Жәмгыять галимнәренң һәм миссионерларның бу юнәлештә шактый тикшеренүләр үткәргәнлегенә мәгълүм. Мәсәлән, С. Е. Малов Чистай өязендә экспедицияләрдә булып, ц-лаштыручы мишәрләр турында яза, мишәр диалектына хас шактый үзенчәлекләрен күрсәтә [13; 14]. Мишәрләр турында шулай ук В. К. Магницкий, В. А. Казаринов, Н. И. Золотницкийларның да күзәтүләре кызыклы. В. К. Магницкий Казан һәм Сембер өязе мишәрләрен [15], ә В. А. Казаринов Чистай өязе мишәрләрен [16] тикшерә.

Мишәр диалектын өйрәнүгә багышланган хезмәтләр арасында Г. Н. Әхмәровның фәнни тикшеренүләре аеруча игътибарга лаек, аларда үз халкы вәкиле тарафыннан жентекләп жыелган татарларның рухи мәдәнияте турында мәгълүматлар тәкъдим ителә. Г. Н. Әхмәровның «Мишәр халкы һәм аның теле турында» (1903) [17] мәкаләсе үзәк урынны алып тора. Галим 1894–1895 елларда Казан губернасының Спас һәм Тәтеш өязләренә фәнни командировкалары вакытында [18, б. 349] мишәрләрнең көнкүреше һәм теле турында мәгълүматлар жыйнап, мишәр сөйләшләренң фонетик, лексик үзенчәлекләрен күзәтә. Бары тик 1903 елда гына Г. Н. Әхмәров фәнни эш нәтижеләрен тәкъдим итә ала. Тикшеренүнең төп максаты – тел үзенчәлекләре, риваятьләр, традицияләргә нигезләнеп, мишәрләрнең килеп чыгышын билгеләү [19, б. 184]. Татар-мишәрләрнең килеп чыгышын өйрәнгәндә, Г. Н. Әхмәров аларның гореф-гадәтләренә, риваятьләренә, үз күзәтүләренә һәм жирле топонимика, бигрәк тә, лингвистик материалларга таяна. Жыелган материалны өйрәнү һәм гомумиләштерү нигезендә Г. Н. Әхмәров беренчеләрдән булып мишәрләрнең төрки чыгышы турында фараз әйтә, бу исә XX гасырның икенче яртысында үткәрелгән этнографик тикшеренүләр белән раслана. Шуны искәртеп узарга кирәк: әлеге чордагы кайбер хезмәтләрдә (мәсәлән,

В. В. Вельяминов-Зернов, Е. А. Малов) мишәр-ләрнең килеп чыгышы угро-фин халыкларының тарихы белән тыгыз бәйләнештә аңлатыла.

Г. Н. Әхмәровның шулай ук типтәрләр һәм аларның килеп чыгышын тикшерүгә багышланган хезмәте [20] игътибарга лаек. Билгеле булганча, Г.Н. Әхмәров типтәрләр белән 1880 елларда, Нократ губернасының Алабуга өязендә укытучы булып эшләгән вакытта таныша [21, б. 355]. Галим 1904 елда мишәрләр, типтәрлар һәм башкортлар күпләп яшәгән урыннарга фәнни сәфәр – экспедиция планлаштыра, ләкин аның әлеге планы тормышка ашмыйча кала, һәм ул 1906 елда гына үзенек теләгәнә ирешә.

Типтәрләрнең килеп чыгышын өйрәнү өчен фәнни әдәбият һәм мәгълүматлатның аз булуы сәбәпле, Г. Н. Әхмәровка үз күзәтүләренә таянырга туры килгән. Ул типтәрләр, татарларның башка этнографик төркемнәре һәм күрше халыкларның рухи мәдәниятләре элементларына тарихи-чагыштырма анализ ясый. Халыкның горейф-гадәтләре, төрле бәйрәмнәре, көнкүреше, традицион шөгыльләре тикшерелә; ономастик берәмлекләр анализлана. Үзенек тикшеренү мәгълүматларына нигезләнеп, галим типтәрләрне татар халкының бер этнографик төркеме итеп күрсәтә, «типтәр» этнонимының килеп чыгышы турында фәнни яктан расланган фикер әйтә (*типтәр* атамасы гарәп һәм фарсы телләреннән *дәфтәр* сүзе «исемлек, реестр» белән бәйләп аңлатыла). Шунысын да билгеләп үтәргә кирәк: XX гасыр башында Г. Н. Әхмәров тарафыннан тәкъдим ителгән «типтәр» атамасының килеп чыгышы турындагы фикере хәзерге фәндә раслана.

Шулай итеп, Г. Н. Әхмәровның татарның төрле этник төркемнәрен, аларның этнонимын, матди һәм рухи мәдәниятен тарихи һәм лингвистик аспектта өйрәнүгә багышланган хезмәтләре бүген дә фәнни даирәдә актуаль яңгырый, кызыксыну уята, аларда казан татарлары, мишәрләр һәм типтәрләр турында бай фактик материал тәкъдим ителә.

Димәк, XIX гасыр ахырында – XX гасыр башында ук татар диалектологиясенә фән буларак нигез салына һәм, диалект, сөйләшләргә бүленеш, аларны классификацияләү хакында да фикерләр күренә һәм бу процесс Казан университеты галимнәренек фәнни эшчәнлегә, гыйльми эзләнүләре белән дә тыгыз бәйләнә. Октябрь инкыйлабыннан соңгы елларда да диалектология фәнненек бай һәм катлаулы үсеш

юлында, сөйләшләрне системалы өйрәнүдә университет галимнәренек роле зур була.

Татар диалектологиясенек октябрь инкыйлабыннан соңгы чоры үзе 4 этапка бүлеп карала: 1) 1917–1940 еллар азагы, 2) 1940 еллар азагы – 1950 еллар, 3) 1950 еллар азагы – 1980 еллар, 4) 1980 еллар азагынан хәзерге көнгә кадәр [4, б. 13].

Октябрь инкыйлабыннан соңгы чорда татар диалектологиясен өйрәнүдә Жамал Вәлиди (тулы исеме *Жамалетдин Жәләлетдин улы Вәлидов*, 1887–1932) эшчәнлегә игътибарга лаек. Ул – күренекле татар тел галиме, тәнкыйтьче, әдәбият белеме белгече, педагог. Жамал Вәлиди 1922–1923 елларда Казан университетының рабфагында укыта, 1923 елдан 1931 елның маена кадәр (кулга алынганчыга кадәр) Казан шәрәк педагогия институтында укыта, фән белән шөгыльләнә. Ж. Вәлидинек анкета ысулын кулланып, жирле сөйләшләрден тел материаллары туплавы, нократ сөйләше таралган якларга экспедицияләр уздыруы да билгеле. Әлеге эшчәнлек нәтижәсендә татар диалектларына кыскача характеристика, аларның классификациясе бирелә һәм татар сөйләшләрнен өйрәнүгә багышланган мәкаләләр басыла [22], [23], [24].

Казан университетының күп кенә мөгаллим-галимнәре XX гасыр дәвамында татар диалектологиясе юнәлешендә актив эзләнүләр алып бара, аеруча Латыйф Жәләй, Диләрә Тумашева, Фәрит Юсупов кебек университет галимнәре татар диалектологиясен фәнни юнәлештә өйрәнүне нигезләүгә һәм үстерүгә зур өлеш кертә һәм уку йортында үзенек фәнни мәктәбен булдыра.

Латыйф Жәләй (тулы исеме *Латыйф Жәләлетдин улы Жәләлетдинов*, 1894–1966) – татар теле буенча беренче филология фәннәре докторы, профессор, тел белгече. Ул 1935 елдан үзенек педагогик эшчәнлеген башлый: югары уку йортларында – Казан педагогия институтында һәм Казан университетында татар диалектологиясе һәм татар теле тарихы фәннәрен укыта. Ул 1939 елдан 1962 елга кадәр Тел, әдәбият һәм тарих институтында татар теле секторын житәкли; 1955 елда Мәскәүдә Тел белеме институтында татар телнен урта диалекты буенча докторлык диссертациясен уңышлы яклап, татар теле буенча беренче филология фәннәре докторы була, гомумән, 1940–1960 елларда татар диалектологиясе һәм татар теле тарихы өлкәсендә иң зур белгечләрден санала.

Бу елларда Латыйф Жәләй татар диалектологиясе өлкәсендә актив тикшеренүләр алып бара: анкета ысулы нигезендә һәм индивидуаль методны кулланып, татар диалектлары буенча шактый материаллар материаллар жыя, аларны фәнни эшкәртә. Аның 19 тапкыр диалектологик экспедиция оештыруы һәм алар белән житәкчелек итүе билгеле. Л. Жәләй, татар диалектологиясендә беренчеләрдән булып, тел үзенчәлекләрен картага төшереп карый, ягъни лингвистик география методын куллануның беренче тәҗрибәләрен ясый [4, б. 14].

Гамәли эшчәнлек нигезендә тупланган материалны эшкәртүнең һәм фәнни казанышларны системалаштыруның нәтижәсе буларак, галим 1947 елда югары уку йорты студентлары өчен «Татар диалектологиясе» (1947) исемле дәрәслеген бастырып чыгара. Дәрәслектә Татарстан һәм аннан читтәге өлкәләрдә һәм республикаларда татарган жирле сөйләшләр турында мәгълүматлар бирелә, татар диалектлары һәм сөйләшләрнең территориаль-лингвистик принципка нигезләнеп төзелгән классификациясе китерелә [25]. Шунысын билгеләп үтәргә кирәк: әлеге дәрәслек һәм галим тәкъдим иткән классификация бүгенге көндә дә үзенең актуальлеген югалтмый, студентларга татар диалектологиясе буенча язылган беренче дәрәслек буларак тәкъдим ителә, татар диалектларын өйрәнү һәм уку-укыту процессында кулланыла. Татар диалектологиясенә татар тел белемендә мөстәкыйль тармак буларак үсеш алуында, аның югары уку йорты программаларына уку предметы буларак кертелүендә дә Л. Жәләй эшчәнлегенә әһәмияте зур.

Галим лингвистик материалларга таянып, халыкның этногенезын өйрәнүне, аерым этник төркемнәр килеп чыгу, формалашу тарихын тикшерү юнәлешендә дә эш башкара. Татар халкы тарихы белән ныклап кызыксынган галим үзенең хезмәтләрендә татар теленең жирле төрки сөйләшләр нигезендә формалашканын раслый. Л. Жәләйнең «Татар тел белеме алдындагы бурычлар» (1956) мәкаләсендә татар теленең аңлатмалы сүзлеген, диалектологик атлас, диалектологик сүзлекне төзү һәм бастыру тәкъдире белән чыга.

Казан дәүләт университетында татар диалектларын, Башкортстанда һәм Көнбатыш Себердә таралган татар сөйләшләрен экспедицияләр юлы белән өйрәнү, әлеге

төбәкләргә диалектологик экспедицияләр оештыру 1956–1965 елларда яңадан башланып китә. Билгеле булганча, жанлы сөйләм телен тикшерү, жирле сөйләм үзенчәлекләрен экспедицияләр вакытында тыңлап-язып алу Казан тюркология мәктәбенә традицияләре барып тоташа. Университет укытучылары һәм студентлар зур булмаган төркемнәр булып, Башкортстанның көнбатыш районнарына һәм Көнбатыш Себергә диалектологик экспедицияләргә чыгалар, соңрак экспедицияләр Төмән, Омск, Новосибирск, Омск, Кемерово өлкәләренә кадәр жәелә. Диалектологик экспедицияләр вакытында жирле халыкның сөйләм үрнәкләре язып алына, тел материаллары туплана. Университет житәкчелеге татар филологиясен үстерүне университетның мөһим бурычларыннан берсе буларак бәяли; экспедицияләр оештыруда, укытучы һәм студентларның диалектологик тикшеренүләренә һәр яктан ярдәм күрсәтә: матди яктан (мәсәлән, саз ягы татарларына экспедицияләр оештырганда, махсус киёмнәр алырга ярдәм итә, вертолет һәм гидросамолет жәлеп итә) һәм фәнни аспектта (фәнни хезмәтләренә, тикшеренү нәтижәләрен бастырып чыгару мөмкинлекләре тудыра) нәтижәле эш алып бара. 1960 еллар ахырына себер татарлары диалектларын экспедиция юлы белән өйрәнү, нигездә, төгәлләнә. 1966–1975 еллар материалларны эшкәртү, нәтижәләрен гомумиләштерү һәм теоретик тикшеренүләр белән характерлана.

Әлеге чорда университетта татар диалектологиясе өлкәсендәге фәнни тикшеренүләр Диләрә Тумашева исеме һәм эшчәнлегенә белән бәйләнеп китә. Диләрә Гариф кызы Тумашева (1926–2006) – филология фәннәре докторы, профессор, академик, тел белгече, галим-диалектолог; аның фәнни эшчәнлегенә татар тел белеме тарихында һәм тюркологиядә күренекле урын тотта, фәнни эзләнүләр белән янәшәдә, актив ижтимагый эшчәнлек алып бара.

Д. Г. Тумашева татар диалектларын тикшерү мәсьәләләренә белән 1949–1952 елларда Мәскәүдә Азия һәм Африка илләре институтының тюркология кафедрасында аспирантурада укыган вакытта ныклап шөгыльләнә башлый. Ул Н. К. Дмитриев житәкчелегендә Себер татарлары диалектларын экспедицион тикшеренү юлы белән өйрәнә. Галимә 1952 елда Казан дәүләт университетына себер татарлары диалектлары буенча («Татарские диалекты Западной Сибири») кандидатлык диссертациясен яклап кайта һәм

алдагы тормышы, фәнни һәм педагогик эшчәнлеге Казан шәһәре һәм Казан дәүләт университеты белән бәйләнә.

Д. Г. Тумашева фәнни эшчәнлекне педагогик эшчәнлек белән тыгыз бәйләп алып бара: ул 1969 елда «Себер татарлары диалектларының татар һәм башка төрки телләргә мөнәсәбәте» темасына докторлык диссертациясен язып яклай.

Д. Г. Тумашева үзенең фәнни эзләнүләрендә Себер халыклары диалектларын беренче булып тикшергән күренекле тюрколог Василий Васильевич Радловның (1837–1918) эзләнүләрен үстереп алып китә. Галимә бу юлдагы эзләнүләрен Себер татарлары диалектларын өйрәнүдән башлап жибәрә: студентлар белән себер татарлары яшәгән төбәкләргә фәнни-диалектологик экспедицияләр оештыра, шул вакытта биредә яшәүчеләрнең жирле сөйләшләрән өйрәнә һәм аларны фәнни өйрәнү эшен жайга сала. Д. Г. Тумашева себер татарларның тел үзенчәлекләренә, халык авыз ижатына, этнографиясенә, тарихына караган үзенчәлекле һәм бай материал жыеп кайта һәм аларны фәнни эшкәртеп, өч монография, күп сандагы макаләләр бастырып чыгара: «Көнбатыш себер татарлары теле (Грамматик очерк һәм сүзлек)» (1961), «Язык сибирских татар» (1968), «Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования» (1977).

Берничә дистә ел дәвамында Көнбатыш Себернең татар диалектларын фәнни һәм гамәли өйрәнү нәтижәсендә себер татарлары теле турында бөтенлекле караш формалаша. Мондый эзләнүләрнең чагыштырмача тарихи яссылыкта үстереп барылуы себер татарлары сөйләшләрнең татар теле белән генә түгел, алтай, хакас, үзбәк, уйгур һәм кыпчак телләре белән дә бәйләнешләрән, уртак якларын аерып чыгарырга, диалектларның төрки телләр классификациясендәге урынын төгәлләштерергә юл ача.

Себер татарлары лексикасын тикшерү, лексик берәмлекләргә туплау эшен Д. Г. Тумашева алга таба да үстерә һәм камилләштерә һәм диалектның лексик үзенчәлекләрен этник яктан якын булган төрки телләр белән бәйлә тикшерә башлай. Мондый эзләнүләр нәтижәсендә диалектларның һәм сөйләшләрнең территориаль таралыш картасы эшләнә, «Себер татарлары диалектлары сүзлеге» (1992) басылып чыга һәм фәнни жәмәгатьчелек тарафыннан югары бәяләнә.

Себер татарлары теленә караган фәнни эзләнүләренә бәйлә Д. Г. Тумашева көнчыгыш

диалектлар төркеменә диалект һәм сөйләшләргә бүленешен дә төгәлләштерә: Себер татарлары сөйләшенең тубыл-иртыш, бараба һәм том диалектларына бүленүен күрсәтә, аларның татар теле диалектлар системасына каравын бай фәнни һәм фактик материалларга таянып исбатлай. Аларның телен фонетик, лексик һәм грамматик үзенчәлекләр ягыннан ныклап өйрәнә, шулар нәтижәсендә диалектлар составында аерым сөйләшләрне аерып чыгара.

Д. Г. Тумашева мондый эзләнүләре белән төрки тел белемдә чагыштырма-тарихи тикшеренүләрнең чыганаг базасын бастуга һәм камилләштерүгә ирешә һәм тарихи-лингвистик концепцияне фәнни әйләнешкә кертә. Аның нигезендә Себер татарлары диалектлары тарихи яктан киң Көнбатыш Себер ареалының төрле этник төркемнәренә караган телләргә һәм сөйләшләргә бәйләп аңлатыла.

Алдагы чорда да Казан университетында татар диалектологиясен фәнни өйрәнү дәвам итә: татар теленең диалектларын лингвистик география һәм ареал лингвистика методларына нигезләнеп өйрәнү өлкәсендә Фәрит Йосыф улы Юсупов зур уңышларга ирешә. Ф. Й. Юсупов – филология фәннәре докторы, профессор, танылган тел белгече, галим-диалектолог; ул лингвистик география һәм ареология өлкәләрендә фәнни тикшеренүләр алып бара.

Ул 1964 елдан татар теленең диалектларын лингвистик география һәм ареал лингвистика методларын кулланып тикшерү эшен башлап жибәрә. Татар халкы күпләп яши торган төбәкләргә фәнни-диалектологик экспедицияләр оештырып, халыкның жирле сөйләшләрән тикшерә, аларны фәнни эшкәртеп тә бара. Шул материалларга таянып, 1972 елда Ф. Й. Юсупов «Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләр» дигән темага кандидатлык диссертациясен язып яклай (Н. Б. Борханова житекчелегендә). Курган һәм Чиләбе өлкәләрендәге моңа кадәр татар тел белемдә билгеле булмаган сөйләшләрне тикшерүгә караган бу хезмәт фәнгә көчле диалектолог, чит регионнарда яшәп килгән татар сөйләшләрән өйрәнүгә зур белгеч килүен хәбәр итә.

1988 елда Казахстан Фәннәр Академиясенең Тел белеме институты каршында эшләп килгән докторлык диссертацияләрен яклау советында Ф. Ю. Юсупов «Татар фигаһләрән ареал ысул белән өйрәнү» дип аталган докторлык диссертациясен яклай (фәнни консультанты –

Ә. Р. Тенишев). Мәскәү яныннан алып, Ерак Көнчыгышка кадәр татар сөйләшләрнен ареал лингвистик зоналарын, тел үзенчәлекләрен өйрәнүгә багышланган әлеге хезмәт татар тел белемендә яңа сүз була. Бу эзләнүләре белән галим, татар диалектологиясе фәннәндә беренче булып, өч диалектның классификацион билгеләрен аерып чыгара, *диалект теле* төшенчәсен киң фәнни әйләнешкә кертәп жиберә.

Алга таба бу эзләнүләрнең давамы төсәндә Ф. Ю. Юсуповның «Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләр» (1979), «Татар диалектлары. Урал сөйләшләр» (2003), «Красноуфим татарлары: тарих, тел, фольклор» (2003), «Сафакул татарлары: тарих, тел, халык ижаты» (2006) дигән монографияләре дөнья күрә һәм татар тел белемен, диалектология фәннә үстерүгә зур өлеш кертә. Лингвистик география һәм системалы-синхрон методларны кулланып язылган бу хезмәтләрдә Урал географик зонасында таралган красноуфим, нократ-кистем, эчкен, нагайбәк, сафакул сөйләшләрнен оешып китүе, этник тарихы, төп лингвистик хасиятләре тикшерелә. Лингвистик материаллардан тыш, архив материалларының, тарихи чыганаclarның да кулланылуы әлеге монографияләрнең актуальлеген, фәнни кыйммәтен бермә-бер арттыра, сөйләшләрнең татар диалект системасындагы урыннарын төгәлләштерергә көчле нигез була.

Мондый эзләнүләрен Ф. Ю. Юсупов «Неличные формы глагола в диалектах татарского языка» (1985), «Изучение татарского глагола» (1986), кебек монографияләрендә, күпсанлы мәкаләләрендә, чыгышларында да үстереп, камилләштереп бара. Аның «Морфология татарского диалектного языка» (2004) монографиясен Россия Мәгариф һәм фән министрлыгы каршындагы филология буенча укыту-методик берләшмәсе Россия Федерациясенең классик университетларының милли бүлекләре өчен дәреслек буларак тәкъдим итә, ул Казан дәүләт университетында гуманитар фәннәр арасында үткәрелгән конкурста 2005 елның иң яхшы фәнни хезмәте исеменә лаек дип табыла.

Ф. Ю. Юсупов бүгенге көндә дә татар диалектларын системалы тикшерү юнәлешендә кыңкырлы эш алып бара. Аның күпьяллык фәнни эшчәнлеген тупланган «Казан татарлары шивәсе» (2023) хезмәтендә Казан ханлыгы чоры, Казан ханлыгы җимерелгәннән соң татар әдәби теленең нигезен тәшкил иткән, бай

сөйләшләр системасыннан торган казан татарлары шивәсенең (диалектының) барлыкка килү тарихы, аның авазлар системасын һәм грамматик төзелешне өйрәнелә. Китапта шулай ук сөйләшләрне формалаштырган этник төркемнәрнең тарихына да кызыклы күзәтүләр ясала. Казан татарлары шивәсенең башка төрки телләр белән территориаль мөнәсәбәтен ачыклау өчен галим тел белеменең лингвистик алымнарын да киң куллана [26].

Казан университетында татар диалектологиясен өйрәнү юнәлеше XX гасыр ахыры – XXI гасыр башында давам итә. Олпат галимнәребезнең эшен давам итеп, бу юнәлештә Г. М. Сөнгатов, М. Р. Саттарова (Хәбибуллина), Г. Ч. Фәйзуллинаның һ. б. татар диалектологиясе буенча якланган кандидатлык һәм докторлык диссертацияләрен күрсәтергә мөмкин. 1988–1989 елларда Төмән өлкәсендәге саз ягы татарлары телен өйрәнү өчен Г. М. Сөнгатов җитәкчелегәндә диалектологик экспедицияләр оештырыла, сөйләшнәң фонетик системасы эксперименталь юл белән тикшерелә [27]. М. Р. Саттарова татар диалект телендә [а] фонемасының вариантларын өйрәнә, аларның таралыш кыңкыкларын билгели [28]. Г. Ч. Фәйзуллинаның докторлык диссертациясендә Төмән өлкәсенең көньягында таралган татар халык сөйләшләрне материалы нигезендә диалекталь тел картинасында кеше образы бирелешә лингвокультурологик аспектта тикшерелә [29].

Казан университетында татар диалектларын һәм сөйләшләрне экспедиция юлы белән тикшерү эше давам итә. Мәсәлән, Г. Р. Галиуллина, Ә. Ш. Юсупова, Ә. Х. Кадыровлар 2015–2016 елларда Мордовия һәм Чувашстан Республикалары, Пенза өлкәсендә яшәүче татарларның сөйләм телен өйрәнү максатыннан оештырылган диалектологик экспедиция материалларын фәнни эшкәртеп, монографияләр бастырдылар [30, б. 9].

Казан университеты укытучылары аерым татар сөйләшләрне монографик тикшерүгә дә зур өлеш кертә. Мәсәлән, З. Н. Кириллованың Төркиянең Фырат университеты профессоры Әржан Алкая белән берлектә басылган монографиясендә керәшен татарлары сөйләшләрне тикшерелә, аларның тел һәм мәдәни үзенчәлекләре тасвирлана [31]; моннан тыш татар сөйләшләрнең лингвистик үзенчәлекләрен тарихи-чагыштырмалы тикшерүне максат итеп куйган күпсанлы мәкаләләр басыла [32], [33].

Соңгы елларда татар теле белеме кафедрасы мөгаллим-галимнәре күренекле диалектолог һәм тюркологларның фәнни мирасын кабат гыйльми кулланылышка кертү, аларны киң жәмәгатьчелеккә тәкъдим итү юнәлешендә актив эшчәнлек алып баралар. Әлеге юнәлештә Санкт-Петербург Фәннәр академиясе профессоры, тарихчы Г. Ф. Миллер (1705–1783) тарафыннан Бөек Төньяк экспедициясе вакытында (1733–1743) тупланган һәм диалектологик тикшеренүләрдә галимнәр игътибарыннан читтә кала килгән материаллар киң жәмәгатьчелеккә тәкъдим ителде [2, б. 267]. Шунысы әһәмиятле: әлеге кулъязмалар һәм сүзлекләр татар сөйләшләрен өйрәнүдә беренче чыганаclar булып торалар.

Татар диалектлары һәм сөйләшләрнен формалашу тарихын өйрәнү, XIX гасыр – XX башы язма ядкарларда чагылыш тапкан лингвистик үзенчәлекләр нигезендә аерым этник төркемнәрен, аларның тел системасын тикшерү татар тел белемендә актуаль мәсьәләләр булып кала, әлеге юнәлештә Ф. Ш. Нуриева мәкаләләрен аерып күрсәтергә мөмкин [34], [35].

Татар теле белеме кафедрасында татар диалектологиясе өлкәсендә яшъ белгечләр – фәнни алмаш эзерләүгә аерым игътибар бирелә. XXI гасырның беренче чирегендә диалектологик экспедицияләр оештыру дәвам итә (житәкчесе – башта Э. Х. Кадырова, соңрак А. Ф. Юсупов), университет укытучылары һәм студентлары, Россиянең төрле төбәкләрен булып, жирле сөйләм үрнәкләрен жыю белән шөгыльләнәләр. Мәсәлән, Курган өлкәсенең Сафакүл һәм Шадринск районнарына (2005–2007), Төмән өлкәсенә (2012–2013), Түбән Новгород өлкәсенә (2015), Мордовия Республикасы һәм Пенза өлкәсенә (2015), Чувашстан Республикасына (2016) диалектологик экспедицияләр оештырылды. Соңгы елларда студентлар Татарстан Республикасының Казан арты районнарында – Биектау (2019), Арча (2021), Этнә (2023) районында экспедицияләрдә булдылар.

Төп нәтижеләр

Тюркологиядә һәм татар тел белемендә татар диалектологиясен өйрәнүнең бай тәҗрибәсе тупланган. Әйтергә кирәк: Казан университетында татар диалектларын һәм сөйләшләрнен фәнни яктан өйрәнү университет ачылган вакыттан алып, хәзергә көнгә кадәр эзлекле, системалы төстә алып барыла: XIX

гасырның беренче яртысында (1804–1854 еллар) татар халкы тарихын, аның этнографиясен, диалектология мәсьәләләрен өйрәнү Көнчыгыш разряды эшчәнлегә белән бәйлә үстерелә; XIX гасырның икенче яртысы – XX гасыр башында (1855–1917) татар диалектларын өйрәнүдә университет каршында оешкан «Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте» эшчәнлегә әһәмиятле урын тотта, әлеге чорда татар диалектологиясенә фән буларак нигез салына. XX гасырның икенче яртысы – XXI гасыр башы аралыгында татар диалектологиясен өйрәнүдә аерым фәнни мәктәпләр формалашып житә: университет галимнәре татар диалектологиясе тарихының һәр чорында фәнни эзләнүләргә саллы өлеш кертә, аерым юнәлешләргә нигез салалар һәм шул юнәлештә актив эзләнүләр алып баралар, кандидатлык, докторлык диссертацияләрен яклата, үз укучыларын эзерлиләр. Шушы дәвердә университетта студентларга диалектология предметын укыту һәм фәнни тикшеренүләр алып бару, татарлар компактлы яшәгән территорияләргә экспедицияләр оештыруда Л. Жәләй, Д. Г. Тумашева, Г. Ф. Саттаров, Ф. Й. Юсупов, Г. М. Сөнгатов, Э. Х. Кадырова, О. Р. Хисамов, А. Ф. Юсупов кебек күренекле галим-диалектологлар әйдәп бара.

Казан университеты тюркология һәм татар тел белеме үсешенә, фәнни алмаш эзерләүгә дә зур өлеш кертә. Университетның берничә кафедрасында татар диалектологиясе буенча төрле дәрәҗәдәге күпсанлы диссертацияләр тикшерү узып, диссертация яклау советларында якланган, яңа фән кандидатлары һәм докторлары эзерләнә. Татар теле тарихы һәм татар диалектологиясен өйрәнүгә зур өлеш керткән галимнәрен фәнни-методик мирасын ачыклауга, аларның якты истәлегенә багышланган фәнни-гамәли конференцияләр, искә алу кичәләре үткәрелә, жыентыклар һәм конференция материаллары басылып чыга.

Казан университетында озак еллар дәвамында студентларга татар диалектологиясен укытуның бай тәҗрибәсе тупланган. Фәнни тикшеренү нәтижеләрен һәм казанышларны системалаштыру нәтижәсендә, студентларга белем бирү өчен дәреслекләр, уку-укыту әсбаплары һәм программалар язылган, фәнни-методик юнәлештә бүгенгә көндә тотрыклы система оешкан.

Әдәбият

1. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: с показанием их жительства, политического учреждения. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. 99, [2] с., [8] л.
2. *Nurieva F. Sh., Galiullina G. R., Yusupov A. F.* G.F. Miller's Dictionary "Description of Pagan Peoples Living in Kazan Province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks..." as a Valuable Source for Studying the Tatar Language of the 18th Century (based on LingvoDoc material) // *Trudy ISP RAN / Proc. ISP RAS*, vol. 35, issue 6, 2023. P. 265–282.
3. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1937–1941. Т. 1., 1937. 608 с.
4. Татар халык сөйләшләрә: ике китапта / [авторлар коллективы: Ф. С. Баязитова и др.]. Казан: Мәгариф, 2008. Кит. 1. 2008. 461 б.
5. *Махмудов М. Г.* Үлгән кебек булган кешеләрне кабергә күммәкдин саклауның гамәлләре бәянындадыр. Казан, 1851. 82 б.
6. *Махмудов М. Г.* Практическое руководство к изучению татарского языка. Казань: Изд-во книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 255 с.
7. Казанская лингвистическая школа: Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / Сост. М. З. Закиев. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 424 с.
8. *Бессонов А. Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CCXVI. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1881 (август). С. 200–242.
9. Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии за 1898 г. // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казан. университете*. 1899. Т. 15. Вып. 4. С. 442–482.
10. Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 г. по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии // *Ученые записки Казанского университета*. Кн. 11. Казань, 1898. С. 1–37.
11. Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии // *Ученые записки Казанского университета*. Кн. 7 и 8. Казань, 1900. С. 1–30.
12. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению историко-филологического факультета императорского Казан. университета, летом 1899 года. Казань, 1900. 59 с.
13. *Малов Е. А.* Сведения о мишарях: этнографический очерк // *Известия Общества археологии, истории и этнографии*. 1885. Т. 4. С. 13–91.
14. *Малов Е. А.* Из поездки к мишарям (о наречии мишарей Чистопольского уезда) // Приложение к «Ученые записки Казанского университета». Кн. 4. Казань: Типография литограф. ун-та, 1904. С. 1–24.
15. *Магницкий В. К.* Несколько данных о мишарях (мещера, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях // *Известия Общества археологии, истории и этнографии*. 1896. Т. 13, Вып. 4. С. 245–257.
16. *Казаринов В. А.* О мишарях в Чистопольском уезде Казанской губернии // *Известия Общества археологии, истории и этнографии*. 1885. Т. 4. С. 1–12.
17. *Ахмаров Г. Н.* О языке и народности мишарей // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казан. университете*. 1903. Т. 19, Вып. 2. С. 91–160.
18. *Салахова Э. К.* Проблема происхождения татар-мишарей и тептярей в трудах Г. Н. Ахмарова // *Историческая этнология*. 2016. Т. 1. № 2. С. 349–362.
19. *Марданова Ф. Ф.* Роль Казанского университета в изучении духовной культуры татар Поволжья // *Ученые записки Казанского университета*. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, Кн. 3. С. 181–195.
20. *Ахмаров Г. Н.* Тептяри и их происхождение // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казан. университете*. 1908. Т. 23, Вып. 5. С. 340–364.
21. *Салахова Э. К.* Проблема происхождения татар-мишарей и тептярей в трудах Г. Н. Ахмарова // *Историческая этнология*. 2016. Т. 1. № 2. С. 349–362.
22. *Валиди Дж.* О диалектах казанского татарского языка // *Вестник научного общества татароведения*. 1927. № 6. С. 50–65;
23. *Валиди Ж.* Нократ һәм Глазов татарлары арасында // *Татарстан*. 1929. № 5. С. 40–42;
24. *Валиди Дж.* Наречие каринских и глазовских татар // *Труды общества изучения Татарстана*. 1930, Т. 1. С. 135–144.
25. *Жәләй Л.* Татар диалектологиясе: югары уку йортлары һәм педагогия училищелары студентлары өчен дәреслек. Казан, 1947. 137 б.
26. *Юсупов Ф. Ю.* Казан татарлары шивәсе. Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. 993 б.
27. *Сунгатов Г. М.* Фонетическая система заболотного говора тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1991. 23 с.
28. *Хабидуллина М. Р.* Характеристика изоглосс вариантов фонемы [a] в татарском лингвистическом пространстве: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 173 л.
29. *Файзуллина Г. Ч.* Образ человека в диалектной языковой картине мира (на материале татарских народных говоров юга Тюменской

области): дис ... д-ра филол. наук. Казань, 2017. 406 л.

30. Кадирова Э. Х., Галиуллина Г. Р., Сайфулина Ф. С., Юсупова Ә. Ш. Мордовия Республикасы һәм Пенза өлкәсе татарлары: диалектология һәм халык авыз ижаты материаллары. Казан, 2015. 313 б.

31. Alkaya E., Kirillova Z. Kreşin Tatar Türkçesi (Dil, Tarih, Kültür). İstanbul: Kesit Yay., 2018. 670 s.

32. Кириллова З. Н., Алкая Ә. Керәшен татарлары сөйләшләренең лексик үзенчәлекләре // Tatarica. 2018. № 2 (11). Б. 7–30.

33. Юсупов А. Ф. Русские заимствования в татарских говорах: особенности функционирования

и адаптации // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 81–86.

34. Норманская Ю. В., Нуриева Ф. Ш. Графико-фонетические особенности диалектов татар-кряшен в конце XIX – начале XX в. // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. I том. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М.: Изд. группа «Альма Матер». С. 339–354.

35. Нуриева Ф. Ш. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX в. // Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. I том. Графико-фонетические особенности книг XIX в. М.: Изд. группа «Альма Матер». С. 354–370.

ШКОЛА ТАТАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Айрат Фаикович Юсупов,

Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
faikovich@mail.ru.

Гузель Чахфаровна Файзуллина,

Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6,
utgus@mail.ru.

Диалектология – одно из развитых научных направлений в татарском языкознании, основной задачей которой является изучение живого разговорного языка коренных народов и местных говоров, исследование явлений народной речи, не вошедших в литературный язык, определение территории их распространения.

В течение нескольких столетий велась последовательная, систематическая научная работа по изучению духовной культуры татарского народа, истории различных этнических групп, особенностей их языка, их быта и образа жизни, обычаев. Работа по изучению живой речи, фиксации материалов, относящихся к отдельным говорам и диалектам татарского языка, сбору фактического материала, научному его толкованию началась еще в первой половине XVIII века. Изучение татарской диалектологии в Казанском университете также имеет более чем двухвековую историю, и в этом направлении накоплен богатый опыт, исследования татарских диалектов и говоров в университете продолжают и в настоящее время, оставаясь одним из наиболее актуальных и востребованных научных направлений кафедры татарского языкознания. Основным объектом изучения в статье является формирование и развитие диалектологической школы в Казанском университете, данная научная проблема впервые подвергается комплексному исследованию. Это определяет научную новизну и актуальность статьи. В ходе изучения диалектологической школы выявляются основные этапы развития, исследуется научная и научно-методическая деятельность ведущих ученых, внесших большой вклад в изучение татарской диалектологии.

Ключевые слова: татарская диалектология, татарские ученые, ученые-диалектологи, кафедра татарского языка, Казанский университет

Literature

Әдәбият

Литература

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-49-57

PEOPLE'S FATES IN THE NOVEL "IN WHOSE HANDS IS THE AXE?" AND THE STORY "THE WOUND" BY AYAZ GILYAZOV

Ida Ivanovna Andreeva,

St. Petersburg,

idaandreeva@gmail.com.

The article is a kind of a book review of translations of Ayaz Gilyazov's works "In Whose Hands is the Axe?" In the article, the author shares impressions of her personal meetings with the writer. The work evaluates the contribution of translators Nail Ishmukhametov and Albina Nurislamova in promoting the novel "In Whose Hands is the Axe?" and the story "The Wound."

Key words: Tatar literature, Tatar prose, A. Gilyazov, N. Ishmukhametov, A. Nurislamova

Introduction

In 2023, the Tatar Book Publishing House published a single-volume book by A. Gilyazov (1928–2002): the novel "In Whose Hands Is the Axe?" and his story "The Wound" translated into Russian [1].

My special interest in this book is caused, firstly, by the fact that I knew its author from my student years when Ayaz Gilyazov was reinstated at the university after returning from the Gulag camps, and we happened to be studying in the same year (1955–1960). Later, we met again: he was already a famous writer, and I was a university teacher (see more about this in our earlier works: "A. M. Gilyazov, "Let's Pray!": Lessons and Covenants of the Writer (the Issue of Remembering)" [2], "The Writers' Internationale in the Gulag" [3], "The Memories of My Student Years at Kazan University" [4]).

Secondly, both the time and the place of action in the novel are the same ones, in which I lived (from the early 1950s): I walked along the same Kazan streets (both in the center and on its outskirts), went to Staro-Tatar settlement in Zakabanye, to Lake Lebyazhye and to one of the dachas of that very large factory (namely, a gunpowder factory), which is depicted in the novel by A. Gilyazov. I remember well both the yellow dilapidated houses and Dubky. I breathed the smog air of the big city in Admiralteyskaya Sloboda - with its factories, railway sidings and locomotive depot.

Materials and methods

Our analysis is based on A. Gilyazov's novel "In Whose Hands Is the Axe?" [1, pp. 27–423] and the story "The Wound" [1, pp. 424–558]. The work uses comparative-descriptive and cultural-

historical research methods, the methods of analysis and generalization.

Discussion

The novel "In Whose Hands Is the Axe?" and the story "The Wound" were written back in the 1980s. A. Gilyazov lifted the veil of secrecy over his creative plans in a number of his interviews [5], [6]. The works quickly found a response from readers, more than once falling into the focus of attention of Tatar literary scholars and critics (F. Minnullin [7], F. Ganieva [8], T. Galiullin [9], T. Sverigin [10], D. Zakhidullina [11], M. Khabutdinova [12], [13], [14], [15]). Russian-speaking readers, unfortunately, first familiarized themselves with the works only now, half a century after their creation.

Nail Ishmukhametov has made an excellent translation of the novel "In Whose Hands Is the Axe?". A native of Magnitogorsk, having arrived in Kazan in 1994, he managed to gain fame as a talented poet, prose writer, translator of Tatar prose and poetry. But it was far from easy to comprehend A. Gilyazov's work, since it is not entertaining detective fiction and just an artistically told story, but a large, serious and multifaceted work, abounding with telltale everyday, social and political realities of that time in our history, which is usually called the era of "Brezhnev stagnation". It is this era that is the main object of a realistically accurate depiction and at the same time a grotesque and satirical denunciation of the author. Scientific research that began in the 2000s (after the minimum required time distance) has led to the fact that this time is customarily defined as an era woven from contradictions, the time in which movement is intricately combined with statics and achievements with decline [16]. "Against the backdrop of the Khrushchev era explosive transformations, the period of L. Brezhnev's reign produced a lasting impression of stagnation, and it is not accidental that the definition of "zastoi (stagnation)" with all its inherent negative associations came in handy. Such a definition, it would seem, quite adequately reflects the nature of this time," say anthropologists Albert Bayburin and Catriona Kelly [17, p. 11].

A. Gilyazov's work was completed at the turn of the 1980s–1990s. In the history of Russian literature, this period is considered to be the starting point of the modern period. "According to literary critic M. Golubkov, it was then that the previous forms of the literary process and the patterns of the artistic literature development were replaced by fundamentally different ones, which have deter-

mined the characteristics of literature to this day. This change was accompanied by events so global and significant for literary and artistic consciousness that they not only influenced the development of literature of subsequent decades, but also changed ideas about the history of Russian literature of the twentieth century, about its deep specific qualities" [18, p. 1].

The Tatar writer builds the artistic structure of his work in an original way: on the one hand, it clearly traces the plot associated with the fate of the protagonist, the unsuccessful engineer Nazip Nurgaliev and others like him; on the other hand, the narrator—"commentator" is openly given the right to express his opinion of the depicted events and actions of the characters in the form of lyrical digressions, philosophical and religious reflections, open socio-political statements and satirical denunciations of the author himself, which interrupt the plot narrative, simultaneously switching it from one spatial plane to another, from one time coordinate to another.

As a result, the author provides insight into the main, humanistic theme of the novel: the fate of a person is the fate of the people in the second half of the twentieth century (based on the life of the Tatar people). In covering the theme of the "little man", A. Gilyazov largely follows the long-standing humanistic tradition of Russian literature: A. Pushkin - N. Gogol - F. Dostoevsky - A. Chekhov, continuing it in a new historical era, using a new (Tatar) material and giving it a new interpretation. As is known, the definition of "the little man" was first introduced into use by V. Belinsky in his article "Woe from Wit" (1840) when analyzing the image of the mayor in Gogol's "The Inspector General" [19, p. 226]. It was supported and developed by modern literary scholars (see the works of M. B. Khrapchenko [20], G. P. Makogonenko [21], etc.)

Besides pity, sympathy and even respect (like Samson Vyrin, Akakiy Akakievich, "poor people") or laughter and rejection (like Chekhov's "pathetic characters"), A. Gilyazov's protagonist evokes, along with the readers' compassion and understanding of the reasons for the workings of his fate (the "axe" that the next government raised over his head), their condemnation for betraying himself, his true, human essence ("the axe" is eventually picked up, in a figurative sense, by Nazip himself).

That is why, due to his belated rebellion in the grotesque form of Homeric laughter during the May Day demonstration on the main square of the city, he ends up in an insane asylum, followed by

his exile to Tyumen where he disappears into obscurity. It is significant that the title of the novel and its multiple interpretations in the text are given through the direct “intrusion” into the narrative of the author’s citizen voice.

As for the genre of the work, we can rightfully say that this is a social problem novel as well as the novel about everyday life; at the same time, it is a psychological and satirical work with elements of utopia and dystopia, both political and philosophical. It evokes certain associations with “The History of a City” by M. Saltykov-Shchedrin [22] and the novel “The Master and Margarita” by M. Bulgakov [23], with the book “Life and Fate” by V. Grossman [24] and “The Aviator” by E. Vodolazkin [25].

The style of the work is unique: it has realistically accurate details, pictures of everyday life in the city and the Tatar village of the “stagnant era”, its upper and lower classes, which immediately turn into a sharp satirical exposure through the condensation of artistic images (for which irony, grotesque, elements of fantasy, symbolization, the characters’ dreams and visions are used, as well as their internal monologues - “self-exposures”, meaningful names and surnames, sharp contrasts and antitheses), replaced by angry or philosophical author’s reflections. In my opinion, in our today’s multinational Russian literature, it is difficult to name a work, dedicated to the “Brezhnev era”, of such a scale and such a genre, with such intensity of the author’s emotions.

The novel by A. Gilyazov, undoubtedly, is of a pronounced national nature, since it is based on the Tatar background: this is the place of action (Kazan, Tatar villages), the main characters are mostly Tatars, it depicts the national realities of everyday life, customs of the Tatar people and many other things. But there is no nationalism here, one only has to recall the multinational cast of characters: Ivan Ivanovich and Basir Barievich - the highest authority in the city, Kozetsky - the director of the plant, Shidlovsky - the Minister of Railways, the hucksters Ionych and Vafa Safich, the Armenian cooks Gurgun and Samvel, the pockmarked Yakut woman who is a friend of Gurgena, one of the main female characters, doctors Vera Pavlovna, Farid Fazlyeva and Faina Markovna and others.

Depicting the life and tragedy of his own Tatar people, the writer at the same time described the fate of many other people and nations of Russia living during the “Brezhnev era”: it all happened in the past, we have already “got over it”, but it must be comprehended and understood now to learn our

lessons for the sake of our future. This is what the novel was written for.

If after reading this “hard”, brutally truthful novel, the reader experiences the feeling similar to receiving a spiritual wound with an axe in the heart, the story with this exact title – “The Wound” – helps to partially heal it [1, pp. 424–558]. This “modern pastoral” (it brings to memory the subtitle of V. Astafiev’s famous story “The Shepherd and the Shepherdess” [26]) in eleven short stories combines the story of the main characters’ (Zaytuna and Gabdulla) divine (we are not afraid to use this word here) love and the tragedy of war. The epigraph to this work can be taken from the famous poem by K. Simonov: “Wait for me! And I’ll be back, Wait for all you’re worth” [27].

At the same time, this is a wonderful piece of work written in the spirit of folk stories, telling about everyday life, family relationships and rituals, customs and beliefs, communing with the world of nature, and the unique worldview of common people from an ordinary Tatar village. By including beautiful pictures of nature, image-symbols of the Round Stone and the Cave of Saints, the Holy Spring and the Mother of the Spring, excerpts from folk tales and songs, proverbs and sayings in the text of the story, the author creates a kind of small encyclopedia of the Tatars’ folk life (see other works by M. Khabutdinova [12], [15]).

(This is probably why, while reading the book, I remembered how, as a twelve-year-old girl, I had spent a whole summer in the same Tatar village described by A. Gilyazov. At that time, my father worked in a large geological survey party. A Russian man named Ivan, he spoke fluent Tatar, since he was born and raised in the village of Sidorovka, which has now become one of the Naberezhnye Chelny districts. Nearby, there was the Tatar village of Betki, and he picked up Tatar when running to school together with the children from that village. This knowledge of the language turned out to be very helpful later as the workers in the geological party were recruited from the local Tatars in the places where in the early 1950s, they began drilling oil wells near Almeteyevsk, and all of them also lived in Tatar villages. For the summer holidays, my mother, brother and I came to see my father, that’s when I really got to know the life of a Tatar village. Therefore, I still remember the taste of Tatar food (kystybyi and balyash, ochpochmak and katyk, the famous chak-chak), and the first Sabantui that I saw, and the songs that our old hostess sang in her language in the house where we

lived. She made us very welcome at her place, and after we left, she kept sending us greetings with my father.)

Research results

In conclusion, a few words about the publication of the book.

1. The translations of both works into Russian are excellent and professionally made (N. Ishmukhametov - the novel and A. Nurislamova - the story): both translators managed to preserve and convey the originality of the author's national linguistic personality, his stylistic manner, with great tact "weaving" individual Tatar words and expressions into the translated text, occasionally providing explanations in footnotes.

2. In my opinion, by including these two works in the collection meant for the Russian reader, the compilers of the collection acted very smartly and correctly, as the novel and the story seem to "balance" each other in ideological and aesthetic terms, leading from extremely critical realism to an openly romantic narrative, from "darkness" to "light", to a happy ending: to love and the beginning of the peaceful family life of Gabdulla and Zaytuna. That's why the story sounds so modern. It can be rightfully placed next to the famous "Damilya" by Ch. Aitmatov [28], which the French writer Louis Aragon once called "the most beautiful story about love."

3. I express my gratitude to the Tatar literary critic, Candidate of Philology Mileusha Khabutdinova who gave me the opportunity to be among the first to read this book. The extensive preface to the collection provides a deep insight into the diverse content of the works [29].

4. Unfortunately, only 1200 copies of the book have been published. How does it compare to the recent multi-thousands of copies of books - "myths" by the pseudo-Tatar writer Guzel Yakhina (for more detail see: [30], [31], [32])? I would still like to believe that A. Gilyazov's wonderful book will reach the Russian reader and be properly assessed by critics - this will open the door to their wider translation and publication in Russian.

References

1. Gilyazov, A. M. (2023). *V ch'ikh rukakh topor?* [In Whose Hands Is the Ax?]. 559 p. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)
2. Andreeva, I. I. (2018). *A. M. Gilyazov "Davaite pomolimsya!": uroki i zavety pisatelya (problema pamyati)* [A. M. Gilyazov, "Let's Pray!": Lessons and Covenants of the Writer (the Issue of Remembering)]. *Ayaz Gilyazov i ego nasledie v mirovoi i*

otechestvennoi kul'ture. Pod red. M. M. Khabutdinovoi. Pp. 66–72. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

3. Andreeva, I. I. *Pisatel'skii Internatsional v GULAGe* [The Writers' Internationale in the Gulag]. URL: <https://russculture.ru/2019/02/02/ida-andreeva-pisatelskiy-international/> (accessed: 12.12.2023). (In Russian)

4. Andreeva, I. I. (2023). *Moi vospominaniya o godakh studenchestva v stenakh Kazanskogo universiteta* [The Memories of My Student Years at Kazan University]. *Ayaz Gyläjev: fänni-populyar jüentyk*. Pp. 540–546. Kazan, Jyēn. (In Russian)

5. Gyläjev, A. (1991). *Balta kem kulynda?* [In Whose Hands Is the Axe?]. *Gazinur Morat*. Pp. 54–56. Idel. (In Tatar)

6. Gyläjev, A. (1996). *Ozyn chylbyrnyñ ber boñğasy (Kuen däftärennän: yazuchy üzeneñ "Balta kem kulynda?" romany khakynda)* [One Ring of a Long Chain (From the Author's Notebook: The Writer about His Novel "In Whose Hands Is the Axe?")]. *Söembikə*. No. 8, p. 31. (In Tatar)

7. Miñnullin, F. (2002). *Balta yavyzlar kulynda* [The Axe Is in the Hands of the Wicked]. *A. Gyläjev Sailanma äsərlər: 5 t. 1 t.* Pp. 438–440. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

8. Ganieva, F. A. (2008). *Vakyt bezne iyartep aga* [We Follow Our Time]. *A. Gyläjev. Balta kem kulynda?* Pp. 5–12. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

9. Galiullin, T. (1989). *Oly yullar iskermi (M. Mähdiävneñ "Bäkhilläshy" häm A. Gyläjevneñ "Yara" povest'lary turynda)* [The Beaten Paths Have Not Lost Their Significance (about M. Mahdiyev's stories "A Farewell" and A. Gilyazov's "The Wound")]. *Sots. Tatarstan. 24 sentyabr' i dr.* (In Tatar)

10. Sverigin, R. Kh. (2001). *Ayaz Gyläjev* [Ayaz Gilyazov]. *Tatar ädəbiyatı tarikhy 6 t. 6 t.* Pp. 185–199. Kazan, "Rannur" nəshr. (In Tatar)

11. Zahidullina, D. F. (2015). *Ayaz Gyläjev "Tynychlanu zararly!"* [Ayaz Gilyazov "It's Not the Time to Be Complacent!"]. 1960–1980 ellar tatar ädəbiyatı: yañarysh mäidannarynda häm avangard ehzlänylər. Pp. 326–349. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)

12. Khäbetdinova, M. M. (2018). *Ayaz Gyläjev* [Ayaz Gilyazov]. *Tatar ädəbiyatı tarikhy 8 t. 6 t.* Pp. 159–181. Kazan, Tat.kit. nəshr. (In Tatar)

13. Khabutdinova, M. M. (2011). *Rol' F. M. Dostoevskogo v formirovanii Ayaza Gilyazova kak pisatelya* [The Role of F. M. Dostoevsky in the Formation of Ayaz Gilyazov as a Writer]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (26), pp. 258–265. (In Russian)

14. Khabutdinova, M. M. (2012). *Topos Kazani v tvorchestve Ayaza Gilyazova* [Topos of Kazan in Ayaz Gilyazov's Works]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 1 (27), pp. 136–141. (In Russian)

15. Khäbetdinova, M. M. (2016). *Ayaz Gyläjevneñ 1986–1991 ellar prozasynyñ üzenchälege: içät ehvolyutsiyase problemasy* [Features of Ayaz

- Gilyazev's Prose of 1986–1991: The Problem of Creative Evolution]. A. M. Gilyazev. Sailanma əsərlər: 6 t. 5 t. Pp. 582–616. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)
16. Hanson, S. E. (2006). *The Brezhnev Era. The Cambridge History of Russia*. Pp. 292–315. Cambridge, Cambridge University Press. Vol. 3: Suny R. G. (ed.). The Twentieth Century. (In English)
17. Baiburin, A., Kelli, K. (2018). *Ehpokha Brezhneva v antropologicheskoi retrospektive* [The Brezhnev Era in Anthropological Retrospective]. Antropologicheskii forum. No. 37, pp. 10–19. (In Russian)
18. Golubkov, M. M. *Rubezh vekov glazami sovremennika* [The Turn of the Century through the Eyes of a Contemporary]. URL: Transformatsii russkoi klassiki (accessed: 12.12.2023). (In Russian)
19. Belinskii, V. G. (1984). *Sochineniya Aleksandra Pushkina* [Aleksandr Pushkin's Works]. 94 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russian)
20. Khrapchenko, M. B. (1993). *Izbrannye trudy. Nikolai Gogol'* [Selected Works. Nikolai Gogol']. Literaturnyi put'. Velichie pisatelya. 638 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
21. Makogonenko, G. P. (1987). *Izbrannye raboty o Pushkine, ego predshestvennikakh i naslednikakh* [Selected Works about Pushkin, His Predecessors and Successors]. 640 p. Leningrad, Khud. lit. (In Russian)
22. Saltykov-Shchedrin, M. (2022). *Istoriya odnogo goroda* [The History of a City]. 288 p. Moscow, Azbuka. (In Russian)
23. Bulgakov, M. (2022). *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. 512 p. Moscow, Ast. (In Russian)
24. Grossman, V. (2021). *Zhizn' i sud'ba* [Life and Fate]. 864 p. Moscow, Azbuka. (In Russian)
25. Vodolazkin, E. (2022). *Aviator* [The Aviator]. 416 p. Moscow, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)
26. Astaf'ev, V. *Pastukh i pastushka. Sovremennaya pastoral'* [The Shepherd and the Shepherdess. A Modern Pastoral]. 160 p. Moscow, Martin. (In Russian)
27. Simonov, K. (1942). *Zhdi menya, i ya vernus'* [Wait for me! And I'll be back]. Pravda. 14 yanvarya. (In Russian)
28. Aitmatov, Ch. T. (2005). *Topolek moi v krasnoi kosynke: Roman i povesti* [My Poplar in a Red Scarf: A Novel and Stories]. 544 p. Moscow, Ehksmo. (In Russian)
29. Khabutdinova, M. M. (2023). "Oglyanut'sya, chtoby ponyat'..." ["Look Back to Understand"]. A. M. Gilyazov. V ch'ikh rukakh topor? Pp. 5–26. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)
30. Khabutdinova, M. M. (2016). *Esli vzglyanut' v glaza Zuleikhe* [If You Look into Zuleikha's Eyes]. Zvezda Povolzh'ya. 14 yanvarya. P. 4. (In Russian)
31. Khabutdinova, M. M. *Esli vzglyanut' v glaza Zuleikhe* [If You Look into Zuleikha's Eyes]. URL: <http://kalebtatar.ru/article/2813> (accessed: 23.02.2016). (In Russian)
32. Khəbetdinova, M. M. (2016). *Zyləikhanıñ kyzlarenə karasañ* [If You Look into Zuleikha's Eyes]. Mədəni җомга. 29 gyinvar. URL: <https://madanizhomga.ru/news/ukyi-da-uyla/zlyhanyikzlrn-karasa> (accessed: 23.02.2016). (In Tatar)

СУДЬБЫ НАРОДНЫЕ В РОМАНЕ АЯЗА ГИЛЯЗОВА «В ЧЬИХ РУКАХ ТОПОР?» И ПОВЕСТИ «РАНА»

Ида Ивановна Андреева,
Санкт-Петербург,
idaandreeva@gmail.com.

Статья носит характер отзыва на книгу переводов произведений Аяза Гилязова «В чьих руках топор?»: автор делится впечатлениями о личных встречах с писателем. В работе дается оценка вклада переводчиков Наиля Ишмухаметова, Альбины Нурисламовой в продвижение романа «В чьих руках топор?», повести «Рана».

Ключевые слова: татарская литература, татарская проза, А. М. Гилязов, Н. Ишмухаметов, А. Нурисламова

Введение

В 2023 г. в Татарском книжном издательстве в переводе на русский язык увидели свет в одном томе роман А. М. Гилязова (1928–2002) «В чьих руках топор?» и повесть «Рана» [1].

Мой особый интерес к этой книге вызван, во-первых, тем, что я знала ее автора еще со студенческих лет, когда Аяз Гилязов после возвращения из гулаговских лагерей был восстановлен в университете и мы оказались с ним на одном курсе (1955–1960-е гг.). Встречались мы

и позже: он был уже известным писателем, а я – университетским преподавателем (см. подр. об этом в более ранних наших работах: «А. М. Гилязов „Давайте помолимся!“: уроки и заветы писателя (проблема памяти)» [2], «Писательский Интернационал в ГУЛАГе» [3], «Мои воспоминания о годах студенчества в стенах Казанского университета» [4]).

Во-вторых, и время, и место действия в романе – те самые, в которых жила и я (с начала 1950-х гг.): ходила по тем же улицам Казани (и в центре, и на ее окраинах), бывала в Старо-Татарской слободе в Закабанье, на Лебяжьем и на одной из дач того самого большого завода (а именно – порохового), о котором идет речь в романе А. М. Гилязова. Хорошо помню я и желтые дома-развалюхи, и Дубки. Я дышала воздухом-смогом большого города в Адмиралтейской слободе – с ее заводами, железнодорожными разъездами и паровозным депо.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили роман А. М. Гилязова «В чьих руках топор?» [1, с. 27–423] и повесть «Рана» [1, с. 424–558]. В работе используются сравнительно-описательный, культурно-исторический методы исследования, метод анализа и обобщения.

Обсуждение

Роман «В чьих руках топор?» и повесть «Рана» были написаны еще в 1980-е гг. Завесу тайны над своими творческими замыслами А. М. Гилязов приоткрыл в ряде своих интервью [5], [6]. Произведения быстро нашли отклик у читателей, не раз попадали в орбиту внимания татарских литературоведов и критиков (Ф. Миннуллин [7], Ф. Ганиева [8], Т. Галиуллин [9], Т. Сверигин [10], Д. Захидуллина [11], М. Хабутдинова [12], [13], [14], [15]). Русскоязычный читатель, к сожалению, соприкоснулся с ними впервые только сейчас, спустя полвека после их создания.

Роман «В чьих руках топор?» очень хорошо перевел Наиль Ишмухаметов. Уроженец г. Магнитогорска, приехав в Казань в 1994 г., успел снискать славу талантливого поэта, прозаика, переводчика татарской прозы и поэзии. Но воспринимать произведение А. Гилязова было далеко не просто, так как это не развлекательное детективное чтение и не просто художественно рассказанная история, а большое, серьезное и многоплановое произведение, густо насыщенное к тому же информативно бытовыми,

социальными и политическими реалиями того времени в истории нашей страны, которое принято называть эпохой «брежневского застоя». Она и является главным объектом реалистически достоверного изображения и одновременно гротескно-сатирического обличения автора. Исследования, развернувшиеся в 2000-е гг. (когда появилась минимально необходимая дистанция), привели к тому, что стало уже привычным определять это время как эпоху, сотканную из противоречий, время, в котором движение причудливым образом сочетается со статикой, а достижения – с упадком [16]. «На фоне взрывных преобразований хрущевского времени период правления Л. И. Брежнева производил стойкое впечатление стагнации, и неслучайно так кстати пришлось определение „застой“ со всеми присущими ему негативными ассоциациями. Такое определение, казалось бы, вполне адекватно отражало характер этого времени», – считают антропологи Альберт Байбурин, Катриона Келли [17, с. 11].

Произведение А. М. Гилязова было дописано на рубеже 1980–1990-х гг. Это период в истории отечественной литературы считается точкой отсчета современного периода. «Именно тогда прежние формы литературного процесса и закономерности художественного развития словесности, по мнению литературоведа М. М. Голубкова, сменились принципиально иными, продолжающими определять особенности литературы и по сей день. Эта смена сопровождалась событиями столь глобальными и значимыми для литературно-художественного сознания, что они не только повлияли на развитие литературы последующих десятилетий, но и изменили представления об истории русской литературы XX века, о ее глубинных специфических качествах» [18, с. 1].

Татарский писатель интересно строит художественную структуру своего произведения: с одной стороны, в ней четко прослеживается фабула, связанная с судьбой героя, неудачника-инженера Назипа Нургалиева и иже с ним, а с другой – открыто дается право голоса повествователю-«комментатору» изображаемых событий и поступков героев в форме лирических отступлений, философско-религиозных рассуждений, открытых социально-политических высказываний и сатирических обличений самого автора, которые прерывают сюжетное повествование, одновременно переключая его из одного пространственного плана в другой, из одной временной координаты – в другую.

В итоге глубоко раскрывается главная, гуманистическая тема романа: судьба человеческая – судьба народная во второй половине XX века (на примере жизни татарского народа). А. М. Гилязов идет здесь во многом в русле давней гуманистической традиции российской литературы А. Пушкина – Н. Гоголя – Ф. Достоевского – А. Чехова в освещении темы «маленького человека», продолжает ее в новую историческую эпоху и на новом (татарском) материале, придав ей новое звучание. Как известно, впервые определение «маленький человек» в употребление ввел В. Г. Белинский в своей статье «Горе от ума» (1840 г.) при анализе образа городничего в гоголевском «Ревизоре» [19, с. 226]. Его подхватили и развили современные литературоведы (см. работы М. Б. Храпченко [20], Г. П. Макогоненко [21] и др.)

Герой А. М. Гилязова вызывает не только жалость, сочувствие и даже уважение (как Самсон Вырин, Акакий Акакиевич, «бедные люди») или же смех и неприятие (как «пошлые герои» Чехова), но вместе с состраданием его судьбе, пониманием ее причин (того «топора», который подняла над его головой очередная власть) еще и осуждение за измену самому себе, своей подлинной, человеческой сущности («топор» в итоге берет в руки, в переносном, конечно, смысле, и сам Назип).

Потому его запоздалый бунт в гротескной форме гомерического хохота во время первомайской демонстрации на главной площади города и завершается заключением его в сумасшедший дом, ссылкой в Тюмень, где он сгинул в неизвестности. Знаменательно, что название романа и его многократное истолкование в произведении дается через прямое «вторжение» в повествование гражданского голоса автора.

Что касается жанра произведения, то по праву можно сказать, что это роман социально-бытовой и одновременно психологический, сатирический с элементами утопии и антиутопии, политический и философский. Он вызывает определенные ассоциации с «Историей одного города» М. Салтыкова-Щедрина [22] и романом «Мастер и Маргарита» М. Булгакова [23], с книгой «Жизнь и судьба» В. Гроссмана [24] и «Авиатором» Е. Водолазкина [25].

Своеобразен стиль произведения: реалистически точные детали, картины жизни и быта города и татарской деревни «застойной эпохи», ее верхов и низов тут же переходят в резкое сатирическое разоблачение через сгущение художественных образов (для чего используются

ирония, гротеск, элементы фантастики, символизация, сны и видения героев, их внутренние монологи-«саморазоблачения», значимые имена и фамилии, резкие контрасты и антитезы), а затем их сменяют гневные или философские авторские размышления. По-моему, трудно назвать в нашей сегодняшней многонациональной литературе России произведение, посвященное «брежневской эпохе», такого масштаба и такого жанра, с таким накалом авторских эмоций.

Роман А. М. Гилязова, несомненно, несет в себе ярко выраженное национальное начало, так как построен на татарском материале: это и место действия (Казань, татарские деревни), и главные герои – в основном татары, и национальные реалии жизни, быта, обычаев татарского народа. Но никакого национализма здесь нет, стоит только вспомнить многонациональный состав героев: Ивана Ивановича и Басира Бариевича – главных вершителей власти в городе, директора завода Козецкого и министра железных дорог Шидловского, барыг Ионыча и Вафу Сафича, армян-поваров Гургена и Самвела, рябую якутку – подругу одной из героинь Гургены, врачей Веру Павловну, Фариду Фазлыева и Фаину Марковну и др.

Обратившись к жизни и трагедии своего, татарского народа, писатель в то же время раскрыл судьбы многих людей и народов России в период «брежневской эпохи»: она уже в прошлом, мы ею уже «переболели», но ее надо осмыслить, понять – и извлечь из нее уроки на будущее. Во имя этого и написан роман.

Если после прочтения этого «жесткого», жестоко правдивого романа читатель словно получает душевную рану топором в сердце, то повесть с таким именно названием – «Рана» – помогает отчасти залечить ее [1, с. 424–558]. Эта «современная пастораль» (вспомним здесь подзаголовок известной повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» [26]) в одиннадцати новеллах совместила в себе историю возвышенной (не побоимся этого слова!) любви главных героев (Зайтуны и Габдуллы) и трагедию войны. Эпиграфом к ней можно взять слова известного стихотворения К. Симонова: «Жди меня! И я вернусь, только очень жди» [27].

Но вместе с тем это замечательное произведение в духе народных баитов о жизни и быте, семейных отношениях и обрядах, обычаях и верованиях, общении с миром природы, об особенностях мировосприятия простых людей из обычной татарской деревни. А включение в

текст прекрасных картин природы, образов-символов Круглого камня и Пещеры святых, Святого ключа и Матери родника, отрывков из народных сказаний и песен, присловий и поговорок делают повесть своего рода маленькой энциклопедией народной жизни татар (см. подр. в работах М. Хабутдиновой [12], [15]).

Наверное, поэтому мне и вспомнилось при ее чтении, как двенадцатилетней девочкой провела целое лето в такой же татарской деревне, что описана А. М. Гилязовым. Мой отец работал тогда в большой геологоразведочной партии. Русский человек с именем Иван, он хорошо говорил по-татарски, так как родился и вырос в деревне Сидоровке, которая сейчас стала одним из районов Набережных Челнов. Рядом была татарская деревня Бетьки, с ребятами из которой он вместе бегал в школу, от них и учил татарский. И это ему очень пригодилось впоследствии: рабочие в геологическую партию набирались из татар на местах, где тогда, в начале 1950-х гг., уже бурили скважины возле Альметьевска, и жили все тоже в татарских деревнях. На летние каникулы мы с мамой и братом приехали к отцу, вот тогда я воочию и познала жизнь татарской деревни. Поэтому до сих пор храню в памяти и вкус татарской еды (кустыбья и бэляша, очпочмака и катыка, знаменитого чак-чака), и первый увиденный мною Сабантуй, и песни, которые пела на своем языке старушка-хозяйка в доме, где мы жили. А приняла она нас тогда очень тепло, потом долго слала нам приветы с отцом.

Результаты исследования

В завершение несколько слов об издании книги.

1. Прекрасно и высоко профессионально выполнены переводы обоих произведений на русский язык (Н. Ишмухаметовым – роман, а А. Нурисламовой – повесть): оба переводчика сумели сохранить и передать своеобразие национальной языковой личности автора, его стилиевой манеры, с большим тактом «вплетая» в текст переложения отдельные татарские слова и выражения, лишь изредка давая пояснения в сносках.

2. Очень умно и верно, по-моему, поступили составители сборника, включив в него для русского читателя именно эти два произведения, которые как бы «уравновешивают» друг друга в идейно-эстетическом плане, ведут от реализма предельно критического плана к открыто романтическому повествованию, выво-

дят из «тьмы» к «свету», к счастливому концу: к любви и началу мирной семейной жизни Габдуллы и Зайтуны. Поэтому повесть и звучит так современно. Ее вполне можно поставить рядом с известной «Джамилей» Ч. Айтматова [28], которую французский писатель Луи Арагон в свое время назвал «самой прекрасной повестью о любви».

3. Приношу большую благодарность татарскому литературоведу, кандидату филологических наук Милеуше Хабутдиновой, которая дала мне возможность в числе первых прочитать эту книгу. В развернутом предисловии к сборнику глубоко раскрыто многообразное содержание произведений [29].

4. К сожалению, книга вышла очень небольшим тиражом – всего 1200 экземпляров! Как тут не вспомнить недавние многотысячные тиражи книг – «мифов» псевдотатарской писательницы Гузель Яхиной (см. подр. [30], [31], [32]). Хочется все же верить, что замечательная книга А. М. Гилязова дойдет до российского читателя и будет должным образом оценена критикой – а это откроет двери и более широкому их переводу и изданию на русском языке.

Литература

1. Гилязов А. М. В чьих руках топор? Казань: Тат. кн. изд-во, 2023. 559 с.
2. Андреева И. И. А. М. Гилязов «Давайте помолимся!»: уроки и заветы писателя (проблема памяти) // Аяз Гилязов и его наследие в мировой и отечественной культуре / под ред. М. М. Хабутдиновой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 66–72.
3. Андреева И. И. Писательский Интернационал в ГУЛАГе. URL: <https://russculture.ru/2019/02/02/ida-andreeva-pisatelskiy-international/> (дата обращения: 12.12.2023).
4. Андреева И. И. Мои воспоминания о годах студенчества в стенах Казанского университета // Аяз Гыйләжєв: фәнни-популяр жыентык. Казан: Жыен, 2023. Б. 540–546.
5. Гыйләжєв А. Балта кем кулында? / Газинур Морат // Идел. 1991. С. 54–56.
6. Гыйләжєв А. Озын чылбырның бер божрасы (Куен дәфтәренин: язучы үзенә «Балта кем кулында?» романы хакында) // Сөембикә. 996. № 8. Б. 31.
7. Миңнуллин Ф. Балта явызлар кулында // Гыйләжєв А. Сайланма әсәрләр: 5 т. 1 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. Б. 438–440.
8. Ганиева Ф. А. Вакыт безне ияртеп ага // А. Гыйләжєв. Балта кем кулында? Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. Б. 5–12.
9. Галиуллин Т. Олы юллар искерми (М. Мәһдиевнәң «Бәхилләшү» һәм А. Гыйләжєвнәң

«Яра» повестьлары турында) // Соц. Татарстан. 1989. 24 сентябрь и др.

10. *Свергин Р. Х.* Аяз Гыйләжев // Татар әдәбияты тарихы: 6 т. 6 т. Казан: «Раннур» нәшр., 2001. Б. 185–199.

11. *Заһидуллина Д. Ф.* Аяз Гыйләжев «Тынычлану зарарлы!» // 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш майданнарында һәм авангард эзләнүләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 2015. Б. 326–349.

12. *Хәбетдинова М. М.* Аяз Гыйләжев // Татар әдәбияты тарихы: 8 т. 6 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2018. Б. 159–181.

13. *Хабутдинова М. М.* Роль Ф. М. Достоевского в формировании Аяза Гилязова как писателя // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 4 (26). С. 258–265.

14. *Хабутдинова М. М.* Топос Казани в творчестве Аяза Гилязова // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1 (27). С. 136–141.

15. *Хәбетдинова М. М.* Аяз Гыйләжевнең 1986–1991 еллар прозасының үзенчәлеге: ижат эволюциясе проблемасы // А. М. Гыйләжев. Сайланма әсәрләр: 6 т. 5 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2016. Б. 582–616.

16. *Hanson S. E.* The Brezhnev Era // The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 3: Suny R. G. (ed.). The Twentieth Century. P. 292–315.

17. *Байбурин А., Келли К.* Эпоха Брежнева в антропологической ретроспективе // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 10–19.

18. *Голубков М. М.* Рубеж веков глазами современника // Трансформации русской классики. URL: <http://transformations.russian-literature.com/rubezh->

[vekov-glazami-sovremennika](#) (дата обращения: 12.12.2023).

19. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. М.: Советская Россия, 1984. 94 с.

20. *Храпченко М. Б.* Избранные труды. Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя М.: Наука, 1993. 638 с.

21. *Макогоненко Г. П.* Избранные работы о Пушкине, его предшественниках и наследниках Л.: Худ. лит., 1987. 640 с.

22. *Салтыков-Щедрин М.* История одного города. М.: Азбука, 2022. 288 с.

23. *Булгаков М.* Мастер и Маргарита. М.: Аст, 2022. 512 с.

24. *Гроссман В.* Жизнь и судьба. М.: Азбука, 2021. 864 с.

25. *Водолазкин Е. Г.* Авиатор. М.: Редакция Елены Шубиной, 2022. 416 с.

26. *Астафьев В.* Пастух и пастушка. Современная пастораль. М.: Мартин, 2020. 160 с.

27. *Симонов К.* Жди меня, и я вернусь // Правда. 1942. 14 января.

28. *Айтматов Ч. Т.* Тополек мой в красной ко- сынке: Роман и повести. М.: Эксмо, 2005. 544 с.

29. *Хабутдинова М. М.* «Оглянуться, чтобы понять...» // А. М. Гилязов. В чьих руках топор? Казань: Тат. кн. изд-во, 2023. С. 5–26.

30. *Хабутдинова М. М.* Если взглянуть в глаза Зулейхе // Звезда Поволжья. 2016. 14 января. С. 4.

31. *Хабутдинова М. М.* Если взглянуть в глаза Зулейхе. URL: <http://kalebtatar.ru/article/2813> (дата обращения: 23.02.2016.)

32. *Хәбетдинова М. М.* Зүләйханың күзләренә карасаң // Мәдәни жомга. 2016. 29 гыйнвар. URL: <https://madanizhomga.ru/news/ukyi-da-uyula/zlyhanyikzren-karasa> (дата обращения: 23.02.2016.)

АЯЗ ГЫЙЛӘЖЕВНЫҢ «БАЛТА КЕМ КУЛЫНДА?» РОМАНЫНДА ҺӘМ «ЯРА» ПОВЕСТЕНДА ХАЛЫК ЯЗМЫШЛАРЫ

Ида Ивановна Андреева,
Санкт-Петербург,
idaandreeva@gmail.com.

Мәкалә Аяз Гыйләжев әсәрләренә «Балта кем кулында?» дип аталган тәржемә җыяма бәяләмә характерында язылган. Автор язучы белән очрашулардан тәэссиратларын уртаклаша. Хезмәттә тәржемәчеләр Наил Ишмөхәммәтов, Альбина Нурисламованың «Балта кем кулында?» романын һәм «Яра» повестен таратуга керткән өлешенә бәя бирелә.

Төп төшенчәләр: татар әдәбияты, татар прозасы, А. М. Гыйләжев, Н. Ишмөхәммәтов, А. Нурисламова

RECEPTION OF AYAZ GILYAZOV'S NOVEL "THE WOUND" BY TURKISH READERS

Flera Sagitovna Sayfulina,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
fsaifulina@mail.ru

In the literary text, writers express their worldview through their people's history and way of life, revealing their national mentality and demonstrating linguistic, visual and artistic resources of their native people.

The article clarifies the issue of other people's perception of the famous Tatar writer Ayaz Gilyazov's novel "Yara" ("The Wound"), which was translated into Turkish by Fatih Kutlu in 2018. To this end, we analyzed and evaluated the critical articles, the opinions of readers and the works of master's students, related to this work and published in Turkish.

Literary translation is the most important method that makes it possible to convey the results achieved in the cultural life and in the literary process to other peoples, thereby achieving mutual understanding between different nations. The exchange of national heritage leads to the literary and cultural dialogue. The article raises the issue of promoting Tatar literature in the literary space of the Turkic world and the world as a whole.

The article clarifies the main conditions for the positive perception of Ayaz Gilyazov's work by Turkish readers, and its psychological impact reflecting the Tatar reality and transmitted in translation. The theme of war cannot leave other Turkic peoples indifferent, while the traditions of the Tatar people resonate with the Turkish audience. It is noted that the language of the work has not lost its originality in translation, as the translator has the ability to convey the writer's thought with all its depth and integrity.

Key words: Ayaz Gilyazov, Tatar prose, novel, literary translation, Fatih Kutlu, theme of war in literature

Introduction

Being the art of speech, a literary work is limited by the framework of a separate language, which can be perceived by the reader who speaks this language, understanding all its nuances. Literature created by representatives of one nation can be transferred to other nations, to readers brought up in a different environment within the framework of other cultural values, mainly in the form of literary translation. Tatar literature has made many successful steps in this field over the past two decades. Literary works, written in the Tatar language, have been published in translations into many languages spoken by the Turkic peoples – Azerbaijanis, Kazakhs, Karakalpaks, Yakuts, etc., especially those speaking Turkish. The prerequisites and results of these literary activities are reflected in the following works [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9].

Ayaz Gilyazov can certainly be called one of the Tatar writers most translated into Turkish in recent times. The communication between the writer and Fatih Kutlu influenced the latter's

further translation activities. The first attempt in this direction was made when the prose writer's story "Och Arshyn Zhir" ("Three Yards of Land"), known to a wide circle of Tatar readers, was translated. This work took its rightful place in the list of striking examples from the Tatar literature history in the second half of the 20th century, it is with philosophical depth that the story reveals the spiritual state of the Tatar man who went through difficult trials [10]. After some time, Fatih Kutlu translated into Turkish and published one after another A. Gilyazov's works "Zhomga kon kich belen" ("Friday Night..." – "Cuma günü, akşam...", 2013) [11], "Yazgy kerwannar" ("Spring Caravans" – "Bahar kervanları", 2018) [13], "Yara" ("The Wound" – "Yara", 2018) [13].

The most interesting question for scholars studying literary translations is the problem of how a literary work exists in another cultural reality. The main goal set in this article is to use the example of A. Gilyazov's story "Yara" ("The Wound" – "Yara", 2018) [13] to assess how the works of Tatar literature are perceived by the

Turkish audience. Translators and scholars are concerned with the question whether the word of a Tatar writer can deeply excite and artistically influence foreign readers who were not aware of the history of the Tatar people in Soviet times, did not know the essence and the subtleties of preserving Tatar national identity, national traditions and customs in conditions of totalitarianism... The fact that the work was translated relatively recently enhances this interest and shows that the question is relevant today.

Turning to previously translated works, one can pay attention to the fact that the writer's story "Och arshyn zhir" ("Three Yards of Land") was highly appreciated by Turkish readers and accepted on the same level as Ch. Aitmatov's novel "Jyldan ozyn kon" / "Mengelek buran" ("The Day Lasts More Than a Hundred Years"). In 2012, the translation of A. Gilyazov's work was noted by the Union of Eurasian Writers as the best translation from Turkic languages into Turkish. This is evidenced by dozens of reviews of the work. Turkish writer Nazmiya Danizer emphasizes the author's skill in conveying the psychological state of his characters, designed to remind the readers of the love for their native land, the duty of each person to their Motherland and parents. After reading the story "Och arshyn zhir" ("Three Yards of Land"), Tagir Taner called A. Gilyazov "the Tatar Stendhal." He was struck by the problematic nature of the work and the breadth of the Tatar writer's philosophical thinking [3, p. 56]

Thus, there is a reason to believe that the first translated work of Ayaz Gilyazov was perceived by the Turkish readership as an important event, as a literary key to Tatar life, it found its reader and was introduced into scientific circulation.

Materials and research methods

The writer's story "Yara" ("The Wound" – "Yara", 2018) did not leave readers indifferent. The veracity of this judgment is confirmed by a significant number of statements made in relation to this work. The object of the article is public response, that is, the readers' opinion regarding this translation, the articles written by Turkish writers-art critics and research works conducted by students and scholars.

Research methods were chosen with regard to the specifics of the object of our study: first of all, we used the cultural-historical and comparative-historical methods of analysis, the commentary-hermeneutic method of evaluating a literary work,

as well as the principles of historicism and nationalism.

Discussion

A. Gilyazov always recalled this work with special love: "The closest thing to my soul is "Yara" ("The Wound")" [14]. The writer planned to write it in 1983 when the moral crisis was growing in Soviet society. This is how the writer assessed his work in a letter to T. Aidi: "The story "Yara" ("The Wound") is my face... I finger the buttons of the rosary and feel: they are decreasing! A successful work is a happy old age, it prolongs life, and most importantly, leaves a testament for future generations. I also firmly believe that the Tatars will live on Earth and that the story "Yara" ("The Wound") will not be forgotten" (For more details, see: [15]).

Tatar readers received this work warmly. This story has been thoroughly studied by scholars [15], [16], [17], [18], [19], [20], [21].

In the course of work on the main topic of this research, our attention was drawn to the publication "Ortak Acıların Kitabı / Yara" ("The Book of Common Sorrow / The Wound") by Caner Almaz, placed on the reader's website on the Internet [22]. At the end of his article, the author, who introduced himself as an "Okumayı ve yazmayı sever" ("a lover of reading and writing") entitled his article in such a way as, in our opinion, to reveal the true essence of the analyzed work. In this article, the author shares impressions of his acquaintance with A. Gilyazov's story "Yara" ("The Wound"), his attitude towards the work of the Tatar writer and his thoughts on the story. The author writes it has been for the first time that he got acquainted with the work of this Tatar writer, that through this work, he has discovered a new world – the work of a writer who occupies an important place in Tatar literature. He expresses regret that he did not know this writer before. Discussing the time when the work "Yara" ("The Wound") was written, Caner Almaz reveals the following truth: "Life, death and wounds of war participants; the feeling of loss, the pain of those who were left behind (in their native land) – mothers and fathers who could not take their eyes off the road, along which their beloved sons had walked away, their wives and children... War is the only thing that humanity does not need. There is not a single positive thing created by war. War breeds nothing but human death and a new war" ("Savaşanların yaşadıkları, ölümleri, yaralanmaları; kaybolan insani duygular, geride

kalanların elemleri, sevdiklerinin yolunu gözleyen anneler, babalar, eşler, çocuklar... Savaş, insanlığın ihtiyacı olmayan tek şey. Savaşın var ettiği iyi hiçbir şey yoktur. Savaş, insan ölümünden ve yeni bir savaştan başka hiçbir şey doğurmaz”).

Speaking about the fate of the main character, the author of the article emphasizes that this work makes it possible for its readers to familiarize themselves with the Tatar people's culture noting that the culture of the Turkic-Tatar people has much in common. In particular, he notes the common features characterizing village life. "The writer Gilyazov's lyrical language attracts the reader, you see real sorrows consuming the protagonist's life. It is this aspect that "ties" you to the work. You cannot help but think that war brings common suffering, that the wounds, inflicted on every nation, are the same. And he concludes: "The Wound" is one of the works that has the ability to evoke deep feelings in the reader".

After reviewing the article, we came to the following conclusions: Caner Almaz, as one of the Turkish literary readers, clearly understands the essence of A. Gilyazov's story "The Wound", its main idea that war brings only troubles, wounds and misfortunes; comparing it to his world, the worldview of his people, their cultural wealth, he managed to identify and evaluate common aspects in the life of the two nations, their worldview. That means the translation of the work has achieved its goals.

Esra Karadoğan's (Esra Karadoğan) article "Savaşın Açtığı Büyük Yara" ("The Great Wound of War") [23] is an example of critical thinking. At one time, a graduate of the Turkish Anadolu Lyceum (Anadolu Lisesi) and Istanbul University (İstanbul Üniversitesi), known to the Turkish audience for her reviews of literary works on the pages of periodicals, she published this article immediately after the translation of the story "The Wound" (March 29, 2018) into Turkish. The article attracts the readers' attention from the very first sentence: "The Wound" is one of the four books by Ayaz Gilyazov, translated into Turkish by Fatih Kutlu, which I have read for the first time. Reading a book by the writer I still know little about, I can say without hesitation: "The Wound" is a fascinating story based on real life. You are overcome by the yearning that prevails in the book from its very first lines. This yearning is associated with those who live in conditions of war." (*"Yara benim de ilk kez okuduğum yazar Ayaz Gıyalece'ın Fatih Kutlu tarafından Türkçe'ye çevrilen dört kitabından biri. Henüz tanımadığım bir yazarın*

kitabını okurken bazı tereddütlerim olmuyor değil ama Yara, okuru saracak, gerçekçi bir hikâye. Daha ilk satırlarda kitaba hakim olan hüznün sizi yakalıyor. Bu hüznün savaşın ardında kalanlara ait.")

The art critic sees the essence of A. Gilyazov's work in the fact that through the fate of one person, one family, he conveys, in a simple and accessible language, the tragedy of thousands of families who survived the war. "*Süleyman İhtiyar'ın son ümidi de söndü. En küçük oğlu cepheden dönmedi*" ("The hope of old man Suleiman went out. His youngest son did not return from the war"). This sad story begins by describing the feeling of yearning experienced by the old man Suleiman who is desperately waiting for his only son. The readers are clearly mistaken if they think that for the parents, who watch the flower bloom and the songbird land on the windowsill, it might seem better to hear the news of their son's death than to live in ignorance, such news is unacceptable for parents – this is what the author of the article believes in, relying on the psychological state of the characters, focusing on the skill of the writer who brilliantly conveys the mental state of each character (Gabdulla, his parents, his beloved Zaituna). The force of life in each of these characters is their hope for the return of Gabdulla, and this hope will never fade away, "they keep away from others, withdrawing into themselves, but still striving to live, like a tree branch broken off from the trunk."

The author, thus, highlights one of the essential qualities of A. Gilyazov's story – his ability to reveal the psychological state of a person, and explains the influence this tragic story has on the reader. The author sees the essence of this sad and beautiful story in showing how deeply the warfare penetrated into the everyday life of the Tatars, it happened not only at the front, it affected all the people of that time.

The article by Mehmet Akif Ozturk "Gunlum Hep Seni Ariyor, Neredesin Sen" ("My Soul Always Looks for You, Where Are You?!") was published after the publication of the work "Yara" ("The Wound") in Turkish, making it the object of research in this article. The title of the paper is consonant with the song of the Turkish-Chechen singer Nesheta Ertash "Neredesin sen?" ("Where Are You?"), which indicates that the theme of the work is not alien to the Turks.

The author cites Sadyk Hidayat's words "*Shundyi yaralar bar tormyshta, makhau awyruy shikelle ekren-ekren hem yalgyzlyktan ashyyi torgan, kimere torgan yaralar*" ("There are

wounds in life that, like leprosy and loneliness, corrode and gnaw slowly”) at the beginning of his article, which helps the reader to reveal both the essence of the article and the main theme of the story.

In his article, M. Ozturk calls World War II one of the largest wars in history and notes that many works, dedicated to this war, have been created in world literature. In terms of the influence this war exerted on the lives of home front workers, A. Gilyazov’s story “Yara” (“The Wound”) is especially close to the work “Anam kyyr” (“Mother’s Field”) by Ch. Aitmatov.

This article is notable for being informative: it introduces Turkish readers to the personality and work of the Tatar writer A. Gilyazov, familiarizing them with his works translated into Turkish. It provides information about the original structure of the 160-page work “Yara” (“The Wound”), its characters, events and plot. Referring to the title of the work, the author notes that the mental state of the characters is connected with the fate of their sons lost in the war; a change of yearning for hope runs through the entire story and increases emotional pain.

When describing the image of Zaytuna in the story, the author of the article refers to the work “Kyzyl yaulykly guzelkeem” (“My Beauty in a Red Scarf”) by Chingiz Aitmatov. This story was made into a film in Turkey (1977), where the famous Turkish film star Turkan Shoray played the role of Asiya. The article draws a parallel between the way Asiya was waiting for her husband and the way Zaituna was waiting for her Gabdulla; this helped the Turkish reader delve into the work of the Tatar writer and understand the feelings experienced by its characters.

M. Ozturk draws attention to the fact that the history of one family is conveyed through the experiences of parents and their sons, and the bitterness of war is conveyed through a love story, which is the success of the “Yara” (“The Wound”) author. “The characters are described in a true-to-life way, the time and place are conveyed with amazing skill and with great success. The main thing is that the events are convincingly depicted, and that the reader is truly immersed in the book. The end of the story is unexpected”.

As one of the valuable aspects of the story, the author notes the abundance of Tatar traditions and customs; summing up the idea, he writes that “‘Yara’ (‘The Wound’) is one of the best novels that I have read recently. I look forward to other

works by A. Gilyazov coming to the Turkish reader...”

Adalet Chavdar’s (Adalet Çavdar) article “Savaş hakkında bugünlerde okunması gereken eserlerden: ‘Yara’” (“Works about war that should be read today: ‘The Wound’”) [25] begins by introducing the Turkish reader to the biography of the Tatar writer, his fate and his works translated into Turkish by Fatih Kutlu.

“‘*Yara*’, savaş hakkında belki de bugünlerde okunması gereken önemli eserlerden biri. Ayaz Gıyalecevi bütün dünya için geçerli ortak bir acıdan bahsediyor ve bu acıyı bir anne ve babanın hikayesi ile anlatmaya başlıyor. Ne kadar klişe bir cümle olarak tınlasa da kulağınızda Yara, okurken okurunu yaralayan romanlardan biri. Kalbinizi avucunuzun içiyle sıkmayı gayet iyi biliyor”. (“‘Yara’ (‘The Wound’) is one of the significant works about war that is worth reading today. Ayaz Gilyazov describes the grief common to the whole world and explains this situation through the story about parents. No matter how repetitive it may sound, ‘Yara’ (‘The Wound’) is a novel which makes the reader feel emotional pain while reading. The author knows perfectly well the secrets of how to squeeze hearts with his palms”) [25].

The author of the article points out that the essence of the work is in the power of love, in the feelings experienced by the parents of Tatar sons wounded in the war, missed and captured; he notes the author’s skill to show unrecognizable changes caused by the complex fate of Gabdulla. “Their meeting many years later turns out to be truly tragic. Inside the story, there are scenes in which a person’s soul falls apart. Thanks to the mastery of Ayaz Gilyazov’s description, it seems as if you were watching some kind of an emotionally difficult film. You will think about the young people who left, did not return, could not return and could never be the same as they used to be before. If one of your loved ones is among them, the novel will be perceived as reality, not as fiction”.

The work describes ordinary fates. The article concludes we should be ashamed if we are not able to understand that, despite the fact that almost a century has passed, the war has not brought any benefit to humanity, only pain.

If we seek to determine how A. Gilyazov’s work will be perceived by the Turkish audience, it is important to refer to the opinions of young scholars giving a scientific assessment of the writer’s work, including this story. Written by Burak Dönmez (Burak Dunmez), a student of the Department of Turkish Language and Literature at

the Institute of Social Sciences of the Turkish İnönü University (Malatya), the master's thesis, based on the story "Yara" ("The Wound"), is distinguished by a deep reflection on the work. It is gratifying that the scientific advisor of this work is our fellow countrywoman, Prof. Ramilya Yarullina-Yildirim who used to work at Kazan Federal University.

This 175-page work "Edebiyat ve kültürel değerler bağlamında tatar yazar Ayaz Gıyalece'ın Yara romanı" ("The Tatar writer Ayaz Gilyazov's novel "The Wound" in the context of literary and cultural values") [26] is of interest to the Tatar reader, primarily, as a part of the course of "cagdas edebietler" (modern literatures) in Turkish universities: the literatures of the Turkic peoples, including Tatar literature.

The fact that the work was prepared and presented by a reader - a Turk who is not very familiar with Tatar literature and culture, justifies the fact that a significant part of the work consists of information on the history of the Tatar nation, its current state, works of Tatar oral folk art and history of literature. Three parts of the work are devoted to the place Ayaz Gilyazov holds in the history of Tatar literature, biographical information about the writer and materials about his creative path, his prose and drama works.

The main part of the work is devoted to the analysis of the novel "Yara" ("The Wound"). It should be noted that the value of this master student's paper is his study of a significant number of articles related to A. Gilyazov, introducing them into scientific circulation, providing Turkish readers with the opportunity to familiarize themselves with these works.

While analyzing the story, the Turkish student makes interesting judgments about the plot of the work, the construction peculiarities of its sections, the techniques used, its genre features and composition. Our attention is drawn to the fact that the young scientist pays special attention to the concept of "Yara" ("Wound") and makes an attempt to reveal the essence of the work through it.

The master's thesis focuses on the fact that the author tests all the characters in the story through the concept of "wound". The young scholar points out that this word is used as a key to test his characters for human qualities.

Reflecting on the meaning of the word "wound", Burak Dönmez (Burak Dunmez) reasons as follows:

"Firstly, the word is used in its literal meaning: the numerous wounds of the main character of the

story – Gabdulla. Gabdulla was wounded several times in battle, mortally wounded several times, but despite numerous and serious wounds, he survived. It seems that there was something protecting this man... This conclusion prompts the author to look for the explanation; makes him think about the protagonist's parents, relatives and fellow villagers"[26, p. 92].

Before describing Gabdulla's wound, the author draws our attention to the fact that the word "wound" is used both literally and figuratively to reveal the fate of his characters:

The famine of 1921 deeply wounded the souls of many. Having described one event associated with those years, the researcher evaluates it through the concept "wound". One night, a poor man Badri's son Kamali comes into Zuleikha and Suleiman' house to steal a piece of bread, but Suleiman catches him. In anger, he rushes at Kamali, brandishing his axe. At this moment, his wife Zuleikha, for the first time in her life, contradicts her husband and gets her hand wounded with that ax. Thus, Zuleikha, risking her own life, saves Kamali from death and her husband from murder. Since then, she keeps helping her neighbours, saving many of them from starvation with her cows' milk. The wound on Zuleikha's hand and the emotional wounds of the surviving neighbours remain as the memories of those difficult years.

As another example, Burak Dunmez mentions the event related to Shakur. He realizes that the meeting of the parents, who are waiting for their son from the war, with Shakur, who has returned from the war, is a way to explain how deep and heart-breaking the wound inflicted by the war is. Before the war, Shakur was a slender, tall, strong young man, but now he is skin and bones, with a bent back, with traces of wounds on his face. "These words show that the war and the totalitarian regime oppress, weaken and humiliate people physically and spiritually. Describing Shakur's physical and mental state before going to the war and after returning from the war, the writer shows what disastrous consequences war leads to. In addition to physical and external wounds, the young man experiences psychological pressure, fear and despair, all of these states of mind are reflected in his behaviour and manner of communication. The return of Shakur initially gives hope to Suleiman and Zuleikha, but when they hear from him what happened in the war, their hopes fade". In this case, the hero's external and mental wounds are the focus of the author's attention.

The young scholar draws attention to the part of the story telling about two other Zuleikha and Suleiman's children, besides Gabdulla. When talking about their daughter Razia, the reviewer does not describe her as a kind girl showing concern for her parents; so, in the end, Razia, having married a Russian guy, leaves the village, wounds her parents in the heart and moves away from them and from her nation. Here, the young researcher touches on another issue: mixed marriages, and comes to a great generalization: "In the image of the girl who has forgotten about her Tatar origins, the author discusses those who marry a representative of another nation and forgets their language, he calls this "a national disease" inherent in all modern Turkic peoples". He emphasizes that what happens is a tragedy, a great spiritual wound for the nation.

Another wound in Suleiman and Zuleikha's souls is the senseless death of their second son Yusufzyan who did not even go to the war.

The master student specifically highlights the image of Zaituna whom Gabdulla loved before the war. The war cut her happiness short. The young scholar understands that she got married out of despair. He is right when he says that the girl's marriage is her misfortune and a mental wound for Gabdulla's parents.

"In the novel, Zaituna experiences a spiritual upsurge. She moves to become a support for Gabdulla who has renounced the whole world suffering from mental and physical wounds and hoping she has been waiting for years. Ayaz Gilyazov characterizes Zaituna as the guardian and continuer of the nation, she is characterized by patience and pride, which are inherent in the Tatar people".

Thus, at the end of his analysis, the Turkish student comes to the conclusion that these sorrowful wishes, the prayers of the parents who survive great disasters, whose mental wounds never get healed, finally make Gabdulla, exhausted by mental and physical wounds, return to his native village, give him the strength to overcome himself. The writer Ayaz Gilyazov does not deprive his parents, Suleiman and Zuleikha who patiently survive all these trials and wounds, from their last hopes, the author lets them see their son, and the fact that Zaituna, having taken her child, comes to Gabdulla's home, testifies to the degree of the author's justice and mercy.

Result

Our analysis of the articles and notes by the authors who familiarized themselves with the translation of Ayaz Gilazov's story "Yara" ("The Wound") into Turkish served as the basis for the following conclusions:

Firstly, we would like to emphasize how important literary translation is for the world recognition of Ayaz Gilyazov's works and Tatar literature in general. Of course, by conducting systematic work in this direction, we promote translations into different languages of the most striking works that reflect the noble qualities of the Tatar people, historical truth, the principles of Tatar life, creating multifaceted national images. By familiarizing other peoples with the literary heritage of the Tatars through translations into other languages, we enhance literary interactions, spiritual and moral mutual understanding of peoples and contribute to the dialogue among cultures.

The translator should be able to convey the meaning of the work to a foreign audience, owing to his/her thorough knowledge of the language, his/her ability to think creatively and a clear understanding of the unique living conditions and worldview of both nationalities.

The clear perception, subtle analysis and the ability to truly appreciate Gilyazov's text indicate that the translation was carried out by Fatih Kutlu with a deep understanding of the language specifics.

The authors of the analyzed articles, as indicated above, clearly understand the semantic depth of the story "Yara" ("The Wound") and its main idea. A. Gilyazov shows the life of ordinary residents of one Tatar village during World War II and in subsequent years. The characters, depicted in the work, undergo difficult trials throughout their country's history; at the same time, they preserve their humanity.

Making an attempt to interpret the multifaceted meaning of the title of the story "The Wound", Turkish readers make conclusions that give impetus to reflection.

The authors of the articles focus on the most important technique employed by Ayaz Gilyazov – his psychologism, the ability to reveal the spiritual world of a person. At the same time, this story places emphasis on reflecting the national traditions of the Tatar people, which have a lot in common with the Turkish people.

Conclusion

Thus, reading the work of Ayaz Gilyazov in translation, the Turkish audience realizes that the essence of the story “Yara” (“The Wound”) is the deep experiences, adversities and incurable wounds inflicted by World War II on the life of the Tatar people, that war is an unnecessary source of disasters and misfortunes for humanity. Discussing this translation, the authors are doing important and useful work disseminating knowledge about Tatar literature and the works of Ayaz Gilyazov among Turkish readers.

References

1. Khannanov, R. (2011). *Turetsko-tatarskie literaturnye svyazi* [Turkish-Tatar Literary Connections]. Ogni Kazani. No. 2, pp. 78–83. (In Russian)
2. Saifulina, F. S. (2014). *Tatarsko-turetskie kul'turnye i nauchnye vzaimosvyazi: istoriya i sovremennost'* [On Tatar-Turkish Cultural and Scientific Interactions: Past and Present]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 2 (36), pp. 322–326. (In Russian)
3. Khabibullina, Eh. K. (2016). *Yazykovye transformatsii pri perevode tatarskoi literatury na turetskii yazyk: dis. ... kand. filol.n.* [Language transformations when translating Tatar literature into Turkish: Ph.D. Thesis]. 283 p. Kazan', KFU. (In Russian)
4. Saifulina, F. S., Valieva, A. (2017). *Fatih Kutlu: A Translator and Advocate of Tatar Literature in Turkey*. F. Kutlu kak perevodchik i propagandist tatarskoi literatury v Turtsii. Tatarica. No. 2 (9), pp. 42–63. (In English, in Tatar)
5. Saifulina, F. S. (2022). *Rol' perevodov tyurkoyazychnoi literatury v mezhkul'turnom dialoge* []. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “SHAKARIMOVSKIE CHTENIYA – 2022”, posvyashchennoi tvorchestvu velikogo gumanista, genial'nogo myslitelya, klassika kazakhskoi literatury Shakarima Kudaiberdieva. Pp. 23–27. Semei, NAO Univ. im. Shakarima. (In Russian)
6. Saifulina, F. S. (2023). *Sovremennoe sostoyanie perevoda tatarskoi literatury na tyurkskie yazyki* [The Role of Translations of Turkic Literature in Intercultural Dialogue]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii “Aktual'nye voprosy issledovaniya fol'klora i istorii literatury tyurkoyazychnykh narodov” (k 90-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Respubliki Karakalpakstan, doktora filologicheskikh nauk, professora Abdisaita Pakhratdinova). Pp. 12–16. Nokus, NGPI im. Azhiniyaza. (In Russian)
7. Saifulina, F. S., Mingazova, L. I. (2023). *Strategii perevoda tatarskoi literatury na tyurkskie yazyki: istoriya i sovremennoe sostoyanie* [Strategies for Translating Tatar Literature into Turkic Languages: History and Current State]. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. Tom 20, No. 4, pp. 659–672. (In Russian)
8. Birsol Oruç Aslan, Khairatdinova, R. R., Iusuf Ozchoban, Sadekova, A. Kh. (2019). *Tatarskaya literatura v Turtsii: osobennosti bytovaniya i izucheniya* [Tatar Literature in Turkey: Recognition and Research Trends]. Tatarica. No. 2 (13), pp. 51–27. (In Russian)
9. Zaripova-Chetin, Ch. A., Nurmukhametova, R. S. (2023). *Trudnosti perevoda: na primere perevoda na turetskii yazyk povesti Galimzhana Ibragimova “Chubaryi”* [Translation Problems Encountered When Translating Galimzhan Ibragimov's Works into Turkish (based on the story “Almachuar” (“Chubary”))]. Tatarica. No. 2(20), pp. 7–25. (In Russian)
10. Ğıylecev, A. (2013). *Bir Avuç Toprak* [“Three Yards of Land”]. Perevod. F. Kotly. 113 p. Ankara, “Bəngy – perevod ne znayu, vozmozhno chto-to na turetskom, translit BengU” izd. (In Turkish)
11. Ğıylecev, A. (2013). *Cuma günü, akşam...* [“Friday Night...”]. Perev. F. Kotly. 202 p. Ankara, “Bəngy” izd. (In Turkish)
12. Ğıylecev, A. (2018). *“Bahar kervanlari”* [“Spring Caravans”]. Perev. F. Kotly. 96 p. Istanbul, Palto Yayinevi. (In Turkish)
13. Ğıylecev, A. (2018). *“Yara”*. [“The Wound”]. Perev. F. Kotly. 160 p. Istanbul, Palto Yayinevi. (In Turkish)
14. Kamaletdinova, R. (1998). *Moguchii orator* [Mighty Speaker]. Syuyumbika. No. 1, pp. 12–14. (In Russian)
15. Khabutdinova, M. M. *Obshchii obzor tvorchestva Ayaza Gilyazova za 1986–1991 gody* [General Overview of Ayaz Gilyazov's Work for 1986–1991]. Gilazov A. M. Izbrannye proizvedeniya 6 t. 5 t. Kazan', Tat. knizhn. izd. (In Russian)
16. Minnullin, F. (1994). *Topor v rukakh zlodeev: stat'i literaturnoi kritiki* [An Axe in the Hands of Villains: Articles of Literary Criticism]. 143 p. Kazan', Tat. knizhn. izd. (In Russian)
17. Sakhapov, A. (1999). *Litso spravedlivosti* [The Face of Justice]. Nasledie. No. 6, pp. 102–152. (In Russian)
18. Zagidullina, D. (2015). *Tatarskaya literatura 1960–1980-kh godov: ploshchadi dlya vozrozhdeniya i avangardnye poiski* [Tatar Literature of the 1960–1980s: Areas for Revival and Avant-Garde Searches]. 346 p. Kazan', Tat. knizhn. izd. (In Russian)
19. Khabutdinova, M. (2010). *Sakral'naya toponimika v tvorchestve Ayaza Gilyazova* [Sacral Toponymy in the Works of Ayaz Gilyazov]. Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. No. 4 (22), pp. 235–240. (In Russian)
20. Khabutdinova, M. (2014). *Fol'klornye obrazy v povesti A. M. Gilyazova “Rana”* [Folklore Images in the Story “The Wound” by A. M. Gilyazov]. Fol'klor v sisteme natsional'nykh i obshchechelovecheskikh tsennostei: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu so dnya rozhdeniya Khamida Khusnutdinovicha

Yarmukhametova. Pp. 200–205. Kazan', IYALI. (In Russian)

21. Khabutdinova, M. (2012). *Khronotop dver' m ego funktsionirovanie v proizvedeniyakh Ayaza Gilyazova* [The Chronotope Door and Its Functioning in the Works of Ayaz Gilyazov]. *Yazyk i literatury narodov Povolzh'ya: problemy mezhdunarodnoy kommunikatsii*: Sbrnik trudov 1 Vserossiiskoi internet-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Kazan', 1–3 oktyabrya 2012 g. Kazan', izd-vo Kazanskii universitet, pp.132–138. (In Russian)

22. Caner Almaz. *Ortak Acilarin Kitabı / Yara* [“The Book of Common Sorrow / The Wound”]. URL: <http://www.neokuyorum.org/ortak-acilarin-kitabi-yara/> (In Turkish)

23. Esra Karadoğan. (2018). *Savaşın Açtığı Büyük Yara* [“The Great Wound of War”]. *Iz lichnogo arkhiva M. Khabutdinovoi*. 2 p. (In Turkish)

24. Mehmet Akif Ozturk. (2018). *Gunlum Hep Seni Ariyor, Neredesin Sen* [“My Soul Always Looks for You, Where Are You?!”]. *Temmuz*, Istanbul, No. 12, pp. 65–66. (In Turkish)

25. Adalet Çavdar. *Savaş hakkında bugünlerde okunması gereken eserlerden: “Yara”* [One of the Must-Read Works about War These Days: “The Wound”]. *Edebiyathaber.net* (9 Mart 2018). URL: <http://www.edebiyathaber.net/yara-adalet-cavdar>. (In Turkish)

26. Burak Dönmez. (2023). *“Edebiyat ve kültürel değerler bağlamında tatar yazar Ayaz Gıyalecevi'nin Yara romanı: Yüksek Lisans Tezi”* [Tatar writer Ayaz Gıyalecevi's novel “Yara” in the context of literary and cultural values: Master's Thesis]. *Danışman. Prof. Dr. Ramilya Yarullina Yıldırım*. Malatya: İnönü Üniversitesi, 174 p. (In Turkish)

АЯЗ ГЫЙЛӘЖЕВНЫҢ «ЯРА» ПОВЕСТЕ: ТӨРЕК УКУЧЫСЫНДАГЫ РЕЦЕПЦИЯСЕ

Флёра Сәгыйть кызы Сәйфуллина,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
fsaifulina@mail.ru

Әдәби текстта язучы үзенең дөнья турында күзаллавын үз халкының тормышы, тарихы, көнкүреше аша чагылдыра, аның милли менталитетын ача, туган халкының тел-сурәтләр чараларын, сәнгати ресурсларын күрсәтә.

Мәкалә татар халкының танылган язучысы Аяз Гыйләжевның төрек теленә Фатих Кутлу (Fatih Kutlu) тарафыннан тәржемә ителгән «Яра» («Yara», 2018) повестенің чит аудитория тарафыннан кабул ителүе мәсәләсен ачыклауга багышланган. Әлеге максатка ирешү юнәлешендә мәкалә авторы тарафыннан өйрәнү объекты итеп алынган әсәргә мөнәсәбәтле төрек телендә басылып, дөнья күргән тәнкыйди мәкаләләр, укучылар фикере, аерым вузларда укучы магистрлар тарафыннан башкарылган хезмәтләр анализланды, бәяләнде.

Әдәби тәржемә – халыкның мәдәни тормышында, әдәби барышында ирешкән казанышларын башка халыкларга житкерергә, шуның аша төрле халыкларның бер-берсен аңлауларына ирешүгә этәреш ясый торган иң мөһим алым. Милли мирас белән алмашу әдәби һәм мәдәни диалогка китерә. Автор тарафыннан татар әдәбиятын төрки халыклар һәм, гомумән, дөнья әдәби пространствосына чыгару, таныту мәсьәләсе дә күтәрелә.

Мәкаләдә Аяз Гыйләжев әсәренең төрек укучысы тарафыннан уңай кабул ителүенә төп шартлары, татар чынбарлыгын чагылдырган һәм тәржемәдә генә житкерелгән әсәренң төрек укучысына психологик яктан тәэсире, сугыш темасының башка төрки халыкларны да битараф калдырмавы, татар халкының гореф-гадәтләре төрек аудиториясендә дә аваздашлык табуы ачыклана. Әсәр теленң тәржемәдә дә төп нөсхәдәгә тәсирлелеген югалтмавы, тәржемәченң язучы фикерен бөтен тирәнлегә, бөтенлегә белән житкерү сәләтенә ия булуы билгеләнә.

Төп төшенчәләр: Аяз Гыйләжев, татар прозасы, повесть, әдәби тәржемә, Фатих Кутлу, әдәбиятта сугыш темасы

Кереш

Сүз сәнгате булган әдәби әсәр аерым тел кысалары белән чикләнгән һәм ул әлеге телне белгән, аның бөтен нечкәлекләрен аңлаган укучы тарафыннан гына кабул ителә ала. Бер

халык вәкилләре тарафыннан тудырылган әдәбиятны башка халыкларга, башка мохиттә, башка мәдәни кыйммәтләр кысаларында тәрбияләнгән укучыга, нигездә, әдәби тәржемәдә генә житкерергә мөмкин. Татар

эдәбияты соңгы ике дистә елларда бу өлкәдә шактый уңышлы адымнар ясады. Татар телендә язылган эдәбият үрнәкләре аеруча тугандаш төрки халыклар – азәрбайжан, казах, каракалпак, якут һ. б. телләргә, аеруча актив рәвештә төрек теленә тәржемә итеп бастырылды. Әлеге юнәлештәге эшчәнлекнең алшартлары һәм нәтижәләре мәкалә авторы тарафыннан башкарылган алдагы хезмәтләрдә дә чагылыш тапты [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9].

Төрөк теленә соңгы чорда иң күп тәржемә ителгән татар язучыларының берсе буларак, һичшиксез, Аяз Гыйләҗев исемен атарга мөмкин. Мәшһүр язучы үзе исән вакытта булган сөйләшүе-аралашуы Фатих Кутлунун киләчәктә тәржемәчелек эшенә керешүенә йогынты ясый. Бу юнәлештә беренче омтылыш – прозаикның кинәз катлам татар укучысына танылган, XX гасырның икенче яртысы татар эдәбияты тарихының күркәм үрнәкләре исемлегендә лаеклы урынны алган повесте – фәлсәфи тирәнлек белән катлаулы сынау елларын узган татар кешесенң рухи халәтен ачуга юнәлдерелгән «Өч аршын жир» («Bir avuç toprak», 2008; 2011) әсәрен тәржемә итүдән башланды [10]. Күпмедер вакыттан соң тәржемәче тарафыннан бер-бер артлы А. Гыйләҗевның «Жомга көн, кич белән...» («Cuma günü, akşam...», 2013) [11], «Язгы кәрваннар» («Bahar kervanları», 2018) [13], «Яра» («Yara», 2018) [13] әсәрләре тәржемә ителеп, Төркиядә дөнья күрдә, төрек укучыларына тәкъдим ителде.

Әдәби тәржемәләргә өйрәнүче галимнәр өчен – әсәренң икенче мәдәни чынбарлыкта яшәве, үз укучысын табуы проблемасын өйрәнү аеруча кызыклы мәсьәлә. Әлеге мәкаләдә куелган төп максат та – А. Гыйләҗевның «Яра» («Yara», 2018) [13] повесте мисалында татар эдәбияты үрнәкләренң төрек аудиториясендә яшәве-таралуын, укучы тарафыннан кабул ителүен, нинди тәэсир калдыруын бәяләүдән гыйбарәт. Совет чорында аралар ераклашкан, татар халкы тарихыннан хәбәрлар булмаган, тоталитаризм шартларында милли яшәешебезнең, гореф-гадәтләребезнең сакланышы асылын, нечкәлекләрен белмәгән, аңламаган чит ил аудиториясенә татар язучысының сүзе бөтен тирәнлегә белән ирешерме, аларны да дулкынландырырмы, сәнгати яктан тәэсир итәрме дигән сораулар, әлбәттә, тәржемәчәне дә, бу мәсьәләне өйрәнүче галимнәргә дә борчий. Әсәренң

чагыштырмача соңгы вакытта тәржемә ителүе, ягъни вакыт аралыгының кыска булуы – әлеге кызыксынуны аеруча арттыра, мәсьәләне актуальләштерә.

Алдарак тәржемә ителгән әсәрләренә мөрәҗәгать итсәк, язучының «Өч аршын жир» повесте төрек укучылары тарафыннан югары бәяләнеп, Ч. Айтматовның «И дольше века длится день» («Елдан озын көн») романы белән бер дәрәҗәдә кабул ителүенә игътибарны юнәлтергә мөмкин. 2012 елда А. Гыйләҗевның әлеге әсәренң тәржемәсе Евразия Язучылар берлегенң төрки телләрдән төрекчәгә иң яхшы тәржемә ителгән әсәре буларак билгеләп үтелде. Әсәргә язылган дистәләгән бәяләмәләр шул хакта сөйли. Төрөк язучысы Назмия Данизер укучыларда туган жиргә мәхәббәт, һәр инсанның туган жире һәм ата-анасы каршындагы бурычы турында искә төшерүгә юнәлтелгән геройларның психологик характеристикасын бирүдә авторның осталыгын ассызыклай. «Өч аршын жир» повестен укыгач, Таһир Танер А. Гыйләҗевны «татар Стендале» дип атый. Аны әсәренң проблематикасы, татар язучысының фәлсәфи фикерләү кинәзгә сокландыра [3, б. 56].

Шул рәвешле, Аяз Гыйләҗевның тәржемә ителгән беренче әсәре төрек укучылары аудиториясендә бер вакыйга буларак кабул ителде, татар тормышына әдәби ачыкч кебек игътибар үзәгендә торды, үз укучысын тапты һәм галимнәр тарафыннан фәнни әйләнешкә кертелде дип ышанып әйтергә нигез бар.

Тикшеренү материаллары һәм методлары

Язучының «Яра» («Yara», 2018) повесте да укучыны битараф калдырмады. Бу фикернең хак булуын әсәргә мөнәсәбәттә язылган фикерләренң шактый булуы раслый. Мәкаләнең өйрәнү объекты да – шушы кайтаваз, ягъни әлеге өйрәнелә торган әсәренң тәржемәсенә мөнәсәбәтле язылган укучы фикере, төрек язучы-тәнкыйтьчеләре тарафыннан язылган мәкаләләр, студентлар аудиториясенң, галимнәренң фәнни эшләре.

Тикшерү методлары өйрәнү объектының үзенчәлеген исәпкә алып сайланды: беренче чиратта, анализлауның культура-тарих, чагыштырма-тарихи методлары, әдәби әсәргә бәяләүдә шәрехләү-герменевтика алымы файдаланылды, шулай ук тарихилик һәм миллилек принциплары үзәктә тотылды.

Фикер алышу

А. Гыйләжев бу эсәрэн һәрвакыт аерым бер ярату белән телгә ала: «Жаныма иң якыны – «Яра» [14]. Эдип аны 1983 елда, совет жәмгыятендә эхлакый кризис көчәя барган вакытта ук язарга ниятләп куйган була. «“Яра” повесте ул – минем йөз аклыгым... Тәсбих төймәләрен саным да саным, сизәм: алар кимеп бара! Уңышлы эсәр – бәхетле картлык ул, гомерне озайтучы дәрман, иң мөһиме – киләчәк буыннарға васыять тә ул. Әле мин татарлар жирдә яшәр, татар яшәгәндә, «Яра» повестялары онытылмас дип нык ышанам», – дип бәяли эсәрэн язучы Т. Әйдигә язган хатында [15].

Татар укучылары бу эсәрне бик жылы кабул иттеләр. Галимнәр тарафыннан да бу повесть шактый өйрәнелгән [15], [16], [17], [18], [19], [20], [21].

Төп теманы ачу барышында игътибарны Чанер Алмаз (Çaner Almaz) исемле китап укучының Интернет челтәрендәге сайтында тәкъдим иткән «Ortak Acıların Kitabı / Yara» («Уртақ хәсрәтләр китабы / Яра») язмасы жәлеп итте. [22] Мәкаләсенң ахырында үзен «Okumayı ve yazmayı sever» ягъни «Укуны һәм язуну сөюче» дип тәкъдим иткән әлегә шәхес, мәкаләсенң исемен, безнең уйлавыбызча, анализлана торган эсәрнең чын асылын ачарлык, мәгънәле итеп биргән. Язмасында автор А. Гыйләжевның «Яра» повесте белән танышу барышында туган фикерләре, татар язучысы ижатына мөнәсәбәте, повестька бәйле уйланулары белән бүлешә. Язма авторы әлегә татар язучысы ижаты белән беренче тапкыр гына очрашуы турында хәбәр итә; эсәр аша үзе өчен яна дөнья – татар әдәбиятында әһәмиятле урын тоткан язучы ижатын ачуы һәм әлегә кадәр шундый язучыны белмәве, танымавы өчен күңелендә үкенеч кебек бер хис тоюы хакында яза. Эсәрнең язылу вакыты, темасына тукталып үткәннән соң, Чанер Алмаз «Яра» эсәре тәэсирендә туган түбәндәге хакыйкәтне ача: «Сугышта катнашучыларның тормышы, үлемнәре, яраланулары; югалган кешелек тойгылары, артта (туган жирдә) калучыларның эрнүләре, яраткан уллары киткән юлдан күзен алмаган әниләр, аталар, хатыннар, балалар... Сугыш – кешелеккә кирәкмәгән (ихтияжы булмаган) бердәнбер әйбер. Сугыш тарафыннан тудырылган бер генә уңай әйбер дә юк. Сугыш кеше үлеменнән һәм яңа сугыштан башка һичбер әйбер тудырмай». («Savaşınları yaşadıkları, ölümleri, yaralanmaları; kaybolan insani duygular, geride kalanların elemeleri,

sevdiklerinin yolunu gözleyen anneler, babalar, eşler, çocuklar... Savaş, insanlığın ihtiyacı olmayan tek şey. Savaşın var ettiği iyi hiçbir şey yoktur. Savaş, insan ölümünden ve yeni bir savaştan başka hiçbir şey doğurmaz»).

Повестытагы төп каһарман язмышын күздән кичергәннән соң, язма авторы әлегә эсәр аша татар халкының мәдәнияте белән танышу мөмкинлеген ассызыклай һәм төрек-татар халыклары мәдәниятендә бик күп уртақ яклар барлыгын тоймыйча калып булмавын искәртә. Аеруча авыл тормышындагы уртақлыklarның эсәр буенча дәвам итүен билгеләп үтә. «Язучы Гыйләжевның лирик теле укучыны үзенә тарта, сез герой тормышындагы хәсрәтләренә ничек булган, шулай күрәсез. Нәкъ шушы як сезне эсәргә «бәйләп куя». Сугышның уртақ хәсрәт китерүе, һәр милләткә дә ясаган яралары бертөрле икәнәлеге турында уйламыйча булдыра алмыйсыз. «Яра» – укучыны тирән тойгыларга салу көченә ия булган бер эсәр», – дигән йомгак ясый.

Язма белән танышканнан соң түбәндәге нәтижәгә киләбез: Чанер Алмаз, әдәбият сөюче төрек укучыларының берсе буларак, А. Гыйләжевның «Яра» повестенң асылын, сугышның бары тик афәт, яра, хәсрәтләр генә китерүе хакындагы төп фикерен тирән аңлаган; үз дөньясы, үз халкының дөньяга карашын, мәдәни байлыгын күз алдында тоткан хәлдә, ике милләтнең яшәешендәге, дөньяга карашларындагы уртақ якларны ачыклаган, бәяли алган. Ягъни эсәрнең тәржемәсе – максатына ирешкән.

Эсра Карадоган (Esra Karadoğan) «Savaşın Açıdığı Büyük Yara» («Сугыш тарафыннан ясалган олы яра») [23] язмасы мәкалә авторының игътибарын тәнкыйди фикер үрнәге буларак жәлеп итте. Үз вакытында Төркиянең Анадолу лицее (Anadolu Lisesi) һәм Истанбул университетын (İstanbul Üniversitesi) тәмамлаган, төрек аудиториясенә вакытлы матбугат битләрендә әдәби эсәрләргә рецензия-бәяләмәләре белән танылган әлегә ханымның «Яра» повестенң төрек телендә тәржемәсе басылып чыкканнан соң (29 март 2018) дөнья күргән мәкаләсе беренче жөмләнәннән үк укучы игътибарын жәлеп итә: «Яра» минем беренче тапкыр укыган, Аяз Гыйләжевның Фатих Кутлу тарафыннан төрекчәгә тәржемә ителгән дүрт китабының берсе. Әлегә кадәр таныш булмаган бер язучының китабын уку нәтижәсендә, бер дә икеләнмичә шуны әйтә алам: «Яра» – укучының күңелен биләп ала

торган, чынбарлыктан алынган хикәя. Китапта беренче юлларыннан ук өстенлек иткән сагыш сезне чорнап ала. Бу сагыш сугыш шартларында яшәүчеләргә бәйле» («*Yara benim de ilk kez okuduğum yazar Ayaz Gıyalecevi'nin Fatih Kutlu tarafından Türkçe'ye çevrilen dört kitabından biri. Henüz tanımadığım bir yazarın kitabını okurken bazı tereddütlerim olmuyor değil ama Yara, okuru saracak, gerçekçi bir hikâye. Daha ilk satırlarda kitaba hakim olan hüznü sizi yakalıyor. Bu hüznü savaşın ardında kalanlara ait*».)

Тәнкыйтьче А. Гыйләжев әсәренә асылын бер кеше, бер гаилә язмышы аша сугышны башыннан кичергән меңнәрчә гаилә язмышын үзенә уникаль теле белән бик гади дә, үтемле дә итеп житкерүендә күрә. «*Süleyman İhtiyar'ın son ümidi de söndü. En küçük oğlu cepheden dönmedi*». – Әлеге моңсу хикәя сугыштан бердәнбер улын көтеп, өметә өзелгән Сөләйман картның сагышын сурәтләү белән башлана. Әмма чәчәк аткан гөлгә карап та, тәрзә төбенә килеп кунган кошны күреп тә, яхшыга юраган, бернинди хәбәр юклыктан чарасыз калган ата-ана өчен, бәлки, үлем хәбәре килсә дә, жинелерәк булып иде дип уйлаган укучы, әлбәттә, ялгыша, мондый хәбәр ата-ана өчен һич кабул итмәслек бер нәрсә, дип фикер йөртә мәкалә авторы әсәр геройларының психологик халәте хақында уйланып, һәр геройның (Габдулла, аның әти-әнисе, сөйгәнә Зәйтүнә) күңел халәтен язучы сүз остасы буларак сурәтләп бирүенә басым ясый. Әлеге геройларның һәрберсенең яшәү көче – Габдулланың кайтыр өметә белән бәйле, һәм бу өмет һич сүнмәячәк. Алар башкалардан читләшә, үз-үзләренә бикләнәләр, ләкин кәүсәсеннән каерылган бер агач ботагы кебек барыбер, яшәргә омтылалар.

Шул рәвешле, мәкалә авторы, А. Гыйләжев повестенң асыл сыйфатларыннан берсе булган – кешенең психологик халәтен ачу осталыгын аерып күрсәтә һәм әлеге сагышлы тарихның укучыга тәэсир көченә сәбәб аңлата. Әлеге сагышлы һәм гүзәл хикәянең асыл фикерен язма авторы сугышның татарларның көндәлек тормышына никадәр тирән үтеп кергәннен күрсәтүдә һәм аның фронтта гына бармавын, шул чор кешеләренең сагышы булып чагылыш табуын раслауда күрә.

Мәһмәт Акиф Өзтүркнең (Mehmet Akif Ozturk) «Gunlum Her Seni Ariyor, Neredesin Sen» («Күңелем һәрчак сине эзли, кайларда син?!») [24, б. 65–66] дип аталган язмасы да

әлеге мәкаләдә өйрәнү материалы итеп алынган «Яра» әсәренә тәржемәсе басылып чыгу уңаеннан дөнья күрә. Язманың исеме төрек чәчән-жырчысы Нәшәт Әрташның «Neredesin sen?» («Кайларда син?») исемле жырыннан алынган булуы ук – әсәрдәге теманың төрекләр өчен дә чит булмавын күрсәтә.

Автор тарафыннан мәкаләсенең башында китерелгән Садык Һидайтнең «*Шундый яралар бар тормышта, махау авыруы шикелле әкрән-әкрән һәм ялгызлыктан ашый торган, кимерә торган яралар...*» - дигән сүзләре укучыга язманың асыл фикерен дә, повестының төп мәсьәләсен дә ачарга ярдәм итә.

М. Өзтүрк үзенә мәкаләсендә Икенче Бөтендөнья сугышын – тарихтагы иң зур сугышларның берсе дип атый һәм дөнья әдәбиятында әлеге сугышка багышланган бик күп әсәрләр иҗат ителгән булуын билгеләп үтә. Сугышның тылда яшәүчеләр тормышына йогынтысын тасвир итүе ягыннан А. Гыйләжевнең «Яра» повестын Ч. Айтматовның «Анам кыры» әсәренә аеруча якын булуын искәртә.

Әлеге язма мәгълүмати булуы белән аерылып тора: ул төрек укучысын татар язучысы А. Гыйләжев шәхесе, ижаты, аның төрек теленә тәржемә ителгән әсәрләре турында кызыксындырырлык итеп таныштыра. 160 биттән торган «Яра» әсәренә үзенчәлекле структур төзелеше, каһарманнары, вакыйгалары, сюжеты турында мәгълүмат бирә. Әсәрнең исеменә мөнәсәбәтле, геройларның рухи халәте сугышта югалган улларын зарыгып көтү, өметләнү, өметсезлеккә төшү, тагын өметләнү кебек кичерешләр белән бәйле булуы, әсәр буенча өмет һәм өметсезлек хисләренә алышынып, бәгырьне эзгәләвен билгеләп үтә.

Повестытагы Зәйтүнә образын сурәтләгәндә, мәкалә авторы Чыңгыз Айтматовның «Кызыл яулыклы Гүзәлкәем» (татарча тәржемәсе – «Гүзәлем Әсәл») әсәренә мөрәҗәгать итә. Төркиядә фильм буларак төшерелгән әлеге әсәрдәге (1977 ел) Асия ролен башкарган атаклы төрек киносы йолдызы актриса Түркан Шорайның ирен көткән шикелле Зәйтүнәнә дә Габдулланың көтүе арасында параллельләр үткәреп, төрек укучысына татар язучысы әсәрен, геройлары кичерешләрен күзалларга ярдәм итә.

«Яра» әсәрендә М. Өзтүрк авторның уңышы буларак, бер гаилә тарихын ата-аналары, аларның уллары кичерешләре аша бирелүенә игътибар итә, аеруча сугыш хәсрәтләренә

мәхәббәт тарихы аша житкерелүен аерып күрсәтә. «Әсәрнең каһарманнары тормыштагыча, повестьта вакыт һәм урын-жир гажәеп осталык белән, бик уңышлы бирелгән. Иң мөһиме, вакыйгалар ышандыра, укучы чын мәгънәсендә китапның эченә алып кереп китә. Әсәрнең ахыры сюрприз белән тәмамлана».

Автор, шулай ук, әсәрнең кыйммәтле якларыннан берсе буларак, әсәрдә татар милләтенең йолалары, горел-гадәтләре мул итеп бирелүен атый һәм фикерен йомгаклап, «„Яра“ соңгы вакытларда мин укыган иң шәп романнарның берсе. А. Гыйләжевның бүтән әсәрләренең дә төрек укучысына килеп ирешүен түземсезлек белән көтәм...», – дип яза.

Адаләт Чавдарның (Adalet Çavdar) «Savaş hakkında bugünlerde okunması gereken eserlerden: “Yara”» («Сугыш хақында бүгенге көндә укылырга тиешле әсәрләрдән: «Яра») [25] язмасы төрек укучысын татар язучысының биографиясе, язмышы, Фатих Кутлу тарафыннан төрек теленә тәржемә ителгән әсәрләре белән таныштырудан башлана.

«“Yara”, savaş hakkında belki de bugünlerde okunması gereken önemli eserlerden biri. Ayaz Gıyalecevi bütün dünya için geçerli ortak bir acıdan bahsediyor ve bu acıyı bir anne ve babanın hikayesi ile anlatmaya başlıyor. Ne kadar klişe bir cümle olarak tınlasa da kulağınızda Yara, okurken okurunu yaralayan romanlardan biri. Kalbinizi avucunuzun içiyle sıkmayı gayet iyi biliyor». («Яра» сугыш турында бүгенге көндә укылырга тиешле әһәмиятле әсәрләренң берсе. Аяз Гыйләжев бөтен дөнья өчен уртақ булган хәсрәтне сурәтлһ һәм бу хәлне әти-әни тарихы аша аңлата башлһй. Никадәр кабатланган (клише) бер жөмлә кебек колагыгызда яңгыраса да, «Яра» укыган вакытта укучыны яралһй торган әсәр (роман). Йөрәгегезне учы белән кысу серләрен бик әйбәт белә автор.) [25]

Мәкалә авторы, шулай ук әсәрнең асылы – сугышта яраланган, югалган, кулга әләккән татар улларының ата-аналары кичерешләре турында, мәхәббәт көче турында булуын күрсәтә; Габдулланың танымаслык булып үзгәрүе, катлаулы язмышын күрсәтү осталыгын билгеләп үтә. «Озак еллар үткәннән соң очрашу, әлбәттә, фажиға рәвешендә бирелә. Роман эчендә инсанның жанын парча-парча теткәләгән сәхнәләр бар. Аяз Гыйләжевның сурәтләве һәм теле аша сезнең күз алдында авыр бер фильм караган кебек тәэсир кала. Киткән, кайтмаган, кайта алмаган, моннан соң беркайчан да әлеккеге кебек була алмаган

яшьләр турында уйләячаксыз. Болар арасында сезнең якыннарыгызның берсе булса, роман роман түгел, чынбарлык булып кабул ителәчәк.

Әсәрдә уртақ язмышлар сурәтләнә. Йөз елларча вакыт үтсә дә, сугышның кешелеккә бер файда да китермәвен, аннан бары тик әрнү генә калуын аңламавыбыз өчен оят булырга тиеш», – дигән нәтижә ясыл ул.

А. Гыйләжев әсәрән төрек аудиториясе ничек кабул итүен ачыклауда язучы ижатын, шул исәптән әлегә әсәрән дә фәнни анализларга, бәя бирергә омтылган яшь галимнәр хезмәте дә әһәмиятле. Төркиянең ÖNÜ университетының (Малатья шәһәре) Ижтимагый фәннәр институты Төрек теле һәм әдәбияты бүлегендә укучы магистрант Бурак Дөнмезнең (Burak Dönmez) «Яра» повесте буенча язган магистрлык эше әсәр турында шактый тирән фикер йөртеп язылган булуы белән аерылып тора. Әлегә хезмәтнең фәнни житәкчесе – якташыбыз, үз вакытында КФУда эшләгән галимә – профессор Рамилә Яруллина-Йылдырым булуы куанычлы.

175 биттән торган әлегә «Edebiyat ve kültürel değerler bağlamında tatar yazar Ayaz Gıyalecevi'nin Yara romanı» / «Татар язучысы Аяз Гыйләжевның «Яра» романы әдәби һәм мәдәни кыйммәтләр контекстында» [26] дип аталган әлегә хезмәт татар укучысы өчен төрле яктан кызыклы.

Беренчедән, Төркия вузларында «cagdas edebietler» ягъни «замандаш әдәбиятлар» курсы кысаларында төрки халыклар әдәбиятлары, шул исәптән, татар әдәбияты да өйрәнелүе – уңай күренеш.

Әлбәттә, хезмәтнең чит аудитория – татар әдәбияты, мәдәнияте белән бик якын таныш булмаган төрек укучысы тарафыннан әзәрләнәп, шул шартларда яклануы, хезмәтнең шактый зур өлешен татар милләте, аның тарихы, бүгенге торышы, татар халык авыз ижаты әсәрләре, әдәбият тарихыннан да белешмәләр бирелүен аклһй. Эшнең 3 бүлекчәсе – язучы Аяз Гыйләжевның татар әдәбияты тарихындагы урыны, язучы турында биографик мәгълүматлар, язучының ижат юлы, проза, драма өлкәсендәге эшчәнлеге турындагы материалларны туплап бирә.

Эшнең төп өлеше «Яра» романын анализлауга багышланган. Бу өлештә магистрантның А. Гыйләжев ижатына мөнәсәбәтле шактый мәкаләләр белән танышкан булуы, әлегә хезмәт аша аларны әйләнешкә кертүе, төрек укучысына танышу

мөмкинлеген тудыру ягыннан да эшнec кыйммәтен билгеләп үтергә кирәк.

Төрөк студентының анализ барышында эсәрнең сюжеты, бүлекләренә төзелеш үзенчәлекләре, укучыны кызыксындыру максатыннан кулланылган алымнар, жанр, композиция хакында кызыклы фикерләре бар. Безнең игътибарны аеруча яшь галимнең А. Гыйләжевнең әлегә повестенда – «Яра» төшенчәсенә аерым игътибар бирүе, эсәрнең мәгънәсен шушы төшенчә аша ачырга омтылуы үзенә тартты.

Магистрлык эше авторы эсәрнең геройларын күздән кичергәндә, аларның барысының да автор тарафыннан «яра» төшенчәсә аша сынау үтүләренә игътибар итә. Яшь галим әлегә сүзнең күп геройларны кешелек сыйфатлары булуы ягыннан сынау ачкычы кебек кулланылуын күрсәтә.

«Яра» сүзенә эсәрдә салынган мәгънәсе турында уйланып, Бурак Дөнмез түбәндәгечә фикер йөртә: «Әлбәттә, беренчедән, эсәр авторы әлегә сүзне туры мәгънәдә, эсәрнең төп каһарманы – Габдулланың күпсанлы тән яралары хакында язган булуын искәртә. Габдулла сугышта берничә кат яралана, берничә тапкыр үлем тырнагыннан ычкына, яралары никадәр күп һәм житди булуына карамастан, ул һаман исән кала. Әлегә геройны нидер саклый кебек... Әлегә нәтижә авторны шушы хәлнең сәбәбен эзләргә; каһарманның эти-әннисе, туганнары, авылдашлары турында уйланырга этәреш ясыя» [26, б. 92].

Әле Габдулланың яраларын сурәтләүгә кадәр үк язучы «яра» сүзенә һәм туры, һәм күчерелмә мәгънәдә төрле геройлар язмышын ачуа куллануына игътибар итә:

1921 елгы ачлык күпләрнең күңелендә тирән яра булып кала. Әлегә еллар белән бәйлә бер вакыйгага тукталып, студент бу вакыйганы да әлегә төшенчә аша бәйли. Хәлләрәк тормышта яшәгән Зөләйха һәм Сөләйман өенә бер төн ярлы Бәдри дип аты чыккан кешенең улы Камали ачлыктан бер кисәк икмәк урлау өчен керә, ләкин Сөләйман аны эләктереп ала. Ачудан балта белән селтәненп, Камалига кизәнә. Шул вакыт хатыны Зөләйха гомерендә беренче тапкыр иренә каршы төшә, балта аның кулын жәрәхәтли. Шул рәвешлә Зөләйха үз тормышын куркыныч астына куеп, Камалины үлемнән, ирен кеше үтерүдән саклап кала. Аннан соң да күршеләренә ярдәмләшенп яши, күпләрне сыерларының сөтә белән ач үлемнән коткарып кала. Әлегә авыр елларның истәлегә булып,

Зөләйханың кул ярасы, исән калган күршеләренә күңел ярасы кала.

Икенче мисал буларак, эшендә Бурак Дөнмез Шәкүр белән бәйлә вакыйганы искә ала. Улларын сугыштан көткән ата-ананың сугыштан кайткан Шәкүр белән очрашуы – сугыш ярасының никадәр тирән, бәгырьләргә үтеп керерлек, өметләренә өзәрлек булуын аңлату өчен кулланылуын аңлап бәйли эшнec авторы. Сугыштан алда төз, биек буйлы, көчлә егет булган Шәкүр – тире һәм сөякләргә генә калган, аркасы бөкрәйгән, битендә яра эзләре ярылып ята. «Бу сүзләрдән аңлашылганча, сугыш һәм тоталитар режим кешеләрне физик һәм рухи яктан изә, зәгыйфьләндерә, мескен хәлгә китерә. Шәкүрнең сугышка китәр алдыннан һәм сугыштан кайткач булган физик һәм күңел халәтен күрсәтеп, язучы сугышның нинди аяныч нәтижәләргә китергәннән күрсәтә. Физик, тышкы яралардан тыш, егет психологик басым кичергән, куркынган, өметен жуйган икәнлегә аның үз-үзен тотуыннан, сөйләшүеннән дә тоелып тора. Шәкүрнең кайтуы башта Сөләйман белән Зөләйханы өметләндерсәләр, аңардан сугышта булганнарны ишеткәч, ата-ананың өметләре сүнә», – дип бәйли төрөк студенты. Бу очракта да геройның тышкы жәрәхәтләре һәм жан яралары – аның игътибар үзәгендә тора.

Зөләйха һәм Сөләйманның Габдулладан башка ике балалары турындагы бүлеккә дә игътибар итә яшь галим. Кызлары Разия турында фикер йөрткәндә дә, эсәргә бәйләүчә аның эти-әннисенә игелекле кыз булмавына, ахыр килеп, рус егетенә кияүгә чыгып, авылдан киткән Разия эти-әннисенә йөрәгендә жәрәхәт-яра калдыра, һәм алардан, һәм милләттән ераклаша, – дип бәй бирә. Бу урында яшь галим тагын бер мәсьәләгә – катнаш никахлар мәсьәләсенә дә туктала һәм олы гумумиләштерүгә килә: «Үзенә татар анасын имеп үскәннән оныткан кыз бала образында аша автор башка милләткә кияүгә чыгып, үзенә телен, кем икәннән онытучыларны замана төрки халыкларның барысына да хас булган «милли хасталык» дип бәйли. Әлегә хәлнең милләт фажигәсе, милләт өчен олы рухи яра булуына басым ясыя.

Сөләйман һәм Зөләйханың өметләре булып туган икенче уллары Йосыфжанның сугышка барып житкәнчә үк мәгънәсез үлемә – ата-ана күңелендә тагын бер яра булып ята.

Эшне башкаручы студент Габдулланың сугышка кадәр үк яратып йөргән кызы –

Зәйтүнә образына аерым тукта. Сугыш аның да өметен өзә, бәхетен кисә. Аның кияүгә чыгуы да – башка өмет калмаудан булуын аңлый яш галим. Кызның кияүгә чыгуы – аның бәхетсезлеге, Габдулланың эти-әнисе өчен – жан ярасы булып әверелә, диюе белән хаклы.

«Романда Зәйтүнә рухи үсеш кичерә. Ул рухи һәм тән яраларына дучар ителеп, бөтен дөньядан ваз кичкән Габдуллага терәк булу өчен үзе дә елаудан һәм хәсрәттән арыну һәм еллар буге көткән өметенә ирешү өчен күчәнә. Аяз Гыйләжев Зәйтүнәне, татар халкына хас булган сабырлык һәм горурлык кебек сыйфатларны, милләтне саклаучы, дәвам иттерүче буларак тәкъдим итә», – дип бәяли.

Шул рәвешле, анализ ахырына әлеге олы хәсрәтләргә кичергән, жан яралары һич басылмаган ата-ананың жан ачысы белән теләгән теләге, догалары – күңел һәм тән яралары белән гарипләнгән Габдулланы соңгы тапкыр туган авылына кайтырга этәрә, үзен-үзе жиңәргә көч бирә, дигән нәтижәгә килә төрек студенты. Шушы кадәр сынауларны-яраларны сабырлык белән кичергән ата-ана – Сөләйман белән Зөләйханы язучы Аяз Гыйләжев соңгы өметләреннән аермаган, уллары белән кавыштырган һәм Зәйтүнәнең дә баласын алып, аның өенә килүе – авторның соң дәрәжәдә гадел һәм мәрхәмәтле булуын раслый, дип яза.

Нәтижә

Аяз Гыйләжевның «Яра» повестенң төрек теленә тәржемәсе чыкканнан соң әсәр белән танышып, үз фикерләрен укучыга житкергән авторлар язмалары белән танышу, анализлау, аларның төп фикерен аерып чыгару түбәндәге фикерләргә килергә нигез булды.

Беренчедән, Аяз Гыйләжев әсәрләрен генә түгел, гомумән татар әдәбиятын дөньяга танытуда әдәби тәржемәнең никадәр кыйммәтле һәм кирәкле эш булуына тагын бер кат басым ясыйсы килә. Өлбәттә, әлеге юнәлештәге эшчәнлекне планлы рәвештә дәвам иттереп, татар халкының асыл сыйфатларын күрсәткән, тарихи дәрәжәгә, татарча яшәү принципларын чагылдырган, киңкырлы милли образлар тудырган иң матур әсәрләргә төрле телләргә тәржемә итү – кирәкле һәм актуаль эш. Башка телләргә тәржемә ителү аша татар әдәби мирасы белән башка халыкларны таныштыру, әдәбиятлар алмашынуга, халыкларның бер-берсен тануына, рухи-әхлакый аңлашуга, мәдәни диалогка юллар ача.

Өлбәттә, әсәрнең мәгънәви асылын, сүз аһәңен чит аудиториягә житкерүдә тәржемәчеләргә осталыгы, телне нечкәлекләренә кадәр белүе, үзенә дә ижади фикер йөртүе, һәр ике милләтнең дә үзенчәлекле яшәү шартларын, дөньяны кабул итү рәвешен төгәл күзаллавы зарур.

Гыйләжев текстын төрек укучыларының аңлап кабул итүе, нечкәләп анализлавы, бәяли алулары – әсәр тәржемәсенең Фатих Кутлу тарафыннан оста, тирән аңлап, тел үзенчәлекләрен тоеп башкарылган булуын да раслый.

Анализланган мәкалә авторлары, алда күрсәтелгәнчә, «Яра» повестенң мәгънәви тирәнлеген, әсәрнең төп идеясен төгәл аңлап эш итәләр. А. Гыйләжевның гади бер татар авылында яшәүче кешеләргә Икенче Бөтендөнья сугышы һәм аннан алдагы еллардагы тормышын күрсәтә. Әсәр геройлары сюжет барышында олы сынау елларын узып, кешелекле кыйммәтләрен гәүдәләндереп, татар милләтенә нигез ташларын тәшкит иткән, туган жиргә, Ватанга тугрылыклы, никадәр физик һәм жан жәрәхәте кичергән булсалар да, киң күңелле, башкалар турында борчылып яшәүче, нык үзәкле кешеләр булып кала алганнар, нинди авыр хәлдә дә өметләрен югалтмаганнар дигән нәтижә шул хакта сөйли.

«Яра» повестенң исеменә салынган күпкырлы мәгънәне аңлау ягыннан да төрек укучылары ясаган нәтижә уйланырга этәрә.

Мәкаләдә анализланган хезмәт авторлары А. Гыйләжев әсәрнең иң төп алымга – кешенең рухи дөньясын ачу осталыгына, психологизмга игътибар итәләр. Шуның белән бергә, повестьта татар халкының гореф-гадәтләре чагылышына, аның, нигездә, төрек халкы белән уртак булуына да басым ясала.

Йомгак

Шул рәвешле, Аяз Гыйләжев әсәрне тәржемәдә укуган төрек аудиториясә «Яра» повестенң төп асылы – Икенче Бөтендөнья сугышы китергән афәтләргә татар халкы тормышында калдырган тирән хәсрәтләр, афәтләр, мәңгә төзәлмәслек тирән яралар турында булуын аңлап, сугышның кешелек дөньясы өчен кирәк булмаган бер афәт, бәхетсезлек чыганагы булуын аңлап эш итә. Әлеге тәржемә турында фикер язучылар – татар әдәбиятын, шул исәптән Аяз Гыйләжев әсәрләрен төрек укучысы арасында тарату,

таныту, эсәрнең төп үзенчәлекләрен аңлату аңгынан да кирәкле, файдалы эш башкаралар.

Әдәбият

1. Ханнанов Р. Төрөк-татар әдәби багланышлары (Турецко-татарские литературные связи) // Казан утлары. 2011. № 2. Б. 78–83.
2. Сайфулина Ф. С. Татарско-турецкие культурные и научные взаимосвязи: история и современность // Филология и культура Philologie and Cultur. 2014. № 2 (36). С. 322–326.
3. Хабибуллина Э. К. Языковые трансформации при переводе татарской литературы на турецкий язык: дис. ... канд. филол.н. Казань: КФУ, 2016. 283 с.
4. Сайфулина Ф. С., Валиева А. Fatih Kutlu: A Translator and advocate of Tatar Literature in Turkey / Ф. Кутлу как переводчик и пропагандист татарской литературы в Турции // Tatarica. 2017. № 2 (9). Б. 42–63.
5. Сайфулина Ф. С. Роль переводов тюркоязычной литературы в межкультурном диалоге // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «ШАКАРИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022», посвященной творчеству великого гуманиста, гениального мыслителя, классика казахской литературы Шакарима Кудайбердиева. - Семей: НАО Унив. им. Шакарима, 2022. С. 23–27.
6. Сайфулина Ф. С. Современное состояние перевода татарской литературы на тюркские языки // Материалы Международной научно-теоретической конференции «Актуальные вопросы исследования фольклора и истории литературы тюркоязычных народов» (к 90-летию Заслуженного деятеля науки Республики Каракалпакстан, доктора филологических наук, профессора Абдисаита Пахратдинова). Нокус, НГПИ им. Ажинияза, 2023. С. 12–16.
7. Сайфулина Ф. С., Мингазова Л. И. Стратегии перевода татарской литературы на тюркские языки: история и современное состояние // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2023. Том 20. № 4. С. 659–672.
8. Бирсел Оруж Аслан, Хайретдинова Р. Р., Йусуф Озчобан, Садекова А. Х. Татарская литература в Турции: особенности бытования и изучения // Tatarica. 2019. № 2 (13). Б. 51–27.
9. Зарипова-Четин Ч. А., Нурмухаметова Р. С. Трудности перевода: на примере перевода на турецкий язык повести Галимжана Ибрагимова «Чубарый». // Tatarica. 2023. № 2 (20). С. 7–25.
10. Ğıyleceev A. Bir Avuç Toprak / А. Гыйләжев. Өч аршин жир) / тәрж. Ф. Котлы. Әнкара: «Бәнгү» нәшр., 2013. 113 б.
11. Ğıyleceev A. Cuma günü, akşam... / А. Гыйләжев «Жомга көн, кич белән...» / тәрж. Ф. Котлы. Әнкара: «Бәнгү» нәшр., 2013. 202 б.
12. Ğıyleceev A. «Bahar kervanları» / Гыйләжев «Язгы кәрваннар» // тәрж. Ф. Котлы // Istanbul: Palto Yayinevi, 2018. 96 б.
13. Ğıyleceev A. («Yara», / Гыйләжев «Яра» / тәрж. Ф. Котлы // Istanbul: Palto Yayinevi, 2018. 160 б.
14. Камалетдинова Р. Кодрәтле сүз иясе // Сөембикә. 1998. № 1. Б. 12–14.
15. Хәбетдинова М. М. Аяз Гыйләжевнең 1986–1991 еллар ижатына гомуми күзәтү // Гыйләжев А. М. Сайланма әсәрләр 6 т. – 5 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 582–617 б.
16. Миңнуллин Ф. Балта явызлар кулында: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 143 б.
17. Сәхапов Ә. Хакыйкәт йөзе // Мирас. 1999. № 6. 102–152 б.
18. Заһидуллина Д. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 346 б.
19. Хабутдинова М. Сакральная топонимика в творчестве Аяза Гилязова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 4 (22). С. 235–240.
20. Хабутдинова М. Фольклорные образы в повести А.М. Гилязова «Рана» // Фольклор в системе национальных и общечеловеческих ценностей: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Хамида Хуснутдиновича Ярмухаметова. Казань: ИЯЛИ, 2014. С. 200–205.
21. Хабутдинова М. Хронотоп *дверь* и его функционирование в произведениях Аяза Гилязова // Язык и литературы народов Поволжья: проблемы межкультурной коммуникации: Сборник трудов 1 Всероссийской интернет-конференции с международным участием. Казань, 1–3 октября 2012 г. Казань: Изд-во Казанский университет, 2012. С. 132–138.
22. Caner Almaz. Ortak Acilarin Kitabi / Yara (Уртақ хәсрәтләр китабы / Яра). URL: <http://www.neokuyorum.org/ortak-acilarin-kitabi-yara/> (мөрәжәгать итү датасы: 01.03.2024).
23. Esra Karadoğan. Savaşın Açtığı Büyük Yara (Сугыш тарафыннан ясалган олы яра) // М. Хәбетдинова шәхси архивыннан. 2018. 2 б.
24. Mehmet Akif Ozturk. Gunlum Hep Seni Ariyor, Neredesin Sen («Күңелем һәрчак сине эзли, кайларда син?!») // Тәммуз: Истанбул. 2018. № 12. Б. 65–66.
25. Adalet Çavdar. Savaş hakkında bugünlerde okunması gereken eserlerden: «Yara» // edebiyathaber.net (9 Mart, 2018). URL: <http://www.edebiyathaber.net/yara-adalet-cavdar> (мөрәжәгать итү датасы: 01.03.2024).
26. Burak Dönmez. Edebiyat ve kültürel değerler bağlamında tatar yazar Ayaz Gıyleceev'in Yara romanı: YÜKSEK LİSANS TEZİ. / DANIŞMAN Prof. Dr. Ramilya Yarullina Yildirim. Malatya: İNÖNÜ Üniversitesi, 2023. 174 s.

ПОВЕСТЬ АЯЗА ГИЛЯЗОВА «РАНА» В РЕЦЕПЦИИ ТУРЕЦКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Флёра Сагитовна Сайфулина,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
fsaifulina@mail.ru

В литературном тексте писатель выражает свое мировоззрение через жизнь, историю, быт своего народа, раскрывает его национальный менталитет, демонстрирует языковые и изобразительные средства, художественные ресурсы родного народа.

В статье систематизированы и проанализированы рецензии и отзывы турецких читателей на турецкий перевод повести Аяза Гилязова «Яра» («Yara», 2018), выполненный Фатихом Кутлу.

Литературный перевод – важнейшее средство, позволяющее донести до других народов культурные достижения своей нации и добиться взаимопонимания. Благодаря культурному обмену национальным наследием осуществляется литературный и культурный диалог. Данная статья посвящена проблеме продвижения татарской литературы в мире.

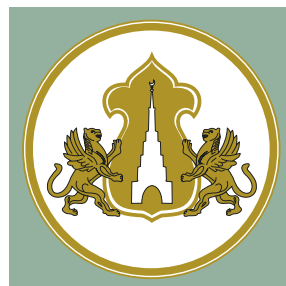
В статье констатируется, что произведение Аяза Гилязова получило положительный отклик у турецких читателей. В рецензиях и отзывах по достоинству оценено мастерство писателя: психологизм произведения, достоверность в передаче реальности, детальное изображение национальных образов мира татар и их обычаев. Переводчику удалось без искажения передать особенности художественного мира писателя, богатство его языка.

Ключевые слова: Аяз Гилязов, татарская проза, повесть, литературный перевод, Фатих Кутлу, тема войны в литературе

History and society

Тарих һәм җәмгыять

История и общество

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-74-99

MUSLIM CHARITABLE SOCIETIES AND MUSLIM COMMITTEES AND BUREAUS (BASED ON THE KAZAN, UFA AND ORENBURG PROVINCES)

Dmitry Vitalievich Makarov,

Moscow Islamic Institute,
12 Kirov Proezd, Moscow, 109382, Russian Federation,
dawletshah@mail.ru.

Aydar Yurievich Khabutdinov,

Kazan branch of Russian State University of Justice,
7A 2nd Azinskaya Str., Kazan, 420088, Russian Federation,
aikhabutdinov@mail.ru.

The article is devoted to Muslim charitable societies and Muslim committees and bureaus as forms of self-organization and social movements of Russian Muslims in the early 20th century. As early as at the end of the 19th century first Muslim charitable societies were created as cultural, educational and social centers of communities with collegial management. Muslim committees and bureaus, formed after the February Revolution of 1917, were mainly socio-political organizations of Muslim Turkic-Tatars from the Orenburg District Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA), they did not represent any political bodies of a specific orientation. In the spring and summer, sometimes in the early autumn of 1917, they united the activities of various Muslim organizations in the provincial city, and later often throughout the province, becoming direct predecessors of the provincial Milli Shuras (National Councils), which, from the very beginning, were the bodies of national-cultural autonomy. In this article, we analyze the continuity and interaction between these two structures, as well as their public activities.

Key words: Muslim charitable society, Muslim Committee, Muslim Bureau, Milli Shura, Milli Idare

Introduction

The creation and activities of Muslim charitable societies in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries, as well as Muslim Committees and Bureaus in 1917 on the territory of mod-

ern Russia, are inextricably linked primarily with the phenomenon of urban civilization of the Tatars and Crimean Tatars represented by urban Muslim communities, which were often territorially tied to the Tatar Slobodas. From Arkhangelsk in the North

to Crimea and Astrakhan in the South, from St. Petersburg in the West to Tomsk in the East, we see this connection between urban communities, whose centers were primarily mosques, and Muslim charitable societies. After the February Revolution, the forms of the social movement changed fundamentally. As early as in March 1917, in cities, primarily in provincial centers, we see the creation of Muslim Committees and Bureaus, which built relationships with existing similar structures in district and volost centers with a large Muslim population.

As early as in April 1917, provincial Muslim congresses were held in a number of regions, creating the opportunity for unification within the entire region. On the eve of the Second All-Russian Muslim Congress in Kazan, in July 1917, delegates were elected at the provincial congresses and decisions were made on the formation of the Provincial Milli Shuros and their Executive Committees. After the 2nd All-Russian Muslim Congress (July 22–29, 1917), Provincial Milli Shuros were set up as regional bodies of national-cultural autonomy of the Inner Russia and Siberia Turkic-Tatar Muslims, which marked the end of the era of Muslim Committees and Bureaus as predominantly urban Muslim socio-political organizations in favor of general provincial bodies.

The issues of the activities conducted by Muslim charitable societies, as well as those of Muslim Committees and Bureaus, have not received their comprehensive analysis so far. The former topic was studied by the late Z. Minnullin for many years. Unfortunately, he left only a number of articles of a general nature, among which the article “The Emergence and Development of Muslim Charitable Organizations in Russia (the 19th – early 20th centuries)” is of a problem stating type [1].

The issues of Muslim charitable societies were partially touched upon in R. Salikhov’s candidate dissertation “Social Reform Activities of the Tatar Bourgeoisie in Kazan (second half of the 19th – early 20th centuries) (Kazan, 1997)” [2] and in the monograph “Participation of Tatar Entrepreneurship of Russia in the Socio-Political Processes in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Reforming the Institutions of the Local Muslim Community” (Kazan, 2004) [3], which expanded the topic and formed the basis of his doctoral dissertation. Here, Muslim charitable societies are analyzed using the examples of Kazan, Kasimov and St. Petersburg where the paragraph itself is called “the creation of specialized social security institutions for the Muslim population” [3, pp.

239–257], that is the one analyzing an important, but only one certain aspect of the societies’ activities.

In 1915, most of Muslim charitable societies in Russia were located in the Orenburg Province (12 out of 87) [4, pp. 29–31]. Of special importance for the analysis of Muslim charity in the Orenburg Region is the article “The Main Directions and Forms of Muslim Charitable Organizations’ Activities in the Orenburg Province (1898–1918)” by D. Denisov [5]. Since Troitsk was the second most important center of Muslim charitable societies in the Orenburg Province and there was also a Muslim charitable society in Chelyabinsk, these subjects are discussed in the monograph “Essays on the History of Muslim Communities of the Chelyabinsk Region (the 18th early 20th centuries)” by D. Denisov [6, pp. 112–119, 184]. The themes, relating to the city of Ufa, are partially discussed in the article “From the History of Muslim Charity in the Ufa Province” by G. Azamatov and D. Azamatova [7]. One of the authors of this article analyzed the role that charitable societies played in the Jadid reform in his monograph, published before the presentation of his doctoral dissertation [8, pp. 165–167]. He dedicated a chapter of his monograph to charitable societies, based on the analysis of the societies in the Kazan, St. Petersburg, Orenburg and Ufa Provinces [9, pp. 138–158].

The summary article “Charity” in the 1st volume of the Tatar Encyclopedia has only one paragraph devoted to Muslim charitable societies, and no publications on this issue are given in the list of references. The list speaks of approximately 100 Tatar charitable societies created by 1917 (the societies of Astrakhan, Kasimov, Kazan, Moscow, Orenburg, Perm, St. Petersburg, Troitsk are mentioned), the data on the societies are unsystematically placed throughout all six volumes of the Tatar Encyclopedia, mainly in connection with certain settlements. In the article of the first volume, only the Bekbulatov Society of Mutual Charity of the Kasimov Tatars in St. Petersburg and the “Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan” are highlighted in italics [10, pp. 408–409]. The summary article “Charity” in the first volume of the Bashkir Encyclopedia [11, pp. 505–506] does not accentuate the existence of Muslim charitable societies. The “Guardianship for the Poor Muslims of Ufa” is mentioned here (but not the “Ufa Muslim Charitable Society”), it is given in italics, and a separate article is further devoted only to the “Ufa Muslim Ladies’ Society”. The forthcoming summative edition of the dictionary “Islam in the Rus-

sian Federation” (the authors are the executive editors of the series) contains articles of varying lengths about sixty seven Muslim charitable societies in the Volga-Ural Region, Central Russia, the North-West, Siberia, Crimea and the North Caucasus.

The topic of the Muslim Committees and Bureaus’ activities has hardly attracted the researchers’ attention. The Tatar Encyclopedia has only one article “[Kazan] Muslim Committee” on this topic. It contains sixteen lines and has neither an indicated author nor a list of references [12]. In the “Bashkir Encyclopedia”, twenty one lines are dedicated to the Ufa “Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims”. The author of the article is G. Mordvintsev [13], and the entire list of references is limited to “Mordvintsev G. V. March 1917 in Bashkiria (the chronicle of the events)” (Ufa, 1997). The abstract to this monograph honestly states: “The main sources for writing the chronicle of the events were the funds of the Bashkiria archives - the Central State Historical Archive and the Central State Archive of Public Organizations and Associations, as well as the materials from periodicals of 1917 in Russian. The latter circumstance made it difficult to access information about the development of the Bashkirs and Tatars’ national movement” [14, p. 3]. The only article found is “The Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims” by R. Bikbulatov [15], but it consists of only two pages, while the Ufa newspapers “The Tormysh” and partially “The Irek” of March – July 1917 contain numerous stories about the activities of the Committee and its contacts with the sociopolitical movement of neighboring provinces.

To analyze the activities of Muslim Committees and Bureaus, it is necessary to focus on the short-term period of their activities in the spring-summer and maximum part of the autumn of 1917, that is, we need to follow their constantly developing and ever changing plot in connection with other plots of the evolution of Russian society and the movements campaigned by other Muslim groups (military men, teachers, women, etc.). Another problem is the fact that practically the only source on this topic is the Tatar press of that period, as it will be discussed below. Accordingly, the cessation of the Orenburg newspaper “The Vaqyt” publication for most of the summer and part of the autumn of 1917 sharply narrows our possibility to obtain consistent and detailed information about the activities of the Orenburg Muslim Bureau. Therefore, our comprehensive information is con-

centrated primarily on Kazan, Ufa and partly Orenburg with their stable newspapers, which had permanent columns devoted to Muslim Committees and Bureaus of the corresponding provincial centers. In the dictionary “Islam in the Russian Federation,” we devoted a number of regional articles to specific Muslim charitable societies, as well as Muslim Committees and Bureaus of Kazan, Ufa and Orenburg. In 2009, an article by D. Denisov, dedicated to the Orenburg Muslim Bureau, was published in the volume “Islam in the Urals” [16, pp. 278–279]; in 2017, one of the authors of this paper analyzed the activities of the Kazan Muslim Committee in the volume “Islam in Tatarstan” [17, p. 117]; in 2023, in the volume “Islam in Bashkortostan”, an article was dedicated to the “Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims” [18, pp. 148–149]. However, they describe the activities of individual committees and bureaus, not the phenomenon as a whole.

Methods and sources

Our analysis of Muslim charitable societies is mainly based on their Charters and Reports. A unique collection of these printed publications was collected, primarily by Z. Minnullin, in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Lobachevsky Scientific Library, Kazan Federal University. The topic of the Muslim charitable societies’ activities was the most important topic for the Tatar press of that period; in the section “*жәмгыятье khayria*” (charitable society), information about their meetings and accounts of their work were regularly published on the pages of the newspapers. The most adequate idea of the activities, conducted by the “Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan” in 1906–1917, can be found on the pages of the Kazan newspaper “The Yoldyz” (“Yulduz”); from the year of 1913, “The Qoyash” could be added to it. In 1906–1917, the Orenburg newspaper “The Vaqyt” also regularly published information about the activities of the Muslim Society of Orenburg and the Orenburg Muslim Women’s Society. The situation was worse in Ufa, where the newspaper “The Tormysh” was regularly published only from October 1913. Among the Russian Muslims’ main centers engaged in social activities, Troitsk had no Muslim newspaper; the newspapers “The Il” / “The Suz” / “The Beznen Il” were published intermittently from November 1914 and regularly from the end of March 1917, which does not provide stable information for conducting the analysis of the “Moscow Muslim Charitable Society” activities (1906–1917); the news-

papers, published in St. Petersburg in 1906–1917, concentrated on all-empire/all-Russian topics and foreign policy and did not have a special section highlighting the activities of the Muslim Charitable Society in St. Petersburg (1898–1917). Therefore, when analyzing Muslim charitable societies, we will focus primarily on Kazan and Orenburg, partly Ufa, where accounts of their work are substantiated by press materials.

Regarding Muslim Committees and Bureaus, the most important and often the only source is the press. For Kazan, these are the newspapers “The Yoldyz”, “The Koyash”, “The Avaz”, “The Qurultai”, for Ufa – “The Tormysh” and partly “The Irek”, for Orenburg – “The Vaqyt” and partly “The Tormysh”.

The article is based on the use of the comparative historical and problem-chronological methods, the method of synchronous analysis, periodization, classification, etc.

Discussion

Muslim charitable societies, as a system of national and cultural organizations, were formed in various cities of the Russian Empire in the 1890–1910s. In the Volga-Ural Region, the first Trust for Poor Tatars was opened in 1897 in Astrakhan, in Central Russia it was the Kasimov Muslim Charitable Society and in the same year, the Crimean Charitable Society for Benefiting Poor Muslims “Jemiet Khairie” was created in Simferopol. In 1898, the Muslim Charitable Society in St. Petersburg, the Kazan Society for Benefiting Poor Muslims, the Ufa Trusteeship for Poor Muslims (from 1915, the Ufa Muslim Charitable Society) and the Troitsk Muslim Charitable Society were founded. Muslim charitable societies of the North Caucasus systematically emerged during the revolution of 1905–1907. The charter of the first of them - the Society for the Education of Muslim Natives of the Dagestan Region (a Muslim charitable and cultural-educational organization) in the city of Temir-Khan-Shura (now it is the city of Buinaksk in the Republic of Dagestan) was approved only on October 10, 1905, although attempts in that direction had been made since 1901 [19, pp. 292–293].

During the revolution of 1905–1907 and in the next decade, numerous societies of this kind came into existence. If in 1903 there were only eight Muslim charitable societies in Russia (in Kazan, St. Petersburg, Troitsk, Simferopol, Yalta, Kasimov, Astrakhan and Semipalatinsk), in 1915 there were already eighty-seven of them [4, pp. 29–31].

The revolutionary aspect in the activities of these societies was their transition from the specific mutawalli trustees’ activities (at best, mutawalliat – boards of trustees), limited by the framework of specific mahallas (parishes), to citywide structures. At the same time, in the Russian Empire, after years of effort, only the board of trustees of A. Khusainov’s waqf was recognized, while the imam and mudarris of the Rasuliya madrasah in Troitsk, the most prominent sheikh of the Naqshbandiyya tariqa Zainulla Rasuli, was refused permission to create a mutawalliate by the fellow (deputy) minister of the Ministry of Internal Affairs. The refusal was made on the grounds that he had donated the real estate in the parish of the Fifth Mosque. To the submission of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly (OMSA) dated March 6, 1912: “On permission to accept from Rasulev three courtyard places donated by him with buildings in favor of the said mosque, the Deputy Minister of Internal Affairs, the Comrade Minister, let the Assembly know on May 6 of that year in Order No. 4118 that the existence of parish trustees at mosques was not provided for by the current laws on the management of spiritual affairs of Mohammedans, therefore he did not recognize it possible to allow the acceptance of Rasulev’s donation on the conditions specified by him”. Based on this decision, on November 1, 1912 the OMSA responded that the management of the waqf should be carried out by a separate mutawalli, “i.e. be authorized by the parish; the establishment of parish guardianship was not provided for by law” [20, pp. 218–219]. This closed off the possibility of transition from the medieval individual to the collegial structure of the New Age, since in the Muslim tradition it was the waqf property that created opportunities for stable financial support for the needs of education and the entire social sphere.

Under these conditions, only Muslim charitable societies could be structures that stably financed the needs of the Muslim community of their city, regardless of the desires or measured life paths of its individuals. However, the mutawallis’ experience helped them out, so the leaders of Muslim charitable societies in stable urban communities often came from representatives of the most prosperous families who had experience in controlling the mahalla, its madrassas and waqfs. It is represented by the example of the societies in Kazan and Troitsk. Of the two decades of the Kazan society activities, it was headed by two representatives of the Apanaev family: imam Gabdulla Abdulakarimovich Apanaev (1902–1907) and his

brother Mukhammabadretin Abdulakarimovich Apanaev (1910–1917). The former was the closest associate of Galimdzhan Barudi, the imam of the “Sennaya Mosque”; in 1906 he headed the educational commission of the Third All-Russian Muslim Congress where he was elected a member of the Central Committee of the Ittifaq al-Muslimin Party. In 1908, he was exiled, along with the Barudi brothers and the merchant A. Kazakov, as leaders of the Kazan bureau “Ittifaq al-Muslimin” [9, p. 140]. It is noteworthy that on March 12, 1917, he became deputy chairman of the Kazan Muslim Committee, and in November 1917, he was the mukhtasib of the Kazan Province [21, p. 29]. All the years, the Troitsk Muslim Charitable Society was headed by representatives of the Yaushev family in the person of Abduvali and Mullagali brothers who had experience of guardianship in the mosques of the second and sixth parishes in Troitsk; however, unlike the mutawallis’ sole power, the power of the chairmen of the societies was limited by members of the board and was subject to much stricter public reporting rules.

Charitable Societies and Muslim Committees as Channels of Mobility

Looking at features, characterizing the Orenburg Muslim Society, we see that besides collegiality, its membership consisted not only of businessmen. D. Denisov points out that along with them, there were clerks, office workers, imams, representatives of national intellectuals, including teachers and journalists. The society had 129 members in 1907, 296 members in 1908, 306 members in 1909, 323 members in 1910, 267 members in 1911, 269 members in 1912 and 320 members in 1913 [5, pp. 66–69]. In October 1906, the Society opened a free Muslim library in Orenburg (now the Kh. Yamashev Library), financed the creation and operation of three Muslim primary schools in the poorest districts on the outskirts of the city and two three-year educational and auxiliary workshops for teaching poor Muslim children (one specialized only in carpentry, the other had a subsidiary subject of basket making with compulsory teaching of the Russian language) [5, p. 66–69].

The preparation of the future Tatar elite in the region was carried out by the Orenburg Society for the Care of Muslim Students whose Charter was registered on May 11, 1912. The board included Muhammad-Zakir Ramiev (Derdmend, the chairman), mugallim Sungatulla Bikbulatov (a deputy chairman), millionaire entrepreneur Abdulhamid

Khusainov (a treasurer), one of the founders of the Tatar professional theater Mukhtar Mutin (a secretary), the future politician and deputy of the Constituent Assembly Shakir Muhammedyarov (a secretary), mugallim Nurgali Nadiyev (a secretary), Muhammad-Fatih Karimi, Kh. V. Rameev, mugallim and later the clerk Haris Fayzi-Chistapuli, the son of Riza-qadi, a future politician and editor-in-chief of the newspaper “The Bulletin of the Bashkir Government” (“Bashkortostan khokumatnenen tele”), mugallim Gabdurrahman Fakhretdinov, entrepreneur Khusain Khusainov, journalist Burkhan Sharaf, and among the members there was the future mufti of Central Spiritual Administration of Muslims of Russia Riza Fakhretdin (1923–1936), the chairman of Milli Idare in 1917–1918 Sadri Maksudi and the current chairman of Milli Idare in 1919 Salim-Girey Jantuyurin. The society issued gratuitous benefits or interest-free loans to Muslims entering or already doing various courses in primary, secondary and higher educational institutions in Russia. Among the people who received such financial aid were future deputies of the Constituent Assembly Shakir Muhammedyarov, Muhammad-Najib Khalfin and others. In the fall of 1913, the Society opened a preparatory school in Orenburg for Muslim children who wanted to enter gymnasiums and vocational schools [22, p. 280]. Significant support for those seeking to obtain higher and secondary religious and secular education in Russia and abroad (before the outbreak of World War I) was provided by the Orenburg Board of Trustees of the A. Khusainov’s waqf (1907–1917) [23, p. 291].

“The Guardianship of the Poor Muslims of Ufa” (1898–1915) had a legal right to render assistance in mastering crafts and in obtaining education in the madrasah of Ufa. In 1913, it opened a carpentry workshop at the Usmania madrasah in Ufa where twenty people were trained in 1913, and 455 rubles were spent for this purpose. According to the report of the Board of Trustees of 1913, 2,704 rubles were allocated to help the poor and students. At the same time, we mentioned the targeted support for the “poorest” shakirds in the amount of thirty seven people in Ufa madrassas; in total, 1,375 rubles were allocated to the shakirds of madrassas at 1-4 Cathedral Mosques of Ufa over the year. [24, pp. 3, 5, 8, 24]. Social support and preparation for life also concerned Muslim girls in Ufa. Thus, the Ufa Muslim Ladies’ Society maintained an asylum where the girls learned literacy, clothes and shoe making and other handicrafts (527 rubles in 1914). In 1914, 1,652 rubles were

allocated to seven educational institutions with 517 schoolgirls, primarily spent on the teachers' salaries [25, p. 7].

The "Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan" has officially reserved the right to finance educational activities among Muslims. The funds were mainly used to pay for the education of poor shakirds in secondary and higher religious institutions of Russia, as well as to create Russian-Tatar primary schools subordinate to the "Society...". "From November 1, 1909, a Russian-Tatar men's school <...> and a Russian-Tatar women's school functioned at a Muslim asylum" [2, pp. 39–40]. Traditionally, in the 1910s, the main items of the "Society for Benefiting Poor Muslims of Kazan" expenditure (1898–1917) included an almshouse, a maternity hospital and an orphanage-school. But in the report of 1915, we also see donations to the Mushtarieva girls' school (2,788 rubles), as well as to the Muslim hospital in Kazan (1,482 rubles) and those in favor of Muslim victims of military operations in the Kars Region (3,013 rubles), that is, in favor of the people who suffered during World War I [26, pp. 53–63]. It should be said that during the years of this war, almost all Muslim charitable societies actively helped the wounded, although not only Muslims were treated in Muslim hospitals.

Thus, at the beginning of the 20th century, the activities of the Muslim charitable societies were not limited to social security. They helped with money, clothing, food and stationery to the children of both sexes from their poor families while they were studying in primary school (for orphans - in a school at an orphanage); then capable children had the opportunity to receive secondary and even higher education, while the rest learned a craft. It is important that in the 1910s, there was a tendency to educate girls as future teachers.

If we analyze the activities of the Muslim Committees in 1917, we will immediately see the desire, exemplified by the cities of Kazan and Orenburg (see below), to ensure from-bottom-to-top mobility for the lower strata of society: workers, soldiers, clerks, artisans and women. On March 12, 1917, the leadership of the Kazan Muslim Committee (KMC) was formed: its chairman was Fuad Tuktarov, the deputy chairmen - Gabdulla Apanay and Validkhan Tanachev, secretaries - Amin Mustafin and Sultan-Akhmet Gabyashi, members: Amina Mukhetdinova (representing female teachers), Ilyas Alkin (representing military), Valiulla Ibragimov (representing bourgeoisie), Sait Vakhidov (representing military) and

Rakhimdzhhan Daminov (representing the Society of Teachers), Kashshaf Tarjemani and Akhmetzhan Mustafa (representing the clergy) [27]. We can prove that this identification of the KMC professional groups was not accidental using two more examples. At a meeting on April 23, the KMC formed two lists. The first of them was for the members of the City Duma (real elections would be held in October and, along with the KMC list, the MSC list from its partners would also participate). On April 23, the KMC recommended a list that included four of its representatives (S.-G. Alkin, F. Tuktarov, M.-N. Khalfin, G. Rafikov), it was also planned to elect three representatives of Muslim workers, one each from teachers, women, clerks and artisans [28]. It is worth noting that the KMC supported passive suffrage for women, and in October 1917, Kh. Tanacheva was elected member of the City Duma according to the KMC list [29]. At a meeting on April 23, the KMC formed a list of delegates to the First All-Russian Muslim Congress. To represent the KMC itself, only F. Tuktarov and I. Khanzafarov were recommended; in addition, six delegates represented the military, four represented workers, one each represented ulema, mugallim, mugallims, women, merchants, teachers and clerks, that is, from the representatives of very specific Kazan societies of ulema, mugallim, mugallims, women, teachers and workers. The military formed Kharbi Shuro, and a meeting of Muslim soldiers was scheduled for April 27–30, 1917, in Moscow on the eve of the congress [28].

The political mobilization of the population both for the religious reform (see the next section) and for the creation of national structures proper, as well as its mobilization for the coming elections, primarily to the All-Russian Constituent Assembly, became an issue of great importance for the Muscoms' activities. Imams remained the main channel for agitation among the rural population. Let us look at this political and educational activity based on the example of the Muscoms in Kazan and Ufa. On March 19, 1917, the KMC formed the following commissions: financial, legal, information and newspaper ones [30]. At the end of March, courses were organized for imam-khatibs, which were opened with a lecture by Kashaf Tarjemani, the imam and mudarris of the Eleventh Cathedral Mosque of Kazan. The lecture was devoted to the history of the OMSA and the All-Russian Muslim Congresses of 1905–1906 and 1914. The KMC began canvassing in the districts "to familiarize the population with the current situ-

ation" [31]. By April 16, KMC branches operated in the cities of Arsk, Mamadysh, Sviyazhsk, Chistopol, the village of Satyshevo and the Mamadysh District of the Kazan Province; there were also close contacts with the Muslims of the Urzhum and Malmyzh Districts of the Vyatka Province [32]. In the second half of March 1917, the Ufa Committee began sending lecturers to the districts of the Ufa Province (Mubaraksha Hanafi, Galiaskar Gafurov, Kashafulla Shamsutdinov), imams were considered to be the main assistants in the organization procedures [33].

Managerial and organizational activities

Orenburg was the most vivid example of continuity in the leadership of the Muslim Charitable Society and the Muslim Bureau. Thus, in 1906–1907, the first chairman of the Orenburg Muslim Society was Muhammad-Fatih Karimi, the political leader of the Orenburg Muslims and the editor of the newspaper "The Vakyt" in 1906–1917. However, after the defeat of the revolution of 1905–1907, he lost this post and the society was headed by the son of Gani-bai Khusainov - Abdulhamid Khusainov (1913–1917) whose term of office was the longest [9, p. 144]. However, immediately after the February Revolution, on March 5, 1917, the first meeting of Muslims was held in Orenburg where the Standing Orenburg Muslim Bureau was created under the chairmanship of Fatih Karimi [34] who had been its permanent leader until he became the head of the Orenburg provincial Milli Shuro, elected at the First Congress of Muslims of the Orenburg Province (September 27 – October 5), 1917 [35, p. 14]. The Orenburg Muslim Bureau was housed in the building of the Orenburg Muslim Society and the Muslim Library [36]. In Ufa, we see that radical changes took place in 1915 when Salim-Girey Jantyurin, a liberal zemstvo figure, nobleman and a deputy of the First State Duma, was replaced by the millionaire merchant Muhammad-Najip Khakimov whose father created the infrastructure at the mahalla level of the Fourth Cathedral Mosque in Ufa and the Mosque Khakimiya madrasah [37, pp. 161–162]. Soon the "Ufa Trusteeship for Poor Muslims" changed its name to the "Ufa Muslim Charitable Society", and its board included the Social Democrat Menshevik Gumer Teregulov who headed the department of foreign education at the Ufa provincial zemstvo government in 1911, and in March 9, 1917, he became the chairman of the board of the Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims; in July 1917, he was elected a member

and then the chairman of the Executive Committee of the Ufa Provincial Milli Shura (Muslim National Council) [38, pp. 141–142]. Another member of the board of the society was Idayatulla Enikeev who, on March 9, 1917, would join the leadership of the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims [39].

The meetings of the Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims took place in the building of the Ufa Muslim Charitable Society, they were regularly covered in "The Tormysh" reports of the meetings (see, for example: [40]). Later, the Ufa Provincial Milli Shura (the Muslim National Council) was also housed in the building of the charitable society.

On March 6, 1917, nine people were elected to the Orenburg Muslim Bureau. Along with Fatih Karimi, we see Burkhan Sharaf and Mukhtar Mutin, members of the board of the Orenburg Society for the Care of Muslim Students, Kalimulla Khasanov, a former deputy of the Second State Duma, Ibragim Bikchentaev, the head of the Department of Non-Russian Education of the Orenburg Provincial Zemstvo Government, Akhmed Baitursunov, a prominent Kazakh politician, later one of the leaders of Alash Hordes, A. Timerbulatov and A. Niyazbaev [40]. A few days later, at professional meetings, representatives of imams, teachers, countermen, clerks and workers were elected to the Bureau. For example, on March 10, 1917, there was a meeting of imams and muezzins of Orenburg chaired by Zahidulla Kashaev, the mullah of the Fifth Cathedral Mosque. The imam of the Menovna mosque, Iskhak Adilgareev, and the imam of the Third Cathedral Mosque, Abdulgaziz Abdulkarimov, were delegated to the Bureau [41].

On April 8–10, 1917, the Orenburg Muslim Bureau organized a unique meeting of the Muscoms and bureaus' representatives of both European and Asian Russia, its many decision points were enshrined in the resolutions of the First All-Russian Muslim Congress (Moscow, May 1–11, 1917). The meeting, chaired by Muhammad-Fatih Karimi, the leader of the Orenburg Muslim Bureau, was attended by representatives of the Kazan Muslim Committee (Validkhan Tanachev and Najib Khalfin), the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims of Ufa (Vagiz Navruzov and Gabdurrahman Fakhretudinov), Tashkent (Gabdelsami kary Zyyabaev and Sadyk Gabdussatarov) and representatives of the Kazakh congress (Miryakub (Mirjakip) Dulatov and Khusain Turajanov), the

Muslim Bureau of Samara (Gabdurrahman Minyushev), Akmolinsk (Gabdurrahman Murtazin), Kargaly (Muhammadi hazrat Mustaev) and Kazalinsk (Gabdulla Davletshin). After the reports, made by the representatives of the regions, the second block of items, considered at the meeting, concerned the issues scheduled for the First All-Russian Muslim Congress, including the issues of national and cultural self-government, the elections to the Constituent Assembly; the issue of the outskirts; the assistance rendered to war victims; women's question; labor and land issues; the organization of the All-Russian Muslim Congress. In relation to the organization of the bodies of power, the issues on the attitude towards the Councils and local self-government bodies were considered, as well as the needs of local self-governments and their relationship with the Provisional Government; another item was the participation in the Turkestan Muslim Congress. It was proposed to transfer the land issue to the All-Russian Constituent Assembly for it to make a decision. The Russian Federal People's Republic was supported as a form of a governing body. As for the religious question, freedom and equality of all religions were proclaimed; religious affairs were separated from state affairs; religious mektebs and madrassas were made subordinate to the Spiritual Assembly (Mahkama-i-Shargiya) of Muslims of Inner Russia. The representatives of the Muscoms of Kazan, Ufa and Orenburg agreed on mutual cooperation [42]. Compared to other decisions, the most radical one was the support of territorial federation, since before the Moscow Congress the question had been raised about a unitary republic with broad local self-government and religious autonomy.

The first key task that the emerging Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims set for itself was its control over the OMSA. However, the Committee did not have either its leadership or name, so far. On March 5, 1917, the first rally of Muslims was organized in Ufa with a demand to remove the mufti of the OMSA Muhammad-Safa Bayazitov from office and arrest him and the kazy Ginyatulla Kapkaev, to grant freedom to Muslims in their religious and national-cultural affairs and to delegate Muslim representatives to public organizations. As a result of this meeting, a working group was created under the leadership of G. Teregulov and Z. Kadyri, the editor of "The Tormysh" newspaper. On March 6, 1917, these two people began the formation of the Committee (the original name was "a bureau"), which immediately put forward the slogan of

spreading political consciousness among the people and the resignation of M.-S. Bayazitov and G. Kapkaev [43].

On March 7, 1917, the Presidium of the Ufa Provincial Committee of Public Organizations appointed three commissioners to oversee the activities of the OMSA: A. Akhtyamov, K.-M. Alkin, G. Teregulov, all three were secular figures. The legitimacy of Abusugud Akhtyamov was determined primarily by his role during the revolution of 1905–1907, as a member of the Central Committee of the Ittifak al-Muslimin Party and a deputy of the First State Duma from the Ufa Province in 1906. Previously, in 1895–1899, as a qualified lawyer who graduated from the Faculty of Law of the Kazan Imperial University, he served as secretary of the OMSA [44, pp. 14–15]. Kutlug-Mukhammed Alkin came from a Tatar family of large landowners and hereditary nobles, he was elected a member of the Belebeevsky District Zemstvo Assembly over the period of 1894–1911 and a member of the Ufa City Duma in 1912–17. As a philanthropist, in 1906 he was one of the initiators of the opening of the Galiya Madrasah and remained a member of the Board of Trustees of the Galiya Madrasah until 1915, he was also a member of the Board (a treasurer) of the Ufa Society for Assistance to Students in Higher Educational Institutions [45, p. 11].

The issue of OMSA was considered at a meeting of the Bureau on March 7, which initially gave the name to the Committee itself. The second part of the meeting was devoted to the issue of the OMSA, when the appointment of the above three commissioners was announced and the removal of M.-S. Bayazitov and G. Kapkaev was approved, which led to the reliance in the OMSA on the other two qadis: S. Urmanov and N.-M. Mamliiev who expressed their loyalty to the Provisional Government. Salikhdzhan Urmanov addressed the clergy of the Assembly with an appeal to support the new government and informed them about the resignation of Bayazitov and Kapkaev, the information which at that time remained unpublished. Gabdurrahman Fakhretudinov, representing the military clergy, announced the need to remove G. Kapkaev who, unlike M.-S. Bayazitov, was in Ufa at that time. It was decided that from the next day the commissioners would take control of the OMSA, ensure the resignation of M.-S. Bayazitov and G. Kapkaev and undertake measures for the speedy election of new kazys [46].

On March 9–10, a meeting was held on the issue of the OMSA managing board of sixteen people consisting of two qadis, imams of the five Ca-

thedral Mosques in Ufa, three commissars - Zakir Kadyri, the head teacher of the Usmaniya madrasah Gabdulla Sh(o)nasi, Usman and Akhmed-Sultan Teregulovs and Gabdurrahman Fakhretdinov. The main item was the need for by-elections of at least one kazy to ensure a quorum, since out of four kazy members only two remained. Gabdurrahman Fakhretdinov announced that his father Riza-qadi Fakhretdin could not return to this post at OMSA [47]. Thus, the issue could not be resolved until the end of March, when Khujat al-Hakim Makhmudov, the imam of the city of Turgai, the Turgai Region, was elected to be qadi. He was approved by the Ufa Provincial Government, which resolved the issue of a quorum in the OMSA [48]. In this case, the most important thing was the collegial nature of this meeting, as it was attended by representatives of three groups of the Muslim elite from the city of Ufa: the older generation of zemstvo, urban and all-Russian revolutionaries of 1905–1907; OMSA qadis loyal to the new government and imams of the five Cathedral Mosques of Ufa; as well as the leaders of the emerging Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims, which was created in parallel with the OMSA meeting on March 9, 1917 by a group of Muslim intellectuals in Ufa. Its members were: Gumer Teregulov (the chairman), Zakir Kadyri, Galimdzhan Ibragimov (the deputy chairman), Gamde (Gumda) Khabirov (a secretary), Vagiz Navruzov, Sagit Ramiev, Ismagil Subaev, Idiatulla Enikeev, Khabibulla Akhtyamov, Akhmet-Sultan Teregulov, Zakir Shakirov, Gabdulla Sh(o)nasi, Iskhak Kasmasov and Salih Khabirov. With the exception of Khabibulla Akhtyamov, the imam of the opening Sixth Cathedral Mosque in Ufa, we see only the secular intelligentsia in the person of two head teachers of Jadid madrassas (Galimdzhan Ibragimov and Gabdulla Sh(o)nasi), Zakir Shakirov, the inspector of non-Russian schools from the Department of Public Education of the Ufa Provincial Zemstvo Government, employees of “The Tormysh” (Zakir Kadyri and Gumda Khabirov), Akhmet-Sultan Teregulov, an official on special assignments under the Ufa Governor and Sagit Ramiev, a classic of Tatar poetry [49].

On March 17, 1917, “The Tormysh” newspaper published information about the OMSA meeting chaired by Abusugud Akhtyamov. Like the leadership of the Kazan Muslim Committee in Kazan, the leaders of the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims used imams to propagate their ideas. On behalf of the Committee,

Gomer Teregulov declared that the duty of the clergy under the existing conditions was to explain the current situation to the population and assist the Provisional Government by delivering relevant sermons [50]. The Charitable Society was also used as a platform for disseminating the Committee’s ideas. On March 16, 1917, a meeting of the society was held, which discussed the current situation in the country. G. Teregulov announced their support for the power of the Provisional Government, the elections to the Constituent Assembly and announced the beginning of the Committee’s activities. Gumda Khabirov gave a brief report on the activities of the Committee and presented its Charter. At the meeting of the Society, 830 rubles were raised for the benefit of the Committee. [51]. Along with the publication of materials about its activities, in almost every issue of the newspaper “The Tormysh” (its editor being Zakir Kadyri), from March 1917, the Committee began its publishing activity by printing brochures, including the Charter of the Committee in the Tatar language and the brochure “Rusiyada zur uzgeresh kunnere” (“The Days of Big Changes in Russia”) [52].

The Committee played a leading role in organizing and holding two Ufa provincial Muslim congresses in April and July, 1917. The First Ufa Provincial Muslim Congress took place on April 14–17, 1917. The leaders of the Committee, Gumer Teregulov and Zakir Kadyri, were responsible for preparing the program. The organizing committee consisted of Idiatulla Enikeev, Akhmet-Sultan Teregulov, Gabd(ur)rahman Fakhretdinov and Usman Teregulov [33]. The congress spoke in favor of the religious autonomy of Muslims and their control of local schools [53, p. 136]. At the same time, here, local committees and bureaus continued to cooperate, and a vertical structure at the provincial level had not yet been created, which happened in accordance with the decisions of the Second Ufa Provincial Muslim Congress, held on July 13–15, 1917 [54, p. 137]. It created the Ufa Provincial Milli Shura (Ufa vilayat Milli Shurasy) as a representative body of Muslims of the Ufa Province, and from August 1917 as a regional body of the Muslims’ National-Cultural Autonomy representing the Turkic-Tatars of Inner Russia and Siberia in July 1917– April 1918. On July 16, 1917, the first meeting of the Executive Committee of the Ufa Provincial Milli Shura was held where it was decided to stop the activities of the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims in early August and its district committees until August 5. To transform district

committees into district Milli Shuras, district Muslim congresses were to be held [55]. For example, on August 5, 1917, the Second Belebey District Muslim Congress advocated the creation and beginning of the District Milli Shura activities in accordance with the instructions of the Ufa Provincial Milli Shura during the liquidation of Muskom in Belebey [56].

As we have already indicated, the Muskoms considered, as their key function, the organization of participation in elections, which were held on the basis of universal suffrage, including women, for the first time in the history of Russia. Let's consider this case using the example of the elections of *glasnyis* (a member with a casting vote in the Russian Empire) to the City Dumas of Ufa, Kazan and Orenburg, which took place in the summer–autumn of 1917. In June 1917, the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims concentrated its activities on the election of Muslim *glasnyis* to the Ufa City Duma. On June 2, 1917, a general meeting was held and a commission was formed to prepare Duma elections [57]. On June 16, 1917, a general meeting of Ufa Muslims, devoted to the elections to the City Duma, was held at the Vidineev Theater. G. Teregulov spoke in support of a Unified Muslim Bloc, although he announced the possibility of an alliance with the Social Revolutionaries. G. Ibragimov advocated a single bloc with the Socialist Revolutionaries and Social Democrats. As a result, out of the seventeen elected Muslim *glasnyis* in the City Duma, eight represented the list of socialists and nine represented a single Muslim list nominated at the general meeting of Muslims in Ufa [58]. At the same time, in the elections to the Orenburg City Duma on July 9, 1917, the Orenburg Muslim Bureau had twelve *glasnyis* on their single list (in total, Muslims received 20 seats out of 100) [16, p. 279]. In October, in the elections to the Kazan City Duma, the KMC list received six seats out of eighteen Muslim voters [29], which showed the growing influence of left socialists represented by the Muslim Socialist Committee after the failure of the Kornilov rebellion at the end of August 1917.

Results

Based primarily on our analysis of Muslim charitable societies' reports in the period of 1906–1916 and the data from the Tatar press published in Ufa and especially in Orenburg in 1917–1918, we have traced a high level of continuity maintained by the leadership of charitable societies in the 1900s–1910s and Muslim committees and bureaus

in the spring and summer of 1917. Both of these organizations were considered to be the bodies that were able to effectively mobilize their members to solve the assigned tasks.

Conclusions

Since in the second half of the 1900–1910s, the all-Russian Muslim liberal monarchist party “Ittifaq al-Muslimin” was not registered in the Russian Empire, and the registration of Muslim socialist movements was out of the question, it was the charitable societies that were the only legal form of Muslims' collegial social activity, which was widespread in many urban centers of the European and Asian Russia in the Russian Empire.

The example of Muslim members of charitable societies in Kazan, Ufa and Orenburg shows that many of them played a key role in public activities, in Muslim committees and bureaus created first after the February Revolution of 1917, and then in the bodies of national autonomy (Milli Idare and provincial Milli Shuras), which were formed in August and especially in the autumn of 1917. In the summer – autumn of 1917, the chairmen of the Muscoms in Kazan (M.-F. Tuktarov), Ufa (G. Teregulov) and Orenburg (M.-F. Karimi) headed the respective provincial Milli Shuras. The Muscoms of Ufa and Orenburg were located in the buildings of the charitable societies, used their infrastructure for Muscoms' activities; thus, in Ufa they were directly involved in raising financial assistance on the charitable society's venue.

The composition and leadership of Muslim charitable societies were predominantly of a qualified nature (*bourgeoisie*, clergy); in Ufa there were also *zemstvo* and city leaders, mainly from the nobility. This is especially clearly seen in their leadership. The leaders of the Muscoms of Kazan (M.-F. Tuktarov), Ufa (G. Teregulov) and Orenburg (M.-F. Karimi) did not have their own significant financial resources. This also applied to other members of the leadership, where the secular intellectuals (often teaching in *madrassas*) predominated. At the same time, the Muskoms, along with the representatives of the *bourgeoisie* and the clergy, included representatives of the lower strata of the population (military men, mainly soldiers), workers, clerks and artisans. Muscoms were not strictly based on the ethnic orientation of the politicians. Thus, one of the nine members of the Orenburg Muslim Bureau of its first composition was Akhmet Baitursunov who during the years of the Revolution of 1905–1907 proved himself as a defender of the Kazakhs' lands, later, from 1914, he was the editor of the newspaper “The

Kazakh" (Orenburg), in 1917 he became one of the leaders of the Alash party, and then the Alash-Orda. By the end of 1917, Gabdurrahman Fakhretdinov had emerged as one of the Bashkir autonomists' leaders.

The Muscoms operated based on the principles of equality, which included voting under universal suffrage. Therefore, they were eager to gain access to larger sections of the population. The Kazan Muslim Committee and the Orenburg Muslim Bureau included representatives of various professional groups. The Muskoms of Ufa, Kazan and Orenburg took an active part in the elections of glasnyis to the City Dumas in the summer–autumn of 1917. However, as early as in March 1917, the issue of elections to the All-Russian Constituent Assembly was raised, which made it necessary to contact primarily with the rural population. KMC actively collaborated with Jadid imams (starting with A. Apanay), organized lectures for imams in Kazan and sent agitators to the districts of the province. From the very beginning, the Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims tried to establish control over the OMSA in order to use the propaganda potential of the clergy, especially in rural areas. G. Teregulov in Ufa and I. Bikchentaev had the experience of heading the Education of Non-Russians Department in the Ufa and Orenburg Provincial Zemstvo Councils, respectively. In the fall of 1917, G. Ibragimov and his supporters from among the Tatar Left Socialist Revolutionaries actively used the corresponding county education departments, which provided access to teachers and the rural population as a whole. As a result, the list entitled "The Council of Peasant Deputies - the left faction of the Muslim National Council, the Tatar Socialist Revolutionaries, the Muslim National Council" received five out of eight deputy mandates of Muslims in the All-Russian Constituent Assembly (one place went to the list of the Muslim National Council represented by its chairman Gumer Teregulov and two places were included on the list of Bashkir federalists represented by Akhmad-Zaki Validi and Gumer Kuvatov) [9, pp. 283–284].

Thus, Muslim charitable societies and Muslim committees and bureaus played an important role in ensuring the creation of civil society traditions among Russian Muslims. The example of these organizations in Kazan, Ufa and Orenburg makes us see that their activities did not concern only social support for the poor, but also involved assistance in obtaining education and vertical mobility for the most talented of them, encouragement of

their social and political activities, including participation in general elections of 1917 up to the elections to the All-Russian Constituent Assembly.

References

1. Minnullin, Z. S. (2008). *Vozniknovenie i razvitie musul'manskikh blagotvoritel'nykh organizatsii Rossii (XIX – nachalo XX vv.)* [The Emergence and Development of Muslim Charitable Organizations in Russia (the 19th–early 20th centuries)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye nauki* T. 150, kn. 8, pp. 198–202. (In Russian)
2. Salikhov, R. R. (1997). *Obshchestvenno-reformatorskaya deyatel'nost' tatarskoi burzhuzii Kazani (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): dis. ... kand. istor. nauk* [The Tatar Bourgeoisie and Its Social Reform Activities in Kazan (the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries): Ph.D. Thesis]. Kazan', 191 p. (In Russian)
3. Salikhov, R. R. (2004). *Uchastie tatarskogo predprinimatel'stva Rossii v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: reforma institutov lokal'noi musul'manskoi obshchiny* [Participation of Tatar Entrepreneurship of Russia in the Socio-Political Processes in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Reform of the Local Muslim Community Institutions]. *Akad. nauk Resp. Tatarstan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani Akad. nauk Resp. Tatarstan*. 259 p. Kazan', Fen. (In Russian)
4. Sharaf, B. (1913). *Orenburg gubernasynda musulmannar ijtimagyi ham iqtisadi mes'elese* [Social and Economic Issues of the Orenburg Governorate Muslims]. *Ang*. No. 2, pp. 29–31. (In Tatar)
5. Denisov, D. N. (2008). *Osnovnye napravleniya i formy deyatel'nosti musul'manskikh blagotvoritel'nykh organizatsii v Orenburgskoi gubernii (1898–1918 gg.)* [The Main Directions and Forms of Muslim Charitable Organizations' Activities in the Orenburg Province (1898–1918)]. *Forумы rossiiskikh musul'man*. No. 3, pp. 66–69. N. Novgorod. (In Russian)
6. Azamatova, G. B., Azamatov, D. D. (2009). *Iz istorii musul'manskoi blagotvoritel'nosti v Ufimskoi gubernii* [From the History of Muslim Charity in the Ufa Province]. *Problemy Vostokovedeniya*. No. 3 (45), pp. 43–52. (In Russian)
7. Khabutdinov, A. Yu. (2001). *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII – nachale XX vekov* [Formation of the Nation and the Main Directions of the Tatar Society Development in the Late 18th–Early 20th Centuries]. 383 p. Kazan', Idel-Press. (In Russian)
8. Khabutdinov, A. Yu. (2013). *Instituty rossiiskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione* [Institutions of the Russian Muslim Community in the Volga-Ural Region]. 337 p. Moscow, Izdatel'skii dom Mardzhani. (In Russian)
9. Minnullin, Z. S., Ainutdinova, L. M. (2008). *Blagotvoritel'nost'. Tatarskaya ehntsiklopediya* [Chari-

- ty. Tatar Encyclopedia]. T. 1. A–V. Pp. 298–299. Kazan', Institut Tatarskoi ehntsiklopedii. (In Russian)
10. Valeyeva, M. G., Latypova, V. L. (2005). *Blagotvoritel'nost'. Bashkirskaya ehntsiklopediya* [Charity. Bashkir Encyclopedia]. T. 1. A–B. Pp. 505–506. Ufa, nauchnoe izd-vo “Bashkirskaya ehntsiklopediya”. (In Russian)
11. *Musul'manskii Komitet* (2002) [Muslim Committee]. Tatarskaya ehntsiklopediya. T. 4. M–P. Pp. 408–409. Kazan', Institut Tatarskoi ehntsiklopedii. (In Russian)
12. Mordvintsev, G. V. (2007). *Komitet po rasprostraneniyu idei grazhdanstvennosti sredi musul'man. Bashkirskaya ehntsiklopediya* [Committee for the Dissemination of of Citizenship Ideas among Muslims. Bashkir Encyclopedia]. T. 3. Z–K. 462 p. Ufa, nauchnoe izd-vo “Bashkirskaya ehntsiklopediya”. (In Russian)
13. Mordvintsev, G. V. (2010). *Vesna 1917 goda v Bashkirii (khronika sobytii)* [Spring of 1917 in Bashkiria (A Chronicle of Events)]. 228 p. Ufa, Akademiya VEHGU. (In Russian)
14. Bikbulatov, R. F. (1997). *Ufimskii komitet rasprostraneniya idei grazhdanstvennosti sredi musul'man* [Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims]. Politicheskie partii i dvizheniya v Bashkortostane: istoriya i sovremennost': materialy nauch.-praktich. konferentsii 14 oktyabrya 1997 g. Pp. 42–43. Ufa. (In Russian)
15. Denisov, D. N. (2009). *Orenburgskoe musul'manskoe byuro* [Orenburg Muslim Bureau]. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar'. Pp. 278–279. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
16. Khabutdinov, A. Yu. (2017). *Kazanskii Musul'manskii Komitet. Islam v Tatarstane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Kazan Muslim Committee. Islam in Tatarstan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; sost. i otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov. 117 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
17. Khabutdinov, A. Yu., Azamatov, D. D. (2023). *Ufimskii komitet rasprostraneniya idei grazhdanstvennosti sredi musul'man. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Ufa Committee for the Dissemination of Citizenship Ideas among Muslims. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 148–149. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
18. Donogo, Kh. M. (2023). *Obshchestvo prosveshcheniya tuzemtsev-musul'man Dagestanskoi oblasti* [Society for the Education of Muslim Natives of the Dagestan Region . Islam in the North Caucasus. An Encyclopedic Dictionary]. Islam na Severnom Kavkaze. Ehntsiklopedicheskii slovar'. Pp. 292–293. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
19. Farkhshatov, M. N. (2015). *Missiya i dukhovnoe nasledie sheikha Zainully Rasuleva: uchebnoe posobie* [Mission and Spiritual Heritage of Sheikh Zainulla Rasulev: A Textbook]. 272 p. Ufa, BGPU im. M. Akmully. (In Russian)
20. Salikhov R. R., Khabutdinov, A. Yu., Khairutdinov, R. R. (2017). *Apanaev Gabdulla. Islam v Tatarstane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Apanaev Gabdulla. Islam in Tatarstan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; sost. i otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov. Pp. 28–29. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
21. Denisov, D. N. (2009). *Orenburgskoe obshchestvo popecheniya ob uchashchikhsya musul'manakh. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar* [Orenburg Society for the Care of Muslim Students. Islam in the Urals. An Encyclopedic Dictionary]. 280 p. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
22. Denisov, D. N. (2009). *Popechitel'skii sovet vakufa A. G. Khusainova. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar* [Board of Trustees of A. G. Khusainov's Waqf. Islam in the Urals. An Encyclopedic Dictionary]. 291 p. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
23. *Otchet pravleniya Ufinskogo popechitel'stva o bednykh musul'manakh s 1 yanvarya 1913 g. po 1 yanvarya 1914 g. (1914)* [Report of the Ufa Trusteeship Board on Poor Muslims from January 1, 1913 to January 1, 1914.]. 26 p. Ufa, Vostochnaya pechat'. (In Russian)
24. *Otchet Ufinskogo musul'manskogo damskogo obshchestva za 1914 g. (1916)* [Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1914]. 11 p. Ufa, Vostochnaya pechat'. (In Russian)
25. *Kazan jemgyyate kheiriya ham anyng terbiyasende bulgan balalar mekeabe-priyut, velidetkhane, ambulatoriya ham dar el-gajizin khisaby 1915nche ely* (1916) [Report of the Kazan Charitable Society on the Account of the Children's School-Asylum, the Maternity-Hospital, the Outpatient Clinic and Dar Al-Gazizin in 1915]. 91 p. Kazan, Umid. (In Tatar)
26. *Qoyash*. (1917). 14 marta. (In Tatar)
27. *Yoldyz*. (1917). 26 aprelya. (In Tatar)
28. *Qurultai*. (1917). 3 noyabrya. (In Tatar)
29. *Qoyash*. (1917). 21 marta. (In Tatar)
30. *Qoyash*. (1917). 4 aprelya. (In Tatar)
31. *Qoyash*. (1917). 16 aprelya. (In Tatar)
32. *Tormysh*. (1917). 23 marta. (In Tatar)
33. *Vaqyt*. (1917). 10 marta. (In Tatar)
34. Denisov, D. N. (2009). *I s"ezd musul'man Orenburgskoi gubernii. Islam na Urale. Ehntsiklopedicheskii slovar'* [The First Congress of Muslims of the Orenburg Province. Islam in the Urals. An Encyclopedic Dictionary]. 14 p. Moscow-N. Novgorod, ID “Medina”. (In Russian)
35. *Tormysh*. (1917). 19 marta. (In Tatar)
36. Denisov, D. N., Khabutdinov, A. Yu. (2023). *Khakimovy. Islam v Bashchkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Khakimovy. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 161–162. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)

37. Khabutdinov, A. Yu. *Teregulov. Islam v Bashkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Teregulov. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 141–142. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
38. *Otchet Ufimskogo musul'manskogo blagotvoritel'nogo obshchestva za vremya s 22 noyabrya 195 g. po 1 yanvaryu 1916 g.* (1916) [Report of the Ufa Muslim Charitable Society for the Period from November 22, 1915 to January 1, 1916]. Ufa, Vostochnaya pechat'. (In Russian)
39. *Tormysh.* (1917). 14 marta. (In Tatar)
40. *Tormysh.* (1917). 14 marta. (In Tatar)
41. *Vaqyt.* (1917). 12 marta. (In Tatar)
42. *Tormysh.* (1917). 15 aprelya. (In Tatar)
43. *Tormysh.* (1917). 8 marta. (In Tatar)
44. Usmanova, D. M. (2023). *Akhtyamov. Islam v Bashkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Akhtyamov. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. Pp. 14–15. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
45. Denisov, D. N. (2023). *Alkin. Islam v Bashkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'* [Alkin. Islam in Bashkortostan: An Encyclopedic Dictionary]. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. 11 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
46. *Tormysh.* (1917). 9 marta. (In Tatar)
47. *Tormysh.* (1917). 12 marta. (In Tatar)
48. *Tormysh.* (1917). 25 marta. (In Tatar)
49. *Tormysh.* (1917). 12 marta. (In Tatar)
50. *Tormysh.* (1917). 17 marta. (In Tatar)
51. *Tormysh.* (1917). 19 marta. (In Tatar)
52. *Tormysh.* (1917). 16 marta. (In Tatar)
53. Khabutdinov, A. Yu. (2023). *S"ezd musul'man Ufimskii gubernskii, pervyi* [Ufa Provincial Muslim Congress, the First]. Islam v Bashkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar' / Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. 136 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
54. Khabutdinov, A. Yu. (2023). *S"ezd Ufimskii gubernskii musul'manskii, Vtoroi* [Ufa Provincial Muslim Congress, the Second]. Islam v Bashkortostane: ehntsiklopedicheskii slovar'. Kollekt. avtor.; otv. redaktor. A. Yu. Khabutdinov, M. N. Farkhshatov. 137 p. Moscow, ID “Medina”. (In Russian)
55. *Tormysh.* (1917). 20 iyulya. (In Tatar)
56. *Tormysh.* (1917). 17 avgusta. (In Tatar)
57. *Tormysh.* (1917). 6 iyunya. (In Tatar)
58. *Tormysh.* (1917). 16 iyulya. (In Tatar)

МУСУЛЬМАНСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА И МУСУЛЬМАНСКИЕ КОМИТЕТЫ И БЮРО (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ, УФИМСКОЙ И ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Дмитрий Витальевич Макаров,
Московский исламский институт,
Россия, 109382, Москва, проезд Кирова, д. 12,
dawletshah@mail.ru.

Айдар Юрьевич Хабутдинов,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7А,
aikhabutdinov@mail.ru.

Статья посвящена мусульманским благотворительным обществам и Мусульманским комитетам и бюро как формам самоорганизации и общественного движения российских мусульман в начале XX в. Уже в конце XIX в. создаются первые мусульманские благотворительные общества как культурно-просветительские и социальные центры общин, имеющие коллегиальное управление. Мусульманские комитеты и бюро, сформированные после Февральской революции 1917 г., в основном являлись общественно-политическими организациями мусульман тюрко-татар округа Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), а не политическими органами определенной направленности. Весной-летом, местами в начале осени 1917 г., они объединяли деятельность различных мусульманских организаций в губернском городе, а затем зачастую и во всей губернии, став прямыми предшественниками губернских Милли Шуро (Национальных Советов), которые с самого начала были органами национально-культурной автономии. В этой статье мы анализируем преемственность и взаимодействие между этими двумя структурами, а также их общественную деятельность.

Ключевые слова: мусульманское благотворительное общество, Мусульманский Комитет, Мусульманское Бюро, Милли Шуро, Милли Идарэ

Введение

Создание и деятельность Мусульманских благотворительных обществ в Российской империи в конце XIX – начале XX в., как и Мусульманских Комитетов и Бюро в 1917 г. на территории современной России, неразрывно связаны прежде всего с феноменом городской цивилизации татар и крымских татар в лице городских мусульманских общин, которые зачастую территориально были привязаны к Татарским Слободам. От Архангельска на Севере до Крыма и Астрахани на Юге, от Санкт-Петербурга на Западе до Томска на Востоке мы видим эту связь между городскими общинами, чьими центрами были прежде всего мечети, и мусульманскими благотворительными обществами. После Февральской революции, когда формы общественного движения принципиально изменились, уже в марте 1917 г. мы видим создание в городах, прежде всего в губернских центрах, Мусульманских Комитетов и Бюро, которые в губерниях с многочисленным мусульманским населением выстраивают отношения с имеющимися аналогичными структурами в уездных и ряде волостных центров.

Уже в апреле 1917 г. мы видим в ряде регионов губернские мусульманские съезды, которые создают возможность для объединения в рамках всего региона. Накануне II Всероссийского Мусульманского съезда в Казани, в июле 1917 г. на губернских съездах происходит избрание делегатов на него и принятие решений о формировании Губернских Милли Шуро и их Исполкомов. После II Всероссийского Мусульманского съезда (22–29 июля 1917 г.) создаются Губернские Милли Шуро как региональные органы национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, что обозначает окончание эпохи деятельности Мусульманских Комитетов и Бюро как преимущественно городских общественно-политических организаций мусульман в пользу общегубернских органов.

Проблематика деятельности мусульманских благотворительных обществ, как и Мусульманских Комитетов и Бюро, не получила комплексного анализа. Первой темой в течение многих лет занимался ныне покойный З. С. Миннуллин. К сожалению, он оставил только ряд статей общего характера, среди которых постановочный характер носит статья «Возникновение

и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX в.)» [1].

Проблематика мусульманских благотворительных обществ была частично затронута уже в кандидатской диссертации Р. Р. Салихова «Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX в.)» (Казань, 1997) [2] и расширившей ее и легшей в основу докторской диссертации монографии «Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в.: реформа институтов локальной мусульманской общины» (Казань, 2004) [3]. Здесь мусульманские благотворительные общества анализируются на примере Казани, Касимова и Санкт-Петербурга, и сам параграф называется «создание специализированных учреждений социального обеспечения мусульманского населения» [3, с. 239–257], то есть анализируется важный, но только один из аспектов деятельности обществ.

В 1915 г. первое место по числу мусульманских благотворительных обществ в России занимала Оренбургская губерния (12 из 87) [4, с. 29–31]. Постановочное значение для анализа мусульманской благотворительности Оренбургского края носит статья Д. Н. Денисова «Основные направления и формы деятельности мусульманских благотворительных организаций в Оренбургской губернии (1898–1918 гг.)» [5]. Поскольку вторым по значимости центром мусульманских благотворительных обществ в Оренбургской губернии был Троицк и мусульманское благотворительное общество существовало также в Челябинске, то эти сюжеты рассмотрены в монографии Д. Н. Денисова «Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – нач. XX в.)» [6, с. 112–119, 184]. Сюжеты, касающиеся г. Уфы, частично рассмотрены в статье Г. Б. Азаматова и Д. Д. Азаматовой «Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии» [7]. Один из авторов данной статьи анализировал роль благотворительных обществ для джадидской реформы в своей монографии, выпущенной перед защитой докторской диссертации [8, с. 165–167], посвятил благотворительным обществам главу своей монографии, где они анализируются на примере обществ Каза-

ни, Санкт-Петербурга, Оренбургской и Уфимской губерний [9, с. 138–158].

В сводной статье «Благотворительность» в 1-м томе Татарской энциклопедии мусульманским благотворительным обществам посвящен всего один абзац, и в списке литературы отсутствуют посвященные им издания. В списке говорится о примерно 100 татарских благотворительных обществах к 1917 г. (упомянуты общества Астрахани, Касимова, Казани, Москвы, Оренбурга, Перми, Санкт-Петербурга, Троицка), данные об обществах несистемно помещены по всем 6 томам Татарской энциклопедии, в основном с привязкой к населенным пунктам. В статье 1-го тома курсивом выделены только Бекбулатовское общество взаимной благотворительности касимовских татар в Санкт-Петербурге и «Общество пособия бедным мусульманам г. Казани» [10, с. 408–409]. В сводной статье «Благотворительность» в 1-м томе Башкирской энциклопедии [11, с. 505–506] мусульманские благотворительные общества даже не выделены. Здесь упоминается «Попечительство о бедных мусульманах г. Уфы» (но не «Уфимское мусульманское благотворительное общество»), и отдельная статья далее посвящена только «Уфимскому мусульманскому дамскому обществу». В готовящемся к печати сводном издании словаря «Ислам в Российской Федерации» (авторы являются ответственными редакторами серии) содержатся разного объема статьи о 67 мусульманских благотворительных обществах Волго-Уральского региона, Центральной России, Северо-Запада, Сибири, Крыма, Северного Кавказа.

Тема деятельности Мусульманских Комитетов и Бюро почти не привлекла внимание специалистов. В Татарской энциклопедии по этой тематике есть только статья «[Казанский] Мусульманский Комитет». Она содержит 16 строчек и не имеет ни указанного автора, ни списка литературы [12]. В «Башкирской энциклопедии» уфимскому «Комитету по распространению идей гражданственности среди мусульман» посвящена 21 строчка. Автором статьи является Г. В. Мордвинцев [13], а весь список литературы ограничен: «Мордвинцев Г. В. Март 1917 года в Башкирии (хроника событий)» (Уфа, 1997). В аннотации к этой монографии честно указывается: «Основными источниками написания хроники событий стали фонды архивов Башкирии – Центрального государственного исторического архива и Центрального государственного архива обществен-

ных организаций и объединений, а также материалы периодики 1917 г. на русском языке. Последнее обстоятельство затруднило доступ к сведениям о развитии национального движения башкир и татар» [14, с. 3]. Единичной, например, является статья Р. Ф. Бикбулатова «Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман» [15], но ее объем составляет всего 2 страницы, в то время как в уфимских газетах «Тормыш» и частично «Ирек» за март – июль 1917 г. содержатся многочисленные сюжеты о деятельности Комитета и его контактах с общественно-политическим движением соседних губерний.

Для анализа деятельности Мусульманских Комитетов и Бюро необходима концентрация на краткосрочном периоде их деятельности весной-летом, максимум части осени 1917 г., то есть нужно следить за постоянно развивающимся и меняющимся сюжетом во взаимосвязи с другими сюжетами эволюции российского общества и движения других групп мусульман (военные, учителя, женщины и т. п.). Другой проблемой является тот факт, что практически единственным источником по этой теме является татарская пресса того периода, о чем будет сказано ниже. Соответственно, прекращение выхода оренбургской газеты «Вақыт» большей частью лета и частью осени 1917 г. резко суживает для нас возможность получения последовательной и детальной информации о деятельности Оренбургского мусульманского бюро. Поэтому наша целостная информация концентрируется прежде всего на Казани, Уфе, частично Оренбурге с их стабильными газетами, где имелись постоянные рубрики, посвященные Мусульманским Комитетам и Бюро соответствующих губернских центров. В серии региональных статей словаря «Ислам в Российской Федерации» мы посвятили ряд статей конкретным мусульманским благотворительным обществам, а также Мусульманским Комитетам и Бюро Казани, Уфы и Оренбурга. В 2009 г. в томе «Ислам на Урале» вышла статья Д. Н. Денисова, посвященная Оренбургскому мусульманскому бюро [16, с. 278–279], в 2017 г. один из авторов проанализировал деятельность Казанского Мусульманского Комитета в томе «Ислам в Татарстане» [17, с. 117], в 2023 г. «Уфимскому комитету распространения идей гражданственности среди мусульман» была посвящена статья в томе «Ислам в Башкортостане» [18, с. 148–149]. Однако речь идет об отдельных комитетах и бюро, а не о феномене в целом.

Методы и источники

Основной группой источников для анализа мусульманских благотворительных обществ являются их Уставы и Отчеты. Уникальная коллекция этих печатных изданий была собрана прежде всего З. С. Миннуллиным в ОРРК Научной библиотеки им. Лобачевского КФУ. Тема деятельности мусульманских благотворительных обществ является важнейшим сюжетом для татарской прессы того периода, информация об их заседаниях в разделе «жәмгыяте хайрия» (благотворительное общество) и их отчеты регулярно помещаются на страницах газет. Наиболее адекватное представление о деятельности «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани» в 1906–1917 гг. мы можем получить на страницах казанской газеты «Йолдыз» («Юлдуз»), с 1913 г. к ней добавляется «Кояш». Оренбургская газета «Вакыт» также в 1906–1917 гг. регулярно публикует информацию о деятельности «Мусульманского общества Оренбурга» и «Оренбургского мусульманского женского общества». Хуже складывается ситуация в Уфе, где регулярно выходящая газета «Тормыш» появилась только в октябре 1913 г. Из основных центров общественной деятельности российских мусульман отсутствовала мусульманская газета в Троицке; газета «Ил» / «Сүз» / «Безнең ил» выходила с перерывами с ноября 1914 г., постоянно с конца марта 1917 г., что не дает стабильной информации для анализа деятельности «Московского мусульманского благотворительного общества» (1906–1917); газеты, выходившие в Санкт-Петербурге в 1906–1917 гг., концентрировались на общероимперской/общероссийской тематике и внешней политике и не выделяли в особую рубрику деятельность Мусульманского благотворительного общества Санкт-Петербурга (1898–1917). Поэтому при анализе мусульманских благотворительных обществ мы сконцентрируемся прежде всего на Казани и Оренбурге, частично Уфе, где отчетные материалы подкреплены материалами прессы.

Относительно Мусульманских Комитетов и Бюро важнейшим и зачастую единственным источником является пресса. Для Казани это газеты «Йолдыз», «Кояш», «Аваз», «Курултай», для Уфы – «Тормыш» и частично «Ирек», для Оренбурга – «Вакыт» и частично «Тормыш».

Статья основана на использовании сравнительно-исторического, проблемно-хронологи-

ческого методов, метода синхронного анализа, периодизации, классификации и др.

Обсуждение

Мусульманские благотворительные общества как система национально-культурных организаций были образованы в различных городах Российской империи в 1890–1910-е гг. В Волго-Уральском регионе первым в 1897 г. в г. Астрахани было открыто Попечительство о бедных татарах, в Центральной России – Касимовское мусульманское благотворительное общество, в том же году было создано Крымское благотворительное общество пособия бедным мусульманам г. Симферополя «Джемиет хайрие». В 1898 г. возникают Мусульманское благотворительное общество в Санкт-Петербурге, Казанское Общество пособия бедным мусульманам, Уфимское попечительство о бедных мусульманах (с 1915 г. Уфимское мусульманское благотворительное общество), Троицкое мусульманское благотворительное общество. Мусульманские благотворительные общества Северного Кавказа системно возникают в период революции 1905–1907 гг. Устав первого из них – Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области (мусульманская благотворительная и культурно-просветительская организация) в г. Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакске Республики Дагестан) – был утвержден только 10 октября 1905 г., хотя попытки предпринимались с 1901 г. [19, с. 292–293].

В период революции 1905–1907 гг. и в последующее десятилетие начинается массовое открытие обществ. Если в 1903 г. в России было восемь мусульманских благотворительных обществ (в Казани, Санкт-Петербурге, Троицке, Симферополе, Ялте, Касимове, Астрахани, Семипалатинске), то в 1915 г. – восемьдесят семь [4, с. 29–31].

Революционным в деятельности обществ был переход от деятельности конкретных мутаваллиев-попечителей (в лучшем случае мутаваллиатов – попечительских советов), ограниченных рамками конкретных махаллей (приходов) к общегородским структурам. При этом в Российской империи после многолетних усилий был признан только попечительский совет вакфа А. Хусаинова, в то время как, например, имам и мударрис медресе «Расулия» в Троицке, виднейший шейх тариката Накшбандийа Зайнулла Расули получил отказ от товарища (заместителя) министра МВД на создание мутаваллиата на основе пожертвованной им недви-

жимости в приходе 5-й мечети. На представление ОМДС от 6 марта 1912 г. «о разрешении принятия от Расулева жертвуемых им 3 дворовых мест с постройками в пользу означенной мечети, за министра внутренних дел товарищ министра 6 мая сего года за № 4118 дал знать Собранию, что существование приходских попечительств при мечетях действующими законоположениями об управлении духовными делами магометан не предусмотрено, а потому он не признал возможным разрешить принятие пожертвования Расулева на указанных им условиях». На основании этого решения ОМДС 1 ноября 1912 г. ответило, что управление вакфом должно осуществляться отдельным мутаваллием, «т. е. уполномоченными от прихода; учреждение же приходского попечительства законом не предусмотрено» [20, с. 218–219]. Тем самым закрывалась возможность перехода от средневековой единоличной структуры к коллегиальной структуре Нового времени, так как именно вакфная собственность в мусульманской традиции создавала возможности для стабильного финансового обеспечения потребностей образования и всей социальной сферы.

В этих условиях только мусульманские благотворительные общества могли быть структурами, стабильно финансирующими потребности мусульманской общины своего города, независимо от желания или отмеренного жизненного пути отдельных лиц. Однако сам опыт мутаваллиев оставался, поэтому лидеры мусульманских благотворительных обществ в стабильных городских общинах зачастую возникали из представителей наиболее зажиточных семейств, обладавших опытом контроля над махаллей, ее медресе и вакфами. Наиболее заметно это на примере обществ Казани и Троицка. Из двух десятилетий деятельности казанского общества его возглавляли два представителя рода Апанаевых: имам Габдулла Абдулакаримович Апанаев (1902–1907) и его брат Мухаммабдретдин Абдулакаримович Апанаев (1910–1917). Первый из них был ближайшим сподвижником Галимджана Баруди, имамом «Сенной мечети»; в 1906 г. он возглавил образовательную комиссию III Всероссийского мусульманского съезда, где был избран членом ЦК партии «Иттифак аль-муслимин», а в 1908 г. он был выслан вместе с братьями Г. и С. Баруди и купцом А. Х. Казаковым как лидерами Казанского бюро «Иттифак аль-муслимин» [9, с. 140]. Симптоматично, что 12 марта 1917 г. он стал заместителем председателя Казанского

мусульманского комитета, а в ноябре 1917 г. мухтасибом Казанской губернии [21, с. 29]. Троицкое мусульманское благотворительное общество возглавлялось все годы представителями рода Яушевых в лице братьев Абдували и Муллагали, которые уже имели опыт попечительства в мечетях 2-го и 6-го приходов Троицка, однако, в отличие от единоличных полномочий мутаваллиев, власть председателей обществ была ограничена членами правления и находилась под гораздо более строгими правилами публичной отчетности.

Благотворительные Общества и Мусульманские комитеты как каналы мобильности

На примере Оренбургского мусульманского общества мы видим, что речь идет не только о коллегиальности, но и о том, что не одни баи-предприниматели были членами общества: Д. Н. Денисов указывает, что наряду с ними были приказчики, конторские служащие, имамы, представители национальной интеллигенции, включая педагогов и журналистов. Общество насчитывало в 1907 г. 129 членов, в 1908 г. – 296, в 1909 г. – 306, в 1910 г. – 323, в 1911 г. – 267, в 1912 г. – 269, в 1913 г. – 320 [5, с. 66–69]. В октябре 1906 г. Общество открыло в г. Оренбурге мусульманскую бесплатную библиотеку (ныне библиотека им. Х. Ямашева), финансировало создание и деятельность 3 мусульманских начальных школ на беднейших окраинах города; двух 3-годичных учебно-вспомогательных мастерских для обучения детей бедных мусульман (одна только столярному ремеслу, другая – еще и корзиночному с обязательным преподаванием русского языка) [Там же].

Подготовкой будущей татарской элиты края занималось Оренбургское общество попечения об учащихся мусульманах, чей Устав был зарегистрирован 11 мая 1912 г. В состав правления входили Мухаммад-Закир Рамиев (Дэрдменд, председатель), мугаллим Сунгатулла Бикбулатов (зам. председателя), предприниматель-миллионер Абдулхамид Хусаинов (казначей), один из основателей татарского профессионального театра Мухтар Мутинов (секретарь), в будущем политик и депутат Учредительного Собрания Шакир Мухаммедьяров (секретарь), мугаллим Нургали Надиев (секретарь), Мухаммад-Фатих Карими, Х. В. Рамеев, мугаллим, а тогда конторщик Харис Файзи-Чистапули, сын Ризы-казыя, в будущем политик и главный редактор газеты «Вестник Башкирского Правительства» («Башкортостан хөкүмәтенен теле»), мугаллим

Габдуррахман Фахретдинов, предприниматель Хусаин Хусаинов, журналист Бурхан Шараф, а среди членов – будущий муфтий ЦДУМ Риза Фахретдин (1923–1936), председатель Милли Идарэ в 1917–1918 гг. Садри Максуди и и. о. председателя Милли Идарэ в 1919 г. Салим-Гирей Джантюрин. Общество выдавало безвозмездные пособия или беспроцентные ссуды мусульманам, поступающим или уже обучающимся на различных курсах, в начальных, средних и высших учебных заведениях России. Среди лиц, получавших такую финансовую помощь, были будущие депутаты Учредительного Собрания Шакир Мухаммедьяров и Мухаммад-Наджиб Хальфин и др. Осенью 1913 г. Общество открыло в г. Оренбурге подготовительную школу для детей мусульман, желавших поступить в гимназии и реальные училища [22, с. 280]. Значительную поддержку для стремившихся получить высшее и среднее религиозное и светское образование в России и за рубежом (до начала Первой мировой войны) оказывал оренбургский попечительский совет вакуфа А. Г. Хусаинова (1907–1917 г.) [23, с. 291].

«Попечительство о бедных мусульманах г. Уфы» (1898–1915) концентрировалось на помощи в овладении ремеслами и получении образования в медресе г. Уфы. В 1913 г. оно открыло при медресе «Усмания» г. Уфы столярную мастерскую, где в 1913 г. обучалось 20 человек, на что было израсходовано 455 руб. По отчету правления Попечительства за 1913 г. на помощь бедным и учащимся было ассигновано 2.704 руб. При этом речь шла об адресной поддержке «беднейших» шакирдов медресе Уфы в количестве 37 человек, всего шакирдам медресе при 1-4 Соборных мечетях Уфы за год было выделено 1.375 руб. [24, с. 3, 5, 8, 24]. Социальная поддержка и подготовка к жизни касалась и мусульманских девочек Уфы. Так, Уфимское мусульманское дамское общество содержало приют, где обучались грамоте, шитью одежды и обуви и другим рукоделиям (527 руб. в 1914 г.). В 1914 г. 7 учебным заведениям при 517 школьницах было выделено 1.652 руб., прежде всего на зарплату учительницам [25, с. 7].

«Общество пособия бедным мусульманам г. Казани» официально закрепило за собой право финансировать просветительскую деятельность среди мусульман. Средства в основном направлялись на оплату обучения бедных шакирдов в средних и высших духовных заведениях России, а также на создание подведомственных «Обществу...» русско-татарских на-

чальных школ. При «мусульманском приюте с 1 ноября 1909 года существовало мужское русско-татарское училище <...>, а также русско-татарское женское училище» [2, с. 39–40]. Традиционно основные статьи расходов «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани» (1898–1917) в 1910-е гг. касались богадельни, родильного дома, детского приюта-школы. Но в отчете за 1915 г. также мы видим пожертвования на женскую школу имени Муштариевой (2.788 руб.), а также на мусульманский лазарет в Казани (1482 руб.) и в пользу мусульман – жертв военных действий в Карской области (3.013 руб.), то есть в пользу лиц, пострадавших в ходе Первой мировой войны [26, с. 53–63]. Следует сказать, что в годы этой войны практически все мусульманские благотворительные общества активно помогали раненым, причем в мусульманских лазаретах лечились не только мусульмане.

Таким образом, мусульманские благотворительные общества в начале XX в. не ограничивались социальным обеспечением. Они помогали деньгами, одеждой, питанием, канцелярскими принадлежностями детям из бедных семей обоого пола во время обучения их в начальной школе (для сирот – в школе при приюте); затем способные дети получали возможность получить среднее и даже высшее образование, остальные обучались ремеслу. Важно, что в 1910-е гг. возникает тенденция образования девочек как будущих учительниц.

В 1917 г., если мы проанализируем деятельность Мусульманских Комитетов, то на примере Казани и Оренбурга (см. ниже) мы также сразу увидим стремление обеспечить вертикальную мобильность для находившихся недавно внизу слоев общества: рабочих, солдат, приказчиков, ремесленников, женщин. 12 марта 1917 г. было сформировано руководство КМК: председатель – Фуад Туктаров, зам. председателя – Габдулла Апанай и Валидхан Таначев, секретари – Амин Мустафин и Султан-Ахмет Габяши, члены: Амина Мухетдинова (от учительниц), Ильяс Алкин (от военных), Валиулла Ибрагимов (от буржуазии), Саит Вахидов (от военных) и Рахимджан Даминов (от Общества учителей), Кашшаф Тарджемани и Ахметжан Мустафа (от духовенства) [27]. Неслучайность такого выделения профессиональных групп со стороны КМК мы можем доказать еще на двух примерах. На заседании 23 апреля КМК сформировал два списка. Первый из них – в гласные Городской Думы (реальные выборы пройдут в

октябре и, наряду со списком КМК, будет участвовать и список МСК от его партнеров). 23 апреля КМК рекомендовал список, включавший 4 своих представителей (С.-Г. Алкин, Ф. Туктаров, М.-Н. Хальфин, Г. Рафиков), также намечалось избрать 3 представителей рабочих-мусульман, по 1 – от учителей, женщин, приказчиков и ремесленников [28]. Стоит отметить, что КМК поддерживает пассивное избирательное право для женщин, и в октябре 1917 г. Х. Таначева была избрана в гласные Городской Думы по списку КМК [29]. На заседании 23 апреля КМК сформировал список делегатов на I Всероссийский мусульманский съезд. От самого КМК были рекомендованы только Ф. Туктаров и И. Ханзафаров, вдобавок 6 делегатов от военных, 4 – от рабочих, по одному от 1 улемов, мугаллим, мугаллимов, женщин, купцов, учителей и приказчиков, то есть от представителей вполне конкретных казанских обществ улемов, мугаллим, мугаллимов, женщин, учителей, рабочих. Военные сформировали Харби Шуро, а на 27–30 апреля 1917 г. в Москве накануне съезда намечалось совещание военномусульман [28].

Большое значение для деятельности Мускомов приобретала политическая мобилизация населения как для реформы религиозных (см. следующий раздел) и создания собственно национальных структур, так и для мобилизации на выборы, прежде всего во Всероссийское Учредительное Собрание. Основным каналом для агитации среди сельского населения оставались имамы. Рассмотрим эту политико-просветительную деятельность на примере Мускомов Казани и Уфы. 19 марта 1917 г. КМК сформировал комиссии: финансовую, юридическую, информационную и газетную [30]. В конце марта были организованы курсы для имамхатыбов, которые открылись лекцией имама и мударриса прихода 11-й Соборной мечети Казани Кашшафа Тарджемани об истории ОМДС и Всероссийских мусульманских съездов 1905–1906 г. и 1914 г. КМК приступил к агитации в уездах «для ознакомления с современным положением» [31]. К 16 апреля отделения КМК действовали в гг. Арске, Мамадыше, Свияжске, Чистополе, ауле Сатышево Мамадышского уезда Казанской губернии, действовали тесные контакты с мусульманами Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии [32]. Во второй половине марта 1917 г. Уфимский комитет занялся рассылкой лекторов по уездам Уфимской губернии (Мубаракша Ханафи, Га-

лиаскар Гафуров, Кашафулла Шамсутдинов), в качестве основных помощников по организации рассматривались имамы [33].

Руководство и организационная деятельность

Наиболее прямой пример преемственности в руководстве мусульманского благотворительного общества и мусульманского бюро мы видим в Оренбурге. Так, первым председателем Оренбургского мусульманского общества в 1906–1907 гг. был политический лидер мусульман Оренбурга и редактор газеты «Вақыт» в 1906–1917 гг. Мухаммад-Фатих Карими. Однако после поражения революции 1905–1907 гг. он потерял этот пост, дольше всего общество возглавлял сын Гани-бая Хусаинова – Абдулхамид Хусаинов (1913–1917) [9, с. 144]. Однако сразу же после Февральской революции 5 марта 1917 г. в Оренбурге прошло первое собрание мусульман, где было создано постоянное Оренбургское мусульманское бюро под председательством Фатиха Карими [34], который и был его бессменным лидером вплоть до того момента, пока не возглавил Оренбургское губернское Милли Шуро, избранное на I съезде мусульман Оренбургской губернии (27 сентября – 5 октября) 1917 г. [35, с. 14]. Оренбургское мусульманское бюро размещалось в здании Оренбургского мусульманского общества и мусульманской библиотеки [36]. В Уфе мы видим, что достаточно радикальные изменения происходят в 1915 г., когда либерального земского деятеля, дворянина, депутата 1-й Гос. Думы Салим-Гирея Джантюрина сменяет купец-миллионер Мухаммад-Наджиб Хакимов, отец которого создал инфраструктуру на уровне махалли мечети 4-й Соборной г. Уфы и медресе «Хакимия» при ней [37, с. 161–162]. Вскоре «Уфимское попечительство о бедных мусульманах» меняет название на «Уфимское мусульманское благотворительное общество», и в состав его правления входит социал-демократ, меньшевик Гумер Терегулов, который в 1911 г. заведовал отделом инородческого образования при Уфимской губернской земской управе, 9 марта 1917 г. стал председателем правления Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман, а в июле 1917 г. – членом, а затем председателем Исполкома Уфимского губернского Милли Шура (мусульманского национального совета) [38, с. 141–142]. Еще одним членом правления общества был избран Идаятулла Еникеев, который 9 марта 1917 г. также войдет в руководство Уфимского

Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман [39, б. п].

Сами заседания Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман проходили в здании «Уфимского мусульманского благотворительного общества», о чем регулярно сообщалось в «Тормыш» в сообщениях о заседаниях (см., например: [40]). Позднее Уфимское губернское Милли Шура (УГМШ) также размещалось в здании благотворительного общества.

6 марта 1917 г. в Оренбургское мусульманское бюро было избрано 9 человек. Наряду с Фатихом Карими мы видим членов правления Оренбургского общества попечения об учащих-ся мусульманах Бурхана Шарафа и Мухтара Мутина, бывшего депутата II Государственной Думы Калимуллу Хасанова, заведующего отделом инородческого образования Оренбургской губернской земской управы Ибрагима Бикчен-таева, видного казахского политика, в дальнейшем одного из лидеров Алаш-Орды Ахмеда Байтурсунова, А. Тимербулатова, А. Ниязбаева [40]. Через несколько дней на профессиональных собраниях в состав бюро были избраны представители имамов, учителей, приказчиков и конторщиков, рабочих. Так, например, 10 марта 1917 г. прошло собрание имамов и муэдзинов Оренбурга под председательством муллы 5-й соборной мечети Захидуллы Кашаева. В бюро были делегированы имам Меновинской мечети Исхак Адильгареев и имам 3-й соборной мечети Абдулгазиз Абдулкаримов [41].

Оренбургское мусульманское бюро 8–10 апреля 1917 г. стало организатором уникального совещания представителей мусульман и бюро как Европейской, так и Азиатской России, многие из пунктов решений которого были закреплены в резолюциях I Всероссийского мусульманского съезда (Москва, 1–11 мая 1917 г.). В совещании, прошедшем под председательством лидера Оренбургского мусульманского бюро Мухаммад-Фатиха Карими, приняли участие представители Казанского Мусульманского Комитета (Валидхан Таначев, Наджиб Хальфин), Уфимского Комитета распространения идей гражданственности среди мусульман Уфы (Вагиз Наврузов, Габдурахман Фахретдинов), Ташкента (Габдельсами карый Зыябаев, Садык Габдуссатаров), представителей казахского съезда (Мирякуб (Миржакип) Дулатов, Хусаин Тураджанов), Мусульманского бюро Самары (Габдурахман Минюшев), Акмолинска (Габдурахман Муртазин), Каргалы (Мухаммади

хазрат Мустаев), Казалинска (Габдулла Давлетшин). После докладов представителей регионов вторым блоком на совещании рассматривались вопросы, намеченные на I Всероссийский мусульманский съезд, включая вопросы национально-культурного самоуправления, выборов в Учредительное Собрание; вопрос окраин; помощь пострадавшим от войны; женский вопрос; рабочий и земельный вопрос; организация Всероссийского мусульманского съезда. В отношении организации власти рассматривались вопросы отношения к Советам и органам местного самоуправления; обеспечения нужд местных органов управления и их отношения с Временным правительством; участие в Туркестанском мусульманском съезде. Земельный вопрос предлагалось передать на решение Всероссийскому Учредительному Собранию. В качестве формы правления была поддержана Российская федеративная народная республика. В религиозном вопросе провозглашались свобода и равноправие всех религий; отделение религиозных дел от государственных; подчинение религиозных мектебов и медресе Духовному Собранию (Махкама-и-Шаргыя) мусульман Внутренней России. Представители Мусульман Казани, Уфы и Оренбурга договорились о взаимном сотрудничестве [42]. Наиболее радикальным решением на тот момент, по сравнению с другими решениями, была поддержка территориальной федерации, так как до Московского съезда вопрос ставился об унитарной республике с широким местным самоуправлением при религиозной автономии.

Первой ключевой задачей для формирующегося Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман стал контроль над ОМДС. При этом Комитет еще не имел ни руководства, ни названия. 5 марта 1917 г. был организован первый митинг мусульман в г. Уфе с требованиями удалить с должности и арестовать муфтия ОМДС Мухаммад-Сафы Баязитова и казья Гинятуллы Капкаева, предоставить свободу мусульманам в религиозных и национально-культурных делах, делегировать представителей мусульман в общественные организации. В результате этого митинга и была создана рабочая группа под руководством Г. Тергулова и редактора газеты «Тормыш» З. Кадыри. Эти два человека с 6 марта 1917 г. начали формирование Комитета (первоначальное название «бюро»), от имени которого сразу же был выдвинут лозунг распространения среди народа политического соз-

нения и отставки М.-С. Баязитова и Г. Капкаева. [43].

7 марта 1917 г. Президиум Уфимского губернского комитета общественных организаций назначил для надзора над деятельностью ОМДС трех комиссаров: А. Ахтямова, К.-М. Алкина, Г. Терегулова, все трое были светскими деятелями. Легитимность Абусугуда Ахтямова определялась прежде всего его ролью в годы революции 1905-1907 гг. как члена ЦК партии Иттифак аль-муслимин» и депутата 1-й Гос. Думы от Уфимской губернии в 1906 г. Ранее, в 1895–1999 гг., как квалифицированный юрист, закончивший юридический факультет Казанского императорского университета, он выполнял роль секретаря ОМДС [44, с. 14–15]. Кутлуг-Мухаммед Алкин происходил из татарского рода крупных землевладельцев и потомственных дворян, избирался гласным Белебеевского уездного земского собрания на 1894–1911 гг., гласным Уфимской городской думы на 1912–1917 гг. Как благотворитель в 1906 г. выступил одним из инициаторов открытия медресе «Галия» и оставался членом Попечительского совета медресе «Галия» до 1915 г., был членом Правления (казначеем) Уфимского Общества вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях [45, с. 11].

Вопрос об ОМДС рассматривался на заседании бюро 7 марта, которое вначале дает название самому Комитету. Вторая часть заседания была посвящена вопросу ОМДС, где было объявлено о назначении вышеуказанных 3 комиссаров, смещении М.-С. Баязитова и Г. Капкаева и об опоре в ОМДС на двух остальных казыев: С. Урманова и Н.-М. Мамлиева, выразивших лояльность Временному правительству. Салихджан Урманов написал обращение к духовенству Собрания с призывом поддержать новую власть и об отставке Баязитова и Капкаева, которое на тот момент оставалось неопубликованным. Представлявший военное духовенство Габдуррахман Фахретдинов заявил о необходимости отстранения Г. Капкаева, который в отличие от М.-С. Баязитова находился тогда в Уфе. Было принято решение, что с завтрашнего дня комиссары берут контроль над ОМДС, обеспечивают отставку М.-С. Баязитова и Г. Капкаева и меры по скорейшему избранию новых казыев [46].

9–10 марта прошло совещание по вопросу управления ОМДС из 16 человек в составе 2 казыев, имамов 5 Соборных мечетей Уфы, 3 комиссаров, Закира Кадыри, завуча медресе

«Усмания» Габдуллы Ш(о)наси, Усмана и Ахмед-Султана Терегуловых и Габдуррахмана Фахретдинова. Основным сюжетом стала необходимость довыборов как минимум 1 казыя для обеспечения кворума, так как из 4 членов осталось только 2. Габдуррахман Фахретдинов заявил, что его отец Риза-казый Фахретдин не имеет возможности вернуться на этот пост ОМДС [47]. Тем самым вопрос так и не удалось решить до конца марта, когда казыем был избран имам г. Тургая Тургайской области Худжат ал-Хаким Махмудов, который получил одобрение от Уфимского губернского правления, что решило вопрос о кворуме в ОМДС [48]. В данном случае наиболее важен коллегиальный характер этого заседания, когда в нем участвуют представители трех групп мусульманской элиты г. Уфы: старшего поколения земских, городских и общероссийских деятелей революции 1905–1907 гг.; лояльных новой власти казыев ОМДС и имамов 5 Соборных мечетей Уфы; а также лидеров формирующегося Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман, который был создан параллельно совещанию в ОМДС 9 марта 1917 г. группой мусульманской интеллигенции г. Уфы. Его членами стали: Гумер Терегулов (председатель), Закир Кадыри, Галимджан Ибрагимов (зам. председателя), Гамдэ (Гумда) Хабиров (секретарь), Вагиз Наврузов, Сагит Рамиев, Исмагил Субаев, Идиатулла Еникеев, Хабибулла Ахтямов, Ахмет-Султан Терегулов, Закир Шакиров, Габдулла Ш(о)наси, Исхак Касмасов, Салих Хабиров. За исключением имама открывающейся 6-й Соборной мечети г. Уфы Хабибуллы Ахтямова, мы видим только светскую интеллигенцию в лице двух завучей джадидских медресе (Галимджан Ибрагимов и Габдулла Ш(о)наси), инспектора нерусских школ отдела народного образования Уфимской губернской земской управы Закира Шакирова, сотрудников «Тормыш» (Закир Кадыри и Гумда Хабиров), чиновника по особым поручениям при уфимском губернаторе Ахмет-Султан Терегулова, классика татарской поэзии Сагита Рамиева [49].

17 марта 1917 г. газета «Тормыш» сообщила о совещании при ОМДС под председательством Абусугуда Ахтямова. Как и руководство КМК в Казани, лидеры Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман стремились использовать имамов для пропаганды своих идей. Гомер Терегулов от имени Комитета заявил, что обязанностью

духовенства в текущих условиях является разъяснение текущего положения населению и помощь Временному правительству и распространение соответствующих проповедей [50]. Благотворительное общество также использовалось как площадка для распространения идей Комитета. 16 марта 1917 г. состоялось собрание общества, на котором обсуждалось текущее положение в стране. Г. Терегулов сообщил о поддержке власти Временного правительства, выборах в Учредительное Собрание и начале деятельности Комитета. Гумда Хабилов дал краткий отчет о деятельности Комитета и ознакомил с его Уставом. На заседании общества в пользу Комитета было собрано 830 руб. [51]. Наряду с публикациями материалов о своей деятельности почти в каждом номере газеты «Тормыш» (редактор Закир Кадыри), уже с марта 1917 г. Комитет начал издательскую деятельность путем публикации брошюр, включая Устав Комитета на татарском языке и брошюру «Русиядә зур үзгәреш кәңнәре» («Дни больших изменений в России») [52].

Комитет сыграл ведущую роль в организации и проведении двух уфимских губернских мусульманских съездов в апреле и июле 1917 г. Первый Уфимский губернский мусульманский съезд, состоялся 14–17 апреля 1917 г. За подготовку программы отвечали лидеры Комитета Гумер Терегулов и Закир Кадыри. Оргкомитет составили Идиатулла Еникеев, Ахмет-Султан Терегулов, Габд(ур)рахман Фахретдинов, Усман Терегулов [33]. Съезд высказался за религиозную автономию мусульман и их распоряжение школами на местах [53, с. 136]. Вместе с тем здесь местные комитеты и бюро продолжали сотрудничество, и еще не была создана вертикальная структура общегубернского уровня, что произошло согласно решениям Второго Уфимского губернского мусульманского съезда, прошедшего 13–15 июля 1917 г. [54, с. 137]. Здесь было создано Уфимское губернское Милли Шуро (Уфа виләят Милли Шурасы) как представительный орган мусульман Уфимской губернии, а с августа 1917 г. региональный орган национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири в июле 1917 – апреле 1918 гг. 16 июля 1917 г. прошло первое заседание Исполкома Уфимского губернского Милли Шуро, где было принято решение прекратить деятельность Уфимского комитета распространения идей гражданственности среди мусульман в начале августа, а его уездных комитетов до 5 августа.

Для превращения уездных комитетов в уездные Милли Шуро должны были пройти уездные мусульманские съезды [55]. Так, например, Второй Белебеевский уездный Мусульманский съезд 5 августа 1917 г. выступил за создание и начало деятельности уездного Милли Шуро в соответствии с инструкцией Уфимского губернского Милли Шуро при ликвидации Мускома в Белебее [56].

Как уже указывалось, Мускомы в качестве своей ключевой функции рассматривали организацию участия в выборах, которые впервые в истории России проходили на основе всеобщего избирательного права, включая женщин. Рассмотрим этот случай на примере выборов гласных в Городские Думы Уфы, Казани и Оренбурга, которые прошли летом – осенью 1917 г. В июне 1917 г. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман сконцентрировал деятельность на избрании гласных-мусульман в Уфимскую Городскую Думу. 2 июня 1917 г. прошло общее собрание и была сформирована комиссия по подготовке выборов в нее [57]. 16 июня 1917 г. в театре Видинеева прошло общее собрание мусульман г. Уфы по выборам в Городскую Думу. Г. Терегулов выступил в поддержку единого мусульманского блока, но заявил о возможности союза с эсерами. Г. Ибрагимов выступил за единый блок с эсерами и социал-демократами. В результате из 17 избранных гласных-мусульман в Городской Думе 8 представляли социалистов, а 9 – единый мусульманский список, выдвинутый на общем собрании мусульман Уфы [58]. Одновременно Оренбургское мусульманское бюро на выборах в Оренбургскую городскую думу 9 июля 1917 г. провело по единому списку 12 гласных (всего мусульмане получили 20 мест из 100) [16, с. 279]. В октябре на выборах в Казанскую городскую думу список КМК получил 6 мест из 18 среди гласных-мусульман [29], что показало рост влияния левых социалистов в лице Мусульманского Социалистического Комитета после провала Корниловского мятежа в конце августа 1917 г.

Результаты

На основе анализа прежде всего отчетов мусульманских благотворительных обществ в 1906–1916 гг. и данных татарской прессы за 1917–1918 гг. в Уфе и особенно Оренбурге мы проследили высокий уровень преемственности между руководством благотворительных об-

ществ в 1900–1910-е гг. и Мусульманских комитетов и бюро весной – летом 1917 г. И те, и другие рассмотрены как органы, которые были способны эффективно мобилизовать своих членов на решение поставленных задач.

Выводы

Поскольку в Российской империи во II половине 1900–1910-х гг. общероссийская мусульманская либеральная монархическая партия «Иттифак аль-муслимин» не была зарегистрирована, а о регистрации мусульманских социалистических движений не могло быть и речи, то именно благотворительные общества были единственной легальной формой коллегиальной общественной деятельности мусульман в Российской империи, распространенной во многих городских центрах Европейской и Азиатской России.

Пример мусульманских деятелей в благотворительных обществах Казани, Уфы и Оренбурга показывает, что многие из них сыграли ключевую роль в общественной деятельности и создании вначале Мусульманских комитетов и бюро, созданных после Февральской революции 1917 г., а затем и органов национальной автономии (Милли Идарэ и губернские Милли Шуро), которые стали формироваться с августа и особенно с осени 1917 г. Летом – осенью 1917 г. председатели Мускомов Казани (М.-Ф. Туктаров), Уфы (Г. Терегулов), Оренбурга (М.-Ф. Карими) возглавили соответствующие губернские Милли Шуро. Мускомы Уфы и Оренбурга размещались в зданиях благотворительных обществ, использовали их инфраструктуру для своей деятельности, в Уфе прямо занимались сбором финансовой помощи на площадке благотворительного общества.

Состав и руководство мусульманских благотворительных обществ носили преимущественно цензовый характер (буржуазия, духовенство), в Уфе также земские и городские деятели, преимущественно из дворян. Это особенно ясно видно на примере их руководства. Сами лидеры Мускомов Казани (М.-Ф. Туктаров), Уфы (Г. Терегулов), Оренбурга (М.-Ф. Карими) не обладали значительными финансовыми средствами. Это касалось и других членов руководства, где преобладала светская интеллигенция (зачастую преподававшая в медресе). При этом Мускомы наряду с представителями буржуазии и духовенства включали представителей низших слоев населения: военных (преимущественно солдат), рабочих, приказчиков, ремес-

ленников. Мускомы не делили жестко по принципу этнической ориентации политиков. Так, одним из девяти членов Оренбургского мусульманского бюро первого состава был Ахмет Байтурсунов, который уже в годы революции 1905–1907 гг. проявил себя как защитник земель казахов, с 1914 г. был редактором газеты «Казах» (Оренбург), в 1917 г. стал одним из лидеров партии Алаш, а затем и Алаш-Орды. Габдуррахман Фахретдинов к концу 1917 г. проявил себя как один из лидеров башкирских автономистов.

Мускомы действовали в условиях равноправия, что включало голосование в условиях всеобщего избирательного права. Поэтому они стремились получить доступ к широким слоям населения. Казанский Мусульманский Комитет и Оренбургское мусульманское бюро включили в себя представителей различных профессиональных групп. Мускомы Уфы, Казани и Оренбурга активно проявили себя на выборах гласных в городские Думы летом – осенью 1917 г. Однако уже с марта 1917 г. ставился вопрос о выборах во Всероссийское Учредительное Собрание, что делало необходимым установить контакты прежде всего с сельским населением. КМК активно сотрудничал с имамами-джадидами (начиная с А. Апаная), занимался организацией лекций для имамов в Казани, а также отправкой агитаторов по уездам губернии. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман с самого начала стремился установить контроль над ОМДС для использования агитационного потенциала духовенства, особенно в сельской местности. Г. Терегулов в Уфе и И. Бикчентаев обладали опытом заведующих отделом иностранного образования Уфимской и Оренбургской губернской земской управы соответственно. Осенью 1917 г. Г. Ибрагимов и его соратники из числа татарских левых эсеров активно использовали соответствующие уездные отделы просвещения, что обеспечивало доступ к учителям и сельскому населению в целом. В итоге список с названием «Совет Крестьянских Депутатов – левая фракция Мусульманского Национального Совета, татарские эсеры, Мусульманский Национальный Совет» получил 5 из 8 депутатских мандатов мусульман во Всероссийском Учредительном Собрании (1 место получил список Мусульманского Национального Совета в лице его председателя Гумера Терегулова и 2 места – список башкирских фе-

дералистов в лице Ахмад-Заки Валиди и Гумера Куватова) [9, с. 283–284].

Таким образом, мусульманские благотворительные общества и Мусульманские комитеты и бюро сыграли важную роль в обеспечении создания традиций гражданского общества у российских мусульман. На примере этих организаций в Казани, Уфе и Оренбурге мы видим, что речь шла не только о социальной поддержке для неимущих слоев, но и помощи при получении образования и вертикальной мобильности для наиболее талантливых из них, приобщении к общественно-политической деятельности, включая участие во всеобщих выборах 1917 г. вплоть до выборов во Всероссийское Учредительное Собрание.

Литература

1. Миннуллин З. С. Возникновение и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX вв.) // Ученые Записки Казанского Государственного Университета. Гуманитарные науки 2008. Т. 150, кн. 8. С. 198–202.
2. Салихов Р. Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. истор. наук. Казань, 1997. 191 с.
3. Салихов Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в.: реформа институтов локальной мусульманской общины; Акад. наук Респ. Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Респ. Татарстан. Казань: Фэн, 2004. 259 с.
4. Шарф Б. Оренбург губернасында мөселманнар ижтимагый һәм иктисади мәсьәләсе // Аң. 1913. № 2. б. 29–31.
5. Денисов Д. Н. Основные направления и формы деятельности мусульманских благотворительных организаций в Оренбургской губернии (1898–1918 гг.) // Форумы российских мусульман. Н. Новгород, 2008. № 3. С. 66–69.
6. Азаматова Г. Б., Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии // Проблемы Востоковедения. № 3 (45). 2009. С. 43–52.
7. Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идел-Пресс, 2001. 383 с.
8. Хабутдинов А. Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 337 с.
9. Миннуллин З. С., Айнутдинова Л. М. Благотворительность // Татарская энциклопедия. Т. 1. А–В. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2008. С. 298–299.
10. Валева М. Г., Латыпова В. Л. Благотворительность // Башкирская энциклопедия. Т. 1. А–Б. Уфа: научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2005. С. 505–506.
11. Мусульманский Комитет // Татарская энциклопедия. Т. 4. М–П. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002. С. 408–409.
12. Мордвинцев Г. В. Комитет по распространению идей гражданственности среди мусульман // Башкирская энциклопедия. Т. 3. З–К. Уфа: научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2007. С. 462.
13. Мордвинцев Г. В. Весна 1917 года в Башкирии (хроника событий). Уфа: Академия ВЭГУ, 2010. 228 с.
14. Бикбулатов Р. Ф. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность: материалы науч.-практич. конференции 14 октября 1997 г. Уфа, 1997. С. 42–43.
15. Денисов Д. Н. Оренбургское мусульманское бюро // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 278–279.
16. Хабутдинов А. Ю. Казанский Мусульманский Комитет // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов. М.: ИД «Медина», 2017. С. 117.
17. Хабутдинов А. Ю., Азаматов Д. Д. Уфимский комитет распространения идей гражданственности среди мусульман // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 148–149.
18. Доного Х. М. Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области // Ислам на Северном Кавказе. Энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2023. С. 292–293.
19. Фархшатов М. Н. Миссия и духовное наследие шейха Зайнуллы Расулева: учебное пособие. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2015. 272 с.
20. Салихов Р. Р., Хабутдинов А. Ю., Хайрутдинов Р. Р. Апанаев Габдулла // Ислам в Татарстане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; сост. и отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов. М.: ИД «Медина», 2017. С. 28–29.
21. Денисов Д. Н. Оренбургское общество попечения об учащих мусульманах // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 280.
22. Денисов Д. Н. Попечительский совет вакуфа А. Г. Хусайнова // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 291.
23. Отчет правления Уфимского попечительства о бедных мусульманах с 1 января 1913 г. по 1 января 1914 г. Уфа: Восточная печать, 1914. 26 с.

24. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1914 г. Уфа: Восточная печать, 1916. 11 с.

25. Казан жәмгыяте хэйрия һәм аның тәрбиясендә булган балалар мәктәбе-приют, вәлидәт-ханә, амбулатория һәм дар әл-гажизин хисабы 1915нче елы. Казан: Умид, 1916. 91 с.

26. Кояш. 1917. 14 марта.

27. Йолдыз. 1917. 26 апреля.

28. Курултай. 1917. 3 ноября.

29. Кояш. 1917. 21 марта.

30. Кояш. 1917. 4 апреля.

31. Кояш. 1917. 16 марта.

32. Тормыш. 1917. 23 марта

33. Вакыт. 1917. 10 марта

34. Денисов Д. Н. I съезд мусульман Оренбургской губернии // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. М.-Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 14.

35. Тормыш. 1917. 19 марта.

36. Денисов Д. Н., Хабутдинов А. Ю. Хакимовы // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 161–162.

37. Хабутдинов А. Ю. Терегулов. // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 141–142.

38. Отчет Уфимского мусульманского благотворительного общества за время с 22 ноября 195 г. по 1 января 1916 г. Уфа: Восточная печать, 1916.

39. Тормыш. 1917. 14 марта.

40. Тормыш. 1917. 14 марта.

41. Вакыт. 1917. 12 марта.

42. Тормыш. 1917. 15 апреля.

43. Тормыш. 1917. 8 марта.

44. Усманова Д. М. Ахтямов // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 14–15.

45. Денисов Д. Н. Алкин // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 11.

46. Тормыш. 1917. 9 марта.

47. Тормыш. 1917. 12 марта.

48. Тормыш. 1917. 25 марта.

49. Тормыш. 1917. 12 марта.

50. Тормыш. 1917. 17 марта.

51. Тормыш. 1917. 19 марта.

52. Тормыш. 1917. 16 марта

53. Хабутдинов А. Ю. Съезд мусульман Уфимский губернский, первый // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 136.

54. Хабутдинов А. Ю. Съезд Уфимский губернский мусульманский, Второй // Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / Коллект. автор.; отв. редактор. А. Ю. Хабутдинов, М. Н. Фархшатов. М.: ИД «Медина», 2023. С. 137.

55. Тормыш. 1917. 20 июля

56. Тормыш. 1917. 17 августа.

57. Тормыш. 1917. 6 июня.

58. Тормыш. 1917. 16 июля.

МӨСЕЛМАН ХЭЙРИЯ ЖӘМГЫЯТЬЛӘРЕ, МӨСЕЛМАН КОМИТЕТЛАРЫ ҺӘМ БЮРО (КАЗАН, УФА ҺӘМ ОРЕНБУРГ ГУБЕРНАЛАРЫ МИСАЛЫНДА)

Дмитрий Витальевич Макаров,

Мәскәү ислам институты,
Россия, 109382, Мәскәү, Киров проезды, 12,
dawletshah@mail.ru.

Айдар Юрьевич Хәбетдинов,

Россия дәүләт хокук университетының Казан филиалы,
Россия, 420088, Казан ш., 2 нче Азинская ур., 7А йорт,
aikhabutdinov@mail.ru.

Мәкалә XX гасыр башында Россия мөселманнарының үзлегеннән оешу һәм ижтимагый хәрәкәт формалары буларак, мөселман хэйрия жәмгыятьләренә, шулай ук Мөселман комитетларына һәм бюрога багышлана. XIX гасыр ахырында инде мөхәлләләренең мәдәни-агарту һәм социаль үзәкләре буларак, беренче мөселман хэйрия жәмгыятьләре барлыкка килә, алар коллегияль идарә итүгә нигезләнә. 1917 елгы Февраль инкыйлабыннан соң формалашкан Мөселман комитетлары һәм бюро, нигездә, Оренбург мөселман диния нәзарәте мөселман төрки-татар округының билгеле бер сәяси юнәлештәге органы түгел, ә ижтимагый-сәяси

оешмалары булып тора. 1917 елның яз һәм жэй айларында, урыны белән көз башында алар губерна шәһәрәндә, аннан соң еш кына бөтен губернада төрле мөселман оешмаларының эшчәнлеген берләштерә һәм губерналарда башта ук милли-мәдәни мохтарият органы булган Милли Шураларның чишмә башы булып тора. Мәкаләдә без әлегә ике структура арасындагы дәвамчанлыкны һәм аларның хезмәттәшлеген анализлыйбыз, шулай ук аларның иҗтимагый эшчәнлегенә дә бәя бирәбез.

Төп төшенчәләр: мөселман хәйрия жәмгыятьләре, Мөселман Комитеты, Мөселман Бюросы, Милли Шура, Милли Идарә

FROM THE HISTORY OF THE TATAR CHILDREN'S PRESS

Gulnara Fandasovna Zamaletdinova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
gulnara.zamaletdinova@kpfu.ru.

Alfiya Rukhullova Motigullina,

Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
35 Universiade Village, Kazan, 420010, Russian Federation,
alfiya311065@mail.ru.

This research work is an anniversary type article. It systematizes materials on the history of the Tatar children's press, namely the 100th anniversary of the magazine "Yalkyn" (Flame) and the first publication of the newspaper "Yash Leninchy" ("The Young Leninist"). The article studies the role of these printed publications in the upbringing of children and in strengthening their civic identity. We prove that the activities of the young correspondents' school were effective, for it has given the Tatar people famous writers, journalists, artists, composers and other prominent cultural figures.

Key words: Tatar children's press, magazines "Yalkyn", "Sabantuy", "Salavat Kupere", newspaper "Yash Leninchy"

Introduction

The Tatar children's press has a history of more than a century, more precisely – 114 years. At the beginning of the 20th century, the first Tatar magazines for children and adolescents appeared as a result of changes that occurred in the field of education, and the first children's periodical was the magazine "Tarbiyatel-Atfal" ("Children's Education") (1907). Its founder and editor was the famous public figure and traveler Zahid Shamil (1868–1920) [1, p. 111], [2], [3, pp. 7–12], [4]. In its content, the magazine was of an encyclopedia type: it published popular, literary, journalistic and even fun materials. However, in May 1907, after the release of the 5th issue of the magazine "Tarbiyatel-Atfal" ("Children's Education"), its publication was forcibly stopped; its 6th–8th issues, which were ready for publication, were not to be published [2, p. 188]. According to literary critic F. Ibragimova, one of the reasons for the cessation of publication of the magazine was a lack of readership, since the magazine, published in Moscow, was too far from the places densely populated by Tatars [5, p. 21].

Among children's publications in the Tatar language, the magazine "Ak Yul" ("Bright Path") occupied a special place. Its founder and editor was the children's writer, translator and journalist Fakhrelislam Agiev (1887–1938). He managed to publish 78 issues of the magazine. During this short time, before the revolution, the magazine

managed to win Tatar-speaking and Russian-speaking children's audiences, it became the most popular publication with Tatar children [3, p. 23]. The magazine, which gained great popularity among its readers, ceased publication in 1916. The reason for the closure was the financial difficulties characteristic of periodicals at that time.

In 1917, Yakub Khaliullin started publishing the magazine "Balalar Donyasy" ("World of Children") for children. Only eight issues of the journal were released [6], [1, pp. 28–29]. On the pages of the magazine, along with literary works, children could read popular science essays and biographies of Russian and foreign personalities. In addition, it was the time when the publication of thematic journals began [1, pp. 28–29], [6].

We can find information about Tatar children's publications in the works of R. Abyzova [7], A. Galieva [8], F. Muslimova [9], R. Fatkhullina [10], R. Khafizova [11], [12], [13] and others.

Research materials and methods

This article studies the history of the centuries-old magazines "Yalkyn" (Flame) and "Sabantuy". To review, evaluate and analyze the material we used the following methods: biographical, cultural and historical ones.

Discussion

The formation of the Soviet Union changed all areas of life, and children's publications did not

escape those changes. This mission was carried out by the newspaper “Eshche” (“The Worker”), which began publishing its issues on September 27, 1918, in Kazan, and later, from 1922 to 1931, it was published in Moscow. In addition, on August 5, 1923, its supplement “Balalar Pochmagy” (“Children’s Corner”) appeared. However, this magazine alone could not fill the void in the children’s press. M. Jalil spoke about this issue before the general public and contributed articles on this topic to the republican mass media, expressing his readiness to organize children’s press. In 1924, in his article “Kechkena iptashlar” (“Little Friends”), published in the newspaper “The Tatarstan” (now “Vatanyrn Tatarstan”), he wrote about the progress made in the preparations for the release of a magazine for children aged 9–14 years. Finally, the dream of children’s press came true: in March 1924, the Tatar-Bashkir Bureau of the Lenin Komsomol began publishing the monthly children’s magazine “Kechkena iptashlar” (“Little Friends”) [8, pp. 180–181].

The first editor of the magazine was K. Kurmaev. From 1927, Musa Jalil was in charge of the magazine. His program was published in the first issue of the magazine “Kechkena iptashlar” (“Little Friends”). The program said: “The magazine will publish stories and poems from the lives of peasant workers’ children. It will explain who the young pioneers are and tell about their lives and activities. There will be a section for young correspondents.” In 1929, the name of the magazine was changed to “Otyabr’ Balasy” (“The Child of October”). However, in 1933, the magazine ceased publication, and resumed it in Kazan under the name “Pioneer Kalame” (“The Pioneer’s Pen”).

In Kazan, the children’s writer Abdulla Alish was appointed executive secretary of the magazine “Pioneer Kalme” (“The Pioneer’s Pen”). Many of the prominent writers published their works in the magazine. Along with A. Alish, the magazine published literary works of such famous writers as Sh. Mannur, M. Amir, F. Burnash, Kh. Tufan, K. Najmi, A. Faizi, A. Bikchantaeva, J. Tarzhevanov, A. Kamal and others. The journal “Pioneer Kalame” (“The Pioneer’s Pen”), published translations from Russian along with works of Tatar literature (A. Pushkin, S. Marshak, B. Zhitkov and other authors), we can even find information about Western authors, in particular about E. Zola. The subject matter of the magazine was characterized by versatility: it published information about the Union republics, samples of

the literature of kin peoples, biographies of great writers, composers, representatives of fine arts, news of science and technology, works of children, especially pioneers, and their letters. “Pioneer Kalame” (“The Pioneer’s Pen”), unlike previous magazines, proved its awareness of the policy the country pursued, publishing decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR and information about the leaders of the party. As a model for pioneers, numerous notes about V. I. Lenin were published. Yet, the magazine had the same fate as many other newspapers and magazines during the Great Patriotic War; it was closed.

However, after the war it was not possible to resume the publication of the same magazine. The magazine “Pioner” (“Pioneer”) only appeared in November 1951. Until 1953, the magazine was headed by A. Akhmet, after which it passed into the hands of L. Ikhsanova. In 1957, L. Ikhsanova raised the issue of renaming the publication, since it was published in many cities and countries (Moscow, Bashkortostan, Ukraine, Belarus, and Estonia). At this time, Lotfulla Fattah, Gosman Bakir, Garif Gobay, members of the magazine editorial board, did not oppose its editor L. Ikhsanova’s idea. It was only the head of the student youth department of the Regional Komsomol Committee Lyalya Zaripova who did not support the idea of moving away from the name “Pioner” (“Pioneer”). However, at that time, L. Ikhsanova had a strong opinion about renaming the magazine and giving it the title of “Yalkyn” (“Flame”). Justifying her decision, she spoke about “the flame of a fire, the flame of youth, the flame of the pioneer movement and the flame of work” [8, pp. 180–182]. Thus, from July 1957, the magazine was published under the name “Yalkyn” (“Flame”). On the pages of the magazine, poems of young people, the future poets of the 1950s - Ravil Fayzullin and Mudarris Aglyamov who were just leaving school, began to appear, as well as drawings by Renat Kharis along with the authors Khatip Gusman, Zaki Nuri and Sharaf Mudarris who over the years had been publishing their works in the magazines “Kechkena iptashlar” (“Little Friends”) and “Pioneer Kalame” (“The Pioneer’s Pen”).

From 1962, Roza Khafizova became the editor-in-chief of the magazine “Yalkyn” (“Flame”). The manager with the talent of an organizer brought the magazine’s circulation up to 80 thousand copies. As a result, from 1978, the magazine was printed in different colors using the offset method, and the number of members of the editorial board increased. During this period, the working

style characteristic of the children's press had been worked out: a dialogue with the reader was finally developed, each piece of news, an article and a story were brought to perfection. This effort did not go unnoticed. The literary magazine became a favorite publication of its readers. At this time, along with the leading editor, the famous writers Gabdelkhai Sabitov, Khaidar Gainetdinov, Razil Valiev and artist T. Khadzhiakhmetov contributed a lot to the development of the magazine. The song "Pioneer Yalkyny" ("The Flame of the Pioneer"), written at that time with the words of R. Valiev, resembled the motto of the magazine. In addition, the poet Razil Valiev and the artist Tavit Khadzhiakhmetov worked hard to place texts of folk fairy tales belonging to different nations along with color drawings on the last pages of the magazine. Finally, on January 5, 1984, the magazine "Yalkyn" ("Flame"), which for 60 years had stood guard over the younger generation education, was awarded the Order of the Badge of Honor by the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR for its success in the communist education of children.

The wind of change of the nineties did not pass by "Yalkyn" ("Flame"). The magazine, whose circulation never dropped below 50 thousand, succumbed to the economic difficulties of that time. The circulation of the magazine, which had always been promoted by the general public, the pioneer and Komsomol organizations, was suddenly in decline. During this period, the magazine was led, successively, by Roza Tufitullova, Dzhaudat Darzaman and Elmira Zakirova [8, pp. 180–182].

Aisylu Galieva, who thoroughly studied the history of "Yalkyn" ("Flame") magazine, compared the publications of the 1990s with those that are published today, and has come to the following conclusion: "The magazines that were published 15–20 years ago stand no comparison with today's "Yalkyn" (Flame). It is improving every day: its technical capabilities, design and paper quality are much better. In the last 10–15 years, the magazine has been published not for all categories of school students, but for 12–16-year-old teenagers. The magazine did not escape the influence of the West, as it was typical of that time. Its publications were influenced by Western cinema, it called adolescents "teenagers," and discussed show business. Today, "Yalkyn" writes about the problems that concern modern teenagers: this is generation gap, socio-psychological problems of adolescents, the topics of preserving children's rights and worries about our future, about the fate of the native language..." [8, p. 182].

Indeed, this magazine, published in the 21st century, is being comprehensively improved: its applications meet the interests of children: "Minem hokuklarim" ("My Rights") and the application "Abitura" ("Abitura") show ways to get an education, "Oyalchan alma" ("A Shy Apple") is dedicated to psychological problems and issues that concern teenagers, the application "Kaef" ("Mood") helps youngsters to express themselves in front of their peers. There are the sections "Balalar khatlary" ("Letters from Children"), "Balalar izhaty" ("Children's Creativity"), "Borchylam, shuna yazam da" ("I'm Worried, That's Why I'm Writing"). The section "Zhyrdai monly tatar tele" (The Tatar Language Melodic as a Song) and "Adabiyat daresenda kunak bar" (There is a Guest at the Literature Lesson) are prepared by both linguists and literary scholars, the ethnography section "Achyk sandyk" ("An Open Chest") covers our customs and traditions and the section dedicated to the millennium of Kazan is entitled "Hey Kazan, Mysterious Kazan". This magazine sections differ in the way they meet the requirements of the time.

The fact that the works of famous writers Ravil Fayzullin, Lena Shagirzhan, Rkail Zaidulla, Lyabib Leron, Louisa Yansuar, Yulduz Minnullina were first published on the pages of the magazine "Yalkyn" proves that it was "a creative workshop for the literary and journalistic community." The fact that Gulnaz Safarova, Aisylu Leron, Venera Ivanova, who were members of the children's editorial team while studying at school, have become popular TV presenters increases the authority of the magazine. "Today's 'Yalkyn' seems to have little in common with 'Kechkena iptashlar': the ideals of that time have been forgotten, the problems troubling society have changed, the age of the readers has changed, their lifestyles have changed, the design of the magazine has changed, the manner of presenting the material, the content has been updated – the topics and issues of literary works are no longer as diverse as before, although the genres of journalistic essays are more varied. At the same time, their goal is the same: this is to educate the magazine's readers to be a worthy replacement for the modern generation, to educate them as conscientious and highly moral people" [8, p. 182], [14].

The magazine "Yalkyn" now is not only a periodical for children, but also a modern electronic print brand. The magazine's electronic website operates 24/7, and the articles it publishes fully meet the needs of modern children. When working with

social networks, the emphasis is on disseminating the message transmitted by the magazine among the younger generation, developing the creative abilities of readers, strengthening active citizenship, nurturing a sense of national spirit, as well as developing national identity among the younger generation.

In our republic, along with the magazine "Yalkyn", the children's newspaper "Yash Leninchy" ("The Young Leninist") is also celebrating its centenary. Its century-old issue was first published on October 10, 1924 [1, p. 97]. Later its name was changed to the magazine "Sabantuy".

After the Komsomol leader Shakhit Shammazov had organized the first pioneer squad for Tatar children in the Gabdulla Tukay Orphanage in Kazan in 1923, he began publishing the handwritten newspaper "Yash Pioneer" ("The Young Pioneer"). From October 10, 1924, the name of the newspaper was changed to "Yash Leninchy" ("The Young Leninist"), and its circulation was 1,500 copies. In the editorial article of the newspaper, the following goals and objectives were defined: "'Yash Leninchy' ('The Young Leninist') will tell all pioneers and children of working peasants how to work better, how to unite, how to join the ranks of pioneers." The first editor of the newspaper was Shagit Shammazov, the first experienced correspondents were Musa Jalil, Abdullah Alish, Fatih Karim, Amirkhan Eniki and Khatip Gusman, and its young correspondents were Muhammad Sadri, Zaki Nuri, Sharaf Moudarris, Gali Khuzhiev, Makhmut Khusaen, Miftah Vadut and Mansur Gayaz. Later they became prominent writers [1, p. 97].

In this form, the newspaper "Yash Leninchy" ("The Young Leninist") was published regularly until 1936. This period of publication was covered in the memoirs of many famous personalities. For example, in his memoirs written in 1974, Khatip Gusman, noted that the newspaper was eagerly awaited by all residents of the village Sulmash in the Ural Region, it was a newspaper rich in news. The newspaper subscribers lived in Moscow, Sverdlovsk and Kazan. As soon as the newspaper arrived, the boys who had joined the pioneer squad went to places where people gathered in the evenings and read out loud the publications from the newspaper. The adults, who could neither count nor write, listened to them in fascination. The children themselves handled these newspapers with care, read each issue again and again, and memorized its poems. For the first time children learned that there was a pioneer uniform from drawings

and photographs on the pages of this newspaper. After this, they began to roll up their trousers to keep up with the pioneer fashion [15].

In his memoirs, the famous poet Nuri Arslanov wrote that he knew the newspaper "Yash Leninchy" from 1925. He recalled how he had waited for the newspaper to arrive from the post office while studying at a seven-year school in the city of Kokshetau in distant Kazakhstan, how he had read it with love. After entering the Kazan Art College in 1928, the poet also constantly read the newspaper, and little by little, began to write literary works. When the writer Ibragim Salakhov became the head of the newspaper literary department and later its assistant editor, he invited Nuri Arslanov to work as an artist in the editorial office [16].

In the newspaper "Yash Leninchy", poet Adel Kutuy did not publish his poems, he wrote the columns "Kitaplarny nichek ukyrga?" ("How to read books?"), "Adabiyat tugaraklary oeshtyrygyz" ("Organize literary societies"), "Narsa ul matur adabiyat?" ("What is fiction?"), "Tugarakta narsa eshlarga?" ("What can we do in a society?") specifically to improve children's knowledge and broaden their horizons. In addition, he corresponded with the children. He also familiarized his readers with the works and personalities of prominent writers of world literature [17].

According to the information from the newspaper, Hadi Taktash was also in close contact with it. Albeit infrequently, on the pages of the newspaper there were mischievous poems similar to his ("Activ – Passiv" (Active – Passive), "Taufykyly Pesi" (A Pious Cat), 1928). However, they were published under different pseudonyms: Kh. Shatun, Badrush Mokamay [18].

Poet Fatikh Karim linked his fate with the newspaper while he was still at school. At the age of 19, he became a member of the editorial board. In addition, for a year (in 1930), he worked as an executive secretary of the newspaper simultaneously contributing his stories [19].

The children's writer Abdulla Alish was not only a great writer, but also an active newspaper correspondent. More than 30 of his stories, fairy tales and plays were first published in the newspaper "Yash Leninchy". He gave advice to those who contributed to the newspaper and educated them. He was in charge of a literary society at the Central Pioneer Club. The newspaper informed that the members of this circle, G. Khasanov and G. Galiullin, became winners in a competition of

children's literary works organized by the Tatarstan Komsomol Regional Committee [20].

On the 60th anniversary of the newspaper, in her article in the magazine "Sovet Adabiyaty" ("Soviet Literature"), Saima Ibragimova, who had worked as an executive secretary in the newspaper "Yash Leninchy", associated the stages of the newspaper development with its influence on the fate of children: "In the twenties, with the help of pioneers, I warmed the souls of children who became orphans, taught to read those who could not read, fought against misfortunes with fists and helped build collective farms. At school, on collective farm fields, on hikes and in pioneer training camps, I was always next to children wearing red ties. We sang songs sitting around the fire, rejoiced at our victories..." In the same article, she wrote that even when they stopped printing the newspaper, past memories about it remained in the souls of the children, they were like a beacon warming their souls in their physically difficult work. Saima Ibragimova expressed her joy at the news that the newspaper resumed its publication in 1961 [21].

The writers and scientists who were spiritual educators of people (N. Isanbet, S. Khakim, F. Khusni, M. Amir, G. Minsky, G. Galiev, N. Arslanov, I. Tuktar, G. Bakir, M. Sadri, L. Ikhsanova, J. Tarzhemanov, Z. Tufaylova and Prof. V. Khakov) realized that the future of society is its children, they were always in close connection with the newspaper "Yash Leninchy". On the pages of the publication, along with their literary works, they published their memories and shared the secrets of the writer's creative workshop.

The newspaper "Yash Leninchy" published the works of Tatar children's literature by M. Magdiev, G. Apsalyamov, N. Fattakh, G. Akhunov, R. Faizullin, M. Shabaev, A. Akhmet, Sh. Mannur, Sh. Galiev, Kh. Tufan, N. Yuzeev, G. Bashirov, R. Tukhfatullin, A. Bayanov, A. Eniki, Sh. Rakipov, R. Kharis, A. Gilyazov, A. Shamov, K. Minlebaev, Z. Nuri, composers N. Zhiganov, M. Yarullin, R. Yakhin, Z. Khabibullin, artists L. Fattakhov and Kh. Yakupov who worked in close cooperation with the editorial office of the newspaper, they were both its authors and correspondents.

They were not only writers, poets and scientists who contributed to the newspaper, but also schoolchildren who took an active part in its publications. The famous artist Kh. Yakupov published his first works on the pages of the newspaper. Recalling the influence this newspaper had on him, he wrote: "The first works of the talented poet Mukhammad

Akhmetgaliev, who died heroically during the Great Patriotic War, the honored artist Lotfulla Fattakhov, the Tatar children's writer Javad Tarzemanov, Doctor of Historical Sciences, professor at Patrice Lumumba People's Friendship University Gабdelkhak Galiullin and others were published on the pages of "Yash Leninchy". These were the boys from our class. At that time, we studied at Tatar School No. 18 in Kazan" [22].

The history of the newspaper "Yash Leninchy" is inseparable from the fate of the country. The newspaper, which began publishing in 1924, carried on until 1936 as an organ of the republican council of the Tatarstan Regional Committee of the Komsomol and pioneer organizations. Starting from that year, the editorial offices of the newspapers "Yash Leninchy" and "Kyzyl Tatarstan" were merged. Therefore, the newspaper "Yash Leninchy", which had been so interesting for children, in 1936–1941 was published only as "Pioneer Bite" (Pioneer Page) - one page of the newspaper "Kyzyl Tatarstan". Its materials were prepared by M. Dibaeva, M. Nuretdinova, the former journalists of the newspaper "Yash Leninchy" [23].

Over the years, the editors of the newspaper were Sh. Shammazov (1924–1929), Kh. Izmailova (1929–1931), L. Gilmi (1931–1937), G. Khabibullin (1937–1941), V. Ikhsanova (1960–1977), R. Tufitullova (1977–1986), R. Minnullin (1986–1995), L. Gimadieva (1995–2004), A. Gimadiev (2004–2017), I. Fazlullin (2017–2020) and Z. Khusnutdinova (starting from 2020) [23].

After 1961, the newspaper made attempts to return to its former traditions. Schoolchildren who sent their drawings and literary works to the newspaper later became famous people: the honored artist Asgat Safargalin, poets Sharaf Mudarris and Rkail Zaidulla were among them. The editorial office of the newspaper was the starting point for many writers before their setting off on a long journey: Ravil Fayzullin, who published his poems in the newspaper, for many years headed the magazine "Kazan Utlary" ("The Lights of Kazan"), Nurgali Bulatov was an executive secretary of the newspaper "Vatanyim Tatarstan" ("My Homeland Tatarstan"), Mazit Valiullin was a deputy editor-in-chief of the magazine "Magarif" ("Enlightenment"), Lyabib Leron headed the magazine "Beznen Miras" ("Heritage") as its editor-in-chief [24, p. 248].

The newspaper also influenced the work of the famous children's poet Shaukat Galiev. He called the newspaper "a magic mirror illuminating children's souls." He expressed his gratitude to "Yash

Leninchy”, and said that this periodical made it possible for him to create “an image akin to children,” the image of Shavali [23].

The newspaper “Yash Leninchy” has been associated with the fate of the children’s writer Robert Minnullin for almost half a century. After graduating from university, in 1973–1977 he worked as a correspondent for the newspaper “Yash Leninchy”. During this period, he wrote and published his lyrical poems, as well as his first poems for children.

The poet’s memories, associated with the newspaper “Yash Leninchy”, are given in his article “Sabantuy Sabaklary” (“The Lessons of Sabantuy”). Here, he shares his thoughts about this newspaper of his childhood, thus defining the role of the newspaper in his life: “Only when I came to Kazan to study, I realized how important and valuable the newspaper “Yash Leninchy” was. It turned out that the newspaper was well liked not only by children, but also by teenagers and adults. It was especially popular with the students from the Tatar Language and Literature Department of Kazan State University. And getting your poems published was a great achievement in the literary environment... Every poem, every story published in it became a big event of the day” [26, p. 105].

The poet wanted to be published and began writing poetry. His first poems, published in the newspaper, were “Min babama okhshagan” (“I Look Like My Grandfather”) and “Anvarnen hyaly” (“Anvar’s Dream”). It was Radif Gatash who suggested that he should work at the newspaper. At that time, all newspaper and magazine editorial offices were located in the legendary Printing House on Bauman Street. “Even if you walked just once along the long corridors of the House of Press, you would meet many Tatar senior outstanding personalities and young writers. At that time, the navel of the Tatar world was precisely in this House of Press,” sums up his idea the young journalist [25, p.105].

Six months later, Robert Minnullin began working at the Department of Literature and Culture, together with the children’s poet Khakimzhan Khalikov. During these years, he developed an interest in children’s creativity. He arranged the poems, fairy tales, drawings, messages and letters containing various questions according to a certain system, proof read those that were published in the newspaper and wrote some of them anew, daily preparing materials for the issues of “Yash Leninchy”. “The most difficult thing was to answer the children,” the journalist recalled. “It was a pity,

but most of the children’s works could not be published in the newspaper.” Not a single letter from the children remained unanswered. In them, Robert Minnullin tried not to upset the child and explained why their works could not be accepted for publication could. While answering the letters, he himself was gaining experience as a journalist and writer.

Thus, Robert Minnullin went through a great literary school while working at the Department of Literature and Culture. Firstly, he met such unique personalities as Naki Isanbet, Mirsay Amir, Shaikhi Mannur, Amirkhan Eniki, Gumer Bashirov, Abdrakhman Apsalyamov, Nabi Dauli and Gabdrakhman Minsky. Secondly, the classics considered the publication of excerpts from their new novels and stories to be a great honor. Thirdly, the newspaper was enriched by the poems of the middle generation writers such as Mukhammat Magdiev, Mazit Rafikov, Rafail Tukhfatullin, Adip Malikov, Gabdulla Sharafi, and our elders - Khasan Tufan and Sibgat Khakim. The newspaper readers always looked forward to the works of the poets known for their proud character: Ravil Faizullin, Radif Gatash, Rustem Mingalim, Robert Akhmetzyanov and Rashit Akhmetzyanov.

This is how Robert Minnullin gained experience and learned to make observations. Having found a common language with the aksakals of literature, he won the hearts of the readers through the columns “Sina aiter suzem bar” (“I have something to tell you”), “Bez balekay chaklarda” (“When we were young children”). In addition, the newspaper publishing house became a workshop for literary and artistic activities: a club of young storytellers was organized under the leadership of N. Fattakh and Kh. Saryan; Kh. Saryan taught “Adabi ostalyk maktabe” (“School of Literary Excellence”); F. Shafigullin published essays; G. Bashirov led the column “Tugan Yagym – Yashel Bishek” (“Our Native Land – a Green Cradle”) [26, p. 105].

To promote the children’s writers’ works, the newspaper found a new form: it began to publish special issues dedicated to the classic works (G. Tukay, G. Ibragimov, M. Jalil, A. Alish and N. Isanbet). The editorial board required that the materials should be written in the language accessible to children and in the way penetrating the child’s soul. In the course of the preparatory work, the writer’s creative laboratory was studied, contacts with the writer’s family and relatives were established, interesting data were collected, advice and consultations were sought of literary scholars and experts.

While working in the editorial office, R. Minnullin displayed his organizational skills and gained professional experience, so he was offered to be a secretary of the Writers' Section. He drew up working plans for the section, organized and conducted section meetings and put the minutes in order. On an ongoing basis, he held joint meetings with the editors. In 1986–1994, R. Minnullin became the editor-in-chief of the newspaper.

From 1961, the newspaper "Yash Leninchy" annually held various events in order to strengthen its ties with children. Here are some of them:

1961	Oil Pipeline "Duslyk" (Friendship); Friendship Kazan – Ufa; Pioneers – to the Motherland.
1964	About One Piece of Bread; Sports competition for the prize "Yash Leninchy"
1965	Competition of poems, drawings and photographs on the topic "How wide my native land is"; "Tatarstan Pionery" Scrap Metal Scheme ("Pioneer of Tatarstan"); School of Politeness; Country of Resourcefulness; Operation "Lachyn" (Falcon)
1966	Hearths of Friendship on the Border of Tatarstan; Let every school have a sports ground!
1967	"Bertugan galstuklar" (Native Ties); Wall newspaper competition; Club "Bakhas" ("Dispute")
1968	Operation "Ant" ("Oath"); We will plant trees and flowers everywhere!
1971	Scrap Metal Scheme "Yash Leninchy"; The Ulyanovs on the Land of Tatarstan; Operation "Yafrak" ("Leaflet"); School "Yash Khimiklar" ("Young Chemists")
1973	Timur's Country Absentee Travel to the GDR
1974	Operation "Tugan Yagym – Yashel Bishek" ("Our Native Land – a Green Cradle"); Ten Days Dedicated to Young Heroes

The newspaper instilled in children a sense of friendship, mutual assistance, justice and the ideals of love for the Motherland. This concept was based on the idea of interaction of the newspaper with other components of mass media addressing young

audiences (magazines, television and radio journalism) and with various social institutions involved in the pedagogical process (education, science, culture, classic and modern children's literature). This helped in teaching children and adolescents to understand social processes and in developing an all round personality. It should be noted that the newspaper always considered its main goal to provide education to enlightened, cultural, conscientious citizens of their country.

Under the influence of the winds of change, the newspaper had to look for new trends and introduce new changes. The biggest change was the name of the newspaper. When choosing a new name, the newspaper took into account the fact that "Sabantuy" is the most popular holiday of the Tatars. So, the newspaper got a new name with the hope that it would become a platform for open and fair competition [25, pp. 248–249].

The changes, related to the essence of the newspaper content, became the cause of many disputes and contradictions. Some readers called for preserving the name of the great hero and expressed doubts and worries that the newspaper's orientation might change. The editor-in-chief believed that the existing difficulties put the editorial board in the same boat as the readers. "These letters both made us happy and saddened us. Firstly, our newspaper is widely read, our readers are not indifferent, and the knowledge, which we have spread for 70 years under the name of Ilyich, has rooted so deeply in the people's souls that it would be wrong to change their opinion in one day. Because in this case they are right. We are also between two fires..." wrote R. Minnullin, recalling this period. As a result, the newspaper's circulation decreased. There were many objective reasons for this: the pioneer organization disappeared, television, the Internet and computers entered the lives of our children. Games, interests and hobbies of modern children are completely different now [24, pp. 242–244].

In 2014, in order to change the form of the newspaper, R. Minnullin admitted in his speech: "Unfortunately, we could not save "Sabantuy" as a newspaper". "We were probably the ones who had destroyed it," said the writer, who had devoted 41 years of his life to the newspaper "Yash Leninchy" / "Sabantuy".

Since 2014, "Sabantuy" has been functioning as a monthly magazine. Teenagers have remained the magazine's readership. The purpose of the magazine is to provide cultural entertainment to its readers and ensure their spiritual and moral devel-

opment. An important area is the creative development of children, preparing them for adult life. The magazine is distinguished by the predominance of visual content, modern design, convenient format and high-quality paper. The “Sabantuy” magazine is published twice a month. It has its internet site of the same name. Along with printed materials, it is supplemented with cartoons, games and music. The magazine has a close connection with social networks.

Conclusion

Thus, the Tatar children’s press has changed over the course of one century due to political, economic and cultural changes in the country. The publications of magazines and newspapers have always been defenders of our children’s interests, trying to meet their needs.

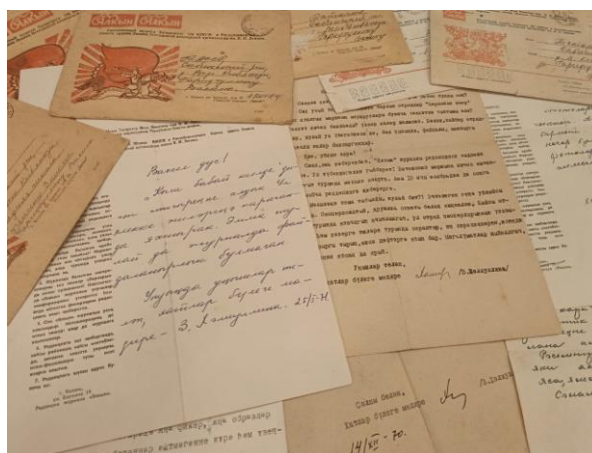
The origins of the magazine “Yalkyn”, addressing the interests and needs of children of different ages, go back to the magazine “Kechkena iptashlar”, which was organized by Musa Jalil in 1924. Later, from 1929, it was published under the name “Octyabr’ Balasy”, from 1933 it was called “Pioneer Kalame”, and from 1957 it has survived in the children’s press to this day as the magazine “Yalkyn”.

The children’s newspaper “Yash Leninchy” dates back to 1923 when its name was “Yash Pioneer”. From 1924, it was published under the name “Yash Leninchy”. The newspaper went through a rather difficult path. In 1936–1941, it ceased to be an independent publication. It merged with the newspaper “Kyzyl Tatarstan” and was published as its page called “Pioneer Bite”. The next 20 years were a “blank spot” in the history of the newspaper. It was only in 1961 that the newspaper returned to its past traditions. In light of the changes at the end of the 20th century, the name of the newspaper was changed to “Sabantuy” (from 1991). Since 2014, “Sabantuy” has been published as a magazine for children.

For a hundred years, both publications reflected the life of our people, shaped the younger generation and educated children. Every piece of information, article, drawing and literary work published in them became a children’s close companion, arousing their interest. Every worker, journalist, writer and artist, who contributed to the newspaper, tried to meet the needs of children. These publications took into account their worldview and age characteristics, and put a lot of effort into developing a person who loved our native country and our people [27]. As evidence, we would like to

present the memories of our contemporary writers and journalists who went through the “Yalkyn” and “Yash Leninchy” schools.

Prof. Vasil Garifullin, Kazan Federal University: “The period when we were at school went down in history as the “era of stagnation.” However, we all did not keep quiet, we lived a very active life. Every week there were various events at school, and we tried to participate in them all: we danced, we sang, we drew, we made things of wood and clay. It was indescribable joy to see the stories and poems we had written not only in the classroom or school wall newspapers, but also in the regional newspaper and in republican publications.

I remember how in second grade I submitted my first poem to the magazine “Yalkyn” (“Flame”). Soon the answer came from the magazine in a beautiful envelope. The editorial staff informed me that they could not publish this poem so far, but they explained in detail how to write a literary work, how to work on a theme, how to create images. This letter did not upset me at all; on the contrary, I bragged about this letter to my classmates. The envelope was very solid and beautiful. The village child had never seen anything like this. My classmates followed my example and began sending their works to Kazan. Letters from the editorial offices of the magazine “Yalkyn” (“Flame”) and the newspaper “Yash Leninchy” (“Young Leninist”) began to arrive in our village. The first work to be published was a poem by the high school student Marcel Kadyrov. He dedicated his work to his father who had returned from the war wounded, with one leg left. Today, Marcel is a famous scientist and sports judge, and he continues to write poetry. But no matter how much I have written, I have not become a poet. Later, my articles were published in the regional news-

paper, and as early as in high school I dreamed of becoming a journalist, not a poet.

Today I often re-read the letters from “Yalkyn” (“Flame”). Famous writers, poets, publicists found time for everyone, rendering support to every child with their advice, trying to put them on their wings, leading them into the world of creativity and literature! I am proud to belong to the generation of journalists who have gone through the Yalkyn school!” [28]

Lyabib Leron, editor-in-chief of the magazine “Beznen Miras” (“Our Heritage”): “The newspaper “Yash Leninchy” was a very, very respectable publication in its time. It put many of us on the wing. People who went through the school “Yash Leninchy” have found their place in life - they have left a unique mark on our literature and culture” [29].

References

1. *Tatarskaya periodicheskaya pechat': nauchno-ehntsiklopedicheskoe izdanie* (2017) [Tatar Periodical Press: A Scientific Encyclopedic Publication]. Comp. and scientific ed. R. A. Ainutdinov, Z. Z. Gilyazev. 200 p. Kazan, izd. Akademii nauk RT. (In Russian)
2. Mardanov, R. (2007). “*Terbiyai-etfal*” *zhurnalyna yoz el* [The Magazine “Tarbiyatel-Atfal” (Children’s Education) Is One Hundred Years Old]. Kazan utlary. No. 2, pp. 180–188. (In Tatar)
3. Mardieva, M. B. (2003). *Tatar zhurnalistikasy tarikhy buencha ocherklar* [Essays on the History of Tatar Journalism]. 132 p. Kazan, Kazan gos. un-tet. (In Tatar)
4. Minnullin, Zh. (1994). *Yalkynyn och abyisy* [Three Brothers of Flame]. Yalkyn. No. 3, pp. 6 – 76. (In Tatar)
5. Ibragimova, F. (1998). *Sabyilarny uz itep...* (*Tatar balalar adabiyaty*) [We Are Friends with Children... (Tatar Children’s Literature)]. 224 p. Kazan, Iman. (In Tatar)
6. Ibragimova, F. (1987). *Balachak yuldashy: “Balalar donyasy” zhurnaly chyga bashlauga 70 el* [Childhood Companion: 70 Years since the Beginning of the Publication of the Magazine “Balalar Donyasy” (World of Children)]. Yalkyn. No. 3 (In Tatar)
7. Abyzova, R. R. (2020). *Tatarskie detskie zhurnaly (1907–1918) i sud’by ikh sozdatelei* [Tatar Children’s Magazines (1907–1918) and the Fate of Their Creators]. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. Vol 1. No. 4, pp. 59–67. (In Russian)
8. Galieva, A. F. (2004). *Siksende de ul bala* [Even at Eighty He’s a Child]. Kazan utlary. No. 3, pp.180–182. (In Tatar)
9. Moslimova, F. (1999). “Yalkyn” – *duslyk uchagy* [“Yalkyn” is a Hearth of Friendship]. Tatarstan. No. 5. (In Tatar)
10. Fatkullina, R. (1979). “Yalkyn” i *detskaya literatura* [“Yalkyn” and Children’s Literature]. Detskaya literatura. No. 9. (In Russian)
11. Khafizova, R. (1971). *Berenche karlygach* [The First Swallow]. Yalkyn. No.2, pp. 22–23. (In Tatar)
12. Khafizova, R. (1994). *Balachakka kire kaytyr idem* [I Would Go Back to My Childhood]. Yalkyn. No. 2, pp. 4–7. (In Tatar)
13. Khafizova, R. (1984). *Urtak eshebez* [General Work]. Sovet mektebe. No. 5. (In Tatar)
14. Galiakhmetova, A. F. (2004). *Literaturno-khudozhestvennyi material v tatarskikh detskikh zhurnalakh nachala 20 veka: dis. ... kand. filol. nauk* [Literary and Fictional Material in Tatar Children’s Magazines of the Early 20th Century: Ph. D. Thesis Abstract]. Kazan. 28 p. (In Russian)
15. Gosman, Kh. (1974). *Rukhi koyashym* [My Spiritual Sun]. Yash Leninchy. Noyabr’, 9. (In Tatar)
16. Arslanov, N. (1974). *Bairamegez belan kotlyim* [Congratulations on Your Holiday]. Yash Leninchy. Noyabr’, 9. (In Tatar)
17. Zaripov, Kh. (1974). *Kutuy pionerlar belan soilasha* [Kutuy Talks to the Pioneers]. Yash Leninchy. Noyabr’, 14. (In Tatar)
18. Zaripov, Kh. (1974). *Kh. Taktash “Yash Leninchy”da* [Kh. Taktash in “Yash Leninchy”]. Yash Leninchy. Avgust, 28. Pp. 2–3. (In Tatar)
19. Zaripov, Kh. (1974). *Pioner galstukly shagyir* [A Poet with a Pioneer Tie]. Yash Leninchy. Avgust, 28. Pp. 2–3. (In Tatar)
20. Zaripov, Kh. (1974). *Apush... Alish buldy* [Apush... Became Alish]. Yash Leninchy. Avgust, 28. (In Tatar)
21. Ibragimova, S. (1983). “Yash Leninchy” hem “Yalkyn” *bezde kunakta* [Our Guests - “Yash Leninchy” and “Yalkyn”]. Sovet adabiyaty. No. 9, p. 188. (In Tatar)
22. Yakupov, Kh. (1974). *Yubilei kotlavy* [Anniversary Congratulations]. Yash Leninchy. Oktyabr’, 28. (In Tatar)
23. Ainutdinov, R. “Sabantui” – *gazeta dlya detei i podrostkov* [“Sabantuy” - a Newspaper for Children and Teenagers]. URL: <https://tatarica.org/tat/razdely/sredstva-massovoj-informacii/periodicheskie-izdaniya/sabantuj> (accessed: 12.12.2023). (In Tatar)
24. Minnullin, R. (2007). *Sabantuyu starost' ne grozit* [Sabantuy Can’t Be Old]. R. Minnullin. V 7 tomakh. T. 7, p. 248. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Russian)
25. Galiev, Sh. (1974). *Tylsymly kozge* [A Magic Mirror]. Yash Leninchy. Mart, 24. (In Tatar)
26. Minnullin, R. (2007). *Balalar donyasyn yangyratyp* [Loudly to the Whole Children’s World]. Minnullin R. V 7 tomakh. T. 5, p. 105. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)
27. Ibragimova, S. (1983). “Yash Leninchy” hem “Yalkyn” *bezde kunakta* [Our Guests - “Yash Leninchy” and “Yalkyn”]. Sovet adabiyaty. No. 9, p.188. (In Tatar)

28. Garifullin, V. (2024). *Yalkynlanyp iǵat itkən idek* [We Created with Passion]. "Tatarica" zhurnaly arkhivy. Kul'yazma. 1 p. (In Tatar)

29. *Tatar yazuchylary "Yash' leninch" gazetasında ehshlǵan chorlaryn iskə aldylar* [Tatar

Writers Remember the Times They Worked in the "Yash Leninchi" Newspaper]. 19.04. 2024. URL: <https://tatar-inform.tatar/news/tatar-yazuchylary-yash-lenincy-gazetasında-eslagan-corlaryn-iska-aldy-5886467> (accessed: 19.04. 2024). (In Tatar)

ТАТАР БАЛАЛАР МАТБУГАТЫ ТАРИХЫННАН

Гөлнара Фэндэс кызы Жамалетдинова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
gulnara.zamaletdinova@kpfu.ru.

Әлфия Рухулла кызы Мотыйгуллина,
Идел буе дәүләт физик тәрбия, спорт һәм туризм университеты,
Россия, 420101, Казан ш., Универсиада авылы ур., 35 йорт,
alfiya311065@mail.ru.

Әлеге күзәтү юбилей мәкаләсе характерында, ягъни биредә «Ялкын» журналы һәм «Яшь ленинчы» газетасы чыгуга 100 ел тулу уңаеннан татар балалар матбугаты тарихы буенча материаллар системалаштырылган. Бу басмаларның балаларны тәрбияләүдә, аларның гражданлык карашларын ныгытуда роле тикшерелә. Татар халкына танылган язучыларын, журналистларын, рәссамнарын, композиторларын һәм башка мәдәният эшлеклеләрен үстөрәп жибәрүгә зур өлеш керткән яшь хәбәрчеләр мәктәбенең нәтижеләлеге исбатланды.

Төп төшенчәләр: татар балалар матбугаты, «Ялкын», «Сабантуй», «Салават күпере» журналлары, «Яшь ленинчы» газетасы

Кереш

Татар балалар матбугатының гасырдан артык, төгәлрәге 114 еллык тарихы бар. XX йөз башында белем бирү өлкәсендәге үзгәртеп корулар нәтижәсендә тәрбия мәсьәләләре үсү йогынтысында татарларда беренче балалар һәм яшүсмерләр өчен журналлар барлыкка килә. Балалар вакытлы матбугатының башлангычы «Тәрбиятел-әтфаль» (1907) журналынан башлана. Аның нигезен салучы һәм мөхәррире танылган жәмәгать эшлеклесе һәм сәясәтче Заһид Шамил (1868–1920) [1, б. 111], [2], [3, б. 7–12], [4]. Журнал эчтәлегә белән энциклопедия характерында була: анда популяр, әдәби, публицистик, хәтта мавыктыргыч материаллар да басыла. Әмма 1907 елның май аенда «Тәрбиятел-әтфаль» журналының 5 саны чыкканнан соң, аның нәшер ителүе мәжбүри туктатыла, басмага эзерләнган 6–8 саннар дөнья күрми кала [2, б. 188]. Әдәбият галиме Ф. Ибраһимова фикеренчә, аның басылудан туктавының бер сәбәбе итеп, укучылар аудиториясе булмауны күрсәтергә мөмкин, чөнки Мәскәүдә чыга торган журнал татарлар күп яши торган урыннарда ерак урнашкан [5, б. 21].

Татар телендәге балалар басмалары арасында «Ак юл» аерым урын алып тора. Аның нигезен салучы һәм редакторы балалар язучысы, тәржемәче, журналист Фәхрелислам Агиев (1887–1938) була. Ул журналның 78 санын чыгарырга өлгерә. Шул кыска гына вакыт аралыгында журнал инкыйлабка кадәр татар һәм рус телле балалар аудиториясен яулап ала, басманы татар балалары арасында иң күп укыла торган журналга әверелдерә [3, б. 23]. Укучылар арасында зур популярлык яулап өлгергән журнал 1916 елда чыгудан туктый. Ябылуның сәбәбе булып, шул чордагы вакытлы матбугатка хас булганча, финанс кыенлыклары тора.

1917 нче елда Якуб Хәлиуллин балалар өчен «Балалар дөньясы» дигән журнал чыгарып карый. Аның 8 саны гына басылып кала [6], [1, б. 28–29]. Журнал битләрендә әдәби әсәрләр белән беррәтгән, фәнни-популяр очерклар, Россия һәм чит ил шәхесләренең биографияләре нәшер ителә. Моннан тыш, тематик журналлар чыгару гамәлгә куела [1, б. 28–29], [6].

Татар балалар басмалары турындагы мәгълүматлар Р. Абызова [7], А. Галиева [8], Ф. Мөслимова [9], Р. Фәтхуллина [10],

Р. Хафизова [11], [12], [13] һ.б. хезмәтләрендә чагылыш тапкан.

Тикшеренү материаллары һәм методлары

Әлеге мәкаләнең нигезенә бер гасырлык тарихы булган «Ялкын» һәм «Сабантуй» журналларының тарихын өйрәнү максаты салынды. Күзәтү, бәяләү, анализлау вакытында биографик, мәдәни-тарихи ысуллар кулланылды.

Фикер алышу

Совет дәүләте урнашу нәтижәсендә барлыкка килгән үзгәрешләр балалар басмаларын да читләтеп үтми. Шундый вазифаны 1918 елның 27 сентябрендә Казанда чыга башлаган, шуннан соң 1922 елдан 1931 елга кадәр Мәскәүдә басылып килгән «Эшче» газетасы үти. Өстәвенә 1923 елның 5 августыннан башлап «Балалар почмагы» кушымтасы нәшер ителә башлый. Ләкин ул журнал гына балалар матбугатына булган ихтияжны канәгатьләндерә алмый. Бу турыда киң жәмәгатьчелек алдында һәм республика матбугатында М. Жәлил чыгышлар ясый, аны оештырып жибәрергә эзер булуын белдерә. 1924 елда ул «Кечкенә иптәшләр» мәкаләсендә 9–14 яшьлек балалар өчен журнал чыгарырга эзерлек эшләре баруын «Татарстан» (хәзер – «Ватаным Татарстан») газетасында хәбәр итә. Ниһаять, балалар матбугаты турындагы хыял тормышка аша: 1924 елның март аенда Ленин комсомолының татар-башкорт бюросы тарафыннан айга бер тапкыр «Кечкенә иптәшләр» исемле балалар журналы чыгарыла башлый [8, б. 180–181].

Әлеге журналның беренче редакторы Н. Курмаев була. 1927 елдан башлап, журналны Муса Жәлил житекли. «Кечкенә иптәшләр» журналының беренче санында программасы басыла. Анда: «Журналда эшче-крестьян балалары тормышыннан хикәяләр, шигырьләр басылачак. Яшь пионерларның кем икәнлекләре, аларның тормышлары һәм кылган гамәлләре турында язылачак. Кечкенә хәбәрчеләр почмагы булачак», – диелә. 1929 елда журналның исеме «Октябрь баласы»на үзгәртелә. Әмма 1933 елдан журнал басылудан туктый һәм «Пионер каләме» исеме астында нәшер ителә башлый.

Казанда чыга торган «Пионер каләме» журналының җаваплы секретаре итеп балалар язучысы Абдулла Алиш билгеләнә. Әдипнең балалар тарафыннан яратып укуыла торган күп кенә әкиятләре шул елларда языла һәм журнал битләрендә басылып чыга. А. Алиш белән

беррәттән журнал битләрендә танылган әдипләр Ш. Маннур, М. Әмир, Ф. Бурнаш, Х. Туфан, К. Нәжми, Ә. Фәйзи, Ә. Бикчәнтәева. Ж. Тәрҗеманов, Ә. Камал һәм башкаларның әдәби эсәрләре дөнья күрә торган. «Пионер каләме» журналында татар әдәбияты эсәрләре белән беррәттән, рус теленнән (А. Пушкин, С. Маршак, Б. Житков һ. б. әдипләреннән) тәрҗемәләр бастырыла, хәтта көнбатыш авторлары Э. Золя турында мәгълүмат урнаштырыла. Журналның тематикасына күпкырлылык хас: союздаш республикалар турында мәгълүматлар, тугандаш халыклар әдәбиятлары үрнәкләре бастырыла, бөек язучылар, композиторлар, сәнгать әһелләреннән тәрҗемәи хәлләре белән таныштырып барыла, фән-техника яңалыкларын яктырту күзәтелә, балалар, аеруча пионерлар иҗатын, аларның хатларын бастыру гамәлгә керә. «Пионер каләме», алда чыккан журналлардан аермалы буларак, СССР Югары Советы Президиумы карарларын, партия юлбашчылары турында язмаларны биреп, илдә барган сәясәт белән хәбәрлар булуын дәлилли. Пионерларга үрнәк итеп, В. И. Ленин хакындагы күп кенә язмаларны урнаштыра. Шулай да журнал, Бөек Ватан сугышы елларында бик күп газета-журналлар язмышына дучар булып ябыла.

Әмма сугыш бетүгә журналны кабат торгызу мөмкинлегә тумый. Ул, «Пионер» журналы булып, бары тик 1951 елның ноябрендә генә ачыла. 1953 елга кадәр журналны А. Әхмәт житекли, аннары Л. Ихсанова кулына күчә. 1957 елда Л. Ихсанова, «Пионер» дигән басманың бик күп төбәкләрдә (Мәскәүдә, Башкортстанда, Украинада, Белоруссиядә, Эстониядә) нәшер ителүе сәбәпле, аның исемен алыштыру мәсьәләсен күтәрә. Бу вакытта журналның редколлегия әгъзалары Лотфулла Фәттаһ, Госман Бакир, Гариф Гобәй мөхәррир Л. Ихсанова фикерләренә каршы килмиләр. Бары тик ВЛКСМ өлкә комитетының укучы яшьләр бүлегә мөдире Ләлә Зарипова гына «Пионер» исемненнән читләшүне хуп күрми. Әмма Л. Ихсанова ул вакытта журналны «Ялкын» исеменә үзгәртүгә ныклы фикергә килгән була. Ул үз фикерен дәлилләп, «учак ялкыны, яшьлек ялкыны, пионер ялкыны, хезмәткә дәрт ялкыны», – ди [8, б. 180–182]. Шулай рәвешле, 1957 елның июль саныннан башлап, журнал «Ялкын» исеме белән чыга башлый. Әлеге басма журнал битләрендә күп еллар дәвамында «Кечкенә иптәшләр», «Пионер каләме» кебек балалар матбугатында даими

басылып килгән авторлар Хатип Госман, Зәки Нури, Шәрәф Мөдәррисләр белән беррәттән, мәктәп бусагасыннан чыгып баручы илленче еллар яшь шагыйрьләре Равил Фәйзуллин һәм Мөдәррис Әгъләмовның шигырьләре, Ренат Харисның рәсемнәре күренә башлый.

1962 елдан «Ялкын»ның баш мөхәррире булып Роза Хафизова эшли башлый. Оештыру сәләтенә ия булган житекче журналның тиражын 80 меңгә житкерә. Шунун нәтижәсендә 1978 елдан башлап журнал офсет ысулы белән төрлө төсләрдә нәшер ителә башлый, редколлегия әгъзаларының саны арта. Бу чорда балалар матбугаты өчен үрнәк булган эш стиле барлыкка килә: укучы белән диалог формалаша, һәр хәбәр, мәкалә, хикәя камилләшеп беткәнче эшкәртелә. Әлегә тырышлык эзсез югалмый. Әдәби-нәфис журнал укучыларның иң яраткан басмасына әверелә. Бу вакытта журналны әйдәп баручы редактор белән беррәттән, танылган каләм осталары Габделхәй Сабитов, Хәйдәр Гайнетдинов, Разил Вәлиев, рәссам Тавил Хажиәхмәтов «Ялкын»ның танылып китүе өчен күп көч куялар. Шул елларда Р. Вәлиев сүзләренә язылган «Пионер ялкыны» жыры журналның девизын хәтерләтә. Моннан тыш, шагыйрь Разил Вәлиев рәссам Тавил Хажиәхмәтов белән бергә журналның соңгы битләрендә төслә рәсемнәр белән тасвирланган төрлө халыкларның әкият текстларын урнаштыру өстендә күп эшли. Ниһаять, 60 ел дәвамында яшь буынны тәрбияләү өлкәсендә көчле таяныч булып басылып килгән «Ялкын» 1984 елның 5 гыйнварында СССР Югары Советы Президиумы тарафыннан балаларга коммунистик тәрбия бирү өлкәсендәге уңышы өчен Почёт билгесе ордены белән бүләкләнә.

Туксанынчы еллар жиле «Ялкын»ны да читләтеп узмый. Тиражы 50 меңнән дә төшмәгән журнал икътисади каршылыктар алдында югалып кала. Элек киң жәмәгатьчелек, пионер, комсомол оешмалары тарафыннан пропагандаланып торган журналның тиражы кинәт кими. Шушы вакыт аралыгында «Ялкын»ны бер-берсен алмаштырып, Роза Туфитуллова, Жәүдәт Дәрзаман, Эльмира Закирова житәкли [8, б. 180–182].

«Ялкын» журналының нәшер ителү тарихын тәфсилләп өйрәнгән галим Айсылу Галиева узган гасырның 90 нчы елларындагы басмаларны бүгенгә көндә нәшер ителгәннәре белән чагыштырып, болай дип яза: «Бүгенгә «Ялкын»ны моннан унбиш-егерме ел элек

чыккан журналлар белән чагыштырып та булмый. Ул көннән-көн камилләшә: аның техник мөмкинлекләре дә, бизәлеше дә, кәгазенң сыйфаты да күпкә яхшырак. Соңгы ун-унбиш елда журнал мәктәп укучыларының барлык категорияләре өчен түгел, 12–16 яшьлек яшүсмерләргә атап чыгарыла. Журналны, заманга хас булганча, көнбатыш тәсире дә читләтеп үтми. Аңа яшүсмерләргә «тинейджерлар» дип атау да, көнбатыш киносы йогынтысы да, шоу-бизнес турында сөйләү дә хас. «Ялкын» яшүсмерләргә бүген борчыган мәсьәләләр хакында яза: ул – этиләр һәм балалар проблемасы да, яшүсмерләрнең социаль-психологик проблемалары да, бала хокукларын саклау темасы да, киләчәк турында уйлану, туган телебез хакында кайгырту да...» [8, б. 182].

Чыннан да, XXI гасырда чыгып килә торган журнал һәрйаклап камилләшә: балаларны кызыксындыра торган «Минем хокукларым», белем алу юлларын күрсәтә торган «Абитура», психологик проблемаларга, үсмерләргә борчыган сорауларга җавап эзләүгә корылган «Оялчан алма», яшәтешләренә үзләрен күрсәтергә ярдәм итә торган «Кәеф» кушымтасы шундыйлардан. «Балалар хатлары», «Балалар иҗаты», «Борчылам, шуңа язам да», тел һәм әдәбият белгечләре белән бергә әзерләнгән «Җырдай моңлы татар теле», «Әдәбият дәресендә кунак бар», гореф-гадәтләребезне, этнографиябезне чагылдыра торган «Ачык сандык», Казанның меңселлыгына багышланган «И Казан, серле Казан» рубрикалары заман таләпләренә җавап бирүләре белән аерылып торалар.

«Ялкын» журналы битләрендә танылган язучылар Равил Фәйзуллин, Лена Шагыйрьжан, Рәзил Зәйдулла, Ләбиб Лерон, Луиза Янсуар, Йолдыз Миннуллина әсәрләре басылу «әдәби-журналист жәмәгатьчелегә өчен иҗади остаханә булуын» дәлилли. Мәктәп елларында басманың балалар редакциясе составында булган Гөлнәз Сәфәрова, Айсылу Лерон, Венера Иванова популяр алып баручыга әверелүләре журналның абруен тагын да күтәрә. «Бүгенгә «Ялкын»ның «Кечкенә иптәшләр» белән охшашлыгы бик аз кебек: ул чор идеаллары онытылган, жәмгыятьне борчыган проблемалар да башкачарак, укучыларның яшь үзенчәлекләре дә, тормыш рәвеше дә үзгәргән, журналның бизәлеше дә. материалларның бирелүе дә үзгәреш кичергән, эчтәлек тә яңа – әдәби әсәрләрнең тема-

проблематикасы да элекке шикелле күп түгел, публицистик язмалар да жанр ягыннан төрле. Шулай да аларның максатлары бер: ул журнал укучыларын хәзерге буынга лаеклы алмаш итеп тәрбияләү, аларны намуслы, югары эхлаллы кешеләр итеп үстерү» [8, б. 182], [14].

Хәзерге вакытта нәшер ителә торган «Ялкын» журналы балалар өчен чыгып килә торган вакытлы матбугат чарасы гына түгел, ул заманча электрон басма бренд та булып тора. Журналның электрон сайты 7/24 форматы буенча эшли, анда басыла торган мәкаләләр бүткенгә көн балалары ихтыяжларын тулысынча канәгатьләндерә. Социаль челтәрләр белән эшләүдә брендың яшь буын арасында танылуын арттыруга, укучыларның ижади сәләтләрен үстерүгә, актив гражданлык позициясен ныгытуга, милләтпәрвәрлек хисләре тәрбиялүгә, шулай ук үсеп килүче буында милли үзәк формалаштыруга басым ясала.

Жәмһүриятебездә балалар өчен басылып килгән «Ялкын» белән беррәттән, балалар өчен «Яшь ленинчы» газетасының да чыга башлавына быел 100 ел тула. Бер гасырлык тарихы булган басма 1924 елның 10 октябрдә чыга башлый [1, б. 97]. Дөрөс, соңыннан ул «Сабантуй» журналы итеп үзгәртелә.

1923 елда комсомол житәкчесе Шәһит Шаммазов Казандагы Габдулла Тукай исемендәге балалар йортында татар балаларының беренче пионер отрядын оештырганнан соң, аның «Яшь пионер» дигән кулъязма газетасын да бастыра башлый. 1924 елның 10 октябрдән башлап газетаның исеме «Яшь ленинчы» дип үзгәртелә, 1500 данә тираж белән чыга башлый. Газетаның баш мәкаләсендә максатлары һәм бурычлары түбәндәгечә билгеләнә: «Яшь ленинчы» барлык пионерларга һәм эшче-крестьян балаларына ничек яхшырак эшләргә, ничек берләшсә, ничек пионер сафларына басарга икәнлеген күрсәтәчәк». Газетаның беренче редакторы Шәһит Шаммазов булса, беренче тәҗрибәле хәбәрчеләре Муса Жәлил, Абдулла Алиш, Фатих Кәрим, Әмирхан Еники, Хатыйп Госман, ә яшь хәбәрчеләре исә Мөхәммәт Садри, Зәки Нури, Шәрәф Мөдәррис, Гали Хужиев, Мәхмүт Хөсәен, Мифтах Вәдүт, Мансур Гаяз була. Соңыннан алар күренекле язучылар булып китәләр [1, б. 97].

Шул хәлдә «Яшь ленинчы» газетасы 1936 елга кадәр даими басылып килә. Басманың бу чоры күп кенә танылган шәхесләрнең истәлекләрендә яктыртыла. Мәсәлән, Хатыйп

Госман 1974 елда язылган хатирәләрендә газетаның Урал өлкәсенә Сулмаш авылында барлык кешеләр тарафыннан көтеп алынган, яңалыкларга бай газета булуын ассызыклай. Газета Мәскәүдән, Свердловскидан, Казаннан алдырыла. Пионер отряды төзегән малайлар газета килү белән, кичләрен кешеләр жыела торган жирләргә барып, газета битендәге язмаларны кычкырып укыйлар. Ә язучылардан ерак торган агайлар аларны сикерләнеп тыңлыйлар. Балалар үзләре газетаны хөрмәтләнеп саклаганнар, һәр номерын кабат-кабат укыганнар, шигырьләрен ятлаганнар. Алар пионерларның формасы булуын да беренче тапкыр газета битләрендәгә рәсемнәрдә, фотосурәтләрдә күрә беләләр. Шуннан соң, заман модасыннан калышмас өчен чалбар балакларын сызганып куя торган булалар [15].

Танылган шагыйрь Нури Арсланов истәлекләрендә «Яшь ленинчы» газетасын 1925 елдан бирле белүе әйтә. Башта ерак Казахстан жирендә Күкчәтау шәһәренә татар жидееллык мәктәбдә укыганда, газетаны почтадан көтеп алуын, яратып укуын искә төшерә. 1928 елда Казан сәнгать техникумына укырга килгәч тә, шагыйрь газетаны даими укый, үзе дә әз-мәз генә языша башлый. Ә язучы Ибраһим Салахов газетада әдәби бүлек мөдире, аннан редактор ярдәмчесе булып эшли башлагач, ул Нури Арслановны редакция эшенә рәссам буларак тарта [16].

Шагыйрь Гадел Кутуй исә, «Яшь ленинчы»да шигырьләр бастырмаган, ул балаларның белемен күтәрү, дөньяга карашын киңәйтү өчен махсус «Китапларны ничек укырга?», «Әдәбият түгәрәкләре оештырыгыз», «Нәрсә ул матур әдәбият?», «Түгәрәктә нәрсә эшләргә?» кебек рубрикалар алып барган. Моннан тыш, ул балалар белән хат алышкан. Шунда ук газета укучыларын дөнья әдәбиятының күренекле вәкилләре һәм аларның әдәби жәүһәрләре белән таныштыру өлкәсендә көч куйган [17].

Мәгълүматларга караганда, газета белән һади Такташ та тыгыз элемтәдә торган. Чөнки газета битләрендә бик еш булмаса да, аның шигырьләренә охшаган шаян шигырьләр очрый («Актив – Пассив», «Тәүфыйклы песи», 1928). Әмма алар төрле тәхәллүсләр астында басылган: Н. Шатун, Бәдрүш Мокамай [18].

Шагыйрь Фатих Кәрим газета белән язмышын мәктәптә укыган чорда ук бәйли. Ул 19 яшендә редакция эгъзасына әйләнә. Өстәвенә ул бер ел давамында (1930 елда)

газетаның җаваплы сәркатибә булып эшли, хикәяләрен бастырып чыгара [19].

Балалар язучысы Абдулла Алиш зур язучы булу белән бергә газетаның актив хәбәрчесенә әйләнә. «Яшь ленинчы» газетасында аның 30 дан артык хикәясе, әкиятләре, пьесалары басыла. Ул газетага язышып торучыларга киңәшләр дә биреп, өйрәтәт торган. Үзәк пионерлар клубында әдәбият түгәрәген җитәкләгән. Әлегә түгәрәк әгъзалары Г. Хәсәнов белән Г. Галиуллин ВЛКСМның Татарстан өлкә комитеты оештырган балалар әдәби эсәрләре конкурсында җиңү яулаулары да газетада хәбәр ителә [20].

«Яшь ленинчы» газетасында җаваплы сәркатип булып эшләгән Саимә Ибраһимова газетаның 60 еллыгына багышлап, «Совет әдәбияты» журналында бастырган мәкаләсендә газета сәхифәләрен балалар язмышы белән бәйләп: «Егерменче елларда пионерлар ярдәме белән мин ятим калган балаларның күнелләрен җылыттым, укый белмәгән кешеләрне укырга өйрәттем, кулактар белән көрәштем, колхозлар төзештем. Мәктәптә, колхоз кырларында, походларда һәм пионер сбирларында мин һәрвакыт ал галстуклы балалар белән бергә булдым. Учак янында без җырлар җырладык, җиңүләребез өчен шатландык...», – дип яза. Шушы ук мәкаләдә газетаның басылудан туктап торган вакытында да элекке хатирәләре балалар күңелендә саклануын, аларның авыр физик хезмәтендә күнелләрен җылытып торган маяк булуын искәртәт уза. 1961 елдан газетаның кабат нәшер ителүенә шатлана [21].

Халыкның рухи тәрбиячәсе булган әдипләр һәм галимнәр (Н. Исәнбәт, С. Хәким, Ф. Хәсни, М. Әмир, Г. Минский, Г. Галиев, Н. Арсланов, И. Туктар, Г. Бакир, М. Садри, Л. Ихсанова, Ж. Тәрҗеманов, З. Туфайлова, профессор В. Хаков) җәмгыятьнең киләчәгә балалар икәнлеген аңлап, «Яшь ленинчы» газетасы белән тыгыз элемтәдә торганнар. Басма битләрендә әдәби эсәрләре белән беррәттән истәлекләрен, язучы остаханәсә серләре белән дә уртаклашканнар.

Татар балалар әдәбияты эсәрләре иң элек «Яшь ленинчы» газетасы битләрендә бастырылган. М. Мәһдиев, Г. Әпсәләмов, Н. Фәттах, Г. Ахунов, Р. Фәйзуллин, М. Шабаев, А. Әхмәт, Ш. Маннур, Ш. Галиев, Х. Туфан, Н. Юзеев, Г. Бәширов, Р. Төхфәтуллин, Ә. Баянов, Ә. Еники, Ш. Рәкыйпов, Р. Харис, А. Гыйләҗев, А. Шамов, К. Миңлебаев, З. Нури, композиторлар Н. Җиһанов, М. Яруллин,

Р. Яхин, З. Хәбибуллин, рәссамнар Л. Фәттахов, Х. Якупов газета редакциясә белән тыгыз элемтәдә торганнар, аның авторы да, хәбәрчәсә дә булганнар.

Газетаның хәбәрчәләре язучылар, шагыйрьләр, галимнәр генә булмаган, аны чыгаруда мәктәп укучылары да актив катнашканнар. Күренекле рәссам Х. Якуповның беренчә иҗат җимешләре газета битләрендә басыла. Үзенә газета ясаган йогынтыны искә төшереп, ул болай дип яза: «Безнең класс малайларынан Бөек Ватан сугышында батырларча һәлак булган сәләтле шагыйрь Мөхәммәт Әхмәтҗалиев, хәзергә атаклы рәссам Лотфулла Фәттахов, татар балалар язучысы Жәвад Тәрҗеманов, тарих фәннәре докторы, Патрис Лумумба исемендәгә Халыктар дуслыгы университеты профессоры Габделхак Галиуллинның һәм башкаларның беренчә эсәрләре «Яшь ленинчы» битләрендә басылды. Без ул чакта Казандагы 18 нче татар мәктәбендә укый идек» [22].

«Яшь ленинчы» газетасы тарихы ил язмышынан аерылгысыз. 1924 елда чыга башлаган газета 1936 елга кадәр ВЛКСМның Татарстан өлкә комитеты һәм пионер оешмаларының Республика советы органы буларак, даими рәвештә басылып килә. Шул елдан башлап, «Яшь ленинчы» белән «Кызыл Татарстан» газеталарының редакцияләре берләштерелә. Шуңа күрә балалар өчен мавыктыргыч газета булган «Яшь ленинчы» 1936–1941 елларда «Кызыл Татарстан» газетасының «Пионер бите» сәхифәсә рәвешендә генә басыла. Аның өчен материалларны «Яшь ленинчы»ның элеккеге журналистлары М. Дибәева, М. Нуретдинова эзәрләп бирә [23].

Газетаның төрле еллардагы мөхәррирләре булып – Ш. Шаммазов (1924–1929), Н. Измайлова (1929–1931), Л. Г. Гыйльми (1931–1937), Г. Хәбибуллин (1937–1941), В. Ф. Ихсанова (1960–1977), Р. Р. Туфитуллова (1977–1986), Р. М. Миңнуллин (1986–1995), Л. Н. Гыймадиева (1995–2004), А. М. Гыймадиев (2004–2017), И. Ф. Фазуллин (2017–2020), З. З. Хөнетдинова (2020 елдан башлап) эшлиләр [23].

1961 елдан соң газета үзенә элекке традицияләрен кире кайтарырга омтыла. Газетадагы рәсемнәрен, әдәби эсәрләрен җибәрәт торган мәктәп укучылары соңыннан танылып китәләр: атказанган рәссам Әсгать Сәфәрҗалин, шагыйрьләр Шәрәф Мөдәррис, Рәзил Зәйдулла шундыйлардан. Газета редакциясә бик күп

язучыларга зур юлга чыгу өчен башлангыч булган: шигырьләрен бастырган Равил Фәйзуллин үзе дә озак еллар «Казан утлары» журналын житекли, Нурғали Булатов «Ватаным Татарстан» газетасының җаваплы сәркатибе була, Мәжит Вәлиуллин «Мәгариф» журналының баш мөхәррир урынбасары вазифасын үти, Ленарис Леронович Гыйльфанов (Ләбиб Лерон) «Безнең мирас» журналын баш мөхәррир буларак житекли [24, б. 248].

Газета танылган балалар шагыйре Шәүкәт Галиевка да йогынты ясый. Ул газетаны «балалар күңелен яктырткан тылсымлы көзгә», дип бәяли. «Яшь ленинчы»га үз рәхмәтләрен белдереп, бу вакытлы басма «балаларның үз ишләре булган образ» тудырырга ирек бирде дип, Шәвәли образын тудыруга ярдәм итүен әйтә [25].

«Яшь ленинчы» газетасы балалар язучысы Роберт Миңнуллинның ярты гасырга якын язмышы белән бәйле. Ул университетны тәмамлаганнан соң, 1973–1977 елларда «Яшь ленинчы» газетасында хәбәрче булып эшли. Лирик шигырьләрен, балалар өчен дә беренче шигырьләрен шул чорда яза һәм бастыра.

Шагыйрьнең «Яшь ленинчы» газетасы белән бәйле истәлекләре «Сабантуй сабаклары» мәкаләсендә бирелә. Биредә ул кече яшьтән газетага булган мөнәсәбәте белән уртаклашып, тормыш юлында газетаның ролен болай билгели: «Казанга килеп укый башлагач кына, «Яшь ленинчы»ның нинди житди, бик тә билгеле гәзит икән белдем. Балалар гына түгел, яшьләр дә, олылар да яратып укый торган балалар матбугаты булып чыкты ул. Казан дәүләт университетының татар теле һәм әдәбияты бүлеге студентлары арасында ул аеруча популяр иде. Ә инде аның битләрендә шигырьләр бастырып чыгару әдәби мохиттә иң зур мәртәбәләрнең берсе... Анда басылып чыккан һәрбер шигырь, һәрбер хикәя үзе бер олы вакыйгага әйләнә» [26, б. 105].

Шагыйрь газетада басылырга теләп, шигырьләр яза башлый. Аның газетада беренче басылган шигырьләре «Мин бабама охшаган» һәм «Әнвәрнең хыялы» була. Ә газетага эшкә ул Рәдиф Гаташ тәкъдире белән килә. Гәзит-журнал редакцияләренең барысы да ул вакытта Бауман урамындагы легендар Матбугат йортында иде. «Матбугат йортының озын коридорлары буйлап бер генә тапкыр узсаң да, татарның әллә никадәр аксакалларын, күренекле шәхесләрен, яшь каләмдәшләренчә очратасың. Татар дөньясының кендәге нәкъ

менә шушы Матбугат йорты иде ул чакларда», – дип нәтиҗә ясый яшь журналист [25, б. 105].

Ярты елдан ул әдәбият һәм сәнгать бүлегендә, балалар шагыйре Хәкимжан Халиков янында эшли башлый. Бу елларда Роберт Миңнуллин балалар иҗаты белән мавыгып китә. Ул редакциягә килгән шигырьләрен, әкиятләрен, рәсемнәрен, хәбәрләрен, төрлө-төрлө сораулар куелган хатларны билгеле бер системага сала, газета битендә бастырыла торганның эшкәртә, төзәтә, кайберләре яңабаштан язып, көн саен «Яшь ленинчы» номерларына материаллар эзәрли. «Иң авыры – балаларга җавап язучы», – дип искә ала журналист. «Ничек кенә үкенечле булмасын, балалардан килгән язмаларның күбесе гәзиттә бастырылгыч булмый торган иде». Укучылардан килгән хатлар берсе дә җавапсыз калмый. Аларда Роберт Миңнуллин баланың күңелен төшмәскә тырышкан һәм ни өчен басып булмавын аңлатып биргән. Шулар хатларны язучыларында ул журналист һәм әдип буларак, үзе дә тәҗрибә туплаган.

Шул рәвешле, Роберт Миңнуллин әдәбият һәм сәнгать бүлегендә эшләү дәвамында зур әдәби мәктәп үтә. Беренчедән, кабатланмас шәхесләр Нәкый Исәнбәт, Мирсәй Әмир, Шәйхи Маннур, Әмирхан Еники, Гомәр Бәширов, Габдрахман Әпсәләмов, Нәби Дәүли, Габдрахман Минский белән таныша. Икенчедән, классиклар үзләренең яңа роман-повестларынан өзеңкә бастыруны зур мәртәбәгә санылар. Өчүнчедән, Мөхәммәт Мәһдиев, Мәжит Рәфыйков, Рафаил Төхфәтуллин, Әдип Маликов, Габдулла Шәрәфи кебек урта буын әдипләре дә, Хәсән Туфан, Сибгат Хәким кебек аксакалларыбызның шигырь бәйләмнәре газета битләрен һәрчак бизәп тора. Газета укучылар һәрвакыт Равил Фәйзуллин, Рәдиф Гаташ, Рөстәм Мингалим, Роберт Әхмәтжанов, Рәшит Әхмәтжанов кебек горур табигатьле шагыйрьләр эсәрләрен көтеп алалар.

Шулай тәҗрибә тулмый барган Роберт Миңнуллин күзәтүләр ясарга өйрәнә. Аксакаллар белән урта тел табып, «Син әйтәр сүзем бар», «Без бәләкәй чакларда» дигән рубрикалары аша укучылар күңелен яулый. Шуңа өстәп, газета нәшрияты әдәбият-сәнгать әһелләре өчен остаханәгә әверелә: Н. Фәттаһ белән Х. Сарьян житеңкелегендә яшә хикәячеләр клубы оеша; Х. Сарьян «Әдәби осталык мәктәбе»н алып бара; Ф. Шәфигуллин очерклар бастыра; Г. Бәширов «Туган ягым – яшел бишек» рубрикасын житекли [26, б. 105].

Газета хезмәткәрләре балалар язучыларының ижатларын пропагандалау өчен яңа форма эзләп табалар. Балалар арасында эдипләр ижатын пропагандалау максатыннан классикларның (Г. Тукай, Г. Ибраһимов, М. Жәлил, А. Алиш, Н. Исәнбәт) ижатларына багышлап, махсус саннар чыгара башлыйлар. Материалларга балалар теле белән язылу, бала күңеленә үтеп керерлек булу шарты куела. Аларны эзерләү барышында язучының ижат лабораториясе өйрәнелә, эдипнең гаиләсе, туганнары белән элементгә кереп, кызыклы дәлилләр туплана, әдәбият галимнәреннән, белгечләрдән киңәш-консультацияләр алына.

Оештыру сәләтенә ия булган, редакциядә эшләп тәҗрибә туплаган Р. Миңнуллинга Язучылар секциясенә секретаре булырга тәкъдим итәләр. Ул секциянең эш планнарын төзи, секция утырышларын эзерли, уздыра, беркетмәләрен тәртипкә китерә. Даими рәвештә редакция белән уртак утырышлар уздыра. Ә 1986–1994 елларда Р. Миңнуллин газетаның баш редакторы була.

1961 нче елдан башлап «Яшь ленинчы» газетасы балалар белән элементкә ныгыту өчен ел саен төрле акцияләр уздырып тора. Шуларның кайберләре:

1961	«Дуслык» нефть магистрале; Казан – Уфа дуслыгы; Пионерлар – Ватанга.
1964	Бер телем ипи турында; «Яшь ленинчы» призына спорт көрәше.
1965	«Нинди иркен минем туган жирем» дигән темага шигырь, рәсем, фото конкурсы; «Татарстан пионеры» өчен тимер-томыр жыю; Әдәплелек мәктәбе; Тапкырстан иле; «Лачын» операциясе.
1966	Татарстан чикләрендә дуслык учаклары; Һәр мәктәптә – спорт майданчыгы булсын!
1967	«Бертуган галстуклар»; Стена газетасы конкурсы; «Бәхәс» клубы.
1968	«Ант» операциясе; Һәркайда агач, чәчәк утыртык!
1971	«Яшь ленинчы» автоколоннасына металл жыю; Ульяновлар Татарстан жирендә; «Яфрак» операциясе;

	«Яшь химиклар» мәктәбе.
1973	Тимур иле; ГДРга читтән торып сәяхәт.
1974	«Туган ягым – яшел бишек» операциясе; Яшь батырларга багышланган 10 көн.

Газета балаларга дуслык, үзара ярдәм, гаделлек, Ватанга мөхәббәт идеалларын сөндерә, тәрбияли. Бу концепция газетаның яшь аудиториягә адресланган башка массакүләм мәгълүмат чаралары компонентлары (журналлар, теле- һәм радиожурналистика) һәм педагогик процесста катнашучы төрле социаль институтлар (мәгариф, фән, Мәдәният, классик һәм заманча балалар әдәбияты) белән актив хезмәттәшлек итү идеясенә нигезләнган. Бу балалар һәм яшүсмерләргә иҗтимагый процессларны аңлауга, һәрьяклап үсеш алган шәхес тәрбияләү эшендә ярдәм итә. Шуны әйтергә кирәк: газета һәрвакыт илнең белемле, мәдәниятле, намуслы гражданнын тәрбияләүне үзенә төп бурычы дип саный.

Үзгәртеп кору жыллары йогынтысында газетага да яңа юнәлешләр сайларга, үзгәргә туры килә. Иң зур үзгәреш газетаның исемнән башлана. Исем сайлаганда, «Сабантуй»ның татар халкының иң яраткан бәйрәме булуына игътибар бирелә. Газета ижатчылар көч сынау майданына әверелер дип, яңа исем белән чыга башлый [25, б. 248–249].

Газета асылына караган үзгәрешләр бик күп бәхәсләр, каршылыklar тудыра. Аларда бөек даһиниң исемнә сакларга чакыру, газетаның кыйбласы үзгәрүдән курку белән бәйлә шик-шөбһәләр туып тора. Баш мөхәррир барлык укучылар белән бергә сынауларны үтү юлында фикерен белдереп: «Әлегә хатлар исә безне сөендерде дә, көендерде дә. Беренчедән, безнең гәзитәбезне укыйлар, укучыларыбыз битараф түгелләр, һәм без 70 ел буена Ильич исеме астында алып барган тәрбиябез халык күңеленә шулкадәр сөнгән ки, аларның фикерен бер көндә генә үзгәртәргә тырышу дәрәжәсә булмас иде. Чөнки бу очракта аларның һәрберсе хаклы. Без үзбездә ике ут арасында... – дип яза Р. Миңнуллин, бу чорны искә алып. – Шул рәвешле газета тиражы кимүгә йөз тотты. Моның объектив сәбәпләре күп: пионер оешмасы юкка чыкты, балалар тормышына телевидение, интернет, компьютерлар керде. Балаларның уеннары, кызыксынулары,

мавыгулары хәзер бөтенләй башка» [24, б. 242–244].

2014 елда газетаның форматын үзгәртү нисбәтеннән, Р. Миңнуллин үзенең чыгышын да: «Кызганыч, «Сабантуй»ны газета килеш саклап кала алмадык. Без аны бетерүчеләр булганбыздыр», – диде 41 ел гомерен «Яшь ленинчы»/«Сабантуй» газетасына багышлаган әдип.

2014 елдан «Сабантуй» айлык журнал буларак үзгәртелә. Журнал аудиториясе булып яшүсмерләр кала. Журналның максаты – укучыларның мәгълүмати-күңел ачуын һәм рухи-әхлакый үсешен тәмин итү. Балаларның ижади үсешен, зур тормыш юлына эзерләү эһәмиятле юнәлеш булып тора. Журнал күбрәк визуаль контент, заманча дизайн, уңайлы формат һәм югары сыйфатлы кәгазьдә басылуы белән аерылып тора. «Сабантуй» журналы айга ике тапкыр чыга. Шулай ук аның интернет-сайты да шул исемдә. Ул басма материаллар белән беррәттән, мультфильмнар, уеннар, музыкаль бизәлеш белән тулыландырылган. Журналның социаль челтәрләр белән дә элемтәсе тыгыз.

Нәтижә

Шул рәвешле, татар балалар матбугаты бер гасыр дәвамында илдәге сәяси, икътисади, мәдәни йогынтылар астында үзгәреп торган. Алар журнал һәм газета басмалары буларак, балалар мәнфәгатен яклаучы, аларның ихтияжларына җавап бирүче даими басмалар буларак нәшер ителә торганнар.

Төрле яштәге балаларның кызыксынуларын, ихтияжын күз уңында тоткан «Ялкын» журналының чишмә башы 1924 елда Муса Җәлил оештырган «Кечкенә иптәшләр»гә барып тоташа. 1929 елдан «Октябрь баласы», 1933 елдан «Пионер каләм» булып чыгып, 1957 елдан «Ялкын» журналы буларак, балалар матбугатында бүгенге көнгә кадәр сакланып кала.

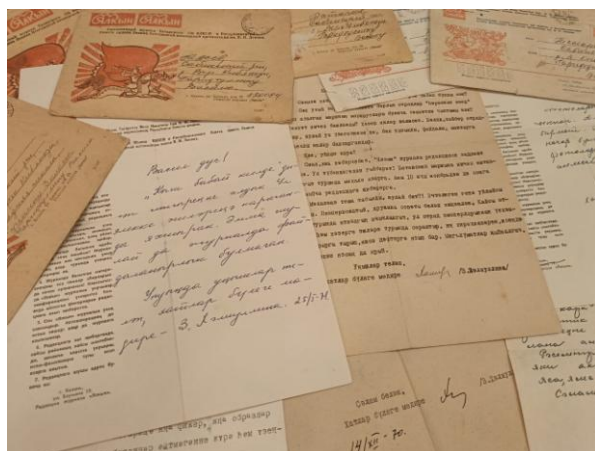
Балаларга адреслап чыгарылган «Яшь ленинчы» газетасы 1923 елдан «Яшь пионер» исемнән башлангычын ала. 1924 елдан «Яшь ленинчы» булып чыга башлый. Газета шактый сикәлтәле юл үтә. 1936–1941 елларда мөстәкыйль басма булудан туктап тора. Бары тик «Кызыл Татарстан» белән берләштереләп, «Пионер бите» сәхифәсә рәвешендә генә чыга. Шуннан соңгы егерме ел газета тарихында «ак тап» булып кала. Бары тик 1961 елдан гына газета элекке традицияләренә кабат әйләнеп

кайта. XX гасыр ахырындагы үзгәртеп кору шартларында газетаның исеме «Сабантуй» (1991 елдан) дип үзгәртелә. 2014 елдан исә «Сабантуй» балалар журналы буларак нәшер ителә башлый.

Ике басма да йөз ел дәвамында татар халкының язмышын чагылдырып, яшь буынны үз артынан ияртеп, тәрбия бирә. Аларда басылып чыккан һәр мәгълүмат, мәкалә, рәсем, әдәби эсәр балаларның юлдашына әверелә, кызыксыну тудыра. Бу басмаларны чыгаруга көч куйган һәр хезмәткәр, журналист, әдип, рәссам балалар дөньясын аңлап, аларның ихтияжына җавап бирергә омтылып эшли. Алар балаларның күңел халәтен, психологик үзенчәлекләрен исәпкә алып, Туган илен, халкын яратучы шәхес тәрбияләүгә зур көч куя [27].

Дәлил итеп «Ялкын», «Яшь ленинчы» мәктәбен үткән заманча язучыларның һәм журналистларның күңелгә үтеп керерлек истәлекләрен китерәбез килә.

Васил Гарифуллин, Казан (Идел буе) федераль университеты профессоры: «Без мәктәптә укыган чор тарихка «торгынлык чоры» дигән атама белән кереп калды. Ә шулай да тик тормадык без, бик актив тормыш белән яши идек. Мәктәптә атна саен төрледән-төрле чаралар узып тора, һәммәсендә катнашырга тырышабыз: биибез дә, җырлыйбыз да, рәсемен дә ясыйбыз, агачтан, балчыктан сыннар да иҗат итәбез. Ә инде хикәя-шигырьләр язучу, бу иҗат җимешләрен классның яки мәктәпнең стена газетасында гына түгел, район газетасында, республика басмаларында күрү әйтеп бетермәслек шатлык китерә иде.

Хәтеремдә, «Ялкын» журналына беренче шигыремне икенче сыйныфта укыганда җибәрдем. Озак та көттермичә, журналдан бик

матур конвертлы хат килеп төште. Шигырьне элегә бастыра алмаулары турында хәбәр иткәннәр, әдәби эсәрне ничегрәк язарга, теманы каян алырга, образларны ничек төзәргә кирәклеген дә тәфсилләп аңлатканнар редакция хезмәткәрләре. Ләкин бу хат күңелемне бер дә төшермәде, киресенчә, бу хатны сабакташларыма күрсәтеп мактанып та йөрдем әле. Конверты бигрәк зәвыклы, матур иде шул. Авыл баласының андый эйберне бөтенләй күргәне юк. Сабакташларым да минем үрнәккә иярде, үз эсәрләрен Казанга юллы башладылар. Авылыбызга «Ялкын»нан, «Яшь ленинчы»дан хатлар килергә тотынды. Беренче булып миннән югарырак сыйныфта укучы Марсель Кадыровның шигыре дөнья күрде. Сугыштан яраланып, бер аягын калдырып кайткан этисенә багышланган иде ул. Марсель хәзер танылган галим һәм спорт судьясы, шигырьләре язучы давам итә. Ә менә мин күпме генә язсам да, шагыйрь булып китә алмадым. Язмаларым соңрак район газетасында дөнья күрә башлады һәм мин югары сыйныфларда укыганда, шагыйрь түгел, ә журналист булу хыялы белән яна идем инде.

«Ялкын»нан килгән хатларны хәзер дә еш кына алып укыйм. Ис-акылларың китәрлек бит, танылган язучылар, шагыйрьләр, публицистлар үзләренң вакытларын кызганмыйча, һәр балага аерым-аерым киңәшләрен биргәннәр, өмет канатларын кисмәскә, ижәтка, әдәбият дөньясына кертәп җибәргә тырышканнар! «Ялкын» мәктәбен узган буынның бер вәкиле булуым белән чиксез горурланам!» [28]

Ләбиб Лерон, «Безнең мирас» журналының баш мөхәррире,

««Яшь ленинчы» газетасы бик затлы газета иде. Ул күбесенчә канат куйды. «Яшь ленинчы»да чыккан кешеләр берсе дә югалып калмады – әдәбиятыбызда һәм мәдәниятебездә тирән эз калдырылар» [29].

Әдәбият

1. Татарская периодическая печать: научно-энциклопедическое издание / Сост. и науч. ред. Р. А. Айнутдинов, З. З. Гиляев. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 200 с.

2. *Мәрдәнов Р.* «Тәрбия-этфаль» журналына йөз ел // Казан утлары. 2007. № 2. Б. 180–188

3. *Мәрдиева М. Б.* Татар журналистикасы тарихы буенча очерклар. Уку ярдәмлеге. Казан: Казан дәүләт ун-ты, 2003. 132 б.

4. *Миңнуллин Ж.* «Ялкын»ның өч абыйсы // Ялкын. 1994. № 3. Б. 6–7

5. *Ибраһимова Ф.* Сабыйларны үз итеп... (Татар балалар әдәбияты). – Казан: Иман. 1998. 224 б.

6. *Ибраһимова Ф.* Балачак юлдашы: «Балалар дөньясы» журналы чыга башлауга 70 ел // Ялкын. 1987. № 3

7. *Абызова Р. Р.* Татарские детские журналы (1907–1918) и судьбы их создателей // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева, том 1. 2020. № 4. С. 59–67.

8. *Галиева А. Ф.* Сиксәндә дә ул бала // Казан утлары. 2004. №3. Б.180–182

9. *Мөслимова Ф.* «Ялкын» – дуслык учагы // Татарстан. 1999. № 5.

10. *Фаткуллина Р.* «Ялкын» и детская литература // Детская литература. 1979. № 9.

11. *Хафизова Р.* Беренче карлыгач / Р. Хафизова // Ялкын. 1971. № 2. – Б. 22–23.

12. *Хафизова Р.* Балачакка кире кайтыр идем // Ялкын. 1994. № 2. Б. 4–7.

13. *Хафизова Р.* Уртақ эшебез // Совет мәктәбе. 1984. № 5.

14. *Галиахметова А. Ф.* Литературно-художественный материал в татарских детских журналах начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 28 с.

15. *Госман Х.* Рухи кояшым // Яшь ленинчы. 1974. 9 ноябрь.

16. *Арсланов Н.* Бәйрәмеgez белән котлыйм // Яшь ленинчы. 1974. 9 ноябрь.

17. *Зарипов Х.* Кутуй пионерлар белән сөйләшә // Яшь ленинчы. 1974. 14 ноябрь.

18. *Зарипов Х. Г.* Такташ «Яшь ленинчы»да // Яшь ленинчы. 1974. 28 август. Б. 2–3.

19. *Зарипов Х.* Пионер галстуклы шагыйрь // Яшь ленинчы. 1974. 28 август. Б. 2–3.

20. *Зарипов Х.* Апуш... Алиш булды // Яшь ленинчы. 1974. 28 август.

21. *Ибраһимова С.* «Яшь ленинчы» һәм «Ялкын» бездә кунакта // Совет әдәбияты. 1983. № 9. Б.188.

22. *Якупов Х.* Юбилей котлавы // Яшь ленинчы. 1974. 10 октябрь.

23. *Айнутдинов Р.* «Сабантуй» – газета для детей и подростков // URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/periodicheskie-izdaniya/sabantuj> (дата обращения 12.12.2023)

24. *Миңнуллин Р.* Сабантую старость не грозит // Миңнуллин Р. Әсәрләр 7 т. 7 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. Б. 248–249.

25. *Галиев Ш.* Тылсымлы көзгә // Яшь ленинчы. 1974. 24 март.

26. *Миңнуллин Р.* Балалар дөньясын яңгыратып // Миңнуллин Р. Әсәрләр 7 т. 5 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. Б. 105.

27. *Ибраһимова С.* «Ялкын» һәм «Яшь ленинчы» бездә кунакта // Совет әдәбияты. 1983. № 9. Б. 188.

28. Гарифуллин В. Ялкынланып ижат иткән идек // «Tatarica» журналы архивы. Кулъязма. 2024. 1 б.

29. Татар язучылары «Яшь ленинчы» газетасында эшләгән чорларын искә алдылар. 19.04.

2024 // URL: <https://tatar-inform.tatar/news/tatar-yazucylary-yas-lenincy-gazetasyn-da-eslagan-corlaryn-iska-al-dy-5886467> (мөрәжәгать итү датасы: 19.04.2024)

ИЗ ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Гульнара Фандасовна Замалетдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
gulnara.zamaletdinova@kpfu.ru.

Альфия Рухулловна Мотигуллина,
Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Россия, 420010, г. Казань, деревня Универсиады, д. 35,
alfiya311065@mail.ru.

В данной статье, посвященной 100-летию юбилею журнала «Ялкын» и газеты «Яшь ленинчы», представлены материалы по истории татарской детской печати, исследована роль этих печатных изданий в воспитании детей, укреплении их гражданской идентичности. Доказана эффективность школы юных корреспондентов, подарившей татарскому народу известных писателей, журналистов, художников, композиторов и других деятелей культуры.

Ключевые слова: татарская детская пресса, журналы «Ялкын», «Сабантуй», «Салават күпере», газета «Яшь ленинчы»

Culture, Personality and Education

Мәдәният, шәхес һәм мәгариф

Культура, личность и образование

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-119-135

HISTORICAL THEMES IN ELMIRA GALIMOVA'S OPERAS

Mileusha Mukhametzyanovna Khabutdinova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
mileuscha@mail.ru.

Gulusya Aksoy,

Bartın University,
Turkey, 74110, Bartın City, Kutlubey/Center,
gaksoy@bartin.edu.tr.

The article systematizes the material on various principles of reflecting historical subjects in Tatar opera. It gives a detailed analysis of the art opera “The Wing of Syuyumbike” to a libretto by Fleura Yanysheva and the opera “Kul Sharif” to a libretto by Farit Yakhin and the music by Elmira Galimova where the tragedy of the loss of statehood and the fall of the Kazan Khanate are revealed through the tragic fates of famous personalities (Kul Sharif, Tsarina Suyumbike). We prove that the opera “Kul Sharif” is an interesting example of combining historical-descriptive and biographical approaches with “historical imagination”, while the symbols in the art opera “The Wing of Syuyumbike” are based on legendary and mythological material.

Key words: Tatar music, “The Wing of Syuyumbike”, “Kul Sharif”, opera, Elmira Galimova

Introduction

The music historian V. Dulat-Aliyev states that “Tatar opera was formed in the 1920s and 1930s as a new genre of national art and has been using history as one of the main themes up to this day” [1, p. 83]. Its creators have plunged into the ancient history of their people to look for symbolization subjects. Thus, the composer Nazib Zhiganov made a great contribution to the development of historical operas (1938 – the opera “The Fugitive” (“Kachkyn”) to a libretto by A. Faizi; 1940 – the opera “Freedom” (“Irek”) to a libretto by Z. Safin;

1941 – the opera “Altynchach” to a libretto by M. Jalil; 1945 – the opera “Tyulyak and Su-Slu” to a libretto by Naki Isanbet, 1956 – the opera “Jalil” to a libretto by A. Faizi). When developing the historical theme, he resorted to legendary and mythological material, and innovatively used historical, descriptive and biographical methods (see in more detail: [1], [2]).

In 1976, the composer Enver Bakirov wrote the biographical opera “Tukai” to a libretto by A. Iskhak. Its fragments were performed at the plenum of the Composers’ Union. Some fragments and arias

from this opera exist only in concert performance, since the opera was not staged (see in more detail: [3, p. 167]).

V. Dulat-Aliyev believes that in the last two decades of the twentieth century Tatar composers managed to reach “a new level in representing historical themes, which became possible thanks to the abolition of the unifying aesthetic and philosophical restrictions in the sphere of art.” “In this period, Tatar music (not only opera) vividly manifested the desire for ‘historical imagination’ and ‘historical image’” [1, p. 86].

The music historian considers Rashid Kalimullin’s opera “The Cuckoo’s Cry” (“Yeraktagy kekkuk avazy”), which premiered in 1989 to a libretto by Ildar Yuzeev, to be the first example of a new type of historical opera. The plot of Kalimullin’s rock opera visibly develops in three dimensions – past, present and future. In this grand opera, “a single love story is intertwined with a historical and philosophical theme” [Ibid., pp. 86–87]. When R. Kalimullin’s opera appeared, it was called a rock opera, since the composer used a synthesis of academic and popular music. The main part was performed by the pop singer Albert Asadullin, who is not an academic opera singer.

According to V. Dulat-Aliyev, the Tatar grand opera of a new generation, “The Poet’s Love”, written by the composer Rezeda Akhiyarova to the libretto by Renat Kharis, is an interesting combination of the historical-descriptive and biographical approaches with “historical imagination”. Historical themes are shown there through the image of the great Tatar poet Gabdulla Tukai. This work is a variation of an “alternative biography” and a fictional love story [Ibid., p. 87]. The world premiere of the opera took place in 2006 (directed by Mikhail Pandzhavidze).

In 1999, the Tatar Musa Jalil State Academic Theatre of Opera and Ballet staged a concert performance of Batu Mulyukov’s opera “Syuyumbike” to a libretto by Nazim Khanzafarov in the musical edition by I. Latsanich. V. Dulat-Aliyev believes that “the opera is remarkable because for the first time it has showed not legendary characters, but real figures of the medieval history of the Kazan Khanate on stage” [Ibid., p. 87]. The lyrical and dramatic image of the queen becomes the core of this historical large-scale opera composition, whose outline is enriched by choral and symphonic episodes, as well as ensemble scenes. According to the librettist Nazim Khanzafarov, Syuyumbike is a legendary personality beloved by the Tatar people, and the opera meets their spiritual needs. “I tried to reflect the

national drama associated with the collapse of the Kazan Khanate, the loss of centuries-old cultural values. In this opera, Syuyumbike sacrifices herself for the sake of peace and tranquility of the people, her homeland” (citation according to: [4, p. 94]).

On April 29, 2011, there was the premiere of Elmir Nizamov’s rock opera “Altyn Kazan” to a libretto by Renat Kharis. Three years later, in its new edition, the work was turned into a musical [5]. This is an epic tale about the founding of Kazan. The plot of the rock opera is extremely simple and develops according to a fairy tale pattern. The old khan is dying. To save his life, the khan’s son must find a blacksmith who will make a miracle cauldron in which water boils without fire. The water in the cauldron will turn “alive” if it is poured by a person with a pure soul. It is obvious that the opera is created in the tradition of legendary and mythological interpretations of national history.

On December 7, 2011, there premiered the art opera “The Wing of Syuyumbike”, written by composer Elmira Galimova to a libretto by Fleura Yanyшева. The libretto was based on biographical material from Tsarina Syuyumbike’s life and the legends associated with this outstanding personality (see in more detail: [6], [7]).

Elmir Nizamov’s opera “Kara Pulat” (“The Black Chamber”) to a libretto by Renat Kharis premiered in 2015. The authors turned the Bulgarian legend about twelve maidens burned by Tamerlane’s soldiers in the Black Chamber into a vivid dramatic poem. The composer and the librettist successfully combined the “national imaginary” with the legendary and mythological material (see for more detail: [8], [9]).

In 2018, the opera “Syuyumbike” by Rezeda Akhiyarova to a libretto by Renat Kharis was staged. According to V. Dulat-Aliyev, the historical theme in it was recreated using historical, descriptive and biographical methods. The creators of the opera managed to achieve a harmonious synthesis of the “historical imaginary” and the legendary and symbolic material (see for more detail: [1, p. 87]).

Materials and methods

The material for our analysis is the art opera by Elmira Galimova “Soembika kanaty” (“The Wing of Syuyumbike”) to a libretto by Fleura Yanyшева [10] and the opera “Kul Sharif” to a libretto based on the dramatic poem of the same name by Farit Yakhin “Kulsharif” [11, pp. 207–267]. The work uses descriptive, cultural and historical research methods, as well as the method of analysis and generalization.

Discussion

Elmira Galimova is a composer, Honored Artist of the Republic of Tatarstan, Candidate of Art History, member of the Union of Composers of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan, member of the Union of Theatrical Figures of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan, laureate of the First International Composer Competition named after N. Zhiganov, laureate of the Republican Prize named after M. Jalil. She is a participant of international festivals of contemporary music: "Europe-Asia", "ISCM", "Turkic World", TURKSOY Music Festival of Composers of the Turkic World and "Miras". The works of E. Galimova are performed both in Russia (Kazan, Moscow, St. Petersburg, Ufa, Yekaterinburg, Krasnodar) and abroad (Kazakhstan, Italy, Germany, Slovakia, Austria, Turkey, South America).

Elmira Galimova is the author of more than 100 multi-genre musical works: the art opera "Soembike kanaty", the opera "Kul Sharif" in 4 acts, six symphonic sketches, a Piano concerto in three parts, a concerto for guitar and orchestra in three parts, a "rivayat" (poem for chamber orchestra) for "kyl kubyz" (a unique Bashkir musical instrument) with orchestra "Chatyr-Tau", chamber and instrumental genres, four musical dramas, music for eight theatrical performances, etc.

The composer's creative portfolio includes two operas on historical themes. The world premiere of Elmira Galimova's art opera "The Wing of Syuyumbike" took place on December 7, 2011, and became a landmark event in the cultural life of Tatarstan. The libretto was created by Flera Yanyшева in Russian. The composer had to translate the text into Tatar on her own, preserving the poetic imagery and style.

The work is a synthesis of music, choreography and theatre, as well as computer technology, light and video programs. There are two characters in Elmira Galimova's art opera: the Chronicler Raven and the soul of the Kazan Tsarina Syuyumbike. According to the plot of the libretto, little ravens perform the function of a choir. The little ravens sum up the mise en scene, and their exclamations give an assessment of the Raven's behaviour. Thus, they perform the function of his retinue. Two angels personify the mythical characters – the guardians of Safa-Girey and Syuyumbike's love. The concept of these images is being developed through plastic choreography.

The creators of the art opera resorted to the legend that has existed in the Tatar environment since the fall of the Kazan Khanate. The people could not

come to terms with the tragic reality that in real life their beloved queen became Ivan the Terrible's concubine, so they preferred to create a legend about her suicide. Since then, according to the plot of the art opera, her soul has not known peace and has been spending time in redemptive prayers. The author of the libretto complements the legendary material with a love story. The Raven, personifying the dark forces, intervenes in the fate of Syuyumbike in the afterlife. It turns out that he has been hopelessly in love with Syuyumbike for a long time, but all attempts to persuade her to marry him are unsuccessful. The author of the libretto exploits the motif of the protagonist's miraculous transformation under the influence of love. Thanks to Syuyumbike, the Raven gets closer to God and to the truth, which gives him the right to hope for the future. He sacrifices his immortality in order to reach his beloved in heaven. So, the enlightened and purified soul of Syuyumbike soars into the heavens to find peace forever next to the souls of her loved ones.

The performance was organised with the participation of the Kazan State Chamber Orchestra "La primavera" (directed by R. Abyazov) and the Chamber Ballet "Panther" 120 (directed by Nail Ibragimov), the lighting design was carried out with the assistance of the "Prometei" Center. At the world premiere, the Raven part was performed by the laureate of international competitions Artur Islamov, and Reseda Shakirova played the part of Syuyumbike. Subsequently, as part of Elmira Galimova's authorial concert in 2015 (December 9), the vocal and symphonic sketches from the art opera "The Wing of Syuyumbike" were performed by Artur Islamov in a duet with Elsa Islamova.

The fragmentary nature of the plot in the art opera is overcome thanks to the subtle melodic avant-garde thread. In the orchestration, the composer managed to combine the avant-garde with pentatonic element, which gave the composition a national flavour. The rhythmic and melodic form of the vocal part presentation in the art opera is close to the style of expressionist operas. The leitmotif of the prologue, which is called "Kyissa" ("Legend"), is the theme of Kazan. In the finale, the composer returns to this theme again in the duet of Syuyumbike and Safa Girey "Yarat hem yshan" ("Love and believe"). The prologue is followed by the Raven's monologue, which introduces listeners to the vicissitudes of Tsarina Syuyumbike's life. His intonation is dominated by sarcasm, condemnation, sometimes reaching the point of malevolence. The composer emphasizes these notes with a harsh theme in the "half-speech" vocal part.

The fourth act of the art opera “Soembike hem Kozgyn duety” (“The Duet of the Raven and Syuyumbike”) is aimed at conveying the worldview of Syuyumbike herself. The well-known person appears in different roles: a girl, a spouse, a mother and a queen.

Әйе, төрледән төрле минем йөзләрем, Алар берничә, Тугаш, хатын, эни һәм Ханбикә!	Yes, I have different guises, There are several of them, A maiden, a spouse, a mother and a Tsarina! (<i>interlinear translation</i>)

In the duet of the Raven and Syuyumbike “Yazмыш hatyrası” (“Memory of fate”), the queen condemns the Raven for expecting the fall of the Kazan Khanate and rejoicing at the impoverishment of the Tatar people. The Raven swears his love to her and expresses his willingness to take the form of the man beloved by the queen in order to end her suffering. The author of the libretto exploits the image of a devoted spouse. The queen is enraged when she hears the Raven’s plea for a kiss. The orchestral part conveys the feelings and emotions of the characters. Small rhythms and passages expressing an instant reaction of indignation, an abundance of chromaticisms, a change in key crown everything and help the listener to understand the dissonance in the main characters’ relationships.

Part No.7 “Bishek zhyry” (“A Lullaby”) is the most touching. The composer develops it in an expressionistic way. Syuyumbike sings about her love for her son Utyamysh-Girey, asks him for forgiveness and believes that her soul will be cleansed and find peace after performing the lullaby.

Syuyumbike’s Aria No. 8 “My Kazan” is created by the composer with the intonations expressed in orchestration by the vibraphone, the xylophone and the strings. This emphasizes the queen’s reverent attitude towards her beloved city, the Kazan Khanate whose fate is as brittle as glass. In this aria, Syuyumbike asks for forgiveness again. The queen is confused, because she does not know how to overcome the sinfulness of the committed act. She suffers because the people condemn her and forget her memory.

Being deep and bright, the Raven’s aria “Mine tamam yandyrdyn” (“Burning with love”) reveals the depth of the hero’s suffering from the unrequited love. The low tessitura of the cellos in the melody, which appears to be quite lyrical and charismatic unlike the previous parts of the Raven, makes listeners feel sympathy for the character in love. This use of the form of tragic drama in the

Raven’s melodic part will be summarized in the finale (No. 24) called “Mahabbetsez yasha almyim” (“I can’t live without love”). After performing this monologue, the Raven dies and soars into the sky. The art opera ends with the duet of Syuyumbike and Safa Girey “Yarat hem yshan” (“Love and Believe”), which centres on the idea of eternal love and the triumph of good over evil.

The symbolic layer in Elmira Galimova’s art opera “The Wing of Syuyumbike” reveals itself in short musical phrases of the vocal part, in orchestration, polyphonic transitions from episode to episode, in the expression of sarcasm, anger, rage, hatred and love. The innovation of this work consisted in the bold use of modern compositional writing techniques through the prism of ethnic intonations, the transformation of classical norms of opera, and the interpretation of new methods of orchestration [7].

Some excerpts from the four-act opera “Kul Sharif” premiered at the IX “Miras” Festival. The listeners got an opportunity to hear Kul Sharif’s arioso “Our Life”, the duet of his mother Syumbel ana and Yulbarys beka and the monological aria “I swear”. The opera was created in record time – 4 months – as part of a grant to celebrate the 100th anniversary of the TASSR. The composer worked on the opera from February to May 2021. Unfortunately, it has not been staged yet.

We must pay respect to the talent of the composer who accepted the challenge to write a large-scale work about a medieval statesman, a religious figure and a talented poet in four months. The composer involved Doctor of Philology, Prof. Farit Yakhin, a literary critic and specialist in medieval Tatar literature, to create the libretto. In this creative tandem, research is harmoniously intertwined with creativity. F. Yakhin is not only a talented textual critic, but also a poet, and the composer E. Galimova is also a candidate of art history, who participated in complex expeditions of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and wrote a PhD thesis and a monograph about “Traditional musical culture of the Perm Tatars” [12].

The work is dedicated to the diplomat and spiritual figure of the Kazan Khanate Kul Sharif, who gained fame as a poet and happened to witness the doom of that state. As Doctor of Historical Sciences Damir Iskhakov notes, “On the eve of the fall of the khanate, Kul Sharif was the head of the Muslim clergy, the supreme Seyyid” [13, p. 4]: “Kul Sharif, like his predecessor Kul Muhammad,

was from the family of the Crimean Seyyids. For some time, he lived in the Astrakhan Khanate with Seyyid Mansur, presumably his father. Hence one of his Arabic names is “Khadzhitarkhani”. Based on these and other sources, M. I. Akhmetzyanov put forward a well-founded hypothesis that the author of the writings of the period of the Kazan Khanate – “Zafername-i Vilayet-i Kazan” (1550) and the poetic prayers (munajats) – named “Sharif Khadzhitarkhani” in the first case and “Kul Sharif” in the second – is Seyyid Kul Sharif” [Ibid., p. 5]. The poetic works are permeated with love for the city of Kazan and its people [14].

Kul Sharif was a patriot of his people. This is how he describes the tragic situation of the Kazan Khanate in his work “Zafername-i Vilayet-i Kazan” in 1550: “It (Kazan – M. Kh.) has nowhere to turn for help and support, except for the patronage of Tengri and the help of angels. Due to such a difficult situation, the padishahs of Kazan ensured the security of their state through an agreement with the country of kafirs. It was like this: for the well-being of the people and for the sake of their lives, an agreement was concluded with Moscow, with the ambassadors going between the two sides to ensure mutual understanding.” In April 1551, there was another military advance of the Russian troops, which surrounded Kazan in June. The hard times made the Kazan people tremble: they sent ambassadors “to Shigaley and to the commanders to ask them humbly, so that the sovereign would come, give them his anger and decide not to order to capture them, but to give them Tsar Shigaley for the state and take Tsar Utemesh Girey and his mother Syunbika-Tsarina” (The Patriarchal Chronicle). This proposal was sent with the “mullah” Kul Sharif and Tyumen “prince” Bibars Rastov to Khan ShahAli and the Russian commanders. However, they did not act independently, but fulfilled the will of “the whole land of Kazan”, which is clearly seen from the letter of the Kazan people sent to Ivan IV at that time. In addition, the ambassadors did not immediately accept Moscow’s conditions – the chronicle message of August 9, 1551 says that during the negotiations they “locked themselves in many ways”, that is, they did not agree. The chronicler further writes about the Tatars: “their custom was to be sly in the beginning”. It was possible to make Kazan residents accept such difficult conditions only by force. The conquerors threatened: if the Kazan people “do not yield to the sovereign’s will... that autumn... the sovereign... is willing to send the army with all the people”. Only after these threats did the ambassadors accept Moscow’s conditions, among which

was the demand to extradite Syuyumbike with her son. It is clear that there was no personal fault of Kul Sharif and “Prince” Bibars in this as they just carried out the national decision as diplomats” [13, p. 5].

Russian chronicles first mentioned him in 1551: Kul Sharif was immortalized here as a diplomat [15, pp. 167–168]. Kul Sharif participated in the negotiations on the future fate of the state with representatives of Ivan IV. Russian chronicles recorded his heroic death during the defence of Kazan on October 2, 1552 [Ibid., p. 168]. The “Tsar Book”, compiled immediately after the conquest of Kazan, describes the stages of the siege of the city and its topography. The mosque is mentioned in the description of the assault on October 2, 1552: “And the Christians approached the mosque to the Kulsharif and the Tezitsky ravine where the infidel united Kulsharif-mullah and fought fiercely – and then killed Kulsharif with his regiment” [15, p. 218]. Andrey Kurbsky, describing the episode associated with the capture of Kazan by the Russian army in 1552, calls him in a European way “the great biskup”, that is, the bishop, and adds that the Tatars themselves considered Kul Sharif “the great anaryi”, or “amir” [16]. As noted by D. Iskhakov, the word “amir” is translated from Arabic as “lord”, or “leader”. But in the first case, Kurbsky clearly used Latin: “honor” or “honour” – honourable, respected. It seems that these expressions were used by him to translate the title of the supreme Seyid, which, according to Mardzhani, sounded like “nakybel-ashraf” – “the leader of the great ones”. As we know, in the Muslim world the word Seyid means the descendant of the Prophet Muhammad from the branch going back to his grandson Hussein. Obviously, Kul Sharif, being a Seyyid by origin, descended from Muhammad. The genealogy of the Seyyids Shakulovs from the Kasimov Khanate, recently discovered and published by the literary critic M. Akhmetzyanov, shows that it really goes back through many generations to Hussein and Muhammad. Consequently, Kul Sharif being a Seyyid by birth was not fictional, but real” [13, p. 4].

As noted by the archaeologists F. Khuzin and A. Sitdikov, “the name of Kul Sharif is associated with one of the legendary architectural structures in the history of medieval Kazan – a complex of mosques and madrasahs” [17]. The first information about it can be found in the work of Sh. Mardzhani “Mustafadel-akhbar fi akhvali Kazan ve Bolgar” [18, pp. 199–200]. A Tatar historian describes the death of Kul Sharif from a spear

strike on the roof of a madrasah during the assault. Kh. Atlasi in his work “The Kazan Khanate” also writes about a fierce battle near the walls of the famous mosque (see: [19, pp. 389–419]. Centuries passed before the famous mosque was restored in a new look and has become a gem of modern Kazan.

The desire of the composer Elmira Galimova to commemorate the great defender of the Kazan Khanate in a large-scale musical work is quite natural. The libretto of the opera was created by Farit Yakhin based on his dramatic poem “Kul-sharif” (“Kul Sharif”) created in 1997–2002 [11, pp. 207–267]. The main characters of this work were representatives of the Khan’s nobility from Kazan: Tsarina Syuyumbike and her son Utyamyshgerei, as well as their surrounding: Said Kul Sharif and his relatives, Yulbarys bek, Amir Batman, Amir Hudaykol, sheikh, the poet Kasyim, boyar Peter Seberyany, etc.

The love story of Kul Sharif’s sister Zuleikha and Yulbarys bek unfolds against the background of the tragic events related to the fall of Kazan. The engine of this storyline is a love triangle: Yulbarys bek – Zuleikha – Koshchak. An important role in the dramatic poem is played by the mother of the family Syumbel ana, who treats her daughter’s marriage with great responsibility. She is proud of her children, Kul Sharif and Zuleikha. Their tragic death during the assault of the city is shown through the prism of their mother’s tragedy.

The second storyline shows the tragic fate of the Kazan Khanate, which is revealed through the storyline of Tsarina Syuyumbike and her son, as well as the defenders of the Kazan Khanate and Kul Sharif in particular. Syuyumbike is shown in a dramatic poem as a devoted wife, grieving for her dead husband, worrying about the fate of the state and her people. F. Yakhin gives a detailed description of the palace intrigues that negatively affected the fate of the Kazan Khanate, briefly characterizes the political balance of forces.

In the first act, the main character reveals himself as a philosopher and poet. The dramatic poem opens with his monological ode to immortal love:

Безнең тормыш вакытлыча гына, Безнең гомер – яшәп китәргә Бирелгән дә, ямен күңелләрдә Саклап калсак, бәхет иртәгә Килер, беләм, Өмет кемдә дә...	How fleeting our life is, Our century is for living with dignity Given to us, to feel its beauty And keep in your soul, happiness tomorrow Will come, I know, There is hope in each of us...

Бар шул ул, бар! Сөю – күкләргә Күтәрәчәк һәрбер кешене һәм Галимен дә ханын – һәммәсен! Сөю белән яшәп киткәннәрнең Дастаннарда кала аһ- зары, Бәхет белән тулган йөрәкләрнең Сөю белән нурлы көннәре! [11, с. 201]	There is, I believe, there is! Love to heaven will take every person, Be he a scholar or a khan, everyone! Those who left with a feel- ing of love, In dastans will perpetuate their sorrows, Their hearts overflowing with happiness, Will light up their days with love! (the interlinear translation is ours. – M. Kh.)

It formed the basis of Kul Sharif’s arioso “Our Life”. At the premiere, it was performed by Irken Mustafin, the artist from the choir of the Tatar Musa Jalil State Academic Theatre of Opera and Ballet, the winner of the Grand Prix of the 15th International Competition of the Russian romance performers “The Big Romanciada”. The arioso opens the first act of the opera and logically continues the Prologue. The instrumental bridge creates the musical image of curtain lifting, the dawn, the appearance of the main character on the stage, the birth of Seyyid Kul Sharif’s spiritual thought. The composer presents this mise-en-scene with a very transparent texture of orchestration, using only a woodwind and string-bow group in combination with colourful harp accents. It is very interesting to listen to the majestic orchestral introductions to each musical phrase of Kul Sharif. And all these rapid movements towards the musical lines of the main character are anticipated by the drumming of the timpani, drawing the listener’s attention to the fact that now Seyyid Kul Sharif will convey a very important thought to the public about the spiritual values and testaments of the Almighty. The arioso of Kul Sharif is about the transience of life. It tells that if we have hope, faith and love, happiness in all its manifestations awaits all of us. Love exists, and it will elevate everyone who loves sincerely, legends will be made about them and Allah’s blessing awaits them. The amazing melodic line unfolds in a whole message, but it is so bright that it immediately catches the ear and leaves a very pleasant lingering feeling. There are melodic ascents in the high tessitura of the baritone, and there is a complete feeling that this vocal part can be performed not by every soloist, since you need to sing in one breath so as not to interrupt the idea expressed by the main character. Irken

Mustafin succeeds in doing this. The composer thoroughly worked out every detail in the orchestration: the accompaniment of the string-bow group creates a gentle contemplation and sometimes turns into dialogue with the vocal part, singing along with the phrases. The woodwind instruments duplicate the vocal part in some phrases, and, apparently, it is done on purpose to draw attention to the text. That is, these duplications of the flute and the vocal part are vividly manifested when Kul Sharif sings about his love for the Motherland, his people, family, relatives and friends.

The audience is greatly impressed by the duet of Syumbel ana and Yulbarys bek "The Fate of Zuleikha" performed by the laureate of international competitions Syumbel Kiyamova and the Honored Artist of the Republic of Tatarstan Ayrat Ganiev. Mother Syumbel's pain for her children is expressed immediately with the presentation of the leitmotif in the introduction. A small musical phrase built from the third and the leap to the fifth, which the composer then gives in various inversions, playing harmony, and takes the listener into the world of feelings. The mother's pain consonates with Yulbarys bek's love and worry about the fate of his beloved Zuleikha. Will they be able to be together? Who do they want to marry her to? That's exactly what this duet is about. The composer creates the orchestration of the duet as a beautiful canvas, lace, in which the leitmotif phrase is canonically transferred from one instrument to another, and there is absolutely no sense of dissonance and variegation of intonation. The static rhythm of the string accompaniment on pizzicato sets the tone of a harbinger of trouble, a funeral procession along the line of the knife of fate. The melodic line of the dialogue between Mother Syumbel and Yulbarys bek is very organically built. The mother's phrase continues in the vocal line of her daughter's beloved. The melodic ascents are so reverently written out by the composer that the vocalization of both heroes of the drama becomes the logical conclusion of their dramatic story. The vocalization shows the beauty of the soloists' vocal capabilities, at the same time musically emphasizing the emotional intensity of their worries about the life-changing ordeals.

The audience is greatly impressed by Kul Sharif's end-of-life aria-monologue "I swear!". The genre itself was not chosen by chance and corresponds to the tragic moment in the hero's life. The aria sounds like a prayer or meditation. On the one hand, through meditation, Kul Sharif sets himself up to win the battle, on the other hand, a prayer is a

convenient form to present the testaments of the Almighty, the truth to his people. Therefore, the melody of the aria is presented consistently, without losing a single note, it unfolds clearly, according to the laws of the poetic style. The end-to-end form of the aria development helps the composer to build the orchestration in an increasing order. The transmission of different groups of instruments from voice to voice is made by polyphonic means. All the voices are intertwined with each other so closely, skillfully and organically that, in general, the whole orchestration emphasizes the beauty of the melodic harmonic line. The ethnic flavor in melos permeates all parts of this trilogy of fragments, which the composer pays great attention to. All the parts are sensitively intoned and rhythmically summed up by the composer to preserve the ethnic melos, the majesty of the Tatar people, the spirit of the Kazan Khanate time. The third part is accompanied by the main character's heartbeat, which is expressed with the timpani and big drum parts. The listener can clearly hear how Kul Sharif's heart is bleeding. The dramatic final episode of the aria is expressed in an anthemic vocal part. The words of Kul Sharif ("Forward, follow me") encourage the listener to follow the call of his heart and the like-minded people to follow him and defend their homeland, protect the people, relatives and friends! The vocal part of a meditative nature unfolds in a spiral, puts the listener into a trance state and ends with the lines from a surah of the Koran. The patient beating of the protagonist's heart is interrupted with the words of exaltation "Allahu Akbar" (translated as "Allah above all").

All the individualism of the images aside, the characters of the opera are connected by the same ideology of life. They do not complain about their fate, they live with faith in Allah and think about their Homeland.

The results of the study

The historical plot of the operas by the composer Elmira Galimova includes tragic events from the history of the Kazan Khanate. While the art opera "The Wing of Syuyumbike" centres on the mythological plot, "Kul Sharif" is mostly based on biographical materials. Referring to the specific historical personality of Kul Sharif, the authors of the opera use it as a means to fulfil their creative aim – to perpetuate the memory of a bright representative of the Kazan Khanate culture. Kul Sharif is revealed in the opera not only as a statesman, a religious figure, a patriot of his homeland and a talented poet, but also as a son and brother. The lives of Kul Sharif

and Tsarina Syuyumbike in the opera are closely intertwined with the fate of the Kazan Khanate. E. Galimova managed to “musicalize” the tragic page in the history of Tatar statehood. Resorting to the folklore interpretation of the tragic events, the creators of the opera introduce the weep of Syuyumbike at her husband’s grave, performed in the tradition of “Syktau”. The “Weep of Syuyumbike” in the opera is one of the culminating lyrical peaks, in which she appears in three guises: a queen, a beloved wife and a mother. It should be noted that according to the construction of the libretto and the laws of drama, all instrumental parts perform a connecting role between the parts, fulfil the illustrative function of scenography, summarize the author’s point of view and present a small orchestral prologue before a fateful plot twist. The dramatic denouement of the opera is presented in the part “The Battle”, in which the composer expresses all the pain and spiritual tragedy of Kul Sharif and his like-minded people – shakirds. This part flows without interruption on attacca into a part woven from leitmotif fragments: Kul Sharif’s arioso “Our Life”, the aria “I swear”, and then the themes of Yulbarys bek and Zuleikha’s love, which plays exactly at the moment when Zuleikha finds the lifeless body of her beloved on the battlefield, bends over him and takes her own life in a state of passion by plunging a dagger lying next to his body. The tragic story ends with a dramatic monologue by Syumbel Ana, who is grieving over the bodies of her children on the field. The mother’s orphanhood is reinforced by the image of an orphan boy, symbolizing the tragic fate of the Tatar people who lost their statehood. Taking the child in her arms, Syumbel ana, through tears, sings an aria-monologue in which she repeats the testaments of Kul Sharif and the lines from surahs of the Koran. This final episode becomes the apotheosis of maternal love.

Conclusions

E. Galimova’s art opera “The Wing of Syuyumbike” is an example of a synthesis of historical and legendary-mythological materials that contribute to the symbolic interpretation of the historical plot. In the opera “Kul Sharif”, the “national imaginary” is intertwined with historical, descriptive and biographical material, which enables the author to symbolize history.

References

1. Dulat-Aleev, V. R. (2018). *Istoricheskaya tema v tatarskoi opere* [Historical Theme in Tatar Opera]. Muzyka: Iskusstvo, nauka, praktika. No. 4 (24), pp. 83 – 89. (In Russian)

2. Kasatkina, G. Ya. (1971). *Sovremennaya tema v tatarskoi opere: tvorchestvo Naziba Zhiganova: avtoref. dis... kand. iskusstvovedeniya* [Modern Theme in Tatar Opera: Nazib Zhiganov’s Works: Ph.D. Thesis Abstract]. Leningrad, 23 p. (In Russian)

3. Nurgayanova, N. Kh. (2020). *Muzykant po veleniyu serdtsa (K 100-letiyu izvestnogo tatarskogo kompozitora Envera Bakirova)* [A Musician at Will of His Heart (on the 100th anniversary of the famous Tatar composer Enver Bakirov)]. Tatarica. No. 2 (15), pp. 158–168. (In Russian)

4. Shamsutdinova, F. (1999). “Syuyumbike” na kazanskoi opernoi stsene [“Syuyumbike” on the Kazan Opera Stage]. Kazan. No. 11, pp. 93–95. (In Russian)

5. Matusevich, A. (2020). *Pervyi tatarskii* [The First Tatar One]. ClassicalMusicNews.Ru December 2020.12. URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/reports/first-tatarian/?ysclid=ltej6669oq856873079> (accessed: 02/12/2024). (In Russian)

6. Fayzullina, A. F., Agdeeva, N. G. (2014). *Osobennosti partii Syuyumbike v art-opere E. Galimovoy “Krylo Syuyumbike”* [Features of the Syuyumbike Part in E. Galimova’s Art Opera “The Wing of Syuyumbike”]. Aktual’nye problemy muzykal’no-ispolnitel’skogo iskusstva: istoriya i sovremennost’: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vypusk 6, pp. 117–126. Kazanskaya gosudarstvennaya konservatoriya (akademiya) im. N. G. Zhiganova. (In Russian)

7. Nurgayanova, N. Kh., Kovrikova, E. V. (2018) *Etnokomponent v tvorchestve molodykh kompozitorov Tatarstana* [Ethnic Component in the Works of Young Composers from Tatarstan]. Iskustvo i khudozhestvennoe obrazovanie v kontekste mezhkul’turnogo vzaimodeistviya: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan’, 12 oktyabrya 2018 g.) pod red. Z. M. Yavgil’dinoy. Pp. 92–98. Izd. Kazan.un-ta. (In Russian)

8. Sagitova, G. (2015). “Kara Pulat” serlere [Secrets of “Kara pulat”]. Kazan utlary. No. 3. URL: <https://kazanutlary.ru/j-archive/journal-materials/2015-3/kara-pulat-serlre?ysclid=ltej37u286554093> (accessed: 12.02.2024). (In Tatar)

9. Khabutdinova, M. M. (2021). “Kara pulat” librettosynyn mifologik nigeze [“The Mythological Basis of the Libretto “Kara Pulat”]. Tatarskaya poehziya i kul’tura vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka: dialog s zapadnymi i vostochnymi khudozhestvennymi traditsiyami (k 80-letiyu tatarskogo poehta Renata Kharisa): Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kazan’, 26–28 aprelya 2021 g. Kazan. Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

10. Lichnyi arkhiv E. M. Galimovoi: art-opera “Krylo Syuyumbike” na libretto Flery Yanyshevoi (2011) [Personal archive of E. M. Galimova: art opera “The Wing of Syuyumbike” to the libretto by Fleura Yanysheva].

11. Yakhin, F. (2015). *Shigyrlar hem poemalar* [Short and Long Poems]. 439 p. Poeziya. Tom 6. Kazan, “Syž” nashriyaty. (In Tatar)

12. Galimova, E. M. (2017). *Traditsionnaya muzykalnaya kultura permskih tatar* [The Traditional Musical Culture of the Perm Tatars]. 328 p. Kazan, IYALI. (In Russian)
13. *Kul Sharif i ego vremya* (2005) [Kul Sharif and His Time]. 192 p. Kazan, Tatar. knizh. izd-vo. (In Russian)
14. *Kol Sherif. I kunel, bu donyadyr: Gazeller, ky-issa* (1997) [Kul Sharif. And the Soul is the World: Gazelles, Stories] 94 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* (2000) [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'. 532 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
16. Kurbsky, A. (2001). *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [The Story of the Grand Duke of Moscow]. 161 p. Moscow, izd-vo URAO. (In Russian)
17. Khuzin, F., Sitdinov, A. (2005). *O lokalizatsii v Kazanskoi kreposti istoricheskoi mecheti Kul Sharif* [On Localization of the Historical Kul Sharif Mosque in the Kazan Fortress]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. No. 3–4, pp. 10–23. (In Russian)
18. Mardzani, Sh. (1989). *“Mostefadel-ehbar fi ehvali Kazan ve Bolgar”* [A Treasure Trove of Information about the Affairs of Kazan and Bulgar]. 415 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
19. Atlasi, Kh. (1993). *Saber tarihy. Soembike. Kazan hanlygy* [The Story of Saber. Syuyumbike. The Kazan Khanate]. 448 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА ОПЕР ЭЛЬМИРЫ ГАЛИМОВОЙ

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
mileuscha@mail.ru.

Гульуса Габдрашитовна Аксой,
Бартынский университет,
Турция, Бартин, Факультет Агаджи, 54,
gaksoy@bartin.edu.tr.

В статье систематизирован материал о различных принципах отражения исторического материала в татарской опере. Подробно проанализирована арт-опера «Крыло Сююмбике» на либретто Флеры Янышевой и опера «Кул Шариф» на либретто Фарита Яхина композитора Эльмиры Галимовой. Трагедия утраты государственности, падения Казанского ханства в этих творениях раскрывается через трагические судьбы отдельных известных личностей (Кул Шариф, царица Сююмбике). Доказано, что опера «Кул Шариф» является интересным примером соединения историко-описательного и биографического подходов с «историческим воображением», а в арт-опере «Крыло Сююмбике» символизация исторических тем происходит на основе легендарно-мифологического материала.

Ключевые слова: татарская музыка, «Крыло Сююмбике», «Кул Шариф», опера, Эльмира Галимова

Введение

«Татарская опера формировалась в 1920–1930-х годах как новый жанр национального искусства. Одной из основных тем татарской оперы до настоящего времени остается история», – считает музыковед В. Р. Дулат-Алиев [1, с. 83]. Творческие деятели ищут исторические сюжеты для символизации в древней истории своего народа. Большой вклад в разработку исторических опер внес композитор Назиб Жиганов (1938 г. – опера «Беглец» («Качкын») на либретто А. Файзи, 1940 г. – опера «Свобода» («Ирек») на либретто З. Сафина, 1941 г. – опера «Алтынчач»

(«Алтынчач») на либретто М. Джалиля, 1945 – опера «Тюляк и Су-Слу» на либретто Наки Исанбета, 1956 г. – опера «Джалиль» на либретто А. Файзи). При разработке исторической темы он обращался к легендарно-мифологическому материалу, а также новаторски использовал историко-описательный и биографический методы. (см. подр.: [1], [2]).

В 1976 г. композитор Энвер Бакиров написал биографическую оперу «Тукай» на либретто А. Исхака. Ее фрагменты были исполнены на пленуме Союза композиторов. Некоторые фрагменты, отдельные арии из этой оперы зву-

чат только в концертном исполнении, потому что опера так и не получила сценического воплощения (см. подр.: [3, с. 167]).

В. Р. Дулат-Алиев считает, что татарским композиторам в последние два десятилетия XX века удалось выйти «на новый уровень воплощения исторической темы, который стал возможен в условиях отмены унифицирующих эстетико-философских ограничений творчества». В эти годы в татарской музыке (не только оперной) ярко проявилось стремление к «историческому воображению», «историческому образу» [1, с. 86].

Первым образцом исторической оперы нового типа музыковед считает произведение «Крик кукушки» («Ерактагы кәккүк авазы») Рашида Калимуллина на либретто Ильдара Юзеева, премьера которого состоялась в 1989 г. Сюжет в рок-опере Калимуллина показательно развивается в трех измерениях – прошлом, настоящем и будущем. В этой большой опере «отдельно взятая любовная история переплетается с историко-философской темой» [Там же, с. 86–87]. В момент появления оперы Р. Калимуллина ее называли рок-оперой, поскольку композитор использовал синтез академической и популярной музыки; главную партию исполнял эстрадный певец Альберт Асадуллин, а не академический оперный певец.

«Интересным примером соединения историко-описательного и биографического подходов с „историческим воображением“, по мнению В. Р. Дулат-Алиева, является «татарская большая опера нового поколения, написанная композитором Резедой Ахияровой на либретто Рената Хариса „Любовь поэта“». В ней тема истории «преломляется через образ великого татарского поэта Габдуллы Тукая». Это произведение является вариантом «альтернативной биографии», вымышленной истории любви [Там же, с. 87]. Мировая премьера оперы состоялась в 2006 г. (режиссер-постановщик Михаил Панджавидзе).

«В 1999 году в ТГАТОиБ им. М. Джалиля состоялось концертное исполнение оперы Бату Мулюкова на либретто Назима Ханзафарова «Сююмбике» в музыкальной редакции И. Лацанича. «Опера примечательна тем, что впервые на сцену вышли не легендарные персонажи, а реальные фигуры средневековой истории Казанского ханства», – считает В. Р. Дулат-Алиев [Там же, с. 87]. Лирико-драматический образ царицы становится стержнем в историческом масштабном оперном сочинении, канву которого обогатили хоровые и симфонические эпизо-

ды, ансамблевые сцены. По признанию либреттиста Назима Ханзафарова, Сююмбике – легендарная личность, любимая татарским народом, и опера отвечает его духовным потребностям. «Я стремился отразить народную драму, связанную с крушением Казанского ханства, потерей многовековых культурных ценностей. В этой опере Сююмбике жертвует собою ради мира и спокойствия народа, родной земли» (цит. по: [4, с. 94]).

Весной 29 апреля 2011 г. состоялась премьера рок-оперы Эльмира Низамова «Алтын Казан» на либретто Рената Хариса. Через три года в новой своей редакции произведение было переплавлено в мюзикл [5]. Это эпическая повесть об основании Казани. Сюжет рок-оперы предельно прост и развивается по законам сказки. Старый хан находится при смерти. Во имя его спасения ханский сын должен найти кузнеца, который изготовит чудо-казан, в котором вода кипит без огня. Вода в казане превратится «живую», если ее нальет человек со светлой душой. Очевидно, что это творение создано в традициях легендарно-мифологического истолкования национальной истории.

7 декабря 2011 г. состоялась премьера арт-оперы «Крыло Сююмбике», написанной композитором Эльмирой Галимовой на либретто Флеры Янышевой. Основу либретто составил биографический материал из жизни царицы Сююмбике и легенды, связанные с этой выдающейся личностью (см. подр.: [6], [7]).

В 2015 г. состоялась премьера оперы Эльмира Низамова «Кара Пулат» («Черная палата») на либретто Рената Хариса. Булгарскую легенду о двенадцати девах, сожженных воинами Тамерлана в Черной палате, авторы превратили в яркую драматическую поэму. Композитор и либреттист успешно соединили «национальное воображаемое» с легендарно-мифологическим материалом (см. подр.: [8], [9]).

В 2018 г. на сцене театра состоялась премьера оперы «Сююмбике» Резеды Ахияровой на либретто Рената Хариса, в которой историческая тема, по мнению В. Р. Дулат-Алиева, была воссоздана с помощью историко-описательного и биографического методов. Создатели оперы сумели добиться гармоничного синтеза «исторического воображаемого» с легендарно-символическим материалом (см. подр.: [1, с. 87]).

Материалы и методы

Материалом для анализа в нашей статье послужили арт-опера композитора Эльмиры Га-

лимовой «Сөембикә канаты» («Крыло Сююмбике») на либретто Флеры Янышевой [10] и опера композитора «Кул Шариф» на либретто, созданное на основе одноименной драматической поэмы Фарита Яхина «Кулшәриф» [11, с. 207–267]. В работе используются описательный, культурно-исторический методы исследования, метод анализа и обобщения.

Обсуждение

Эльмира Мунировна Галимова – композитор, заслуженный деятель искусств РТ, кандидат искусствоведения, член Союза композиторов РФ и РТ, член Союза театральных деятелей РФ и РТ, лауреат I Международного конкурса композиторов им. Н. Г. Жиганова, лауреат Республиканской премии им. М. Джалиля. Она является участницей международных фестивалей современной музыки: «Европа-Азия», «ISCМ», «Тюркский мир», Фестиваль музыки композиторов тюркского мира TURKSOY, «Мирас». Произведения Э. Галимовой звучат как в России (Казань, Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Екатеринбург, Краснодар), так и за ее пределами (Казахстан, Италия, Германия, Словакия, Австрия, Турция, Южная Америка).

Эльмира Галимова является автором более ста разножанровых музыкальных произведений: арт-оперы «Сөембикә канаты», оперы «Кул-Шариф» в 4-х действиях, 6 симфонических картин, Фортепианного концерта в 3-х частях, Концерта для гитары с оркестром в 3-х частях, Риваят для кыл-кубыза с оркестром «Чатыр-Тау», камерно-инструментальных жанров, четырех музыкальных драм, музыки к восьми театральным постановкам и т. д.

В творческом портфеле композитора две оперы на историческую тему. Мировая премьера арт-оперы композитора Эльмиры Галимовой «Крыло Сююмбике» состоялась 7 декабря 2011 г. и стала знаковым событием в культурной жизни Республики Татарстан. Либретто было создано Флерой Янышевой на русском языке. Композитору пришлось самостоятельно перевести текст на татарский язык, сохраняя поэтическую образность и стиль.

Произведение представляет собой синтез музыки, хореографии и театра с применением компьютерных технологий и световидеопрограммы. В арт-опере Эльмиры Галимовой два действующих лица: Ворон-летописец и душа Казанской царицы Сююмбике. Маленькие воронята, по сюжету либретто, выполняют функцию хора-«массовки». Воронята подводят итог

мизансценам и своими возгласами дают оценку поведению Ворона. Таким образом, они выполняют функцию его свиты. Два ангела олицетворяют мифических персонажей-стражников любви Сафа-Гирея и Сююмбике. Концепция этих образов разрабатывается с опорой на возможности пластической хореографии.

Создатели арт-оперы оттолкнулись от легенды, бытующей в татарской среде с момента падения Казанского ханства. Народ не смог смириться с трагической реальностью, с тем, что любимая царица-покровительница в жизни стала наложницей Ивана Грозного, поэтому предпочел создать легенду о ее самоубийстве. С тех пор, по сюжету арт-оперы, ее душа не знает покоя и проводит время в искупительных молитвах. Автор либретто дополняет легендарный материал любовным сюжетом. В судьбу Сююмбике в загробном мире вмешивается Ворон, олицетворяющий темные силы. Оказывается, он давно и безнадежно влюблен в Сююмбике, однако все попытки склонить ее к замужеству безуспешны. Автор либретто эксплуатирует мотив о чудесном преображении героя под влиянием любви. Благодаря Сююмбике, Ворон стал ближе к Богу и к истине, что дает ему право надеяться на будущее. Он жертвует своим бессмертием, чтобы на небесах соединиться с любимой. А просветленная и очистившаяся душа Сююмбике взмывает в небеса, чтобы навек обрести покой рядом с душами близких.

В постановке приняли участие Казанский государственный камерный оркестр «La prima vera» (под руководством Р. Абязова), Камерный балет «Пантера» (художественный руководитель – Наиль Ибрагимов), световое оформление выполнено при содействии Центра «Прометей». Партию Ворона исполнил лауреат международных конкурсов Артур Исламов, а партию Сююмбике на мировой премьере исполнила Резеда Шакирова. Впоследствии, уже в рамках авторского концерта композитора Эльмиры Галимовой в 2015 г. (9 декабря), вокально-симфонические картины из арт-оперы «Крыло Сююмбике» были исполнены Артуром Исламовым в дуэте с Эльзой Исламовой.

Фрагментарность сюжета в арт-опере преодолевается благодаря тонкой мелодической нити авангардного плана. В оркестровке композитору удалось соединить авангард с пентатоникой, которая придавала сочинению национальный колорит. Ритмическая и мелодекламационная форма изложения вокальной партии в арт-опере близка к стилю опер экспрессионистов.

Пролог оперы представлял из себя «Кыйсса» («Легенда»), где лейтмотивом стала тема Казани. Вновь к этой теме композитор вернется в финале во время дуэта Сююмбике и Сафа-Гирея «Ярат һәм ышан» («Люби и верь»). Вторым номером арт-оперы стал монолог Ворона, который знакомит слушателей с жизненными перипетиями Царицы Сююмбике. В его интонировании преобладает настроение сарказма, осуждения, доходящее порой до злорадства. Все это композитор подчеркивает угловатой темой в вокальной партии «полуговор-полуречь».

Четвертый номер арт-оперы «Сююмбикә һәм Козгын дуэты» («Дуэт Ворона и Сююмбике») был нацелен на передачу мироощущения самой Сююмбике. Известная личность предстает в разных ипостасях: девушка, супруга, мать и Царица.

Әйе, төрледән төрле минем йөзләрем, Алар берничә, Туташ, хатын, эни һәм Ханбикә!	Да, разные у меня лики, Их несколько, Девушка, супруга, мать и Царица! (здесь и далее подстрочный перевод М. М. Хабутдиновой. – М. Х., Г.А.).

В дуэте Ворона и Сююмбике «Язымыш хәтирәсе» («Воспоминание судьбы») Царица осуждает Ворона за то, что он ожидает падения Казанского ханства, радуется обнищанию татарского народа. Ворон клянется ей в любви и выражает готовность принять облик любимых царицей мужчин, чтобы прекратить ее страдания. Автор либретто эксплуатирует образ преданной супруги. Царица приходит в ярость, услышав мольбу Ворона о поцелуе. Оркестровая партия передает чувства и эмоции героев. Мелкие ритмы и пассажи, выражающие молниеносную реакцию негодования, обилие хроматизмов, смена тональностей – все это помогает слушателю понять диссонанс в отношениях главных героев.

Самой трогательной частью арт-оперы стала № 7 «Бишек жыры» (Колыбельная). Композитор разрабатывает ее в экспрессионистическом ключе. Сююмбике поет о своей любви к сыну Утямыш-Гирею, просит у него прощения и верит, что ее душа очистится и обретет покой после исполнения колыбельной.

Ария Сююмбике № 8 «Моя Казань» написана композитором интонациями, выраженными в оркестровке виброфоном и ксилофоном, щемящими струнными. Так подчеркивается

трепетное отношение царицы к своему любимому городу, Казанскому ханству, судьба которого может разбиться, как хрусталь. В этой арии Сююмбике снова просит прощения. Царица находится в замешательстве, так как не знает, как преодолеть греховность совершенного поступка. Она страдает из-за того, что народ осуждает ее, и предаёт забвению память о ней.

Яркая по глубине и драматизму ария Ворона «Мине тәмам яндырдың» («Сгораю от любви») раскрывает глубину переживаний героя из-за безответной любви. Низкая тессitura виолончелей впервые появляющейся достаточно лиричной и харизматичной мелодии, в отличие от предыдущих партий Ворона, заставляет слушателей проникнуться сочувствием к влюбленному персонажу. И данный посыл формы изложения трагического драматизма в мелодической партии Ворона будет резюмирован уже в финале (№ 24), в части, которая называется «Мәхәббәтсез яши алмыйм» («Не смогу жить без любви»). После исполнения данного монолога Ворон умирает и взмывает в Небеса. Арт-опера завершается дуэтом Сююмбике и Сафа-Гирея «Ярат һәм ышан» («Люби и верь»), в которой ведущей становится идея победы добра над злом, вечной любви.

Символический пласт в арт-опере Эльмиры Галимовой «Крыло Сююмбике» нашел выражение в коротких музыкальных фразах вокальной партии, в оркестровке, полифонических переходах от эпизода к эпизоду, передаче эмоций сарказма, гнева, ярости, ненависти и чувства любви. Новаторство данного сочинения состояло в смелом использовании современной техники композиторского письма сквозь призму национальных интонаций, трансформации классических норм оперного искусства, в трактовке новых методов оркестровки [7].

На IX фестивале «Мирас» состоялась премьера отрывков из четырехактной оперы «Кул Шариф». Слушателям посчастливилось услышать ариозо Кул Шарифа «Наша жизнь», дуэт матери Сюмбель ана и Юлбарыс бека и арио-монолог «Я клянусь». Опера была создана за рекордно короткий срок – 4 месяца – в рамках гранта к 100-летию ТАССР. Композитор работал над оперой с февраля по май 2021 г. К сожалению, до сих пор произведение не получило сценического воплощения.

Надо отдать должное таланту композитора, взявшегося за 4 месяца написать произведение крупной формы о средневековом государственном и религиозном деятеле, снискавшем славу

талантливого поэта. К созданию либретто композитор привлекла доктора филологических наук, профессора Фарита Яхина – литературоведа, специалиста по средневековой татарской литературе. В этом творческом тандеме наука гармонично переплелась с творчеством. Ф. Яхин – не только талантливый текстолог, но и поэт, а композитор Э. Галимова – кандидат искусствоведения. В ее копилке – опыт участия в комплексных экспедициях Института языка литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, кандидатская диссертация и монография по теме «Традиционная музыкальная культура пермских татар» [12].

Произведение посвящается дипломату и духовному деятелю Казанского ханства Кул Шарифу, снискавшему славу поэта и ставшему свидетелем гибели этого государства. Как отмечает доктор исторических наук Дамир Исхаков, «Кул Шариф в ханстве накануне его падения являлся главой мусульманского духовенства, верховным сеидом» [13, с. 4].

«Кул Шариф, как и его предшественник Кул Мухаммад, был из рода крымских сеидов. Некоторое время он жил в Астраханском ханстве вместе с сеидом Мансуром, предположительно своим отцом. Отсюда у него тахаллус „Хаджитархани“. М. И. Ахметзянов, опираясь на эти и другие сведения, выдвинул обоснованную гипотезу, что автором сочинений периода Казанского ханства – „Зафернаме-и вилайет-и Казан“ (1550 г.) и стихов-мунаджатов – в первом случае названном „Шарифом Хаджитархани“, во втором – „Кул Шарифом“ – является сеид Кул Шариф» [Там же, с. 5]. Поэтические произведения пронизывает любовь к городу Казани, своему народу [14].

Кул Шариф был патриотом своего народа. Вот как в своем труде «Зафернаме-и вилайет-и Казан» в 1550 г. он описывает трагическое положение Казанского ханства: «Ей (Казани. – М. Х.) неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства Тенгри и помощи ангелов. Из-за такой тяжелой ситуации падишахи города Казани обеспечивают безопасность своего государства путем соглашения со страной кяфиров. Было так: для благополучия народа и ради его жизни заключали договор с Москвой, между двумя сторонами ходили послы, обеспечивая взаимопонимание». В апреле 1551 г. началось новое наступление русских войск, которые в июне обступили Казань. Настали тяжелые времена, и казанцы дрогнули: они послали «к

Шигалею и к воеводам бити челом, чтобы государь пожаловал, гнев свой им отдал, а пленети их не велел, а дал бы им на государство царя Шигалея, а Утемешь-Гирея царя государь к себе взял и с матерью Сююнбика-царицею» (Патриаршая летопись). С таким предложением к хану Шах-Али и русским воеводам приезжали «мулла» Кул Шариф и тюменский «князь» Бибарс Растов. Но они действовали не самостоятельно, а выполняли волю «всей земли Казанской», что отчетливо видно из грамоты казанцев, отправленной тогда Ивану IV. Кроме того, послы не сразу приняли условия Москвы – в летописном сообщении от 9 августа 1551 г. говорится о том, что во время переговоров они «во многом заперлися», то есть не соглашались. Хронист дальше пишет о татарах: «обычай бо их быше изначала лукавствовать». Заставить казанцев принять столь тяжелые условия можно было лишь силой. И завоеватели пригрозили: если казанцы «не учинять на государеве воле... на ту же осень... государь... хочет ратую съ всеми людьми». Лишь после таких угроз послы приняли условия Москвы, среди которых было и требование выдать Сююнбике с сыном. Ясно, что никакой личной вины у Кул Шарифа с «князем» Бибарсом в этом не было – они выполняли общегосударственное решение, да и то всего лишь как дипломаты» [13, с. 5].

Впервые русские летописи заговорили о нем в 1551 г.: Кул Шариф здесь увековечен как дипломат [15, с. 167–168]. Кул Шариф был участником переговоров о дальнейшей судьбе государства с представителями Ивана IV. Русские летописи зафиксировали героическую гибель сеида Кул Шарифа во время защиты Казани 2 октября 1552 г. [15, с. 168]. В «Царственной книге», составленной сразу после завоевания Казани, описываются этапы осады города и его топография. Мечеть упоминается в описании штурма 2 октября 1552 г.: «И приближе христиане к мечети х Кулшерифу х Тезицкому врагу, и тут с Кулшерифом-молною многие неверные совокупища и зле бьющиеся – убиша Кулшарифа с его полком» [15, с. 218]. Андрей Курбский, описывая эпизод, связанный со взятием русским войском Казани в 1552 г., называет его на европейский лад «великим бискупом», то есть епископом, и добавляет, что сами татары считают Кул Шарифа «великим анарыи», или «амиром» [16]. Как отмечает Д. Исхаков, «слово „амир“ переводится с арабского как „повелитель“, или „руководитель“. А вот в первом случае Курбский явно

использовал латынь: „honor“ – честь, почет, почесть или „honorus“ – почетный, уважаемый. Похоже, что эти выражения применены им для перевода титула верховного сеида, который, по замечанию Марджани, звучал как „накийбел-ашраф“ – „руководитель великих“. Как известно, сеидами в мусульманском мире называли потомков пророка Мухаммада из ветви, восходящей к его внуку Хусейну. Очевидно, и Кул Шариф, будучи сеидом по происхождению, возводил свой род к Мухаммаду. Недавно обнаруженная и опубликованная литературоведом М. И. Ахметзяновым генеалогия сеидов Шакуловых из Касимовского ханства показывает, что она действительно через многие поколения восходит к Хусейну и Мухаммаду. Следовательно, причастность Кул Шарифа по рождению к сеидам была не вымышленной, а реальной» [13, с. 4].

Как отмечают археологи Ф. Хузин и А. Ситдилов, «с именем Кул Шарифа в истории средневековой Казани связано одно из легендарных архитектурных сооружений – комплекс мечети и медресе» [17]. Первые сведения о ней можно встретить в труде Ш. Марджани «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» [18, с. 199–200]. Татарский историк описывает гибель Кул Шарифа на крыше медресе во время штурма от удара копья. Х. Атласи в своем труде «Казанское ханство» также пишет об ожесточенном сражении у стен знаменитой мечети (см.: [19, с. 389–419]). Прошли века, прежде чем знаменитая мечеть была восстановлена и в новом облике стала украшением современной Казани.

Вполне закономерно желание композитора Эльмиры Галимовой увековечить память о великом защитнике Казанского ханства в музыкальном произведении крупной формы. Либретто оперы было создано Фаритом Яхиным на основе его драматической поэмы «Колшәриф» («Кул Шариф»), созданной в 1997–2002 гг. [11, с. 207–267]. Действующими лицами этого произведения стали представители ханской знати Казани – царица Сююмбике и ее сын Утямыш-герей, а также их окружение – саид Кул Шариф и его родственники, Юлбарыс бек, амир Батман, амир Худайкол, шейх, поэт Касыйм, боярин Петр Себеряный и др.

История любви сестры Кул Шарифа Зулейхи и Юлбарыс бека разворачивается на фоне трагических событий падения Казани. Двигателем этой сюжетной линии становится любовный треугольник: Юлбарыс бек – Зулейха –

Кошчак. Важную роль в драматической поэме играет мать семейства Сюмбель ана, которая очень ответственно относится к замужеству дочери. Она гордится своими детьми – Кул Шарифом и Зулейхой. Их трагическая гибель во время штурма города показана сквозь призму материнской трагедии.

Вторая сюжетная линия связана с трагической судьбой Казанского ханства, которая раскрывается через сюжетную линию царицы Сююмбике и ее сына, а также защитников Казанского ханства, среди которых выделяется Кул Шариф. Сююмбике показана в драматической поэме преданной супругой, скорбящей об умершем муже, болеющей за судьбу государства и свой народ. Ф. Яхин подробно описывает дворцовые интриги, негативно отразившиеся на судьбах Казанского ханства, кратко характеризует политический расклад сил.

В первом действии главный герой раскрывается как философ и поэт. Драматическая поэма открывается его монологом – одой бессмертной любви:

Безнең тормыш вакытылыча гына, Безнең гомер – яшәп китәргә Бирелгән дә, ямен күңелләрдә Саклап калсак, бәхет иртәгә Килер, беләм, Өмет кемдә дә...	Как быстротечна наша жизнь, Наш век – прожить дос- тойно Дан нам, ощутить его красу И сохранить в душе, сча- стье завтра Наступит, знаю, Надежда в каждом из нас...
Бар шул ул, бар! Сөю – күкләргә Күтәрәчәк һәрбер кешене һәм Галимен дә ханын – һәммәсен! Сөю белән яшәп киткәннәрнең Дастаннарда кала аһ- зары, Бәхет белән тулган йөрәкләрнең Сөю белән нурлы көннәре! [11, с. 201]	Есть, верю, что есть! Любовь – к небесам Превознесёт каждого че- ловека, Будь он ученый или хан – каждого! Ушедшие с чувством любви, В дастанах увековечат свои горести, Переполненные счастьем сердца, Любовью озарят свои дни!

Она составила основу ариозо Кул Шарифа «Наша жизнь». Его исполнил во время премьеры артист хора Татарского театра оперы и балета им. М. Джалиля, обладатель Гран-при XV Международного конкурса исполнителей

русского романа «Большая Романсиада» Иркена Мустафина. Ариозо открывает первое действие оперы и по музыкальному материалу является логическим продолжением Пролога. Проигрыш рисует перед нами звуковую картину открытия занавеса, проявление рассвета, появление на сцене главного героя, зарождение духовной мысли сеида Кул Шарифа. Данную мизансцену композитор преподносит очень прозрачной фактурой оркестровки, задействовав только деревянно-духовую и струнно-смычковую группу в сочетании с красочными акцентами арфы. Очень интересно было прослушать величественные оркестровые подводки к каждой музыкальной фразе Кул Шарифа. И все эти стремительные движения к музыкальным репликам главного героя предвосхищала дробь литавр, обращая внимание слушателя, что сейчас сеид Кул Шариф передаст очень важную мысль общественности о духовных ценностях и заветах Всевышнего. Ариозо Кул Шарифа – о скоротечности жизни, о том, что впереди нас всех ждет счастье во всех его проявлениях, если нас не покинет надежда, вера и любовь. Любовь существует, и она возвысит каждого, кто будет любить искренно, о каждом будут слагать легенды и каждого ждет благословение Аллаха. Удивительная мелодическая линия разворачивается целым изречением, но она настолько яркая, что сразу цепляет слух и оставляет очень приятный шлейф. Есть мелодические восхождения в высокой тесситуре баритона, и есть полное ощущение того, что данная вокальная партия подвластна не каждому солисту, так как спеть нужно на одном дыхании, чтобы не прервать основную мысль главного героя. Иркену Мустафину сделать это удалось. Композитор детально проработал каждый штрих в оркестровке: аккомпанемент струнно-смычковой группы создает атмосферу нежного созерцания и местами переходит в диалог с вокальной партией, словно подпевая солисту. Деревянно-духовая группа в некоторых фразах дублирует вокальную партию, и, по всей видимости, композитор делает это осознанно, обращая внимание на текст, то есть эти дублирования флейты и вокальной партии ярко проявляются, когда Кул Шариф поет о любви к Родине, своему народу семье, родным и близким.

Огромное впечатление на слушателей произвел дуэт Сюмбель ана и Юлбарыс бека «Участь Зулейхи» в исполнении лауреата международных конкурсов Сюмбель Киямовой и

заслуженного артиста РТ Айрата Ганиева. Боль матери Сюмбель за своих детей выражена сразу с изложения лейтмотива во вступлении. Небольшая музыкальная фраза, выстроенная из обращения терции и скачка к квинте, которую далее композитор дает в различных инверсиях, обыгрывая гармонию, уводит слушателя в мир переживаний. Боль матери консонирует с любовными переживаниями Юлбарыс бека за судьбу своей любимой Зулейхи. Смогут ли они быть вместе? За кого ее хотят выдать? Именно об этом данный дуэт. Композитор выстраивает оркестровку дуэта как красивое полотно, кружево, в котором лейтмотивная фраза каноном передается из одного инструмента в другой, и абсолютно нет чувства диссонанса и пестроты интонаций. Статичная ритмика аккомпанемента струнных на пиццикато также задает тон предвестника беды, траурного шествия по линии ножа судьбы. Очень органично выстроена мелодическая линия диалога Матери Сюмбель и Юлбарыс бека. Фраза матери продолжается в вокальной линии любимого ее дочери. Мелодичные восхождения настолько трепетно выписаны композитором, что вокализ обоих героев драмы становится логичным завершением их драматической истории. Вокализ показывает все голосовые возможности солистов и в то же время музыкально подчеркивает остроту их переживаний о судьбоносных испытаниях.

Огромное впечатление на слушателей произвела предсмертная ария-монолог Кул Шарифа «Я клянусь!», где сам жанр выбран неслучайно и соответствует трагическому моменту в жизни героя. Ария носит характер молитвы-медитации. С одной стороны, медитацией Кул Шариф настраивает себя на Победу в сражении, а с другой стороны, это удобная форма изложить как молитву заветы Всевышнего, истину своему народу. Поэтому мелодия арии излагается поступенно; не потеряв ни одной ноты, она разворачивается четко, по законам поэтического слога. Сквозная форма развития арии помогает композитору выстроить оркестровку также по нарастанию. Передача из голоса в голос разных групп инструментов сделана полифоническими средствами. Все голоса сопряжены друг с другом настолько тесно, искусно и органично, что в общем оркестровка подчеркивает всю красоту мелодической, гармонической линии. Национальный колорит в мелосе пронизывает все части данной трилогии фрагментов. Композитор в своих произведениях уделяет этому огромное внимание. Сохранить нацио-

нальный мелос, величественность татарского народа, дух времени Казанского ханства – все это композитором чутко проинтонировано и ритмически подытожено. Третья часть сопровождается биением сердца главного героя, которое выражено в партии литавр и большого барабана. Слушатель ясно слышит, как кровотоцит сердце Кул Шарифа. Драматический финальный эпизод арии выражен в вокальной партии гимнического характера! Слова Кул Шарифа («Вперед, за мной») побуждают слушателя следовать по зову сердца, единомышленников – идти за ним и отстаивать свою родную землю, защитить народ, родных и близких! Вокальная партия медитативного характера, разворачивающаяся по спирали, вводит слушателя в состояние транса и завершается строчками из суры Корана. Терпеливое биение сердца главного героя прерывается со словами возвеличивания «Аллаху Акбар» (в переводе «Аллах превыше всего»).

При всем индивидуализме образов герои оперы сопряжены одной идеологией жизни. Они не ропщут на свою судьбу, а живут с верой в Аллаха и думой о Родине.

Результаты исследования

Исторический сюжет опер композитора Эльмиры Галимовой включает трагические события из истории Казанского ханства. Если в арт-опере «Крыло Сююмбике» развивается мифологический сюжет, то в опере «Кул Шариф» преобладает биографическое начало. Обращаясь к конкретной исторической личности Кул Шарифа, авторы оперы используют ее как средство для раскрытия установленной ими творческой задачи – увековечить память о ярком представителе культуры Казанского ханства. Кул Шариф в опере раскрывается не только как государственный и религиозный деятель, патриот родной земли, талантливый поэт, но и как сын и брат. Жизнь Кул Шарифа и царицы Сююмбике в опере тесно переплетается с судьбой Казанского ханства. Э. Галимовой удалось «омузыкалить» трагическую страницу в истории государственности татар. Оттолкнувшись от фольклорной трактовки трагических событий, создатели оперы вводят в сюжет плач Сююмбике на могиле мужа, исполненный в традициях «Сыктау». «Плач Сююмбике» в опере также является одной из кульминационных лирических вершин, где героиня предстает в трех ипостасях: царица, любимая жена и мать. Необходимо отметить, что по построению либрет-

то и законам драматургии все инструментальные части выполняют связующую роль между частями, берут на себя иллюстративную функцию сценографии, подытоживают авторские изречения и являются неким небольшим оркестровым прологом перед судьбоносным поворотом сюжета. Драматическая развязка оперы представлена в номере «Сражение», в котором композитор рисует всю боль и душевную трагедию Кул Шарифа и его шакирдов – единомышленников. Эта часть без перерыва на аттаса перетекает в часть, сотканную из лейтмотивных фрагментов – ариозо Кул Шарифа «Наша жизнь», арии «Я клянусь», а далее темы любви Юлбарыс бека и Зулейхи, и звучит она именно в тот момент, когда Зулейха на поле битвы находит бездыханное тело своего возлюбленного, наклоняется к нему и в состоянии аффекта лишает себя жизни, вонзив в себя лежащий рядом кинжал. Трагическая история заканчивается драматическим монологом Сюмбель ана, которая на поле скорбит над телами своих детей. Сиротство матери усилено образом мальчика-сироты, символизирующим трагическую участь татарского народа, потерявшего свою государственность. Взяв ребенка в свои объятия, Сюмбель ана сквозь слезы поет арию-монолог, в котором повторяет заветы Кул Шарифа и строки из сур Корана. Этот финальный эпизод становится апофеозом материнской любви.

Выводы

Арт-опера Э. Галимовой «Крыло Сююмбике» является примером синтеза исторического и легендарно-мифологического материалов, способствующих символическому прочтению исторического сюжета. В опере «Кул Шариф» «национальное воображаемое» соединяется с историко-описательным и биографическим материалом, что также позволяет выйти на символизацию истории.

Литература

1. Дулат-Алеев В. Р. Историческая тема в татарской опере // Музыка: Искусство, наука, практика. 2018. № 4 (24). С. 83–89.
2. Касаткина Г. Я. Современная тема в татарской опере: Творчество Назиба Жиганова: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л.: Б. и., 1971. 23 с.
3. Нургаянова Н. Х. Музыкант по велению сердца (к 100-летию известного татарского композитора Энвера Бакирова) // Tatarica. 2020. № 2 (15). С. 158–168.
4. Шамсутдинова Ф. «Сююмбике» на казанской оперной сцене // Казань. 1999. № 11. С. 93–95.

5. Матусевич А. Первый татарский // ClassicalMusicNews.Ru. 2020. 12 декабря. URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/reports/first-tatarian/?ysclid=ltej6669oq856873079> (дата обращения: 12.02.2024).
6. Файзуллина А. Ф., Агдеева Н. Г. Особенности партии Сююмбике в арт-опере Э. Галимовой «Крыло Сююмбике» // Актуальные проблемы музыкально-исполнительского искусства: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Том Выпуск 6. Казанская государственная консерватория (академия) им. Н. Г. Жиганова. 2014. С. 117–126.
7. Нургаянова Н. Х., Коврикова Е. В. Этнокомпонент в творчестве молодых композиторов Татарстана // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного взаимодействия: Материалы VII Международной научно-практической конференции (Казань, 12 октября 2018 г.) / под ред. З. М. Явгильдиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 92–98.
8. Сәгыйтова Г. «Кара Пулат» серләре // Казан утлары. 2015. № 3. URL: <https://kazanutlary.ru/j-archive/journal-materials/2015-3/kara-pulat-serlre?ysclid=ltej6669oq856873079> (дата обращения: 12.02.2024).
9. Хәбетдинова М. М. «Кара пулат» либреттосының мифологик нигезе // Татарская поэзия и культура второй половины XX – начала XXI века диалог с западными и восточными художественными традициями (к 80-летию татарского поэта Рената Хариса): Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 апреля 2021 г. Казань: изд-во Казанского университета, 2021. С. 298–302.
10. Личный архив Э. М. Галимовой: арт-опера «Крыло Сююмбике» на либретто Флеры Янышевой. 2011.
11. Яхин Ф. Шигырлар һәм поэмалар: Поэзия. 6 том. Казан: «Сүз» нәшрияты, 2015. 439 б.
12. Галимова Э. М. Традиционная музыкальная культура пермских татар. Казань: ИЯЛИ, 2017. 328 с.
13. Кул Шариф и его время. Казань: Татар. книж. изд-во., 2005. 192 с.
14. Кол Шәриф. И күнел, бу дөньядыр: Газәлләр, кыйсса. Казан: Татар китап нәшрияты, 1997. 94 б.
15. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись, М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.
16. Курбский А. История о великом князе Московском. М.: Изд-во УРАО, 2001. 161 с.
17. Хузин Ф., Ситдинов А. О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шариф // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2005. № 3–4. С. 10–23.
18. Марджани Ш. «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар». Казан: Татар китап нәшрияты, 1989. 415 б.
19. Атласи Н. Сабер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы. Казан: Татар китап нәшрияты, 1993. 448 б.

ЭЛЬМИРА ГАЛИМОВА ОПЕРАЛАРЫНЫҢ ТАРИХИ ТЕМАТИКАСЫ

Миләүшә Мөхәммәтжан кызы Хәбетдинова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
mileuscha@mail.ru

Гөлүсә Габдрәшит кызы Аксой,
Бартын университеты,
Төркия, 74110, Бартын шәһәре, Котлыбэй-Язычылар/Мәркәз,
gaksoy@bartin.edu.tr

Мәкаләдә татар операсында тарихи мәгълүмат чагылдыруның төрле принциплары турында материал системалаштырылган. Композитор Эльмира Галимованың Флюра Янышева либреттосына «Сөембикә канаты» арт-операсы һәм Фәрит Яхин либреттосына язылган «Кол Шәриф» операсы жентекләп анализланган. Дәүләтчелекне югалту, Казан ханлыгының жимерелүе фажиғәсе бу эсәрләрдә аерым танылган шәхесләренң (Кол Шәриф, Сөембикә) фажиғәле язмышлары аша ачыла. «Кол Шәриф» операсының тарихи-тасвири һәм биографик алымнарны тарихи күзаллау белән берләштерүнең кызыклы үрнәге булуы исбатланган, ә «Сөембикә канаты» арт-операсында тарихи темаларны символлаштыру легендар-мифологик материал нигезендә бара.

Төп төшенчәләр: татар музыкасы, Кол Шәриф, Сөембикә, милли опера, Эльмира Галимова

A. EICHENWALD'S MEMORIES ABOUT G. TUKAY – MEMOIRS OR FANTASIES?

Yulduz Nakievna Isanbet¹,
Kazan
mileuscha@mail.ru.

This work belongs to a series of articles about composer Anton Eichenwald. They were published in the journal “Tatarica” in 2022–2023: “The Symphony Orchestra Concert of Oriental Music in Kazan in 1923” (2022, No. 1), “Concerts of Oriental Music in Paris” (2022, No. 2), “Anton Eikhenwald and the Kazan Office of Musical Folklore” (2023, No. 1) and “Folklore Opera ‘The Steppe’ in the Perception of Our Contemporaries” (2023, No. 2). The article analyzes two memoirs about composer A. Eichenwald and his contacts with poet G. Tukay. The composer himself was named as the author of the publication “A Passionate Music Lover”, and “Chaliapin and Tukay...” was presented as retold by L. Rubinstein. Serious Tukay scholars ignored these sources. Information about the fictitious meetings of A. Eichenwald and F. Chaliapin with G. Tukay was replicated by writers, literary critics and musicologists who failed to take a critical look at the content of these “pseudo-memoirs.” Based on our analysis of the content of these articles and using the memoirs of Tukay’s contemporaries and other documentary sources, the article proves that this material about the fictitious meetings was created by third-party authors who were ignorant of these major cultural figures’ biographies.

Key words: Tatars, A. Eichenwald, G. Tukay, F. Chaliapin, L. Rubinstein, Tukay studies

Introduction

Among A. Eichenwald’s few literary publications, two memoirs about the outstanding Tatar poet Gabdulla Tukay (1886–1913) attracted our attention. One of them, “A Passionate Music Lover,” was published with the author’s name of A. Eichenwald himself [1], however, his authorship seems to be highly debatable; the authorship of the other, “Chaliapin and Tukay...”, belongs to L. Rubinstein who had recorded A. Eichenwald’s oral memories about the poet’s relationships with the author himself and F. Chaliapin [2].

It should be noted that in relation to both works, the term “memoirs” is used hereinafter with reservation in the absence of another short alternative variant. “A Passionate Music Lover” [1] and “Chaliapin and Tukay...” [2] are “memoirs” only due to their external form of presenting the material, which is like a story about specific events and facts that the authors allegedly witnessed in the past. But, as it will be shown later, this is just a literary device. Although being memoirs in form, the works of A. Eichenwald and L. Rubinstein are nothing of the sort, judging by their content. It is in this narrow formal (technical) meaning that our

readers should perceive the term “memoirs” in the context of this article.

Materials and methods

Our analysis is based on memoirs and scientific publications related to the content of A. Eichenwald’s memories about his meetings with Gabdulla Tukay. The work uses the cultural-historical and comparative research methods, the methods of analysis and generalization.

Discussion

The biographies of famous historical personalities are often surrounded by legends and speculations. Even qualified researchers sometimes fail to verifying the factual accuracy. It takes centuries for historical justice to come to the surface; at times, it is accompanied by unexpectedly emerging facts and details. This process often destroys previously existing myths that some people are accustomed to believing.

The article “A Passionate Music Lover” was published in 1946 in the April issue of the newspaper “The Red Bashkiria”, dedicated to the celebration of G. Tukay’s 60th anniversary [1]. During those years, A. Eichenwald, commissioned by Ufa, worked on the opera “The Sun Stone” (“The Water Fairy”) based on the works of G. Tukay. The plot-forming poem was “Su Anasy” (according to various poetic translations of the verse into Russian -

¹ As the author of the paper passed away, the structure of the article has been built in accordance with the requirements of the journal by its editor M. M. Khabutdinova.

“Vodyanitsa (The Watery One)”, “The Water Witch” or “The Water Fairy”), so he came into close contact with the Tatar poet’s creative oeuvre. One would expect that A. Eichenwald would have something to say about the poet in this particular regard. But the composer spoke neither about the opera nor about his creative tasks, instead, he described his personal meetings with the poet, which, according to the author, took place in Kazan in 1907–1911.

In Kazan, A. Eichenwald’s memoirs and information about their publication in the Ufa newspaper could have possibly remained known only to a narrow circle of scholars studying G. Tukay’s work and interested in the facts that could be found in the memoirs for their research purposes. However, thanks to the literary critic M. Gainullin, who was the director of the Institute of Language, Literature and History of the Kazan branch of the USSR Academy of Science at that time, the fame of the memoirs went beyond the narrow academic circles. Without conducting a careful analysis, the Tatar literary critic included the full text of the memoirs, translated into the Tatar language, in his report (“Tukay – Tankytche”) made at the Tukay anniversary scientific session of the Institute, which made them known to a wide circle of Kazan admirers of the poet’s work [3].

In those days, such significant scientific events, involving researchers from various scientific centers of the country, were rarely held in Kazan. As a rule, they attracted the attention of educated people of wide scientific interests who considered it most important to be aware of the literary and artistic life of their people. Thus, the inclusion of the full text of the memoirs in the proceedings of the session, published in 1948, made it easier for those interested to have personal access to this source [3].

The popularization of A. Eichenwald’s memoirs among Tatar readers was also facilitated by publishing them in the collection of poems and stories about Tukay “Tukaiga chəchəklər” (“Flowers to Tukay”), dedicated to the 90th anniversary of the poet, with the print circulation of 6,000 copies [4]. At the same time, the first phrase and the title of the memoirs (by the way, precisely representing Tukay’s attitude towards Tatar music) were omitted. Most likely, this omission of the title was the result of a technical error, related to the fact that there was no translation of the publication title into the Tatar language in M. Gainullin’s report, while the original title in Russian did not come immediately before the actual A. Eichenwald’s text in the Tatar version, it appeared in the previous text of the report. Appar-

ently, the compiler of the collection, poet Ravil Faizullin, did not pay attention to this fact, considering the title to be missing altogether, or for some reason, he might not think it necessary to translate it. So, when referring to this Tatar version of the memoirs without a title, instead of A. Eichenwald’s title “A Passionate Music Lover” [1], one has to use the first words of the translated Tatar text: “1907–1911-nche ellarda...” (“In 1907–1911...”), which misdirect the readers [4].

In 1969, seventeen years after A. Eichenwald’s death, another his memoir was published under the title “Chaliapin and Tukay ...” in the journal “The Friendship of Peoples”. The composer did not record his reminiscences on paper, but he once shared them with L. Rubinstein who decided to reconstruct them from memory [2]. The result was L. Rubinstein’s multi-stage memoirs about A. Eichenwald and his reminiscences of F. Chaliapin, dedicated, in turn, to the great singer’s memories of his personal impression of G. Tukay and his poetic works.

If the content of “A Passionate Music Lover” [1] does not go beyond the topic “Tukay and Music,” the topic “Chaliapin and Tukay...” [2] is characterized by great thematic diversity and even some confusion. Its text leaves the impression of being composed of disparate fragments of some larger work, awkwardly connected in the text (perhaps this is the result of editorial cuts that preceded the publication), it includes three fairly independent miniature blocks of memories obtained from the first (L. Rubinstein), second (A. Eichenwald) or third (F. Chaliapin) parties and written on different topics:

- 1) about A. Eichenwald’s opera based on the works of G. Tukay and the composer’s memories of his meeting with F. Chaliapin in a Parisian cafe where he suggested the theme of this opera;
- 2) about F. Chaliapin’s impressions of G. Tukay’s appearance and poetry;
- 3) about A. Eichenwald’s meetings with G. Tukay.

“Chaliapin and Tukay...” from the journal “The Friendship of Peoples”, inaccessible to a wide Tatar readership [2], was translated into the Tatar language and published in the newspaper “The Socialist Tatarstan” by poet Garay Rahim [5]. The translator changed the author’s title, removing the ellipsis at the end, which affected the emotional coloring (tone) of the title. Without the ellipsis, certain connections between G. Tukay and F. Chaliapin seemed to be unconditionally existing, while with the ellipsis there was a shade of understatement, allowing for doubt and the possibility of dif-

ferent turns in the narrative. Most likely, at one time the ellipsis was added by the editors of the journal who, doubting the reliability of the proposed material, resisted its publication as much as possible. It is not for nothing that “Chaliapin and Tukay...” was not included in the main headings of the journal, but, was typed in the smallest possible size and placed at the end of the issue in the section “Miscellaneous items: Chronicle. Information. Interview. Reports” [2].

Garay Rahim made another deviation from the original source. When translating “Chaliapin and Tukay...” into the Tatar language, it was necessary to replace with the poet’s original poems two quotes in Russian from Tukay’s works, unnamed by L. Rubinstein, this task would not present any difficulty provided the translator had good knowledge of the poet’s work. Even taking into account all the doubts and uncertainties, it would not present a great problem to find the quoted lines among not so numerous translations of G. Tukay into Russian and to establish their Tatar originals using the Russian titles of the corresponding poems. Moreover, it would not be high burden, even without reading, to skim through, and, if necessary, carefully read those poems by G. Tukay in the Tatar language, which for one reason or another the translator could not immediately remember at that moment. But he stopped halfway.

According to the Russian translation of the stanza “We are too stingy to talk to the poor...”, Garay Rahim established its belonging to the poem “Immortality” and, accordingly, clarified the name and original Tatar text of the poem “Akhlaqsyzlyk” [6, p. ?]. But he could not or did not want to remember or find out which poem the stanza, translated into Russian as “... the more you praise Allah...”, was taken from. Instead, he simply omitted Tukay’s stanza, which he could not clarify, from L. Rubinstein’s text without notifying the readers about it.

Later, in the comments to the Russian quote from “Chaliapin and Tukay...”, R. Iskhakova-Vamba tried to establish the original Tatar sources of the texts quoted by Rubinstein [7], although she did not have to. But, like Garay Rahim, having correctly identified “Akhlaqsyzlyk” [6], she mistakenly identified another poem as “Tafsirme? Tərǵemame?” (“Are They Comments? Is It a Translation?”) [8], while L. Rubinstein has the second stanza of the poem “Avyl khalkyna ni hitmi”, which is absolutely dissimilar in text and thought (in different poetic translations it is: “What Does a Peasant Lack”, “What Else Do Rural People Lack?”, “What Do Rural People Lack”) [6, p. ?].

In such ways, the memoirs of A. Eichenwald and L. Rubinstein in original or translated versions became known to Kazan literary and musical circles, but, as time has shown, they were, with a few exceptions, met without much enthusiasm. Despite the fact that individual Tatar scholars and poets (M. Gainullin, R. Fayzullin, G. Rahim) played a certain role in popularizing these works, familiarizing the Tatar readership with their texts, serious literary scholars, who studied the work of G. Tukay, knowingly passed them by, generally ignoring them as an object of scientific analysis.

The seemingly unique information, presented in these publications, turned out to be outside the circle of interests of Tukay scholars, although it provided the facts concerning G. Tukay’s personal acquaintance with F. Chaliapin and A. Eichenwald, their supposedly genuine interest in his life and work (both recited Tukay’s poems by heart!), their high appreciation of music, including the poet’s talent of composition (?) and his competence in matters of harmonization (?) of folk music. It informs the readers about Tukay’s communication on equal terms with older, prominent representatives of Russian musical culture, especially with the great F. Chaliapin, the facts that should have embellished the poet’s biography and given an impetus for the study of some subtle shades of his inner life still inaccessible to mass understanding.

But to ignore or not to accept does not mean to refute or abolish the texts of A. Eichenwald and L. Rubinstein. All sorts of low-quality materials should be given a timely assessment. Since, in addition to educated literary critics, there are other categories of researchers and readers interested in both G. Tukay, F. Chaliapin and A. Eichenwald, both memoirs may catch the eye of novice researchers, journalists or inquisitive readers studying periodicals of the past times again and again, and these texts will not fail to excite the reading world with a “sensational” message about newly discovered information from the history of literary and musical life of the early twentieth century.

One should not ignore the fact that A. Eichenwald and L. Rubinstein’s memoirs have a certain external appeal. Despite its brevity, “A Passionate Music Lover” [1] contains a significant set of factual data that adorns the biography of G. Tukay, endowed by A. Eichenwald with a great musical gift, moreover the gift of the composer. This work has the information that could be used to recreate the picture of G. Tukay’s unique practical activity in the field of music, which no one had known before A. Eichenwald. In “Chaliapin and

Tukay...” [2] the poet’s personality and work is seen through the eyes of his contemporaries from the Russian environment, either real or fictional. Provided the facts were true, the use of the information, related to the history of creation of the really existing opera based on G. Tukay’s works, about which little was known in Kazan, the information about F. Chaliapin’s interest in G. Tukay, sensational in its own way, could add new touches to the interpretation of a number of issues, in particular - “Tukay and the prominent personalities of Russian musical culture.”

The need to study and evaluate the information, provided by A. Eichenwald and L. Rubinstein, can be explained by the fact that, to this day, blind faith in the reliability of both memories has been retained by some of Kazan authors. Researchers, interested in the issue of “Tukay and Music” and the Kazan period of F. Chaliapin’s life, from time to time, keep quoting and retelling them without expressing any doubt about the veracity of the memories.

In musicological research works, the memoirs of A. Eichenwald were first mentioned in 1975 in the same collection of research works published by Kazan Pedagogical Institute: they are the articles “Tatar Democratic Writers on Music and Musical-Aesthetic Education” by S. Raimova [9, p. 172] and “From the History of Russian-Tatar Musical and Theatrical Relations of the Pre-October Period” by G. Kantor [9, pp. 13–14]. Both authors touched upon the particular issue of creative contacts between G. Tukay and A. Eichenwald, based on the information from “A Passionate Music Lover” [1], in connection with their study of certain processes characteristic of Tatar musical culture during the periods under consideration.

Subsequently, “A Passionate Music Lover” was used to varying degrees by different authors purposefully exploring the issue of “Tukay and Tatar music” (F. Salitova [10], R. Iskhakova-Vamba [7], F. Zavgarova [11, p. 27]). In her report “G. Tukay and the Development of Tatar Musical Culture”, F. Salitova just made a single remark that A. Eichenwald “wrote about the real help provided to him by Tukay in his work on the harmonization of Tatar melodies. The poet, who had subtle musical intuition, accurately noted their foreignness or, conversely, the organic nature of certain harmonic combinations” [10]. R. Iskhakova-Vamba [7] and F. Zavgarova [11] did not attempt to provide a holistic coverage of the topic “Tukay and Music”; they only sought to give their readers a general idea of A. Eichenwald and L. Rubinstein’s memories.

S. Goltsman, the author of the book “Chaliapin in Kazan”, also turned to L. Rubinstein’s memoirs [12, p. 162]. However, F. Chaliapin’s story about G. Tukay lay outside the sphere of S. Goltsman’s interests, as L. Rubinstein did not have and could hardly have had any real facts about Chaliapin’s life in Kazan. But, without reading the journal text thoroughly, the author of the book added L. Rubinstein’s information about A. Eichenwald to the facts about F. Chaliapin.

Kazan authors’ use of A. Eichenwald and L. Rubinstein’s memoirs mainly comes down to retelling the content or citing these sources without making any attempts to interpret them. When such attempts are made, the results are often quite unexpected. These authors seem to have dealt with the source indirectly, using someone else’s once “processed” and distorted text, with unmarked omissions and abbreviations, replacing the author’s words and expressions with someone else’s. On the other hand, with one exception, L. Rubinstein’s text, cited by R. Iskhakova-Vamba [7] and F. Zavgarova [11], is given according to the publication in “The Friendship of Peoples” [2]; nevertheless, their reference to this text is not characterized by an attentive attitude to its content, which prevents them from seeing the authors’ mistakes and inventions.

The biographies of A. Eichenwald, F. Chaliapin and G. Tukay do not exclude the possibility of A. Eichenwald meeting F. Chaliapin, but they contradict the possibility of A. Eichenwald or F. Chaliapin meeting G. Tukay. The very fact of the existence of the contacts Tukay - Eichenwald and Tukay - Chaliapin does not find any confirmation or even a simple mention in any of the currently known documents, except for the notorious memoirs themselves, while the character of Tukay and the biographies of the three main persons involved (Tukay, Eichenwald, Chaliapin) completely exclude this possibility.

Contrary to what they said or what was said on their behalf, neither A. Eichenwald, nor F. Chaliapin and G. Tukay ever met each other in person and they could not have met, if only because there were neither special occasions nor appropriate conditions for such an encounter.

Before beginning his work on the opera based on Tukay’s works, A. Eichenwald was unlikely to be at least familiar with his poetic oeuvre - the composer had no incentive to read the few Russian translations of Tukay’s works (three small collections, two of which were published in Kazan). However, it is possible that in the late 1930s - early 1940s, having come into contact with representa-

tives of the Tatar and Bashkir intellectuals of Kazan and Ufa, A. Eichenwald could have heard something about the poet in connection with his views on Tatar musical folklore. In addition, the composer himself had to record folk songs based on the words of the poet, "Taftilay" for example. While working on "The Sun Stone," A. Eichenwald's ideas about G. Tukay and his work, of course, were significantly expanded, but all this happened many years after the poet's death.

As for F. Chaliapin who left Kazan forever in 1891 and did not maintain any relations with Tatar literary circles not speaking the Tatar language, where and under what circumstances could he have heard at least the name of G. Tukay?

Even having a cursory acquaintance with the biographies of these prominent figures of culture, it is not difficult to understand that "A Passionate Music Lover" [1] and "Chaliapin and 'Tukay...'" [2] do not represent actual memories, but are a literary fiction, a hoax, a fantasy, which are also imperfect in literary and artistic terms. Moreover, having come up with a beautiful story about his meetings with G. Tukay, it is possible that A. Eichenwald could tell about them himself in writing or orally. But only an ill-informed outsider could come up with something of the sort with respect to F. Chaliapin, describing the facts that in no way fit in with his biography.

Out of everything written in "A Passionate Music Lover" [1], only the following facts can be true:

- a) Tukay passionately loved Tatar folk art and was not a professional musician;
- b) N. Katanov met A. Eichenwald, not in the indicated 1907–1911, but much later;
- c) A. Eichenwald was older than G. Tukay;
- d) in 1946, N. Katanov was deceased;
- e) the music of Tatar and Bashkir folk songs is based on the pentatonic scale and is monophonic by nature.

Everything else is a figment of the author's imagination or just erroneous information.

1. A. Eichenwald names Kazan as the place of his alleged meetings with G. Tukay, the place to which the poet moved in the fall of 1907 and where he remained until his death in April 1913. Indeed, in numerous Russian cities where A. Eichenwald lived and worked until 1907, G. Tukay had never been. As for Uralsk, fate did not happen to throw A. Eichenwald in this town, which preceded Kazan and where from 1894 G. Tukay had lived, studied and begun his creative and professional career. The paths of the poet and composer

did not cross during Tukay's short visits to Astrakhan, Ufa, St. Petersburg and all the more on the outskirts of Troitsk (1911–1912), which is confirmed by detailed scientific and memoir literature dedicated to G. Tukay and the biography of A. Eichenwald.

Could A. Eichenwald stay in Kazan in 1907–1911? He was not a resident of Kazan, had no relatives, no wife, no friends or property in the city; moreover, he was not provided with work here. Eichenwald could not live in Kazan simply on a whim, because he was obliged to earn his living somewhere and somehow. What could have brought him to Kazan and what, besides supposedly several meetings with Katanov, he could have been doing here for 4–5 years is inexplicable. A documented answer can only be given about the period of less than three months of 1907, the time after which A. Eichenwald worked in Austria (1908), Tiflis (1909–1910) and Kharkov (1911) as a conductor or head of an opera company, the information comes not only from his employment history, but also from many other documents.

Until 1946, when the assumption about A. Eichenwald's meetings with Tukay was made public, the composer had dated his stay in Kazan differently: first (in his interview to V. Zenz) – 1912–1917, then (in the employment history) – 1915–1920, the periods which, partially overlapping each other, cover a whole 8 to 9-year interval within the range of 1912–1920. But it was impossible to date the meetings with G. Tukay, invented only in 1946, precisely at this time: in 1912–1913, Tukay had no time for such meetings. Back in April–May 1912, diagnosed as suffering from the last stage of pulmonary tuberculosis [13, p. 179], Tukay felt seriously unwell and died on April 2, 1913.

There is no doubt that the authors pursued the aim to fit the alleged meetings with the poet within G. Tukay's life span by advancing by 5–8 years the chronological framework of the supposed 4–5-year Kazan period of A. Eichenwald's life in "A Passionate Music Lover" [1], in comparison with the previous dates, which are also very dubious. However, this chronological shift, used to confirm the non-existent fact corroborating external conditions for the technical possibility of A. Eichenwald's meetings with G. Tukay, completely destroys the picture of the composer's professional activity. If we agree that he did not live in Kazan in 1912–1920, but, according to the 1946 version, it was in the unconfirmed years of 1907–1911, the question arises what he did in the 1912–1920s. Did he really live an idle life, remaining unemployed? On the

other hand, if in 1907–1911, A. Eichenwald was occupied exclusively with meeting G. Tukay and N. Katanov in Kazan (he had no other business here), then who worked under his name in Austria, Tiflis and Kharkov in 1908–1911? Of course, it is impossible to find any plausible answers to these rhetorical questions. Apparently, they were not meant to be found, and the need to maintain the integrity and continuity of A. Eichenwald's professional activities was not taken into account.

In connection with Kazan, the only really provable fact from this chronological abracadabra is the evidence that for several months of 1907 A. Eichenwald did stay in the city, and for thirty to thirty-two days of this period he was here at the same time as G. Tukay. But this fact cannot indicate that their meetings were inevitable; appropriate conditions were required for them to take place.

A. Eichenwald arrived in Kazan no later than September 6–7 in time for the opening of the autumn opera season. It lasted from September 8 to December 2, after which he, as the conductor and one of the heads of the opera company, had no reason to stay in the city any longer. G. Tukay, who was traveling from Uralsk to a recruitment review, stopped in Kazan in early October (the exact date is not known) and, barely having time to meet several Tatar writers and journalists, went on to Zakazanye where he came from. It is known that after the training camp, which according to I. Nurullin was over on October 27, Tukay stopped briefly in the village of Kaensar to visit his mother's half-sister Sazhida on the way back to Kazan [14, p. 100]. G. Tukay's contemporaries determine the duration of his stay differently, but if we consider even the minimum time spent there, he could have returned to Kazan no earlier than the last days of October. Thus, in order to get acquainted and at least meet several times, G. Tukay and A. Eichenwald had only November and two or three days of December 1907. However, at this time, each of them was too focused on their own problems.

As a conductor of the opera troupe, in the evenings, A. Eichenwald was busy with theatrical performances, and during the day - with new productions of a systematically updated repertoire, going over vocal parts with singers and conducting other kinds of rehearsals. In addition, on November 9, together with conductor R. Gummert, he held a requiring careful preparation symphony concert dedicated to the memory of Grieg; in addition, on November 15, he had his benefit performance and celebrated the 10th anniversary of his work in the theatre. Eichenwald was also entrusted with responsible and time-consuming administrative work, which

outwardly remained in the shadow. The conductor had no time for Tatar musical folklore, as it was still completely unfamiliar to him. In those cities where he previously pursued his musical and theatrical career (Ekaterinburg, Zhitomir, Kamenets-Podolsk, Moscow, Odessa, Perm, Saratov, Tiflis, Kharkov, and also, for several days in 1903, Kazan), Eichenwald did not come into contact with the art of the Kazan Tatars due to the absence of compact Kazan-Tatar population there. The music of the Crimean Tatars, which, theoretically, he could listen to in Tiflis, was not suitable as a topic of professional discussion with G. Tukay.

The poet led a life of his own. After returning from Zakazanye, G. Tukay decided, instead of returning to Uralsk, to settle in Kazan forever. He needed to settle down here and enter the new world of creative intellectuals in the capital. The poet continued to make new acquaintances among the representatives of the Tatar literary and publishing world, previously known to him only by name. The new environment and new people inspired him. Along with the venerable masters, Tukay established contacts with his peers who he would like to be on a par with. "Glory be to Allah! It's not boring here. I have a lot of friends, intelligent people, we talk, laugh, read and take part in discussions. How exciting," he wrote to G. Kariev in Uralsk on December 30, 1907 [15, p. 297]. As can be seen from Tukay's letter to G. Usmanova, dated March 27, 1908, the poet more than once wrote to his aunt about his passion for the company of new friends and acquaintances telling how attractive the Kazan youth environment was, you could even meet educated girls there [15, p. 298]. G. Tukay highly appreciated the level of intellectual and cultural life in the city, which was completely different from that in Uralsk; here, he felt being among like-minded people. At the same time, he clearly sensed the gaps in his education and, without wasting time, set about eliminating them.

Besides adjusting to the new world, there were things more important and urgent for him – his literary work and daily concerns. Being a person of modest means, G. Tukay was forced to look for a job without much delay. Having refused some offers of permanent cooperation on a paid basis, the poet contributed his work free of charge to the newspaper "The Al-Islah", belonging to F. Amirkhan and V. Bakhtiyarov, it was just coming into life (its first issue was published on October 3) and was congenial to him, so he devoted a lot of time to it. "I contribute to 'The Al-Islah' only on my own initiative. I get my salary elsewhere," he wrote in the same let-

ter to Kariev, although he did not have any permanent income in Kazan yet [15, p. 297]. His own literary work kept G. Tukay busy.

From November 5, 1907 to January 1, 1908, "The Al-Islah" newspaper first published eight previously unpublished poems and two similar articles by Tukay. At the same time, his first two collections of verses were prepared for printing with the participation of the poet and, according to the title pages², were published as the third and fourth notebooks from the series "From the Poetic Library" under the same title "Gabdulla Tukaev shigyrlere" ("The Poems by Gabdulla Tukaev") [17]. The collections include, among other things, sixteen (eight in each) poems published for the first time. It can be assumed that some of them were written in Kazan, which, however, could be inaccurate information: G. Sharaf wrote, for example, that "Shurale" ("Shurale") and "Kitmibez!" ("We Won't Leave!") had been sent to him by Tukay from Uralsk about a month before the publisher received the poet's letter dated July 5, 1907, that is, in June (see Sharaf "G. Tukay tugyrsynda istə kalgannar" [13, p. 97]). The paths of A. Eichenwald and G. Tukay, who were preoccupied with their own pressing matters, never crossed in Kazan. They had different interests and a different circle of contacts. What did they know or could they know about each other in 1907, who introduced them to each other, where, why and which of them was looking to meet the other or was it just a chance that brought them together? – these questions required an answer from the author of "A Passionate Music Lover" [1]. And he came up with them in his own way.

In "A Passionate Music Lover" [1], A. Eichenwald tells the author that he met G. Tukay in the Office of Experimental Phonetics at Kazan University while working there together with N. Katanov. In "Chaliapin and Tukay..." [2] the same A. Eichenwald tells L. Rubinstein that he met the poet in the forest, and later they went across the villages, recording songs. Both versions are doubtful on several counts.

In 1907–1911, A. Eichenwald could not meet G. Tukay in the Office of Experimental Phonetics, since his own meetings with N. Katanov took place

approximately in 1917–1919. Let's try to find answers to the following questions:

1. Did G. Tukay ever go to the Office of Experimental Phonetics (even without A. Eichenwald)?

2. If he did, why might he need N. Katanov of all others there, the person who was hired by A. Eichenwald as a translator of the texts of Tatar folk songs, and, say, not as an expert in phonetics?

Either in his own literary works or in the literature concerning the poet's life and work, there is no information about G. Tukay's scientific interest in the phonetics of the Tatar language and his visits to the university experimental laboratory. To record or decipher the texts of Tatar folk songs, G. Tukay did not need either a phonograph to record them, or the help of N. Katanov to decipher them. N. Katanov could help the Russian-speaking A. Eichenwald to translate the texts from Russian into Tatar or vice versa, the scholar G. Tukay did not need it, most likely, it was even dangerous for him. The poet would probably have tried to avoid, even if need be, any meeting with him in the period of 1907–1911 and right up to his death, which can be explained by certain circumstances surrounding his second poetic collection and its censorship procedure.

In November–December 1907, the publication of the second collection "Gabdulla Tukay Shigyrləre" (the 4th issue of the series "From the Library of Poetry") was delayed, although not for long. Despite the fact that the year of publication is indicated on the title page as 1907, the collection was actually published on January 6, 1908. The cover is dated the same year. At that time, the reason for the delay was certain claims made against the author by the Kazan Provisional Committee for Press Affairs, which later brought serious charges against G. Tukay and tried to bring him to trial for his poems "Hərriyat hakynda" ("On Freedom"), "Madrasədan chykkan shakertlər ni dilər?" ("What the Shakirds Who Left the Madrasah Say"), "Tavysh hakynda" ("About the Tavysh Newspaper") and Kitmibez! ("We Won't Leave!"), included in this collection, although the first three of them had already been published in the newspapers "The Fiker" (Uralsk) and "The Tavysh" (Kazan) in 1905 and 1907 without any consequences for the author, there had been no censorship delays. As a result, this collection of the poet's poems was not banned either. The censorship interference was limited to erasing two lines and to replacing one word in the poem "Khorriyat Khakynda" [18, pp. 360–361]. However, the misadventures of the collection did not end there. Covering further events

² On the title page of the second collection the date of its publication is indicated as 1907, on the cover - as 1908, in the "Book of the Kazan Provisional Committee for Press Affairs recording all published works" [16] (NA RT. F. 420. Op. 1. L.?), the date is January 5, 1908, that is, for censorship and technical reasons, the publication of the book was several days delayed.

around it, historian R. Nafigov wrote: "The persecution of the poet by censorship was carried out on the orders of the gendarmerie and lasted for years - until the death of G. Tukay. Let us present one document.

Regarding the Kazan Provisional Committee for Press Affairs, the Main Directorate (for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs. - Yu. I.) dated November 26, 1911, signed (by the chairman of the committee - Yu. I.) M. N. Pinegin, it is proposed to bring to court Abdulla Tukaev for his collection "Poems", Kazan, 1907" [19, p. 171].

According to R. Nafigov, the Kazan Provisional Committee for Press Affairs considered it necessary to approve the seizure of the collection and the prosecution of the author on the basis of Articles 1034 (Clause No. 3) of the Penal Code and 129 (Clauses No. 2, 6) of the Criminal Code. The author of the book believed that if the Kazan Judicial Chamber had not rejected the proposal, "the poet would never have left prison" convicted under these articles [22, p. 172].

Unfortunately, it was not possible to get acquainted with the original document, on which R. Nafigov based his paper (TsGIAL. F. 776. Op. 21. D. 260. L. 2, 3), it is possible that he had mixed up the terms ("reference" and "submission") and the addressees of the two documents about the same collection. As follows from the handwritten note in the letter of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 5, 1912 (No. 4417) to the Kazan Provisional Committee for Press Affairs, there were two documents sent by the Kazan Committee to two different types of authorities: 1) "the Reference to the Prosecutor of the Kazan Judicial Chamber dated November 26, 1911, No. 1856") and 2) "The Submission... to the Main Directorate dated November 28, 1911, No. 1869, regarding the seizure of the brochure in the Tatar language entitled "Poems of Abdulla Tukaev". The Main Directorate asked the Kazan Committee to deliver a copy of the latter "as needed" [19, p. 196]. If R. Nafigov wrote about the document dated November 26, 1911, then its addressee was not the Committee for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs, but the Kazan Prosecutor of the Judicial Chamber.

Due to the lack of information, the picture of G. Tukay's persecution for censorship reasons remains largely unclear. For example, the judicial procedure began only in 1911, while the collection was published at the turn of 1907-1908, which does not seem very logical. Moreover, in 1909, the collection received censorship permission for its

republication with the release of two ("Khorriyat hakynda" and "Kitmibez!") out of the four "seditious" poems, while, it would seem, the censorship claims against the poems "Madrasədən chykkan shakirtlər ni dilər?" and "Tavysh" turanda" had already been dismissed. It was too late and inappropriate to arrest the long-out-of-print collection of 1907 in 1911, just like for Tukaev's Shurale to poured out his grievances on the resourceful Byltyr. It seems that the documents from the archives of the Main Directorate for Press Affairs and its Kazan division were not associated with the beginning of the process, but with some stage of its development, or it might be the beginning of a new circle of attempts to convict G. Tukay at any cost, especially since according to R. Nafigov, in December 1911 and April 1912, the "case" was still in progress. The letter from the Main Directorate for Press Affairs dated April 5, 1912 can also be the evidence that the case had not been closed.

As it were, apparently in November 1911, things began to take a particularly dangerous turn, which G. Tukay could no longer ignore. In mid-December, he urgently summoned Kabir Amirov (the son of his grandfather Zinnatulla from his second wife, that is, his mother's half-brother) to Kazan, and a few days later, wrapped in a sheepskin coat and unable to move on his own, the sick poet was brought to Amirov's place in the village of Uchili. Here, G. Tukay lived until about mid-February and, with good care, he regained some strength, began to walk, to talk with neighbors, and eventually was able to work. But the reason for his departure from Kazan was not just the increasing disease severity. R. Amirova-Akhmetzyanova, Kabir's wife at that time, recalled that G. Tukay avoided being seen by strangers in the village and asked not to let anyone in to see him, forbidding to give his Kazan address to anyone, he constantly suspected that he was being controlled and overseen. The poet gave the manuscripts to Amirov's wife, and he, on occasion, sent them by mail to Kazan. Having learned that people outside the village were interested in him, Tukay hurriedly left the place [20, pp. 156-158].

As for N. Katanov and the role he played in this story: In 1907-1912, it was he who was in charge of the censorship of Tatar books in the Kazan Provisional Committee for Press Affairs, despite the manifesto of 1905. In addition, the ethnographer read, translated and wrote reviews of all materials in the Tatar language received from the judiciary, as well as from the gendarmerie chief and the Kazan governor. According to A. Karimullin, from March 1909

to October 1912, N. Katanov, relieved from censoring books, “was specially occupied with the execution of secret orders to read manuscripts, books and brochures sent to the Committee by the provincial administration, the gendarmerie management and judicial institutions (145. L. 27). (<...> He was not just a translator, but also an expert who determined the criminality of the material under consideration” [21, p. 210].

Why would Tukay meet with N. Katanov on any issue in 1907–1911, especially the one that he was not interested in, and remind of himself once again? It can be assumed that after the publication of “A Passionate Music Lover” [1], someone from A. Eichenwald’s Ufa Tatar-Bashkir contacts reproached the author for the far-fetched episode describing the meeting in the phonetics laboratory, that is why an even more unrealistic-looking meeting in the forest was invented.

According to L. Rubinstein, allegedly based on the words of A. Eichenwald, the poet and the composer, each on his own, wandered completely by themselves in the winter forest. One of them must have been wearing specially purchased boots, the other - brogues or boots (Tukay never wore high boots, nor was he seen wearing felt boots in Kazan; by the way, he did not have a winter coat either (see: Rämiev I. “Khateremda saklangannarynnan” [13, p.139]). They must be walking drowning in piles of melting snow (obviously, no path had been cleared for them); at the same time, they were suffering from the summer heat, because for some reason it not only “thawed”, but it was also “muggy”. So, they, apparently not knowing what else they could do there, fed bread crumbs, which they had specially brought or just happened to have in their pockets, to “forest” sparrows of unknown origin that had flown in to them from unknown lands, since only field and house sparrows live in the Kazan habitat.

G. Tukay was known to love and welcome cats and dogs, but none of his contemporaries ever noticed the poet’s strong passion for sparrows that made him, a person who often felt chilly, get to the place of the birds’ setting on foot or by cab and wander alone through the November-December forests feeding them. The poet’s lack of special interest in sparrows is also evidenced by the fact that among the wild birds - the characters of his poems (a golden eagle, raven, crow, dove, rook, crake, swallow, swan, eagle, owl, falcon and nightingale), the sparrow appears only once - in the poem “Och həkyykat” based on “Three Truths” by A. Maykov. In “Chypchylar həm Kyztysh” (“Sparrows and

the Bullfinch/Finch/Robin”), Tukay’s story for children, sparrows are characterized as thieves of the field, for which the farmer, having broken their neck, is going to eat them with porridge, and the author does not express any regrets.

Respectable and presentable A. Eichenwald, wearing European clothes, versus a thin, short, looking like a 14-15-year-old Tatar boy G. Tukay, with his long thin arms, wearing large, shapeless, as if his elder brother’s clothes of a weird cut and purpose. The former was a famous cosmopolitan musician, not known for his passion for Tatar literature and poetry in the unknown-to-him Tatar language, the latter was an aspiring Tatar poet from small Uralsk who had no idea of the opera and symphony orchestra and therefore was not interested in them. How and on whose initiative could they, complete strangers and such different people, at a chance meeting in the forest, come into contact, overcome the barriers separating them and find a common topic for a conversation? After all, G. Tukay was not easy to get along with, so among other people, he always tried to behave independently and keep to himself. In any case, G. Tukay would not start a conversation and introduce himself to a stranger from a world foreign to him.

G. Tukay’s contemporaries, who met him under different circumstances, recalled that at the first meeting he felt at ease neither with complete strangers, nor even with people from the Tatar literary, theatrical and publishing circles whose names and deeds were familiar to him. After all, having tried hard for about two hours, even his fellow writer Fatih Amirkhan could not draw the silent G. Tukay into a proper conversation (see: Əmirkhan F. “Tukay tugyrysynda iskə toshkənnər” [13, pp. 78–79]), although it was the poet himself who had come to Amirkhan’s house, on his own initiative, and precisely with the aim to talk with the writer. Before establishing a proper contact with someone, G. Tukay studied the interlocutor, examined him, gradually getting used to him. In the environment he did not belong to, Tukay felt even more constrained and awkward. Not only was he silent with strangers, but he was also gloomy (see: Bakhtiyarov V. “Tukai turanda kaiber isteklər” [13, p. 91]).

Remembering Tukay, journalist Sh. Akhmerov wrote: “In relationships with other people he was natural and did not change his behavior adapting to the person in front of him: be it a respected person of his time or some commoner, he treated everyone in the same way but was slightly standoffish; the poet was quick at understanding people: he imme-

diately recognized who they were, and what they were like. He never felt immediately at home with anyone at their first meeting; with some people he would not want to get close at all. The more so, he did not accept those who considered themselves to be “kibars” (from “kibars” - “aristocrats”, Arabic), belonging to the upper class - he could not stand them, ignored them, never entering into conversation with them, and if he did speak, then it was with irony in the subtext...” (see: Əkhməröv Sh. “G. Tukai turanda isemdə kalgannar” [13, p. 192].

We should not forget that in 1907, G. Tukay was not the poet that the reading Turkic world would know in a few subsequent years and the information about whom would begin to appear in Russian publications. And due to his unsightly look, he was first taken for an unworthy-of-notice messenger boy even by Tatar democratic writers who had seen different people; only after some time, having finally figured out who exactly was in front of them, they considered it necessary to greet the poet again, as it should be according to Tatar customs, and switched to a respectful tone. Playwright Galiaskar Kamal wrote about the misleading impression that G. Tukay’s “undignified” appearance made and the Arabic proverb that immediately involuntarily came to his mind: “Knowing Mugaidi by his speech is better than seeing him with your own eyes” (see: Kamal G. “Gabdulla Tukai turanda istlek” [13, p. 74]).

Although it is possible that A. Eichenwald, unlike others, immediately recognized the future great poet in this unprepossessing boy (this was due to the “teenage” impression that G. Tukay made on other people till the end of his days), decided to talk to him, and the latter did agree to enter into a conversation; moreover, of his own free will he told the stranger that he was a Tatar poet. But what external force made A. Eichenwald decide that G. Tukay could also understand the issues of harmonization and ask him for professional help? Wouldn’t it be easier for a composer, starting for the first time to arrange Tatar folk tunes, to start by looking for consultants among Kazan professional musicians or Tatar folk music performers, those who had already appeared in the Tatar environment?

However, “A Passionate Music Lover” [1] tells us not about one, accidental, but about multiple meetings, during which G. Tukay familiarized himself with A. Eichenwald’s arrangements with their subsequent analysis, what is more he trained the composer in the correct harmonization of pentatonic folk melodies (“My meetings with

Gabdulla Tukay occurred more than once”; “While working at Kazan University... in 1907-1911, I often met G. Tukay”; “We sat with him for hours engaged in a friendly conversation”; “After long and hard work... after thorough and painstaking analyzes of all Tukay’s comments, I understood...”. These meetings were not supposed to take place in the forest any longer, most probably in a room with a grand piano or an upright piano, but, apparently, in such a secret and deserted place that, but for A. Eichenwald, until 1946 no one would have suspected it was a real one. This is so contrary to Tukay’s lifestyle, his habits and character that this information is unacceptable even as an assumption.

“Tukay would eagerly listen to the harmonies that I applied to Tatar and Bashkir music, and, despite the fact that he was not a professional musician, he amazingly well felt what harmony was kin to Tatar music and what was alien to it,” is written on behalf of A. Eichenwald in “A Passionate Music Lover.” There is no doubt that G. Tukay understood well the specific features of Tatar folk music and subtly felt its “soul” and its original character. We can see it from the notes of the lecture “Folk Literature”, delivered by Tukay at the Kazan Oriental Club on April 15, 1910 [22]. Having listened to the folk songs harmonized by A. Eichenwald, G. Tukay would immediately answer the questions - whether the national principle was preserved in them, whether they were consonant in spirit with Tatar folk songs, whether the Tatar listener would accept them as the ones close to his soul and mentality, whether he would want to listen to them and sing them. But this evaluation would be made from an emotional and psychological point. It was beyond G. Tukay’s ability to evaluate each “harmony,” in this case, each chord, explain why it was unsuitable, and offer his own type of harmonization. Moreover, to analyze every harmony from this perspective is a meaningless and futile task. Having encountered the concept of “harmonization” for the first time in his life, the poet could not be either an expert or a teacher in this area; to perform this task he would have had to first work in this field for several years, at least practically (“by ear”) doing the job to gain some experience.

In order to explain to A. Eichenwald harmonization issues of Tatar melodies, the things the composer did not know “despite his many years of work on music based on European musical technique”, G. Tukay would have to have an appropriate musical education; therefore, the author of the memoirs, considering, apparently, that it was necessary to raise the poet’s musical prestige in the

eyes of his readers, endowed him with the qualities and experience of a musical ethnographer and composer unusual for the poet. However, no one knows anything about the musical, ethnographic and compositional activities of G. Tukay, invented by the author of "A Passionate Music Lover" [1]. This is outright misinformation.

"A Passionate Music Lover" [1] tells that "Tukay himself collected folk tunes." What is more, "Chaliapin and Tukay..." [2] attribute the following words to A. Eichenwald: "Often the two of us walked around Tatar villages. He helped me record songs".

As can be understood from the biographies of G. Tukay and the memoirs of the poet's contemporaries, during the Kazan period of his life, he never walked around the villages with any intentions, either alone or in company with anyone else, much less probably with A. Eichenwald. Nothing is known either about his folklore expeditions, or about G. Tukay's trips to his rural relatives, either for vacation or for family holidays. If he did spend December 1911–February 1912 in the village of Uchili, he, strictly speaking, did not come there on foot or arrive by any means of transport, but, at the request of his relatives, because of increasing disease severity, he was brought in almost unconscious and carried into the house in his relative's arms, so he talked to very few of the villagers.

G. Tukay was never known to collect folk tunes, he could not possibly take up this kind of activity, since he did not know how to write music, and he did not have a phonograph. As for collecting folk songs (texts), the poet was involved in this activity not by means of a special scientific survey of "informants", but with the help of his excellent memory for poems, characteristic of poets, memorizing them from random reproduction by someone in different real-life conditions, he even wrote them down in a special notebook. True, while studying at the madrasah, he asked some shakirds, who went to their native villages on vacation, to record songs from those areas. It is not known whether such recordings were made, and if they were, then most likely it happened in real-life conditions too.

Sometimes, Tukay purposefully sought for variants of works that interested him, or it was the history of some songs; for example, it was the narrative (Tukay's genre definition) "Sak-Sok", as from his point of view, the scattered bayts did not give a complete idea of its plot. But, Tukay did not walk around Kazan with a pencil in his hands, instead, he asked knowledgeable people to share their in-

formation in writing. In the case of "Sak-Sok", the merchant M.-F. Musin (Aysylu's father?) responded to his request. This happened within the framework of the usual inquisitive interest of a writer living his own creative life, and it was not distinguished by the systemic nature of study characteristic of a specialist collector, although Tukay approached this issue following the conditions of his own life.

G. Tukay realized the need to publish works of Tatar folk literature, and in 1910, he published his own small collection "Folk Motifs" [23]. He did this not as a documentarian or a collector-scholar strictly sticking to each specific text which he heard, sometimes reproduced by a person who was not very sensitive to literary art, but as a talented writer, restoring the original text of the work and making necessary literary text editing. For example, from Musin's extensive recording, G. Tukay left only the bayts that were most meaningful in his opinion. When publishing the texts of lingering songs, he reproduced only their pure texts, without connecting them with the melodic chant, to let future performers choose for themselves all kinds of verbal inserts that have no independent meaning but only lengthen individual verses according to the melody, depending on the specific tune, as is typical for performers of Tatar folk songs.

G. Tukay intended to continue this work in the future. If it had come to the realization of his plans, then perhaps the poet would someday roam the villages.

"Remembering" Tukay, A. Eichenwald wrote: "...often one was amazed when he... himself created and composed melodies"; "...the few melodies he created make an irresistible impression."

Since the composer described G. Tukay's musical composition as a process that he personally happened to see many times with his own eyes, this fictitious report cannot be explained even by the sincere delusion of the author who mistook information about the poet's frequent singing of folk songs for the performance of his own compositions. As an experienced collector of Tatar and Bashkir folk songs, A. Eichenwald cannot have referred the famous folk songs "Taftilay" ("Taftilyau") and "Alluki" ("Alluki") to G. Tukay's own musical creations in 1946; in the 20th century, they were sung mainly based on his words, but in pre-Tukaev times, and even after, they were sung based on other texts, arbitrarily chosen or composed by the folk performers themselves.

In scientific and memoir literature, besides "A Passionate Music Lover", unconfirmed infor-

mation that G. Tukay composed his own melodies is found only once [1] in Nafigov's book "Tukay and His Entourage." According to R. Nafigov, G. Tukhvatullin (most likely the youngest son of Mutygulla Tukhvatullin, the imam of the Mutygiya madrasah, where Tukay studied) in the conversation that took place in Uralsk in 1957, claimed that Tukay composed his own melody based on the lyrics of the song "Giray-giray"³.

"Our interlocutor suggested that young Tukay sang this song in honor of his friend Murtaza Sharipov, who died of tuberculosis," that is how the historian explained Tukay's motivation for creating it [19, p. 42]. No description of the tune is given here, and the question of whether the author of the book made a recording of this song remains unanswered. But the historian cites an 8-7 syllable stanza of the poetic text of this song⁴:

"Kyigaktay, kyigaktay gyna kaz kychkyra, 8+4

Kaisy kulnen, giray-giray, kaz(s) ikən. 7+4

Echem posha, yörəgem yana, 8 ("üə-pə" is pronounced quickly (non-stop) to, fit into one syllable)

Əllə gom(e)rem, giray-giray, az mikən?" 7+4

Another of the stanzas of this song, or, more precisely, its 10-9 syllable version, is found in Tukay's fellow student Sh. Kayumov's memoirs [20, p. 49], which include interesting information about the song repertoire of Tukay-shakird. Kayumov told how eight or nine shakirds, including G. Tukay and M. Sharipov, went to the confluence of the Ural and Chagan rivers for a picnic during the spring flood, and he remembered the lyrics of one of the poet's favourite and often performed songs, it was the following poetic stanza:

Cheltərle kyperlərə siksən takta, 10 +1

Kemnər yəri ikənlay, gererəy-gererəy, hai, bu chakta. 9+8

Sau bul da sau bul digan chakta, 9

Sulkyldap uk elydyr, gererəy-gererəy, hai, kochakta. 9+8

Without a doubt, these "extended" 10-9-syllable verses, complicated by additional polysyllabic insertions, are sung to the tune of a lingering song possessing a complex structure. Both the creation and performance of such tunes require high skill. Although possible, it is still doubtful that the very young Tukay could cope with such a difficult creative task even if he had an outstanding musical

gift. And if he did cope with it, why did he stop there and not compose anything else? After all, talent never vanishes into thin air.

Since G. Tukay happened to sing to this tune while M. Sharipov was alive, one could assume that G. Tukhvatullin, most likely, told R. Nafigov that what G. Tukay had created was not a new song-chant, but a new song-poem to a well-known melody, as, for example, was the case with G. Tukay's poems "Milli monar" ("National Melodies") and "Eshtan chygarylğan Tatar kyzyna" ("To the Disgraced Tatar Girl"), written to the tune of the Tatar folk song "Zilyluk". If the conversation with R. Nafigov was in Russian, the historian might not understand the unequivocal and confusing Tatar-Russian terminology. A Tatar with a good command of his native language can understand the words "жыр yazdy" as "wrote poems intended for song performance," and those who do not know or have poor knowledge of the Tatar language will understand it as "wrote a song-melody," although the Russian language has the term "song" used to mean a poetic genre.

However, the assumption that the text belonged to G. Tukay was refuted by the poet himself. The collection "Halyk Monary" has the section "Based on the motives of lingering songs", where he gives another version of this text as the text of a folk origin:

Cheltərle də kuper siksən takta, 10

Kemnər jəri ikən bu chakta; 9

Saubyl da gyna saubul digan chakta, 10 ("gyna" is pronounced "gna")

Sulk-sulk itep hyly kochakta. 9 [19].

Since G. Tukay did not include additional inserts in this publication, which, if necessary, were used by performers when adapting the text to different tunes, the structure of the text here corresponds to the traditional folk 10-9 syllable songs, and it can be sung to any traditional lingering tune. What is more, the example of three versions of this text clearly shows how different the recording of a gifted poet is from other "informants" who were, to varying degrees, uninvolved in the work.

Until the tune, that G. Tukhvatullin mentioned, is discovered and analyzed, the question of G. Tukay's authorship in relation to this particular work remains open. As for Tukay's compositions in the field of music and his musical collecting activities in general, there is no data confirming these facts.

The point is, Tukay, being unprepared for performing this task, would never have taken it on and start teaching A. Eichenwald, which is attributed to

³ The work is named after the onomatopoeic words having no clear meaning; in this case, they can be deciphered as the imitation of a goose cackle.

⁴ Additional inserts, beautifying the lyrics when singing, are shown in italics.

him in “A Passionate Music Lover” [1]. According to the numerous recollections of the poet’s contemporaries, it is clear that no matter how much G. Tukay was eager to embark on any activity, he never took up a task without being sure of its success: in case of failure, he did not want to lose face in the eyes of people and damage his reputation.

“Whatever the problem was, Tukay was never willing to say his final word without carefully studying the matter, without a thorough understanding of its deep essence,” wrote K. Mustakaev [13, p. 125]. The poet did not care what the people around took him for in everyday life. He was quite indifferent to his clothes; on Kazan streets, he enthusiastically played knucklebones with children amusing passers-by and rode a carousel to the point of exhaustion sitting astride a wooden horse. He brushed off the attempts of his friends to tear him away from pastimes inappropriate for adults and put him to shame for his childishness. But he felt greatly hurt by the manifestation of his own inability in any area of intellectual activities. In Kyrlyay, little Tukay, unable to answer in class, cried with shame [24, p. 15], having grown up, he never took on a task that he could not cope with and thereby expose his weakness. There were many examples to prove it.

Many people were surprised that when G. Tukay moved to Kazan, he refused to accept the invitation of “The Akhbar” newspaper, but began working in the Kitab Publishing House, where he had to, among other things, pack books and carry them to the post office to be sent to customers. Later, the poet, as if it were a big secret, admitted to G. Sharaf that, although he then had enough skill to translate from Russian the things that interested him, he still did not feel capable of translating everything that “The Akhbar” expected him to do, and he did not want to find himself in an awkward position [13, pp. 100–101]. “The Akhbar” was not only a literary, but also a socio-political and religious newspaper, so G. Tukay could have encountered considerable difficulties in searching for Tatar or common in the Tatar language Turkish and Arabic terms, which would be equivalent to Russian ones (in particular, Tatar newspapers reprinted messages from Russian press about events taking place in Russia and abroad). At that time, it was not acceptable to use a large number of terms and notions borrowed from Russian in the Tatar language, it looked inappropriate, moreover, it was not always possible to resort to the Arabic script, used by the Tatars.

As an example of G. Tukay’s exacting attitude to his work, we can recall his lecture on folk litera-

ture and his apology to the audience for insufficiently covering the history of individual songs. The poet explained that as the announcement of the lecture in the newspaper came all of a sudden, he was unable to draw up solid historical information and therefore could only talk about what he knew without special preparation.

Despite the existence of regular opera seasons in Kazan, G. Tukay had no idea of opera as a musical and theatrical genre. According to the above-mentioned sources, having used his help for four years, for some reason it did not occur to A. Eichenwald to invite G. Tukay to his performances, not to mention the performances of the troupes that toured Kazan in 1908–1911. G. Tukay first became acquainted with opera music only in the spring of 1912. In St. Petersburg, while visiting the editor of the newspaper “The Nur”, S. Bayazidov, he listened to gramophone record excerpts from Tchaikovsky’s “Eugene Onegin”. When the writer and journalist Kabir Bakir, who was present at the meeting, expressed surprised that Tukay, being a poet, had never attended an opera performance to that day, he answered nonchalantly: “No one made me go, but on my own, apparently, I didn’t happen to” [20, p.178].

Research results

In the course of our critical analysis of A. Eichenwald’s memoirs about his meetings and work with G. Tukay, it was proven that these texts are not real memoirs. The facts from the famous cultural figures’ biographies that they contain are subjected to gross manipulation and the used information often does not correspond to reality.

Conclusions

The works analyzed in our article, “A Passionate Music Lover”, published under the authorship of A. Eichenwald himself [1] and “Chaliapin and Tukay...” authored by L. Rubinstein who had recorded A. Eichenwald’s oral memories of his relationships with the poet and F. Chaliapin [2], were written by third-party authors who had little knowledge of A. Eichenwald, G. Tukay and F. Chaliapin’s biographies. We have before us a striking case of mystification used in the development of the Tukay myth in Tatar culture. It is gratifying that serious literary scholars, engaged in G. Tukay studies, not only bypassed these sources, but also generally ignored them as an object of scientific analysis.

References

1. Ehikhenval'd, A. (1946). *Strastnyi poklonnik muzyki* [A Passionate Music Lover]. Krasnaya Bashkiriya. 27 apr. (No. 84). (In Russian)
2. Rubinshtein, L. (1969). *Shalyapin i Tukai...* [Chaliapin and Tukay...]. Druzhba narodov. No. 9, pp. 284–285. (In Russian)
3. Gainullin, M. (1948). *Tukai – tənkyit'che* [Tukay as an Art Critic]. Gabdulla Tukai: shagyir'neñ tuuyna altmysh el tuluga bagyshlangan gyil'mi sessiya materiallary. 1886–1946. SSSR Fənnər akademiya. Kazan filialy. Tel, ədəbiyat həm tarikh in-ty. 75 p. Kazan, Tatgosizdat. (In Tatar)
4. “1907 – 1911 ellarda...” *Tukaiga chəchəklər: shagyir' turynda shigyrlər həm fikerlər* (1975) [“From 1907 to 1911...” Flowers for Tukay: Poems and Opinions about the Poet]. Töz. R. Fəizullin. Pp. 116–117. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
5. Rubinshtein, L. (1970). *Shalyapin həm Tukai* [Chaliapin and Tukay]. Gəräi Rəkhim tərj. Sots. Tatarstan. 26 apr. (In Tatar)
6. Tukai, G. (2011). *Əsərlər: 6 tomda* [Works: Six Volumes]. Akademik basma. 2 t.: shig'ri əsərlər (1909–1913). Töz., tekst., isk. həm ahl. əzerl. Z. R. Shəikhelislamov, G. A. Khəsnetdinova, E. M. Galimjanova, Z. Z. Rəmiyev. ? b. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
7. Iskhakova-Vamba, R. A. (1997). *Tukai i tatarskaya muzyka* [Tukay and Tatar Music]. Red. K. M. Khusnullin; M-vo kul'tury Resp. Tatarstan, Gos. Tsentr tatar. fol'klora. 133 p. Kazan', Goskomstat RT. (In Russian)
8. Tukaev, G. (1913). “*Təfsirme? Tərjəməme?*” [“Is It a Commentary? Is It a Translation?”]. Añ. No. 7. 15 mart. (In Tatar)
9. *Voprosy istorii, teorii muzyki i muzykal'nogo vospitaniya* (1975) [Issues of History, Music Theory and Musical Education]. Kazan'. Sb. 3, 181 p. (In Russian)
10. Salitova, F. G. (1990). *Poet svobody i pravdy* [Poet of Freedom and Truth]. Mat. Vsesoyuz. nauch. konf. yubilei. torzhestv, posv. 100-letiyu so dnya rozhd. Gabdully Tukaya. KNTS AN SSSR. IYALI im. G. Ibragimova. Kazan', pp. 315–316. (In Russian)
11. Жəyхəreva, F. (2011). *Tukai tormyshy belən bəile kaiber səkhifələr* [A Few Pages Related to Tukay's Life]. Tyğərək uen: tatar khalyk iḡatyn yaktyrtuchy məg"lymati-populyar al'manakh. No 1, pp. 26–27. (In Tatar)
12. Gol'tsman, S. V. (1986). *F. I. Shalyapin v Kazani* [Fyodor Chaliapin in Kazan]. 189 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
13. Khalit, G. (1960). *Tukai turynda zamandashlary* [Tukay's Contemporaries about the Poet]. İstəleklər, məkalələr həm ədəbi əsərlər jəyentygy. 285 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)
14. Nurullin, I. (1977). *Tukai* [Tukay]. Avtoriz. per. s tatar. R. Fisha. 238 p. Moscow. Mol. gvardiya. (In Russian)
15. Tukai, G. (1977). *Əsərlər: 4 tomda* [Works: Four Volumes]. 4-nche t., ? p. Kazan, Tatarstan kit. nəshr. (In Tatar)
16. *Kniga Kazanskogo vremennogo komiteta po delam pechati na zapis' vsekh vyshedshikh proizvedenii* [Book of the Kazan Provisional Committee for Press Affairs to record all published works]. NA RT. F. 420. Op. 1. L. 179. (In Russian)
17. Tukai, G. (1908). *Gabdulla Tukaev shigyrləre* [Gabdulla Tukaev's Poems]. Kazan, Shəraf matbagasy, 1907. (Shigyrlər kətepkhanəsennən; 3–4-nche dəft.). 4-nche dəftərneñ tyshlygynda: 1908. (In Tatar)
18. Tukai, G. (1975). *Əsərlər: 4 tomda* [Works: Four Volumes]. 1-nche t.? p. (In Tatar)
19. Nəfigov, R. I. (1986). *Tukai i ego okruzhenie* [Tukay and the People around Him]. 207 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
20. *Gabdulla Tukai: 1886–1913* (1986) [Gabdulla Tukay: 1886–1913]. Fotoal'bom, sost. i fotos'emka Z. Bashirova; tekst M. Magdeeva. 238 p. Kazan'. (In Russian)
21. Karimullin, A. G. (1974). *Tatarskaya kniga nachala XX veka* [The Tatar Book in the Early 20th Century]. 319 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
22. Tukai, G. (1910). *Khalyk ədəbiyaty* [Folk Literature]. Kazan, I. N. Kharitonov lito-tipografiyase, (“Sabakh” kətepkhanəse). 43 p. (In Tatar)
23. *Khalyk moñnary* (1910) [People's Sorrows]. Kazan, “Sabakh” kətepkhanəse, “Millət” matbagasy. 24 p. “Жыуучысы ‘Шырəle’” imzasy belən. (In Tatar)
24. *Tukai turynda khətirələr* (1976) [Memories about Tukay]. 190 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

ВОСПОМИНАНИЯ А. ЭЙХЕНВАЛЬДА О Г. ТУКАЕ – МЕМУАРЫ ИЛИ ФАНТАЗИИ?

Юлдуз Накиевна Исанбет¹,
Казан,
mileuscha@mail.ru.

Данная работа принадлежит к циклу статей о композиторе Антоне Эйхенвальде, опубликованных в журнале «Tatarica» в 2022–2023 гг.: «Симфонический концерт восточной музыки в Казани 1923 года» (2022, № 1), «Концерты восточной музыки» в Париже (2022, № 2), «Антон Эйхенвальд и Казанский кабинет музыкального фольклора» (2023, № 1), «Фольклорная опера „Степь“ в восприятии современников» (2023, № 2). В статье проанализированы два воспоминания композитора А. Эйхенвальда о контактах с поэтом Г. Тукаем. Статья «Страстный поклонник музыки» была опубликована под именем самого композитора, а «Шаляпин и Тукай...» – в пересказе Л. Рубинштейна. Серьезные тукаеведы проигнорировали эти источники. Сведения о вымышленных встречах А. Эйхенвальда и Ф. Шаляпина с Г. Тукаем были растиражированы писателями и литературоведами, музыковедами, не сумевшими критически отнестись к содержанию этих «псевдовоспоминаний». На основе анализа содержания указанных статей с привлечением воспоминаний современников и других документальных источников в работе доказывается, что данный материал о вымышленных встречах был создан сторонними авторами, несведущими в биографии этих крупных деятелей культуры.

Ключевые слова: Татары, А. Эйхенвальд, Г. Тукай, Ф. Шаляпин, Л. Рубинштейн, тукаеведение

Введение

Среди немногих литературных публикаций А. Эйхенвальда обращают на себя внимание два воспоминания о выдающемся татарском поэте Габдулле Тукае (1886–1913). Одно из них, «Страстный поклонник музыки», вышло под именем самого А. Эйхенвальда [1], авторство которого, впрочем, отнюдь не бесспорно, другое, «Шаляпин и Тукай...», под именем Л. Рубинштейна, записавшего устные воспоминания А. Эйхенвальда о взаимоотношениях поэта с ним самим и Ф. И. Шаляпиным [2].

Следует сразу же оговорить, что применительно к обоим сочинениям термин «воспоминания», за неимением другой краткой альтернативы, здесь и далее используется условно. «Страстный поклонник музыки» [1] и «Шаляпин и Тукай...» [2] являются «воспоминаниями» только по внешней форме изложения материала, представляющего как бы рассказ о конкретных событиях и фактах, свидетелями которых авторы якобы были в прошлом. Но, как будет показано в последующем, это всего лишь литературный прием. Являясь воспоминаниями по форме, сочинения А. Эйхенвальда и Л. Рубинштейна не являются таковыми по их содержанию.

Именно в таком, узкоформальном (техническом), значении должны в контексте данной статьи воспринимать термин «воспоминания» и читатели.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили мемуарные и научные публикации, связанные с содержанием воспоминаний А. Эйхенвальда о встречах с Габдуллой Тукаем. В работе используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы исследования, метод анализа и обобщения.

Обсуждение

Часто биографии известных исторических личностей обрастают легендами и домыслами. Разобраться в их правдивости не всегда под силу даже квалифицированным исследователям. Историческая справедливость иногда восстанавливается веками, сопровождаясь неожиданно всплывающими фактами и подробностями. Но зачастую этот процесс рушит прежние мифы, в которые иные до сих пор привыкли верить.

Статья «Страстный поклонник музыки» опубликована в 1946 г. в апрельском номере газеты «Красная Башкирия», приуроченном к празднованию 60-летия со дня рождения Г. Тукай [1]. В эти годы А. Эйхенвальд по заказу Уфы

¹ По причине ухода из жизни автора структура статьи была выстроена в соответствии с требованиями журнала редактором М. М. Хабутдиновой.

работал над оперой «Солнечный камень» («Водяная фея») по мотивам произведений Г. Тукая, сюжетообразующим из которых была поэма «Суанасы» (в различных поэтических переводах стихотворения на русский язык – «Водяница», «Водяная ведьма», «Водяная»), и близко соприкасался с наследием татарского поэта творчески. Можно было бы ожидать, что А. Эйхенвальду есть что сказать о поэте именно в этом отношении. Но композитор написал не об опере и своих творческих задачах, а о своих личных встречах с ним, имевших место, по утверждению автора, в 1907–1911 гг. в Казани.

В Казани воспоминания А. Эйхенвальда или информация об их публикации в уфимской газете могли бы оставаться известными только узкому кругу специалистов, занимающихся изучением творчества Г. Тукая и оперирующих приведенными в воспоминаниях фактами по мере их надобности, но, благодаря литературоведу М. Гайнуллину, в то время директору Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, известность воспоминаний вышла за пределы узких академических кругов. Татарский литературовед без тщательного анализа включил полный текст воспоминаний в переводе на татарский язык в свой доклад («Тукай – тэнкыйтьче») на юбилейной, Тукаевской, научной сессии института, что сделало их известными широкому кругу казанских почитателей творчества поэта [3].

В те времена подобные значимые научные мероприятия с привлечением ученых из разных научных центров страны в Казани проводились редко и, как правило, привлекали внимание образованных людей разных специальностей, считавших себя обязанными быть в курсе литературно-художественной жизни своего народа. А включение полного текста воспоминаний в издание материалов сессии, вышедшее в 1948 г., облегчило заинтересованным лицам и личный доступ к этому источнику [Там же].

Популяризации воспоминаний А. Эйхенвальда среди татарских читателей способствовала также и публикация их в сборнике стихотворений и высказываний о Тукае «Тукайга чэчэклар» («Цветы Тукаю»), изданном тиражом в 6 000 экземпляров и приуроченном к 90-летию со дня рождения поэта [4]. При этом первая фраза и заглавие воспоминаний (кстати, точно формулирующее отношение Тукая к татарской музыке) оказались опущенными. Скорее всего, пропуск заглавия был результатом технической ошибки, связанной с тем, что в

докладе М. Гайнуллина перевод заглавия публикации на татарский язык отсутствует, а оригинальное заглавие на русском языке приведено не непосредственно перед собственно текстом А. Эйхенвальда в татарской версии, а в предшествующем ему предложении доклада. Видимо, составитель сборника, поэт Равиль Файзуллин, не обратив на это внимание, счел заглавие отсутствующим в принципе или же почему-то не посчитал нужным обременять себя переводом, так что при ссылках на данную татарскую версию воспоминаний без заглавия вместо авторского заглавия А. Эйхенвальда «Страстный поклонник музыки» [1] приходится употреблять первые слова переводного татарского текста: «1907–1911-нче елларда...» («В 1907–1911 годы...»), не ориентирующие читателей в конкретном направлении [4].

В 1969 году, 17 лет спустя после смерти А. Эйхенвальда, под названием «Шаяпин и Тукай...» в журнале «Дружба народов» были опубликованы еще одни воспоминания композитора, но не зафиксированные им на бумаге, а когда-то рассказанные Л. Рубинштейну, теперь решившему пересказать их по памяти [2]. В итоге получились многоступенчатые воспоминания Л. Рубинштейна об А. Эйхенвальде и его воспоминаниях о Ф. Шаяпине, посвященных, в свою очередь, воспоминаниям великого певца о своем личном впечатлении от Г. Тукая и его поэтического творчества.

Если содержание «Страстного поклонника музыки» [1] не выходит за пределы темы «Тукай и музыка», то для темы «Шаяпин и Тукай...» [2] характерны большое тематическое разнообразие и даже некоторая сумбурность. Его текст оставляет впечатление составленного из разрозненных фрагментов какого-то более крупного произведения, неловко соединенных друг с другом (возможно, это результат редакционных сокращений, предшествовавших публикации), и включает три достаточно самостоятельных миниатюрных блока воспоминаний, полученных из первых (Л. Рубинштейн), вторых (А. Эйхенвальд) или третьих (Ф. Шаяпин) рук и затрагивающих разные темы:

1) об опере А. Эйхенвальда по произведениям Г. Тукая и воспоминаниях композитора о своей встрече в парижском кафе с Ф. Шаяпиным, предложившим ему тему этой оперы;

2) о впечатлениях Ф. Шаяпина, произведенных на него внешностью и стихами Г. Тукая;

3) о встречах с Г. Тукаем самого А. Эйхенвальда.

«Шаяпин и Тукай...» из малодоступного для широкой татарской читательской аудитории журнала «Дружба народов» [2] был переведен на татарский язык и опубликован в газете «Социалистик Татарстан» поэтом Гараем Рахимом [5]. Переводчик изменил авторское заглавие, убрав многоточие в его конце, что отразилось на эмоциональной окраске (тоне) заглавия. Без многоточия какие-то связи между Г. Тукаем и Ф. Шаяпиным стали утверждаться как безусловно существующие, а при многоточии существовал оттенок недосказанности, допускающей сомнение и возможность разных поворотов повествования. Скорее всего, в свое время многоточие было поставлено редакцией журнала, сомневавшейся в достоверности предложенного ей материала и насколько возможно сопротивлявшейся его публикации. Недаром «Шаяпин и Тукай...» отсутствует в основных рубриках издания, набранное же мелким кеглем помещено в конце журнала в разделе «Смесь: Хроника. Информация. Интервью. Репортажи» [2].

Гарай Рахим допустил еще одно отступление от первоисточника. При переводе «Шаяпина и Тукая...» на татарский язык возникла необходимость замены двух цитат на русском языке из неназванных Л. Рубинштейном произведений Тукая оригинальными стихами поэта, что при хорошем знании его творчества не составляло бы труда. Но даже при сомнениях и неопределенности не так сложно было бы найти цитируемые строки в не столь многочисленных переводах Г. Тукая на русский язык и по русским заглавиям соответствующих стихотворений установить их татарские оригиналы. Кроме того, было бы не слишком обременительно, даже не читая, бегло пробежать глазами и, если понадобится, даже внимательно прочитать те стихотворения Г. Тукая на татарском языке, которые по той или иной причине на данный момент переводчик не мог сразу припомнить. Но он остановился на полдороге.

По русскому переводу строфы «*Скупимся с бедным говорить...*» ее принадлежность к стихотворению «Безнравственность» и, соответственно, название и оригинальный татарский текст стихотворения «Әхлаксызлык» [6] Гарай Рахим установил. А вот вспомнить или выяснить, из какого стихотворения взята строфа, переведенная на русский язык как «...как Аллаха ни хвали...», не смог или не захотел. Вместо этого он просто выпустил из текста Л. Рубин-

штейна не поддавшуюся его уточнению тукаевскую строфу, не уведомив об этом читателей.

Позднее в комментариях к цитате из «Шаяпина и Тукая...» на русском языке установить оригинальные татарские первоисточники цитируемых Рубинштейном текстов попыталась Р. А. Исакова-Вамба [7], хотя для нее это было необязательным. Но, подобно Гараю Рахиму, верно определив «Әхлаксызлык» [6], она ошибочно идентифицировала другое стихотворение как «Тәфсирме? Тәржемәме?» («Комментарии ли? Перевод ли?») [8], тогда как у Л. Рубинштейна приведена вторая строфа абсолютно несхожего по тексту и мысли стихотворения «Авыл халкына ни житми» (в разных поэтических переводах: «Чего же не хватает мужику», «Чего еще не хватает сельскому люду?», «Чего же не хватает сельскому люду») [6].

Таковыми путями, в оригинальном или переводном вариантах, воспоминания А. Эйхенвальда и Л. Рубинштейна стали известными в казанских литературно-музыкальных кругах, но, как показало время, были, за небольшими исключениями, встречены без особого энтузиазма. Несмотря на то что отдельные татарские ученые и поэты (М. Гайнуллин, Р. Файзуллин, Г. Рахим) сыграли определенную роль в популяризации этих сочинений, доведя их тексты до татарской читательской аудитории, серьезные ученые-литературоведы, занимавшиеся творчеством Г. Тукая, специально не только обошли их стороной, но и вообще игнорировали их как объект научного анализа.

Приведенные в этих публикациях, казалось бы, уникальные сведения о личном знакомстве Г. Тукая с Ф. Шаяпиным и А. Эйхенвальдом, их якобы подлинном интересе к его жизни и творчеству (оба читали стихи Тукая наизусть!), высокая оценка ими музыкального, в том числе композиторского, дарования поэта и его компетенции в вопросах гармонизации народной музыки, общение Тукая на равных со старшими по возрасту известными представителями русской музыкальной культуры, особенно с великим Ф. Шаяпиным, которые должны были бы украсить биографию поэта и дать толчок к изучению каких-то тонких, пока еще малодоступных для массового понимания оттенков его внутренней жизни, и оказались вне круга интересов ученых-тукаеведов.

Но игнорировать, не принимать – это еще не значит опровергать или упразднить тексты А. Эйхенвальда и Л. Рубинштейна. Разного рода некачественным материалам тоже должна

была бы дана своевременная оценка. Поскольку, кроме образованных литературоведов, имеются и другие категории исследователей и читателей, интересующихся как Г. Тукаем, так и Ф. Шаляпиным и А. Эйхенвальдом, оба воспоминания могут вновь и вновь попадаться на глаза начинающих исследователей, журналистов или любознательных читателей, изучающих периодическую прошлых времен, которые не преминут взбудоражить читающий мир «сенсационным» сообщением о вновь открытых сведениях из истории литературной и музыкальной жизни начала XX века.

Не следует сбрасывать со счетов и то, что воспоминания А. Эйхенвальда и Л. Рубинштейна имеют определенную внешнюю привлекательность. Несмотря на краткость, «Страстный поклонник музыки» [1] содержит значительный набор фактических данных, украшающих биографию Г. Тукая, наделенного А. Эйхенвальдом большим музыкальным даром, в том числе композиторским. Здесь есть чем воспользоваться для воссоздания картины уникальной практической деятельности Г. Тукая в области музыки, о чем до А. Эйхенвальда никто и не догадывался. В «Шаляпине и Тукае...» [2] взгляд на личность и творчество поэта дан глазами его современников из русского окружения, реального или вымышленного. Использование сведений, относящихся к истории создания реально существующей оперы по произведениям Г. Тукая, о которой в Казани мало что известно, и по-своему сенсационных сведений об интересе к Г. Тукаю Ф. Шаляпина, могло бы, при их достоверности, внести новые штрихи в трактовку ряда вопросов, в частности – «Тукай и деятели русской музыкальной культуры».

Необходимость изучения и оценки сведений, сообщенных А. Эйхенвальдом и Л. Рубинштейном, обусловлена также и тем, что вплоть до настоящего времени слепая вера в достоверность обоих воспоминаний продолжает сохраняться у некоторых из казанских авторов, занимающихся вопросом «Тукай и музыка» или казанским периодом жизни Ф. Шаляпина и время от времени, без всяких сомнений в правдивости воспоминаний, цитирующих и пересказывающих их.

В музыковедческих работах научного характера первое обращение к воспоминаниям А. Эйхенвальда датируется 1975 годом, когда в одном и том же сборнике ученых трудов Казанского педагогического института вышли в свет статьи «Татарские писатели-демократы о

музыке и музыкально-эстетическом воспитании» С. И. Раимовой [9, с. 172] и «Из истории русско-татарских музыкально-театральных связей дооктябрьского периода» Г. М. Кантора [9, с. 13–14]. Обоими авторами частный вопрос о творческих контактах Г. Тукая и А. Эйхенвальда затрагивался, в объеме некоторых сведений «Страстного поклонника музыки» [1], в связи с исследованием отдельных процессов, характерных для татарской музыкальной культуры рассматриваемых ими периодов в целом.

В последующем «Страстный поклонник музыки» в разной мере использовали авторы, исследующие вопрос «Тукай и татарская музыка» как автономный, самоцельный (Ф. Г. Салитова [10], Р. А. Исхакова-Вамба [7], Ф. Х. Завгарова [11, 27 б.]). Ф. Г. Салитова в докладе «Г. Тукай и развитие татарской музыкальной культуры» ограничилась лишь однократным замечанием, что А. Эйхенвальд «писал о реальной помощи, оказанной ему Тукаем в работе над гармонизацией татарских напевов. Поэт, обладавший тонкой музыкальной интуицией, точно отмечал чуждость для них или наоборот, органичность тех или иных гармонических сочетаний» [10]. Р. А. Исхакова-Вамба [7] и Ф. Х. Завгарова [11] на целостное освещение темы «Тукай и музыка» не претендовали, они стремились лишь дать читателям представление о самих воспоминаниях А. Эйхенвальда и Л. Рубинштейна.

К воспоминаниям Л. Рубинштейна обращался также автор книги «Шаляпин в Казани» С. В. Гольцман [12, с. 162]. Однако рассказ Ф. Шаляпина о Г. Тукае лежал вне сферы интересов С. В. Гольцмана, а ничего конкретного о жизни в Казани Шаляпина у Л. Рубинштейна не было и вряд ли могло быть. Но, не вникнув в журнальный текст, автор книги приписал сведения Л. Рубинштейна об А. Эйхенвальде к сведениям о Ф. Шаляпине.

Обращение казанских авторов к воспоминаниям А. Эйхенвальда и Л. Рубинштейна в основном сводится к пересказу содержания или цитированию этих источников без особых попыток их истолкования. Когда такие попытки все-таки предпринимаются, результаты их часто оказываются весьма неожиданными. Создается впечатление, что эти авторы имели дело с источником не напрямую, а воспользовались кем-то однажды уже «обработанным» и искаженным текстом не только с необозначенными пропусками или сокращениями, но и с заменой авторских слов и выражений на свои собственные. С другой стороны, за одним исключением,

текст Л. Рубинштейна цитируют Р. А. Исхакова-Вамба [7] и Ф. Х. Завгарова [11] соответственно публикации в «Дружбе народов» [2], тем не менее обращение к этому тексту не сопровождается у них внимательным отношением к его содержанию и не мешает пройти мимо ошибок и вымыслов автора.

Биографии А. Эйхенвальда, Ф. Шаляпина и Г. Тукая не исключают возможности встреч друг с другом А. Эйхенвальда и Ф. Шаляпина, но противоречат возможности встреч А. Эйхенвальда или Ф. Шаляпина с Г. Тукаем. Сам факт существования контактов Тукай – Эйхенвальд и Тукай – Шаляпин не находит подтверждения и даже простого упоминания ни в одном из известных на настоящее время документов, кроме самих пресловутых воспоминаний, а склад характера Тукая и биографии трех основных фигурантов (Тукай, Эйхенвальд, Шаляпин) полностью исключают такую возможность.

Вопреки рассказанному ими или от их имени ни А. Эйхенвальд, ни Ф. Шаляпин с Г. Тукаем никогда лично не встречались и встретиться не могли, хотя бы потому, что для таких встреч не было ни специальных поводов, ни соответствующих условий.

До работы над оперой по произведениям Тукая А. Эйхенвальд вряд ли был знаком хотя бы с его поэтическим творчеством – побудительного повода к чтению многочисленных переводов произведений Тукая на русский язык (три небольших сборника, два из которых изданы в Казани) композитор не имел. Однако не исключено, что, соприкасаясь в конце 1930-х – начале 1940-х гг. с представителями татарской и башкирской интеллигенции Казани и Уфы, А. Эйхенвальд мог что-то слышать о поэте в связи с его взглядами на татарский музыкальный фольклор. Кроме того, композитору приходилось и самому записывать народные песни на слова поэта, например «Тәфтиләү». Во время работы над «Солнечным камнем» представления А. Эйхенвальда о Г. Тукае и его творчестве, безусловно, значительно обогатились, но все это происходило много лет спустя после смерти поэта.

Что же касается Ф. Шаляпина, навсегда уехавшего из Казани в 1891 г. и не поддерживавшего каких-либо отношений с татарскими литературными кругами, не владевшего татарским языком, то где и при каких обстоятельствах он мог бы услышать хотя бы фамилию Г. Тукая?

Даже при беглом знакомстве с биографиями этих деятелей культуры нетрудно понять, что «Страстный любитель музыки» [1] и «Шаляпин

и Тукай...» [2] представляют не собственно воспоминания, а писательский вымысел, мистификацию, фантазию, к тому же уязвимую в литературно-художественном отношении. Причем, придумав красивую историю о встречах с Г. Тукаем, А. Эйхенвальд мог письменно или устно рассказывать о ней и сам. Но за Ф. Шаляпина нечто, никак не стыкующееся с его собственной биографией, мог придумать только малоосведомленный человек со стороны.

Из всего написанного в «Страстном любителе музыки» [1] соответствующим действительности можно считать только следующее:

а) Тукай страстно любил татарское народное творчество и не был профессиональным музыкантом;

б) с Н.Ф. Катановым А. Эйхенвальд встречался, но не в указанные 1907–1911 гг., а много позднее;

в) А. Эйхенвальд был старше Г. Тукая;

г) в 1946 г. Н. Ф. Катанов был покойным;

д) музыка татарских и башкирских народных песен основана на пентатонике и в природе своей одноголосна.

Все остальное – плод фантазии или ошибок автора.

Местом предполагаемых встреч с Г. Тукаем А. Эйхенвальд называет Казань, куда поэт переехал осенью 1907 г. и оставался здесь вплоть до своей кончины в апреле 1913 г. Действительно, в многочисленных российских городах, где до 1907 г. жил и работал А. Эйхенвальд, Г. Тукай никогда не бывал. А в предшествовавший Казани Уральск, где до этого с 1894 г. жил, учился и начинал свою творческую и служебную деятельность Г. Тукай, А. Эйхенвальда судьба не забрасывала. Не пересекались пути поэта и композитора и во время кратких посещений Тукаем Астрахани, Уфы, Санкт-Петербурга и тем более окрестностей Троицка (1911–1912), что подтверждают и достаточно подробная научная и мемуарная литература, посвященная Г. Тукаю, и биография А. Эйхенвальда.

Но мог ли А. Эйхенвальд в 1907–1911 гг. находиться в Казани? Он не был казанцем, не имел в городе родственников, жены, друзей, собственности, не был обеспечен здесь работой. Находиться в Казани просто по прихоти Эйхенвальд не мог хотя бы потому, что был обязан где-то и как-то зарабатывать себе на жизнь. Что могло бы привести его в Казань и чем же, кроме якобы нескольких встреч с Катановым, он мог быть здесь занят в течение 4-5

лет, необъяснимо. Документально подтвержденный ответ можно дать только о неполных трех месяцах 1907 г., после чего как дирижер или руководитель оперного товарищества А. Эйхенвальд работал уже в Австрии (1908), Тифлисе (1909–1910) и Харькове (1911), что следует не только из его трудового списка, но и многих других документов.

До 1946 г., когда была обнародована версия о встречах А. Эйхенвальда с Тукаем, композитор датировал свое пребывание в Казани иначе: сначала (в интервью В. Зензу) – 1912–1917 гг., затем (в трудовом списке) – 1915–1920 гг., которые, частично налагаясь друг на друга, охватывают в целом 8–9-летний период в пределах 1912–1920 гг. Но приурочить придуманные только в 1946 г. встречи с Г. Тукаем именно к этому времени было невозможно: в 1912–1913 гг. Тукаю было не до подобных встреч. Еще в апреле-мае 1912 г. диагностированный как больной последней стадией туберкулеза легких [13, с. 179], Тукай в последующее время тяжело болел и 2 апреля 1913 г. скончался.

Не вызывает сомнения, что перемещение в «Страстном поклоннике музыки» [1] хронологических рамок предполагаемого 4–5-летнего периода жизни А. Эйхенвальда в Казани на 5–8 лет вперед, сравнительно с предыдущими датировками, самими по себе тоже весьма сомнительными, понадобилось именно для того, чтобы иметь возможность вместить предполагаемые встречи с поэтом в пределы жизни Г. Тукая. Но подобная хронологическая передвижка, необходимая для подтверждения несуществующего факта, создавая внешние условия для технической возможности встреч А. Эйхенвальда с Г. Тукаем, полностью разрушает картину служебной деятельности самого композитора. Если согласиться с тем, что он жил в Казани не в 1912–1920 гг., а, по версии 1946 г., в ничем не подтвержденные 1907–1911 гг., встает вопрос, а чем же он занимался в 1912–1920 гг.? Неужели жил в праздности, оставаясь безработным? С другой стороны, если в 1907–1911 гг. А. Эйхенвальд был занят исключительно казанскими встречами с Г. Тукаем и Н. Ф. Катановым (других дел у него здесь не было), то кто же в 1908–1911 гг. под его фамилией работал в Австрии, Тифлисе и Харькове?

Правдоподобные ответы на эти риторические вопросы, разумеется, найти невозможно. Видимо, они не предполагались, и необходимость соблюдать цельность и непрерывность служебной деятельности самого А. Эйхенвальда

не принималась им во внимание. В связи с Казанью единственный реально доказуемый факт из этой хронологической абракадабры это тот, что в течение нескольких месяцев 1907 г. А. Эйхенвальд, действительно, находился в городе, а дней тридцать-тридцать два из них – одновременно с Г. Тукаем. Но последнее еще не может свидетельствовать о том, что их встречи были неминуемы, для осуществления последних требовались соответствующие условия.

А. Эйхенвальд приехал в Казань не позднее 6–7 сентября к открытию осеннего оперного сезона, продолжавшегося с 8 сентября по 2 декабря, после чего у дирижера и одного из руководителей оперного товарищества, в качестве которых он здесь пребывал, не было никакого повода задерживаться в городе. Г. Тукай же, ехавший из Уральска на рекрутский смотр, заехал в Казань в начале октября (точная дата не известна) и, едва успев познакомиться с несколькими татарскими писателями и журналистами, отправился в Заказанье, откуда он был родом. Известно, что после сборов, завершившихся, по свидетельству И. Нуруллина, 27 октября, на обратном пути в Казань Тукай на короткое время заезжал в деревню Каенсар навестить сводную сестру матери Сажиду [14, с. 100]. Сколько он там пробыл, современниками Г. Тукая определяется по-разному, но, если ориентироваться даже на минимум, он мог вернуться в Казань не ранее последних чисел октября. Таким образом, для того чтобы познакомиться и, по крайней мере, несколько раз встретиться, Г. Тукай и А. Эйхенвальд располагали только ноябем и двумя-тремя днями декабря 1907 г. Но в это время каждый из них был слишком сосредоточен на своих собственных проблемах.

В качестве дирижера оперной труппы А. Эйхенвальд вечерами был занят спектаклями, а днем – новыми постановками систематически обновлявшегося репертуара, разучиванием с певцами партий, разного рода репетициями. Дополнительно к этому, 9 ноября, вместе с дирижером Р. А. Гуммертом он провел требующий предварительной подготовки симфонический концерт, посвященный памяти Грига, 15 ноября отпраздновал свой бенефис и 10-летний юбилей артистической деятельности. На Эйхенвальда также была возложена ответственная и отнимающая много времени административная работа, внешне остающаяся в тени. Дирижеру было не до татарского музыкального фольклора, тем более ему пока еще совершенно

незнакомому. В тех городах, где до этого проходила его музыкально-театральная жизнь (Екатеринбург, Житомир, Каменец-Подольск, Москва, Одесса, Пермь, Саратов, Тифлис, Харьков, а также в течение нескольких дней 1903 г. Казань), с народным искусством казанских татар А. Эйхенвальд не соприкасался ввиду отсутствия там компактных вкраплений казанско-татарского населения. Музыка же крымских татар, которую теоретически он мог слушать в Тифлисе, как предмет профессионального обсуждения с Г. Тукаем не годилась.

У поэта же была своя жизнь. После возвращения из Заказанья Г. Тукай решил, не возвращаясь в Уральск, обосноваться в Казани навсегда. Ему требовалось освоиться здесь и войти в новый для него мир «столичной» творческой интеллигенции. Поэт продолжал постепенно расширять круг знакомых из татарского литературного и издательского мира, известных ему до этого только по именам. Новая обстановка и новые люди окрыляли его. Наряду с маститыми мэтрами, среди новых знакомых поэта появились и его сверстники, с которыми Тукай поначалу хотел бы сравняться. «Слава Аллаху! Здесь не скучно. Много друзей-приятелей, интеллигентных людей, разговариваем, смеемся, читаем, дискутируем. Как интересно», – писал он Г. Кариеву в Уральск 30 декабря 1907 г. [15, с. 297] Как видно из письма Тукая Г. Усмановой от 27 марта 1908 г., о притягательности казанской молодежной среды, в которой встречались и образованные девушки, и об увлеченности обществом новых друзей-товарищей поэт не раз писал и своей тетушке [Там же, с. 298]. Г. Тукай высоко оценил совсем иной, чем в Уральске, уровень интеллектуальной и культурной жизни города, здесь он чувствовал себя среди близких по духу людей. Вместе с этим он явственно ощутил пробелы своего образования и, не теряя времени, принялся за их устранение.

Но, кроме освоения нового мира, было нечто более важное или неотложное – творчество и повседневные материальные заботы. Будучи человеком необеспеченным, Г. Тукай был вынужден без особых промедлений подыскивать себе работу. Отказавшись от кое-каких предложений о постоянном сотрудничестве на оплачиваемой основе, поэт безвозмездно вкладывал свой труд в близкую ему по духу газету Ф. Амирхана и В. Бахтиярова «Аль-Ислах», только-только вступающую в жизнь (ее первый номер вышел 3 октября), на что тратил немалое время. «Только по собственной инициативе

служу „Аль-Ислаху“. Жалование получаю в другом месте», – сообщал он в том же письме Кариеву, хотя постоянного заработка в Казани у него еще не было [Там же, с. 297]. Не прерывал Г. Тукай и собственной творческой работы.

С 5 ноября 1907 до 1 января 1908 г. включительно газета «Аль-Ислах» впервые опубликовала восемь ранее не издававшихся стихотворений и две аналогичные статьи Тукая. Тогда же с участием поэта были подготовлены к печати и, согласно титульным листам², изданы как третья и четвертая тетради серии «Из „Библиотеки поэзии“» его два первых поэтических сборника под одинаковым названием «Габдулла Тукаев шигырьләре» («Стихотворения Габдуллы Тукаева») [17]. В сборники включены в том числе и шестнадцать (по восемь в каждом) стихотворений, публикуемых впервые. Можно предположить, что некоторые из них были написаны уже в Казани, что, впрочем, необязательно: Г. Шараф писал, например, что «Шүрәле» («Шурале») и «Китмибез!» («Не уйдем!») были присланы ему Тукаем еще из Уральска примерно за месяц до получения издателем письма поэта от 5 июля 1907 г., то есть в июне (см.: Шәрәф. Г. Тукай тугрысында истә калганнар [13, с. 97]). Пути А. Эйхенвальда и Г. Тукая, поглощенных собственными неотложными делами, в Казани никогда не пересекались. У них были разные интересы и не соприкасающийся круг знакомых. Что они знали или могли знать друг о друге в 1907 г., кто и где представил их друг другу, зачем и кто из них искал знакомства с другим или их свел случай? Эти вопросы требовали от автора «Страстного поклонника музыки» ответа [1]. И он их посвоему придумал.

В «Страстном поклоннике музыки» [1] А. Эйхенвальд свидетельствует, что с Г. Тукаем он встречался в кабинете экспериментальной фонетики Казанского университета, работая там вместе с Н. Ф. Катановым. В «Шляпинне и Тукае...» [2] тот же самый А. Эйхенвальд рассказывает Л. Рубинштейну, что познакомился с поэтом в лесу, а позднее ходил вместе с ним по деревням, записывая песни. Обе версии не выдерживают критики по нескольким параметрам.

² На титульном листе второго сборника дата его выхода указана как 1907-й, на обложке – как 1908-й, в «Книге Казанского временного комитета по делам печати на запись всех выпшедших произведений» [16] (НА РТ. Ф. 420. Оп. 1.) – как 5 января 1908 года, то есть по цензурным и техническим соображениям выход книги был задержан на несколько дней.

В 1907–1911 гг. встречаться с Г. Тукаем именно в кабинете экспериментальной фонетики А. Эйхенвальд не мог, поскольку его собственные встречи с Н. Ф. Катановым происходили приблизительно в 1917–1919 гг. Попробуем поискать ответы на вопросы, представленные ниже.

1. А бывал ли когда-нибудь в кабинете фонетики Г. Тукай (пусть даже без А. Эйхенвальда)?

2. А если бывал, для чего там ему мог понадобиться именно Н. Ф. Катанов, привлекаемый А. Эйхенвальдом в качестве переводчика текстов татарских народных песен, а не, предположим, специалиста по вопросам фонетики?

О научном интересе Г. Тукая к фонетике татарского языка и посещениях им университетского экспериментального кабинета ни в его собственном литературном наследии, ни в касающейся жизни и творчества поэта литературе сведений нет. Для записи или расшифровки текстов татарских народных песен ни в фонографе для их записи, ни в помощи Н. Ф. Катанова для их расшифровки Г. Тукай не нуждался. А для перевода с русского на татарский или наоборот, в чем Н. Ф. Катанов мог бы помогать русскоязычному А. Эйхенвальду, ученый Г. Тукаю был не только не нужен, но, скорее всего, даже опасен. Любой встречи с ним на протяжении 1907–1911 гг. и вплоть до своей смерти поэт наверняка постарался бы избежать даже при острой необходимости, что связано с некоторыми обстоятельствами прохождения через цензуру его второго поэтического сборника.

В ноябре-декабре 1907 г. было задержано, хотя и ненадолго, издание второго сборника «Габдулла Тукай шигырьләре» (4 выпуск серии «Из „Библиотеки поэзии“»). Несмотря на то что на титульном листе год издания обозначен как 1907, сборник фактически вышел в свет 6 января 1908 г. Этим же годом датирована и обложка. Тогда задержка была связана с отдельными претензиями к автору со стороны Казанского Временного комитета по делам печати, позднее выдвинувшего против Г. Тукая серьезные обвинения и пытавшегося предать его суду за стихотворения «Хөррият хакында» («О свободе»), «Мәдрәсәдән чыккан шәкертләр ни диләр?» (Что рассказывают шакирды, покинувшие медресе»), «„Тавыш“ хакында» («О газете „Тавыш“») и «Китмибез!» («Не уйдем!»), входившие в этот сборник, хотя три первых из них без всяких последствий для автора в 1905 и 1907 гг. уже публиковались в газетах «Фикер»

(Уральск) и «Тавыш» (Казань), тогда цензура их не задерживала. В итоге не запретила она и данный сборник стихотворений поэта. Ее вмешательство ограничилось вымаркой двух строчек и заменой одного слова в стихотворении «Хөррият хакында» [18, с. 360–361]. Однако на этом злоключения сборника не закончились. Освещая дальнейшие события вокруг него, историк Р. И. Нафигов писал: «Преследование поэта цензурой осуществлялось по указанию жандармерии и длилось годами – до самой кончины Г. Тукая. Приведем один документ.

В отношении Казанского Временного комитета по делам печати в Главное управление (по делам печати МВД. – Ю. И.) от 26 ноября 1911 г. за подписью (председателя комитета. – Ю. И.) М. Н. Пинегина предлагается привлечь к суду Абдуллу Тукаева за сборник «Стихотворения», Казань, 1907 г.» [19, с. 171].

Согласно Р. И. Нафигову, Казанский временный комитет по делам печати считал необходимым утвердить арест сборника и привлечь автора к судебной ответственности на основании статей 1034 (пункт 3) Уложения о наказаниях и 129 (пункты 2, 6) Уголовного уложения. Если бы Казанская судебная палата не отклонила представление, при осуждении по указанным статьям «поэт никогда бы не вышел из тюрьмы», считает автор книги [22, с. 172].

К сожалению, с подлинником документа, из которого исходил Р. И. Нафигов (ЦГИАЛ. Ф. 776. Оп. 21. Д. 260. Л. 2, 3), познакомиться не удалось, но, возможно, он перепутал названия («отношение» и «представление») и адресатов двух документов, написанных по поводу одного и того же сборника. Как следует из приписки от руки в письме Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел России от 5 апреля 1912 г. (№ 4417) в Казанский временный комитет по делам печати, существовало два документа, направленных Казанским комитетом в две разные инстанции: 1) «отношение прокурору Казанской судебной палаты от 26 ноября 1911 года за № 1856») и 2) «представление... в Главное управление от 28 ноября 1911 года за № 1869, по поводу наложения ареста на брошюру на татарском языке под заглавием „Стихотворения Абдуллы Тукаева“». Главное управление просило Казанский комитет доставить копию последнего «по встретившейся надобности» [19, с. 196]. Если Р. И. Нафигов пишет о документе от 26 ноября 1911 г., то его адресатом является не Комитет

по делам печати МВД, а прокурор Казанской судебной палаты.

Из-за недостатка сведений картина цензурного преследования Г. Тукая остается во многом неясной. Например, начало процедуры привлечения автора к суду только в 1911 г., тогда как сборник вышел на рубеже 1907–1908 гг., представляется не очень логичным. К тому же в 1909 г. сборник получил цензурное разрешение на переиздание с выпуском двух («Хөррият хакында» и «Китмибез!») из четырех «крамольных» стихотворений, а претензии цензуры к стихотворениям «Мәдрәсәдән чыккан шәкертләр ни диләр?» и «„Тавыш“ турында», казалось бы, были уже сняты. Арестовывать же давно распроданный сборник 1907 г. в 1911 г. было уже поздно и неуместно, как тукаевскому Шурале изливать обиды на находчивого Бытыра. Похоже, что документы из архивов Главного управления по делам печати и его казанского подразделения связаны не с началом процесса, а с каким-то его этапом или началом нового круга попыток во что бы то ни стало осудить Г. Тукая, тем более что, по утверждению Р. И. Нафигова, в декабре 1911 и в апреле 1912 г. «дело» еще продолжалось. О продолжении дела может свидетельствовать и появление письма Главного управления по делам печати от 5 апреля 1912 г.

Как бы то ни было, но, видимо, именно в ноябре 1911 г. дело стало принимать особо опасный поворот, на что Г. Тукай уже не мог не обращать внимания. В середине декабря он срочно вызвал в Казань Кабира Амирова (сына своего деда Зиннатуллы от второй жены, то есть сводного брата своей матери) и через несколько дней завернутого в тулуп, не способного самостоятельно передвигаться больного поэта привезли к Амирову в деревню Учили. Здесь Г. Тукай прожил примерно до середины февраля и при хорошем уходе несколько окреп, стал ходить, общаться с соседями, понемногу работать. Но причина его отъезда из Казани крылась не только в обострении болезни. Р. Амирова-Ахметзянова, в то время жена Кабира, вспоминала, что в деревне Г. Тукай остерегался попадаться на глаза чужим людям, просил никого к нему не пускать и казанского адреса никому не давать, постоянно подозревал, что его контролируют и перепроверяют, свои рукописи отдавал жене Амирова, а тот при случае отправлял их почтой в Казань. Узнав, что им интересуются посторонние для деревни люди, Тукай поспешил оттуда уехать [20, с. 156–158].

Н. Ф. Катанов же к этой истории не имеет то отношение, что в Казанском временном комитете по делам печати в 1907–1912 гг. цензурой татарских книг, несмотря на манифест 1905 г. в Казани сохраненной, занимался именно он. Кроме того, этнограф читал, переводил или писал отзывы на все материалы на татарском языке, поступавшие из судебных органов, а также от жандармского начальника и казанского губернатора. Как свидетельствует А. Каримуллин, с марта 1909 по октябрь 1912 г. Н. Ф. Катанов, освобожденный по большой загруженности от цензирования книг, «был специально занят исполнением секретных поручений по прочтению рукописей, книг, брошюр, присылаемых в Комитет губернской администрации, жандармским управлением и судебными учреждениями (145. Л. 27). <...> Он был не просто переводчиком, но и экспертом, определявшим преступность рассматриваемого материала» [21, с. 210].

Зачем бы Тукаю следовало в 1907–1911 гг. встречаться с Н. Ф. Катановым по какому бы то ни было вопросу, особенно ему совершенно не нужному, и лишний раз напоминать о себе? Можно допустить, что после публикации «Страстного поклонника музыки» [1] кто-то из уфимского татаро-башкирского окружения А. Эйхенвальда упрекнул его в надуманности эпизода с кабинетом фонетики и именно поэтому и была придумана еще более нереально выглядящая встреча в лесу.

По Л. Рубинштейну, якобы со слов А. Эйхенвальда выходит, что поэт и композитор каждый сам по себе в полном одиночестве бродили по зимнему лесу. Один, должно быть, в специально купленных сапогах, другой – в штиблетах или ботинках (Тукай сапог не носил, в валенках в Казани его тоже не видели, кстати, зимнего пальто у него тоже не было (см.: Рәмиев И. Хәтеремдә сакланганнарныннан [13, с. 139]), утопая, возможно, в нагромождениях подтаивающего снега (не расчистили же им там тропинку!) и в то же время изнемогая от летнего зноя, потому что тогда почему-то была не только «оттепель», но и «парило», они, видимо, не найдя, чем же еще здесь можно заниматься, кормили хлебом, на всякий случай или специально принесенным в карманах, неизвестного происхождения «лесных» воробьев, прилетевших к ним из неведомых краев, поскольку в казанском ареале из воробьев обитают только полевые и домовые.

Известно, что Г. Тукай любил и привлекал кошек и собак, но никто из его современников не заметил такого сильного пристрастия поэта к воробьям, чтобы для их кормления он, постоянно страдавший зябкостью, мог специально, в одиночку, бродить по ноябрьско-декабрьским лесам, добираясь до них пешком или на извозчике. Об отсутствии специального интереса поэта к воробьям свидетельствует и то, что в ряду диких птиц — персонажей его стихотворений (беркут, ворон, ворона, голубь, грач, коростель, ласточка, лебедь, орел, сова, сокол, соловей), воробей появляется лишь однажды — в стихотворении «Өч хэкыйкатъ» по «Трем правдам» А. Н. Майкова. В рассказе же Тукая для детей «Чыпчыклар һәм Кызытуш» («Воробьи и Снегирь/Зяблик/Малиновка») воробьи характеризуются как полевые воровы, за что мужик, свернув им шею, собирается съесть их с кашей, и автор не высказывает по этому поводу никаких сожалений.

Респектабельный и холеный А. Эйхенвальд в европейской одежде — и худой, маленького роста, с длинными тонкими руками, по внешнему облику воспринимающийся как неказистый 14-15-летний татарский мальчишка Г. Тукай, в великоватой, как с плеча старшего брата, бесформенной одежде непонятного кроя и назначения. Один — известный музыкант-космополит, не замеченный в пристрастии к татарской литературе и стихам на неизвестном ему татарском языке, другой — начинающий татарский поэт из маленького Уральска, не имеющий представления об опере и симфоническом оркестре и поэтому не проявляющий к ним интереса. Как и по чьей инициативе они, чужие и такие разные люди, могли при случайной встрече в лесу вступить в контакт, преодолеть разделяющие их барьеры и найти общую тему для разговора? Ведь Г. Тукай не так легко сходилась с людьми и в любом обществе всегда старался держать себя независимо и отстраненно. Во всяком случае завязывать разговор с незнакомым человеком из чужого мира и представляться ему Г. Тукай бы не стал.

Современники Г. Тукая, встречавшиеся с ним при разных обстоятельствах, вспоминали, что при первой встрече он не мог сразу освоиться не только с ранее ему совершенно неизвестными людьми, но даже с людьми из близких ему татарских литературных, театральных и издательских кругов, об именах и делах которых он хотя бы слышал. Ведь молчаливого Г. Тукая, промучившись около двух часов, не смог при первой встрече втянуть в полноцен-

ный разговор даже писатель (собрат!) Фатих Амирхан (см.: Әмирхан Ф. Тукай тугрысында искә төшкәннәр [Тм же, с. 78–79]), в дом которого поэт пришел сам, по собственной инициативе и именно для общения с писателем. Прежде чем наладить с кем-то полноценный контакт, Г. Тукай собеседника изучал, проверял, понемногу привыкал к нему. В полностью чужом окружении поэт чувствовал еще большее стеснение и неловкость. С незнакомыми людьми он не только не разговаривал, но был даже угрюм (см.: Бәхтияров В. Тукай турында кайбер истәлектәр [Там же, с. 91]).

Журналист Ш. Ахмеров, вспоминая Тукая, писал: «В взаимоотношениях с людьми был естественным, не менял своего поведения исходя из того, кто перед ним — уважаемый человек своего времени или какой-нибудь простолюдин, всех принимал одинаково и вместе с этим слегка прохладно; быстро разбирался в людях: тут же распознавал кто, как и чем дышит. Ни с кем сразу же, с первой встречи, не становился своим, с некоторыми людьми вообще не желал сближаться. Особенно не принимал тех, кто считал себя „кибар“ами (от „кибар“ — „аристократы“, араб.), принадлежащими к высшему слою — не переносил их, пренебрегал ими, не вступал с ними в разговор, а если разговаривал, то с иронией в подтексте...» (см.: Әхмәров Ш. Г. Тукай турында исемдә калганнар [Там же, с. 192]).

Не надо забывать, что в 1907 г. Г. Тукай еще не был тем поэтом, каким через несколько последующих лет его узнал читающий тюркский мир и сведения о котором уже начали проникать в издания на русском языке. А по неказистому внешнему виду его сначала принимали чуть ли не за недостойного внимания мальчишку-посыльного даже повидавшие разного люду татарские писатели-демократы и только через какое-то время, выяснив наконец, кто именно перед ними находится, считали необходимым заново поздороваться с поэтом как положено по татарским обычаям и переходили на уважительный тон. Драматург Галиаскар Камал писал о тяжелом впечатлении от такой, вопреки ожиданиям, «несолидной» внешности Г. Тукая и тут же невольно всплывшей в памяти арабской пословицы «Знать Мугайди по его речи лучше, чем видя его воочию» (см.: Камал Г. Габдулла Тукай турында истәлек [Там же, с. 74]).

А если А. Эйхенвальд, в отличие от других, сразу распознал в этом неказистом мальчишке (такое — «подростковое» — впечатление Г. Ту-

кай производил до конца своих дней) будущего большого поэта, решил заговорить с ним, а тот в разговор вступил и по своей воле поведал незнакомцу, что он татарский поэт, то по каким внешним признакам А. Эйхенвальд определил, что Г. Тукай может разбираться еще и в вопросах гармонизации, и попросил его о профессиональной помощи? Не проще ли было композитору, впервые приступающему к обработке татарских народных напевов, начать с поисков консультантов среди казанских музыкантов-профессионалов или татарских исполнителей народной музыки, которые в татарской среде уже стали появляться?

Но в «Страстном поклоннике музыки» [1] речь идет даже не об одной, случайной, а о многократных встречах, посвященных ознакомлению Г. Тукая с обработками А. Эйхенвальда, их последующему анализу и обучению композитора правильной гармонизации пентатонных народных мелодий («Мои встречи с Габдуллой Тукаем были неоднократны»; «Работая в Казанском университете... в 1907–1911 годах, я часто встречался с Г. Тукаем»; «Не один час мы с ним просиживали в дружеской беседе»; «После долгой и упорной работы... после внимательных и кропотливых анализов всех замечаний Тукая я понял...»). Встречи эти должны были происходить уже не в лесу, а в помещении с роялем или фортепьяно, но, видимо, в таком тайном и безлюдном месте, что, если бы не А. Эйхенвальд, до 1946 г. никто об этом и не подозревал. Подобное настолько противоречит образу жизни, привычкам и характеру Тукая, что недопустимо даже в качестве предположения.

«Тукай чутко прислушивался к тем гармониям, которые я применял к татарской и башкирской музыке, и, несмотря на то, что он не был профессиональным музыкантом, изумительно чувствовал, какая гармония роднилась с татарской музыкой и какая была ей чужда», – написано от имени А. Эйхенвальда в «Страстном поклоннике музыки». В том, что Г. Тукай хорошо понимал специфические особенности татарской народной музыки и тонко чувствовал ее «душу», самобытный характер, сомневаться не приходится. Достаточно хотя бы познакомиться с конспектом лекции «Народная литература», прочитанной Тукаем в казанском Восточном клубе 15 апреля 1910 г. [22]. Послушав народные песни в гармонизации А. Эйхенвальда, Г. Тукай

без промедления ответил бы на вопросы – сохранилось ли в них национальное начало, звучны ли они по духу татарским народным песням, примет ли их татарский слушатель как родственные его душе и менталитету, захочет ли он их слушать и петь. Но это было бы сделано с эмоционально-психологических позиций. Оценить же каждую «гармонию», то есть в данном случае каждый аккорд, объяснить, почему он не годится, и предложить свою гармонизацию Г. Тукаю было не по силам. Да и в целом анализировать с этих позиций каждую гармонию – занятие бессмысленное и бесперспективное. Впервые в жизни встретившись с понятием «гармонизация», поэт в этой области не мог быть ни экспертом, ни педагогом, для этого ему пришлось бы предварительно самому, хотя бы практически («на слух»), поработать в этом направлении в течение нескольких лет и приобрести какой-никакой опыт.

Для того чтобы в вопросах гармонизации татарских напевов открыть А. Эйхенвальду то, чего не дали композитору его «познания и многолетние труды по музыке, основанные на европейской музыкальной технике», Г. Тукай должен был бы иметь соответствующее музыкальное образование, поэтому автор воспоминаний, считая, видимо, необходимым поднять музыкальный престиж поэта в глазах читателей, наделил его несвойственными поэту качествами и опытом музыкального этнографа и композитора. Однако о музыкально-этнографической и композиторской деятельности Г. Тукая, придуманной автором «Страстного поклонника музыки» [1], никому ничего не известно. Это – откровенная дезинформация.

В «Страстном поклоннике музыки» [1] сообщается, что «Тукай сам собирал народные напевы». А в «Шляпине и Тукае...» [2] А. Эйхенвальду приписаны слова: «Часто мы вдвоем ходили по татарским деревням. Он помогал мне записывать песни».

Как можно понять из биографий Г. Тукая и воспоминаний современников поэта, в казанский период жизни он никогда ни с какими намерениями ни в одиночку, ни в компании с кем-либо, ни тем более с А. Эйхенвальдом по деревням не ходил. Ничего не известно не только о фольклорных экспедициях, но даже о поездках или пеших походах Г. Тукая к сельским родственникам ни на отдых, ни на семейные праздники. Если декабрь 1911 – февраль 1912 г. он провел в деревне Учили, то он туда,

строго говоря, не пришел и не приехал, а, по просьбе родственников, во время обострения болезни был привезен почти в беспамятственном состоянии и на руках внесен в дом и мало с кем из деревенских общался.

Народные напевы Г. Тукай никогда не только не собирал, но не мог заниматься такого рода деятельностью в принципе, поскольку не владел нотной письменностью, а фонографа у него не было. Что касается собирания народных песен (текстов), то сам поэт занимался этим не путем специального научного опроса «информаторов», а прекрасной памятью на стихи, свойственной поэтам, запоминая их из случайного воспроизведения кем-либо в разных естественных жизненных условиях, а некоторые даже заносил в особую тетрадь. Правда, во время учебы в медресе он просил некоторых шакирдов, уезжавших на каникулы в родные деревни, записывать для него песни тех местностей. Неизвестно, делались ли такие записи, а если делались, то наверняка тоже в естественных условиях.

Тукаю случалось целенаправленно искать варианты заинтересовавших его произведений: например, повествования (жанровое определение Тукая) «Сак-Сок», разрозненные байты которого не давали, с его точки зрения, полного представления о сюжете произведения, или истории некоторых песен. Но при этом Тукай не пошел по Казани с карандашом в руках, а попросил осведомленных людей поделиться с известными им сведениями письменно. В случае с «Сак-Сок» на его просьбу откликнулся купец М.-Ф. Мусин. Это происходило в рамках проявления обычного пытливого интереса литератора, живущего творческой жизнью, и не отличалось системностью специалиста-собираателя, хотя к этому Тукай шел по условиям своей собственной жизни.

Г. Тукай понимал необходимость публикации произведений татарской народной литературы и в 1910 г. даже издал небольшой собственный сборник «Народные мотивы» [23]. Но сделал это не как документалист, собиратель-ученый, накрепко прикованный к каждому конкретному тексту, услышанному подчас в воспроизведении не самого чуткого к литературе человека, а как талантливый писатель, восстанавливающий исходный текст произведения и вносящий в него необходимую литературную правку. Например, из обширной записи Мусина Г. Тукай оставил только, с его точки зрения, наиболее содержательные байты. При

публикации текстов протяжных песен он воспроизвел только чистый текст, вне связи с мелодическим распевом, предоставив будущим исполнителям, в зависимости от конкретного напева, самим выбирать, как это свойственно исполнителям татарских народных песен, всякого рода словесные вставки, не имеющие самостоятельного смысла, а только удлиняющие отдельные стихи соответственно мелодии.

Г. Тукай собирался продолжать такую работу и в дальнейшем. Если бы дошло до воплощения его планов в жизнь, то, может быть, поэт когда-нибудь и пошел бы по деревням.

«Вспоминая» о Тукае, А. Эйхенвальд писал: «...часто приходилось поражаться, когда он... сам создавал-сочинял мелодии»; «...созданные им немногочисленные мелодии производят неотразимое впечатление».

Поскольку композитор писал о музыкальном сочинительстве Г. Тукая как о процессе, многократно происходившем на его глазах, появление такого вымысла нельзя объяснить даже хотя бы его искренним заблуждением, принявшим сведения о частом пении поэтом народных песен за сведения об исполнении им своих собственных сочинений. Как опытный собиратель татарских и башкирских народных песен, А. Эйхенвальд в 1946 г. не должен был отнести к собственному музыкальному творчеству Г. Тукая и известные народные песни «Тәфтиләү» («Тафтиляу») и «Әллүки» («Аллюки»), в XX веке певшиеся преимущественно на его слова, но в дотукаевские времена, да и после, певшиеся и на другие тексты, произвольно выбираемые или сочиняемые самими народными исполнителями.

Неподтвержденные сведения о том, что Г. Тукай сочинял собственные мелодии, в научной и мемуарной литературе, кроме «Страстного поклонника музыки» [1], встречаются лишь однажды – в книге Нафигова «Тукай и его окружение». По словам Р. И. Нафигова, Г. М. Тухватуллин (скорее всего, младший сын Мутыгуллы Тухватуллина – имама медресе «Мутыгия», где учился Тукай) в беседе с ним в 1957 г. в Уральске утверждал, что Тукай сочинил собственную мелодию на слова песни «Гирэй-гирэй»³.

³ Произведение наименовано по звукоподражательным словам без четкого смысла; в данном случае их можно расшифровать как подражание гусиному гоготу.

«Собеседник наш высказал предположение, что юный Тукай пел эту песню в честь своего друга Муртазы Шарипова, скончавшегося от туберкулеза», – объяснил историк побудительный мотив Тукая к творчеству [19, с. 42]. Какая-либо характеристика напева здесь не дана, а вопрос, сделал ли автор книги его фонозапись, остается без ответа. Но историк приводит 8–7-сложную строфу поэтического текста этой песни:

«Кыйгактай, кыйгактай гына каз кычкыра,
8+4

Кайсы күлнең, *гирэй-гирэй*, каз(ы) икән. 7+4

Эчем поша, йөрәгем яна, 8 («йө-рэ» произносится скороговоркой, вмещающаяся в долю одного слога)

Әллә гом(е)рем, *гирэй-гирэй*, аз микән?»
7+4

Другая из строф этой песни или, точнее, ее 10–9-сложный вариант встречается в воспоминаниях соученика Тукая Ш. Каюмова [20, с. 49], включающих интересные сведения о песенном репертуаре Тукая-шакирда. Рассказывая, как восемь-девять шакирдов, в том числе Г. Тукай и М. Шарипов, выезжали во время весеннего половодья на место слияния рек Урал и Чаган на пикник, Каюмов как текст одной из любимых и часто исполняемых песен поэта приводит следующую поэтическую строфу:

Челтәрле күперләре сиксән такта, 10 +1

Кемнәр йөри икәнләү, *герерэй-герерэй*, *хай*,
бу чакта. 9+8

Сау бул да сау бул дигән чакта, 9

Сулкылдап ук елыйдыр, *герерэй-герерэй*,
хай, кочакта. 9+8

Напев, где распеваются подобные «протяженные» 10–9-сложные в своей основе стихи, усложненные дополнительными многосложными вставками, без сомнения, должен быть напевом протяжной песни сложной структуры. И создание, и исполнение таких напевов требуют высокого мастерства. Хотя не исключено, но все же сомнительно, что еще совсем молодой Тукай мог бы справиться с такой трудной творческой задачей даже при высокой музыкальной одаренности. А если справился, почему на этом остановился и ничего другого не сочинял? Ведь одаренность не пропадает.

Поскольку Г. Тукаю случалось петь на этот напев еще при жизни М. Шарипова, можно было бы предположить, что Г. М. Тухватуллин, скорее всего, рассказывал Р. И. Нафигову о создании Г. Тукаем не новой песни-напева, а новой песни-стихотворения на известную ме-

лодию, как, например, было с такими стихотворениями самого Г. Тукая, как «Милли моңнар» («Национальные мелодии») и «Эштән чыгарылган татар кызына» («Опозоренной татарской девушке»), написанными на мотив татарской народной песни «Зиләйлүк». Если разговор с Р. И. Нафиговым шел на русском языке, историк мог не разобраться в несовпадающей и запутанной татарско-русской терминологии. Слова «жыр язды» татарин, хорошо владеющий родным языком, поймет как «написал стихи, предназначенные для песенного исполнения», а незнающий или плохо знающий татарский язык – как «написал песню-мелодию», хотя в русском языке термин «песня» как обозначение поэтического жанра тоже существует.

Однако предположение о возможности принадлежности текста Г. Тукаю опровергается самим поэтом. В сборнике «Халык моңнары» в разделе «На мотивы протяжных песен» как текст народного происхождения им приведен еще один вариант данного текста:

Челтәрле дә күпер сиксән такта, 10

Кемнәр жөри икән бу чакта; 9

Саубыл да гына саубул дигән чакта, 10
(«гы-на» произносится как «гна»)

Сулкь-сулкь итеп жылый кочакта. 9 [19].

Поскольку Г. Тукай не включил в издание дополнительные вставки, при необходимости используемые исполнителями при приспособлении текста к разным напевам, структура текста здесь соответствует традиционному народному 10–9-сложнику, и текст может быть распет на какой угодно традиционный протяжный напев. Кстати, на примере трех вариантов этого текста очень хорошо видно, как отличается запись одаренного поэта от в разной степени не причастных к творчеству других «информаторов».

До тех пор пока напев, о котором поведал Г. М. Тухватуллин, не обнаружен и не проанализирован, вопрос об авторстве Г. Тукая по отношению к этому конкретному произведению остается открытым. Что же касается сочинительства Тукая в области музыки в целом, как и его музыкальной собирательской деятельности, то для их признания данных нет.

Однако еще более, чем неготовность Г. Тукая к обучению А. Эйхенвальда, которое приписано ему в «Страстном поклоннике музыки» [1], важно то, что он никогда за такое дело и не взялся бы. По многочисленным воспоминаниям современников поэта видно, что он никогда не

брался за дело, не будучи уверенным в его успешности: не хотел в случае провала ронять свое достоинство в глазах людей и портить свою репутацию.

«В чем бы ни заключалась проблема, Тукай весьма остерегался говорить свое резкое слово без ее тщательного изучения, без досконального понимания ее глубинной сути», – писал К. Мустакаев [13, с. 125]. Поэта не волновало, как окружающие люди воспринимают его в быту. Он был достаточно равнодушным к своей одежде, на казанских улицах на потеху прохожим с увлечением играл с детьми в бабки, до изнеможения крутился на карусели, усевшись верхом на деревянную лошадь. На попытки друзей, стыдившихся за него и пытавшихся оторвать от неподобающего взрослым людям времяпрепровождения, отмахивался как от пустяка. Но его сильно уязвляло проявление собственного неумения в какой-нибудь области интеллектуальной деятельности. В Кырлае маленький Тукай, не сумев ответить на уроке, плакал со стыда [24, с. 15]; повзрослев, никогда не брался за дело, которое он не сможет выдюжить и тем самым обнажит свою слабость. Примеров тому немало.

Переехав в Казань, Г. Тукай многих удивил, когда ответил отказом на приглашение газеты «Ахбар», но затем поступил в издательство «Китаб», где ему приходилось в том числе паковать книги и носить их на почту для отправления заказчикам. Позднее поэт как о большой тайне признался Г. Шарафу, что, хотя у него тогда хватало умения переводить с русского языка то, что привлекало его самого, но он еще не ощущал в себе силы переводить все, что ни дадут в «Ахбаре», и не хотел ставить себя в неловкое положение [13, с. 100–101]. «Ахбар» был не только литературной, но и общественно-политической и религиозной газетой, поэтому у Г. Тукая могли возникнуть непреодолимые трудности при поиске татарских или распространенных в татарском языке турецких и арабских терминов, эквивалентных русским (в частности, в татарских газетах перепечатывались сообщения русской прессы о событиях, происходящих в России и за рубежом), а употреблять в татарском языке большое количество терминов и понятий, заимствованных из русского, тогда было не принято и выглядело неуместно, да и не всегда поддавалось записи в арабской графике, употребляемой тогда татарами.

Как об одном из примеров взыскательного отношения Г. Тукая к своей работе можно на-

помнить о том, как он извинился перед аудиторией во время чтения лекции о народной литературе за недостаточное погружение в историю отдельных песен. Поэт объяснил, что из-за незапности объявления о лекции в газете не сумел запастись основательными историческими сведениями и поэтому сможет рассказать только о том, что ему известно, без специальной подготовки.

Несмотря на существование в Казани постоянных оперных сезонов, представления об опере как музыкально-театральном жанре Г. Тукай не имел. Получается так, что, пользуясь его помощью в течение четырех лет, А. Эйхенвальду почему-то не пришло в голову пригласить Г. Тукая даже на свои спектакли, не говоря уже о спектаклях трупп, выступавших в Казани в 1908–1911 гг. С оперной музыкой Г. Тукай впервые познакомился только весной 1912 г. в Санкт-Петербурге в гостях у редактора газеты «Нур» С. Баязидова, послушав в граммофонной записи отрывки из «Евгения Онегина» Чайковского. Когда присутствовавший при этом писатель и журналист Кабир Бакир удивился, как это Тукай, будучи поэтом, ухитрился до настоящих дней ни разу не побывать на оперном спектакле, тот с легким сердцем (небрежно) ответил: «Силком никто не повел, а просто так, видать, не случилось» [20, с. 178].

Результаты исследования

В ходе критического анализа воспоминаний А. Эйхенвальда о встречах и работе с Г. Тукаем было доказано, что данные тексты не являются мемуарными. В них факты из биографии известных деятелей культуры подвергнуты грубым подтасовкам и часто не соответствуют действительности.

Выводы

Разобранные в нашей статье источники: «Страстный поклонник музыки», опубликованный под именем самого А. Эйхенвальда [1], «Шалаяпин и Тукай...», – под именем Л. Рубинштейна, записавшего устные воспоминания А. Эйхенвальда о взаимоотношениях поэта с ним самим и Ф. И. Шалаяпиным [2], написаны сторонними авторами, мало ориентирующимися в биографических сведениях А. Эйхенвальда, Г. Тукая, Ф. Шалаяпина. Перед нами яркий случай мистификации при разработке тукаевского мифа в татарской культуре. Отрадно, что серьезные ученые-литературоведы, занимавшиеся творчеством Г. Тукая специально, не

только обошли их стороной, но и вообще проигнорировали их как объект научного анализа.

Литература

1. *Эйхенвальд А.* Страстный поклонник музыки // Красная Башкирия. 1946. 27 апр. (№ 84).
2. *Рубинштейн Л.* Шаляпин и Тукай... // Дружба народов. 1969. № 9. С. 284–285.
3. *Гайнуллин М.* Тукай – тәнкыйтьче // Габдулла Тукай: шагыйрьнең тууына алтмыш ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары. 1886–1946 // СССР Фәннәр академиясе. Казан филиалы. Тел, әдәбият һәм тарих ин-ты. Казан: Татгосиздат, 1948. 75 б.
4. «1907 – 1911 елларда...» // Тукайга чәчәкләр: шагыйрь турында шигырьләр һәм фикерләр / [төз. Р. Фәйзуллин]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 116–117 б.
5. *Рубинштейн Л.* Шаляпин һәм Тукай / Гәрәй Рәхим тәрж. // Соц. Татарстан. 1970. 26 апр.
6. *Тукай Г.* Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909–1913) / төз., текст., иск. һәм анл. әзерл. 3. Р. Шәйхелисламов, Г. А. Хөснетдинова, Э. М. Галимжанова, 3. З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011.
7. *Исхакова-Вамба Р. А.* Тукай и татарская музыка / Р. А. Исхакова-Вамба; Ред. К. М. Хуснуллин; М-во культуры Респ. Татарстан, Гос. Центр татар. фольклора. Казань: Госкомстат РТ, 1997. 133 с.
8. *Тукаев Г.* «Тәфсирме? Тәржемәме?» // Аң. 1913. № 7. 15 март.
9. Вопросы истории, теории музыки и музыкального воспитания. Казань, 1975. Сб. 3. 181 с.
10. *Салитова Ф. Г.* // Поэт свободы и правды: Материалы Всесоюз. науч. конф. юбилей. торжеств, посв. 100-летию со дня рожд. Габдуллы Тукай / КНЦ АН СССР. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Казань, 1990. С. 315–316.
11. *Жәүһәрәва Ф.* Тукай тормышы белән бәйлә кайбер сәхифәләр / Ф. Жәүһәрәва // Түгәрәк уен : татар халык ижатын яктыртучы мәгълүмат-популяр альманах. 2011. № 1. 26–27 б.
12. *Гольцман, С. В.* Ф. И. Шаляпин в Казани / С. В. Гольцман – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 189 с.
13. *Халит Г.* Тукай турында замандашлары. Истәлекләр, мәкаләләр һәм әдәби әсәрләр жыйентыгы. Казан: Тат. кит. нәшр., 1960. 285 б.
14. *Нуруллин И.* Тукай / авториз. пер. с татар. Р. Фиша. М.: Мол. гвардия, 1977. 238 с.
15. *Тукай Г.* Әсәрләр: 4 томда. Казан: Татарстан кит. нәшр., 1977. 4-нче т.
16. Книг Казанского временного комитета по делам печати на запись всех выпшедших произведений // НА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Л. 179.
17. *Тукай Г.* Габдулла Тукаев шигырьләре. Казан: Шәрәф матбагасы, 1907. (Шигырьләр көтөпханәсеннән; 3 – 4-нче дәфт.). 4-нче дәфтәрнең тышлыгында: 1908.
18. *Тукай Г.* Әсәрләр: 4 томда. 1-нче т. 1975.
19. *Нафигов Р. И.* Тукай и его окружение. Казань : Татар. кн. изд-во, 1986. 207 б.
20. Габдулла Тукай: 1886–1913: фотоальбом / сост. и фотосъемка З. Баширова; текст М. Магдеева. (Казань), 1986. 238 с.
21. *Каримуллин А. Г.* Татарская книга начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. 319 с.
22. *Тукай Г.* Халык әдәбияты. Казан: И.Н. Харитонов лито-типографиясе, 1910. («Сабах» көтөпханәсе). 43 б.
23. Халык моңнары. Казан: «Сабах» көтөпханәсе, «Милләт» матбагасы. 1910. 24 б. «Жыночысы „Шүрәле“» имзасы белән).
24. Тукай турында хәтирәләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. 190 б.

А. ЭЙХЕНВАЛЬДНЫҢ Г. ТУКАЙ ТУРЫНДА ХАТИРӘЛӘР – ЧЫНБАРЛЫКМЫ, УЙЛАП ЧЫГАРЫЛГАНМЫ?

Йолдыз Нәкый кызы Исәнбәт¹,

Казан,
mileuscha@mail.ru

Хезмәт композитор Антон Эйхенвальд турында 2022–2023 елларда «Tatarica» журналында басылган мәкаләләр циклына карый: «1923 елда Казанда Шәрык музыкасының симфоник концерты» (2022, № 1), «Парижда «Шәрык музыкасы концертлары» (2022, № 2), «Антон Эйхенвальд һәм Казан музыкаль фольклор кабинеты» (2023, № 1), «Дала» фольклор операсы замандашларының кабул итүендә» (2023, № 2). Мәкаләдә А. Эйхенвальдның шагыйрь Г. Тукай белән очрашуы турындагы ике хәтирәсенә анализ ясаля. «Музыкага гашыйк кеше» мәкаләсе композиторның үз исеме белән чыккан, ә «Шаляпин һәм Тукай» – Л. Рубинштейн сөйләве

¹ Мәкаләнең авторы вафат булу сәбәпле, мәкалә басмага журнал таләпләренә ярашлы иттереп, мөхәррир М.М. Хәбәтдинова тарафыннан әзерләнде.

буенча. Тукайны житди өйрәнүчеләр әлеге чыганаclarга игътибар итмәгән. А. Эйхенвальд белән Ф. Шаляпинның Тукай белән очрашканлыгы турындагы имеш-мимешләр язучылар, әдәбият һәм музыка белгечләре тарафыннан куертылган, алар әлеге «ялган хатирәләргә» тәнкыйть күзлегә аша карый алмаган. Күрсәтелгән мәкаләләрнең әчтәлеген замандашларының хатирәләрен жәлеп итеп һәм башка документаль чыганаclarга таянып анализлау нигезендә, хезмәттә уйлап чыгарылган бу очрашуларның әлеге мәдәният эшлеклеләренең биографиясен төгәл белмәгән авторлар тарафыннан язылуы исбатлана.

Төп төшенчәләр: Татарлар, А. Эйхенвальд, Г. Тукай, Ф. Шаляпин, Л. Рубинштейн, Тукайны өйрәнү гыйлеме

Personalia

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-166-171

TATAR TELEVISION LEGEND

Gulshat Khabullovna Galimullina,

Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
56 Pushkin Str., Kazan, 420015, Russian Federation,
kirbi2@mail.ru.

Bikmurzina Flyura Gaptrakhmanovna (07/01/1939 – 10/14/2023) was an actress, television director, Honored Worker of Culture of the TASSR (1990) and People's Artist of the Republic of Tatarstan (1993). She was a graduate of the studio at the Kazan Bolshoi Drama Theater (1961), the Kazan Pedagogical Institute (1961) and the All-Union Institute of Television

Бикмурзина Флүрә Габдрахман кызы (01.07.1939 – 14.10.2023) – актриса, телевидение режиссёры, ТАССРның атказанган мәдәният хезмәткәре (1990), ТРның халык артисткасы (1993). Казан зур драма театры каршындагы студияне (1961), Казан педагогика институтын (1961), Бөтенсоюз телевидение һәм

Бикмурзина Флүрә Гаптрахмановна (01.07.1939 – 14.10.2023) – актриса, режиссер телевидения, заслуженный работник культуры ТАССР (1990), народная артистка РТ (1993). Выпускница студии при Казанском большом драматическом театре (1961), Казанского педагогического института (1961), Всесоюзного института работников теле

and Radio Broadcasting Workers
(Moscow, 1982).

радио хезмәткәрләре институтын
(Мәскәү, 1982) тәмамлаган.

видения и радиовещания (Москва,
1982).

On October 14, 2023, the Tatar television legend Bikmurzina Flyura Gaptrakhmanovna passed away. She would have turned 85 this year [1], [2], [3].

Flyura Bikmurzina was born on July 1, 1939 in the village of Starye Salmany, the Alkeevsky District. She began her acting career in 1959 at the Tatar Academic Theater, where she played several dramatic roles, gaining recognition from the audience. Her talent and professionalism were clearly seen from the first minutes of her appearance on stage.

In 1961, F. Bikmurzina graduated from the studio at the Kazan Bolshoi Drama Theater. It was a time of creative and hard work when she gained experience and knowledge that would be useful to her in the future. Firuza and Nazilya are her two key and memorable roles performed in the plays “Snowdrops” (“Umyrzayalar”) by Y. Aminov and “Milky Way” (“Kiek kaz yuly”) by A. Gilyazov. She was able to convey her characters’ complex emotions and experiences, immersing herself in their inner world. If she had stayed on stage, she would have become a theater star. However, it was television that attracted her.

In 1968, Flyura Bikmurzina, trying to expand her horizons, entered the Kazan Pedagogical Institute. The knowledge gained at the institute was useful to her while working in the children’s editorial office and working as the chief director of the information and socio-political programs management on television. In 1982, her desire for knowledge led Flyura Bikmurzina to the Moscow All-Union Institute of Television and Radio Broadcasting Workers where she studied the intricacies of work in this field and acquired the necessary skills for a successful career in the world of television and radio broadcasting.

From 1961, F. Bikmurzina’s life was inseparably connected with her work at the State Television and Radio Company (GTRK) “Tatarstan”. Having started her career as an assistant director, she gradually showed her abilities and in 1974 became a television director. This period was the time of her creative growth and professional development. However, her talent and energy were not limited only to performing the responsibilities of the director. In 1964–1965, she was the host of a children’s musical program in the Tatar language called “Bergölöp jырlyyk” (“Let’s Sing Together”). This program became a real event for children and their parents, because it united young talented perform-

ers and allowed them to demonstrate their abilities on television. Working on television expects people not only to be highly professional, but also to have a creative approach to each project: to be able to create unique images and convey emotions through the screen, making television programs bright and memorable.

Flyura Bikmurzina’s work was not limited to directing children’s programs, she also participated in television productions of the Kazan Television Studio. One of her brightest works was the role of Cordelia in the television film “King Lear” based on W. Shakespeare’s play of the same name (directed by V. Murzin, 1964). In this role, the actress was able to convey the full depth and complexity of the image of Cordelia, the beloved daughter of King Lear. Another important part that she played was the role of Mother in the television play “Sandugach sary bulmy” (“The Nightingale Is Not Yellow”) based on the play by R. Batulla (directed by A. Zaripov, 1989). In this role, the actress managed to express the complex emotions and experiences of the Mother; the performance of this role was convincing and touching. Her participation in television productions made it possible for F. Bikmurzina to demonstrate her multifaceted talent and her ability to cope with various genres and roles.

In 1980–1990, Flyura Bikmurzina prepared annual summary programs for Central Television, which were devoted to the most pressing topics in the socio-political, socio-economic and cultural life of the Republic. These programs allowed us to look at the year that passed from the perspective of various events and changes.

From 1998, she worked as the chief director of the information and socio-political programs management. Flyura Bikmurzina was the director of the series of programs “Man and the Law” (“Keshe һәм Law”), “Your Position” (“Seznñ Positionagez”), “Propagandist and Time” (“Propagandist һәм Zaman”), etc. These programs became real chronicles of modern life where the viewers could learn about important events, problems and achievements of our society.

The series of video films “Ikhlas” (“The Truth”) about outstanding politicians, scientists, writers, industrial managers and cultural figures of the Republic of Tatarstan deserves special attention. The work of Flyura Bikmurzina was an example of professionalism and dedication to her work. Her work as the chief director of the infor-

mation and socio-political programs management left an indelible mark on the history of television in Tatarstan.

In the mid-1990s, Flyura Bikmurzina, together with her youngest son Timur Bikmurzin, was preparing a series of economically oriented television programs for republican television broadcasting. She was the director in charge, he was the editor and presenter of the project. These TV shows, first "Business TV", then "EFI (Economics, Finance, Information)", "Tatarstan - the territory of small business" and others, became a real discovery not only for republican, but also for federal TV. For the first time, the main characters on-screen were not only heads of large enterprises, financiers and prominent economists, but also brave and energetic owners of their business: entrepreneurs and farmers.

One of F. Bikmurzina's main qualities was her tireless desire for self-improvement and creative growth. As a result, her programs were always relevant, interesting and informative. Working on television is not only a privilege, but also a huge responsibility. As a director of republican television, she was always aware of the importance of her creative mission. Her main goal was to show the truth. Be it the problems of our society, achievements of science and culture, or just wonderful stories about people and their amazing abilities.

It was always with pride that Flyura Bikmurzina spoke about her family. For her, being the mother of two sons, Lenar and Timur, was the most important and meaningful thing in life. She and her husband raised their children with love and care, helping them become independent and successful people.

Timur, a journalist with the information-analytical program "7 Days" on the New Century Channel, the author and presenter of many economically oriented television programs, said the following about his mother:

"For any person, the loss of his mother is the most bitter and irreplaceable thing. But for me, my mother's departure was especially painful and difficult. After all, she was my closest and dearest person, my mentor and teacher at the same time. My mother brought me to the television studio when I was still a child, while she was already an experienced director, an outstanding professional. And, probably, like a true professional, she did not specifically open any "secret doors" into the magical world of television for me (although she probably could have done so), she did not push me to choose a profession either. I made this choice later, it came naturally and logically. As far as I can understand now, my mother, of course, had something to do with it. Which makes me infinitely happy. Having a mentor like my mother

was a blessing in my professional development. After all, she was not just a great director, albeit at times very strict and demanding, but also an outstanding organizer and a skilled professional in many fields. It was my mother who taught me more than just the basics of the profession of a television journalist: how to work on camera, cope with anxiety and attract the attention of your interlocutor. She taught me to be honest and objective, to check and double-check facts and to analyze information. And most importantly, never to be indifferent to the fates of your heroes, show true interest in them. I would really like to think that I haven't let my mother down. I admit that the lion's share of all my achievements and successes I owe to my mother."

And here is what the former journalist of the Tatarstan State Television and Radio Broadcasting Company and currently the editor-in-chief of the newspaper "The Nasha Gazeta", Ilfat Faizrahmanov, writes:

"Flyura Gaptrakhmanovna was the chief director, and I was then the young manager of the department of information and socio-political programs. For all of us, she was more than the chief director, she was also an advisor, consultant and expert in our overall work. Her wealth of experience, wise words and clear recommendations became a source of our inspiration and a stimulus for our further development.

Flyura Gaptrakhmanovna was an integral part of our creative team. As one united team, we worked as coherently as possible, enhancing our innovative role in developing information and socio-political initiatives.

For me, this was a school for young people working in television, bringing innovation to its programs. We prepared a wealth of programs on political and economic topics: "Atna" ("A Week"), "Islah" ("The Truth"), "Kiybla", "Donya h m bez" ("The World and Us"), etc. These were witty programs with high ratings, the programs the viewer was waiting for. I can proudly say that our viewers were looking forward to our programs. I think today this success was possible only due to Flyura Gaptrakhmanovna. Her contribution to our work was invaluable, and we are deeply grateful to her for that. We remember her with respect and gratitude" [1].

Flyura Bikmurzina left an indelible mark on the history of Tatar television, becoming its true legend.

References

1. *Bikmurzina Flyura Gabdrakhmanovna* (2010) [Bikmurzina Flyura Gabdrakhmanovna]. *Tatarskaya ehntsiklopediya*, v 6 t. Gl. red. M. Kh. Khasanov, otvet. red. G. S. Sabirzyanov. T. 1: A–V. Pp. 383–384. Kazan', Institut Tatarskoi ehntsiklopedii AN RT. (In Russian)
2. Faizrahmanov, I. (2023). *Televidenie legendasy kite* [The TV Legend Is Gone]. *Beznen g j it*. Vypusk: No. 42. 25 oktyabr'. URL:

<https://beznen.ru/archive/yugaltu/241023/televidenie-legendasy-kitte> (accessed: 12.01.2024). (In Tatar)

3. Latypov, R. *“Televideniġe nigez saluchylarnyñ berse – Flera Bikmurzinanyñ vafatyn belmi dā kaldyk”* [“We didn't even know about the

death of Flera Bikmurzina, one of the founders of television”]. URL: <https://intertat.tatar/news/televideniġe-nigez-saluchylarnyn-berse-flera-bikmurzinanyñ-vafatyn-belmi-da-kaldyk-5862040> (accessed: 12.01.2024). (In Tatar)

ЛЕГЕНДА ТАТАРСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Гульшат Хабулловна Галимуллина,

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
Россия, 420015, г. Казань, ул. Пушкина, д. 56,
kirbi2@mail.ru.

14 октября 2023 г. ушла из жизни легенда татарского телевидения Бикмурзина Флура Гаптрахмановна. В этом году ей исполнилось бы 85 лет [1], [2], [3].

Бикмурзина Флура Гаптрахмановна родилась 1 июля 1939 г. в деревне Старые Салманы Алькеевского района. Свою актерскую карьеру она начала в 1959 г. в Татарском академическом театре, где сыграла несколько драматических ролей, снискав признание зрителей. Ее талант и профессионализм были очевидны с первых минут ее появления на сцене.

В 1961 г. Ф. Г. Бикмурзина окончила студию при Казанском большом драматическом театре. Это было время, наполненное творчеством и усердной работой, где она получила опыт и знания, которые пригодились ей в дальнейшем. Фируза и Назиля – две ключевые и яркие роли, исполненные в спектаклях «Подснежники» («Умырзаялар») Ю. Аминова и «Млечный путь» («Киек каз юлы») А. Гилязова. Она смогла передать сложные эмоции и переживания, погружаясь во внутренний мир своих персонажей. Если бы она осталась на сцене, стала бы звездой театра. Однако ее привлекало телевидение.

В 1968 г. Флура Гаптрахмановна, стремясь расширить свой кругозор, поступила в Казанский педагогический институт. Знания, полученные в вузе, пригодились во время работы в детской редакции, а также в должности главного режиссера дирекции информационных и общественно-политических программ на телевидении. Стремление к знаниям привело Флору Гаптрахмановну в 1982 г. в Московский Всесоюзный институт работников телевидения и радиовещания, где она изучала тонкости работы в этой сфере и приобрела необходимые навыки для успешной карьеры в мире телевидения и радиовещания.

С 1961 г. работа в Государственной телерадиокомпании (ГТРК) «Татарстан» стала неотъемлемой частью жизни Ф. Г. Бикмурзиной. Начав свой путь в качестве помощника режиссера, она постепенно проявила свои способности и с 1974 г. стала режиссером телевидения. Этот период стал для нее временем творческого роста и профессионального развития. Однако ее талант и энергия не ограничивались только работой режиссера. В 1964–1965 гг. она была ведущей детской музыкальной передачи на татарском языке под названием «Бергэлэп жырлык» («Споём вместе»). Эта передача стала настоящим событием для детей и их родителей, ведь она объединяла молодых талантливых исполнителей и позволяла им показать свои способности на телевидении. Работа на телевидении требовала от людей не только профессионализма, но и творческого подхода к каждому проекту: уметь создавать уникальные образы и передавать эмоции через экран, делая телевизионные программы яркими и запоминающимися.

Флура Бикмурзина не ограничивалась работой в детских передачах режиссером, она также участвовала в телепостановках Казанской студии телевидения. Одной из ее ярких работ была роль Корделии в телефильме «Король Лир» по одноименному произведению В. Шекспира (режиссер – В. Мурзин, 1964 г.). В этой роли актриса смогла передать всю глубину и сложность образа Корделии, любимой дочери короля Лира. Еще одной важной ролью, которую она исполнила, была роль Матери в телеспектакле «Сандугач сары булмый» («Соловей – не желтый») по пьесе Р. Батуллы (постановка режиссера А. Зарипова, 1989 г.). В этой роли актриса смогла передать сложные эмоции и переживания Матери, исполнение этой роли было убедительным и трогательным. Работа в телепостановках показала многогранный талант Ф.

Г. Бикмурзиной и способность справиться с различными жанрами и ролями.

В 1980–1990 гг. Флура Гаптрахмановна готовила ежегодные итоговые передачи для Центрального телевидения, которые посвящались самым актуальным темам общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни республики. Эти передачи позволяли взглянуть на год, прошедший под знаком различных событий и перемен.

С 1998 г. она работает в качестве главного режиссера дирекции информационных и общественно-политических программ. Флура Гаптрахмановна была режиссером-постановщиком циклов передач, таких как «Человек и закон» («Кеше һәм закон»), «Ваша позиция» («Сезнең позициягез»), «Пропандист и время» («Пропандист һәм заман») и др. Эти программы стали настоящими хрониками современной жизни, где зрители могли узнать о важных событиях, а также о проблемах и достижениях общества.

Особое внимание заслуживает цикл видеofilmов «Ихлас» («Истина») о выдающихся политиках, ученых, писателях, руководителях производств, деятелях культуры Республики Татарстан. Творчество Флуры Гаптрахмановны – это пример профессионализма, преданности своему делу. Ее работа в качестве главного режиссера дирекции информационных и общественно-политических программ оставила неизгладимый след в истории телевидения Татарстана.

В середине 1990-х годов Флура Гаптрахмановна вместе со своим младшим сыном Тимуром Бикмурзиным готовит для показа по республиканскому телевидению цикл телепрограмм экономической направленности. Она как режиссер и руководитель, он – как редактор и ведущий. Эти телепередачи, сначала «Бизнес-ТВ», затем «ЭФИ (Экономика, Финансы, Информация)», «Татарстан – территория малого бизнеса» и другие, стали настоящим открытием не только для республиканского, но и федерального ТВ. В них впервые главными героями экрана стали не только руководители крупных предприятий, финансисты, видные экономисты, но и смелые и энергичные хозяева своего дела: предприниматели и фермеры.

Одним из главных качеств Ф. Г. Бикмурзиной было ее неутомимое стремление к самосовершенствованию и творческому росту. В результате ее программы всегда были актуальны, интересны и информативны. На телевидении работать – это не только привилегия, но и ог-

ромная ответственность. Как режиссер республиканского телевидения, она всегда осознавала всю важность своего творческого предназначения. Ее главная цель была показывать правду, будь то проблемы нашего общества, достижения науки и культуры или просто прекрасные истории о людях и их удивительных способностях.

Флура Гаптрахмановна всегда с гордостью рассказывала о своей семье. Быть мамой двух сыновей, Ленара и Тимура, было для нее самым важным и значимым в жизни. Они с мужем с любовью и заботой воспитали своих детей, помогая им становиться самостоятельными и успешными людьми. Вот что сказал Тимур – журналист информационно-аналитической программы «7 дней» на канале «Новый Век», автор и ведущий многих телевизионных программ экономической направленности о своей маме:

«Для любого человека потеря матери – самая горькая и невозполнимая. Но для меня уход мамы был особенно болезненным и тяжелым. Ведь она была и самым близким, родным человеком, и наставником, и учителем одновременно. Мама привела меня в студию телевидения, когда я еще был ребенком, а она уже маститым режиссером, выдающимся профессионалом. И, наверное, как настоящий профессионал, она не открывала для меня специально какие-то „потайные двери“ в волшебный мир телевидения (хотя, наверное, могла это сделать), не подталкивала к выбору профессии. И этот выбор произошел позже, естественно и логично. Как я сейчас понимаю, мама, конечно, имела к нему отношение. Чему я только бесконечно рад. Иметь в период становления в профессии такого наставника, как моя мама, было счастьем. Ведь она была не просто великолепным режиссером, пусть порой и очень строгим и требовательным, но и выдающимся организатором, умелым профессионалом во многих областях. Именно мама научила меня не просто элементарным азам профессии тележурналиста: как работать в кадре, справляться с волнением, держать внимание собеседника. Она учила быть честным и объективным, проверять и перепроверять факты, анализировать информацию. А главное, всегда оставаться равнодушным к судьбам своих героев, проявлять к ним не показной, а истинный интерес. Мне очень бы хотелось думать, что я маму не подвел. И я признаю, что львиная доля всех моих достижений и успехов, это заслуга мамы».

А вот, что пишет в прошлом журналист ГТРК «Татарстан», а в настоящее время главный редактор газеты «Наша Газета» Илфат Файзрахманов:

«Флура Гаптрахмановна была главным режиссером, а я был тогда молодым директором отдела

информационных и общественно-политических программ. Она была не только главным режиссером, но и советником, консультантом, экспертом в нашей общей работе для каждого из нас. Ее богатый опыт, мудрые слова и четкие рекомендации становились для нас источником вдохновения и стимулом для дальнейшего развития.

Флора Гаптрахмановна была неотъемлемой частью нашего творческого коллектива. Мы единой дружной командой функционировали максимально слаженно, превознося нашу новаторскую роль в разработке информационных и общественно-политических инициатив.

Для меня это школа молодых людей, работающих на телевидении, привносящих в него новшества. Каких только передач на политические и экономические темы мы не готовили: „Атна“ („Неделя“), „Ислах“ („Истина“), „Кыйбла“, „Дөнья һәм без“ („Мир и мы“) и др. Это были острословные передачи с высокими рейтингами, которые ждал зритель. С гордостью могу сказать, что наши передачи ждали зрители. Думаю, сегодня этот успех был возможен только с Флурой Гаптрахмановной. Ее вклад в нашу работу был неоценим, и мы глубоко признательны

ей за это. Помним о ней с уважением и благодарностью» [1].

Флора Бикмурзина оставила неизгладимый след в истории татарского телевидения, став его настоящей легендой.

Литература

1. Бикмурзина Флюра Габдрахмановна / Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 1: А–В. С. 383–384.

2. Фәйзрахманов И. Телевидение легендасы ките // Безнең гәжит. 2023. Выпуск: № 42. 25 октябрь. URL: <https://beznen.ru/archive/yugaltu/241023/televidenie-legendasy-kitte> (дата обращения: 12.01.2024).

3. Латыпов Р. «Телевидениегә нигез салучыларның берсе – Флера Бикмурзинаның вафатын белми дә калдык». URL: <https://intertat.tatar/news/televideniega-nigez-salucylarnyn-berse-flera-bikmurzinanyn-vafatyn-belmi-da-kaldyk-5862040>. (дата обращения: 12.01.2024).

**COLLECTOR OF FOLK GEMS
(ON THE 85TH ANNIVERSARY OF THE FAMOUS FOLKLORIST
RIF MUKHAMETZYANOV)**

Ildus Kamilovich Fazlutdinov,
Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi Str., Ufa, 450076, Russian Federation,
fazlutdinov75@mail.ru.

Mukhametzyanov Rif Mirkhabullovich (1939–1996) was a folklorist, a candidate of philology (1973). A graduate of the Bashkir State University (1962), he was the founder of the Tatar Philology Department folklore fund at his native university where he began teaching in 1966. His scientific research was devoted to the study of calendar and wedding poetry of the Bashkortostan Tatars, he analyzed the relationships between literature and folklore and was the author of more than 100 research works.

Мөхәммәтжанов Риф Мирхәбибулла улы (1939–1996) – фольклорчы, филология фәннәре кандидаты (1973). 1966 елдан үзе тәмамлаган Башкорт дәүләт университетында укыта башлый Туган югары уку йортында татар филологиясе кафедрасының фольклор фондына нигез салучы, анда фәнни тикшеренүләре Башкортстан татарларының календарь һәм туй шигъриятен өйрәнүгә, әдәбият һәм фольклорның үзара бәйләнешләрен анализлауга багышланган. 100дән артык фәнни хезмәт авторы.

Мухаметзянов Риф Мирхабуллович (1939–1996) – фольклорист, кандидат филологических наук (1973). Выпускник Башкирского государственного университета (1962), основатель фольклорного фонда кафедры татарской филологии в родном вузе, где начал преподавать с 1966 г. Научные исследования посвящены изучению календарной и свадебной поэзии татар Башкортостана, анализу взаимосвязей литературы и фольклора. Автор более 100 научных работ.

Rif Mukhametzyanov was born on July 2, 1939, in the village of Aksak, the Ermekeevsky District of Bashkortostan, (this village ceased to exist in the 1960s as a result of the campaign to unite small villages. – I. F.). From a young age he was interested in poetry and wrote his own verses. In 1957, having completed an eight-year school education in his native village, he left the Staroturaevskaya Secondary School in the Ermekeevsky District with honors. His love for literature and his native language led him to Bashkir State University [1, p. 117]. It is

noteworthy that Rif Mukhametzyanov studied the entire first year at the Bashkir-Russian Department of the Philology Faculty. The reason for this was described by his brother, the famous Tatar playwright Rizwan Hamid, as follows:

“... During the interview with the applicants – my brother had a school medal, and he did not have to take the entrance exams – the famous researcher of Bashkir folklore, Kirei Mergen, entered the room, and, seeing some kind of a thick ‘barn book’ in Rif’s hands, asked:

‘What is this?’ ‘My father is an agronomist, all his life he observes nature, and he has written down various signs and beliefs related to agriculture in his diary. In addition, I have collected folk rituals, various songs, and I added something of my own’, Rif-aby answered, embarrassed. ‘No need to blush, guy, this is a sacred thing to do. I guess I’ll accept you into my department’, answered the famous folklorist” [2, p. 23].

Let us add that Ravil Bikbaev, the future doctor of philology, People’s Poet of Bashkortostan, laureate of the Salavat Yulaev State Prize and the chairman of the Union of Writers of the BASSR, entered the Tatar-Russian Department of the Philology Faculty of Bashkir State University in the same year. It was a paradoxical phenomenon: the Bashkir guy studied in the Tatar Department of the Philology Faculty, while the Tatar guy studied in the Bashkir Department. In 1958, at the end of the first year, this “mistake” was corrected – they “swapped over” their places of study, so Rif Mukhametzyanov graduated from the Tatar-Russian Department of BSU in 1962. Nevertheless, during 1962–1966, the future scholar held the position of a literary worker in the republican newspaper “The Sovet Bashkortostana”, published in the Bashkir language, contributing numerous essays and articles [1, p. 117].

But the young man, who had been collecting folklore from the inhabitants of the surrounding villages and hamlets putting his heart into it, aspired to science. In 1966, the talented young researcher was invited to work in the Department of Tatar Philology at Bashkir State University to deliver lectures on “Tatar Folk Art”, “History of Tatar Literature”, to do special courses with students and supervise their research work. The young scientist quickly gained respect from his colleagues [3, pp. 30–31].

Perhaps Rif Mukhametzyanov’s greatest achievement in scientific research was the creation of a folklore fund at the Tatar Philology Department of BSU. He was the first scholar to collect, systematize and scientifically study the oral folk art of the Tatars in Bashkortostan. From 1967 to the early 1990s, he organized more than thirty folklore expeditions to the areas densely populated by Tatars; with students he traveled to more than 150 villages and hamlets. The folklore materials, collected during these expeditions, immediately became available for scientific study. For example, all thirteen volumes of the academic collection “Tatar Folk Art”, published by the Tatar Book Publishing House in 1976–1988 and in 1993 and awarded the Gabdulla Tukay State Prize of the Republic of Tatarstan, contain samples of oral folk art

collected by R. Mukhametzyanov. He paid special attention to the study of folk customs and rituals of the Tatars living in areas adjacent to the Ik River basin. As a result of this painstaking work, in 1973, under the guidance of Doctor of Philology, Prof. Akhnaf Kireev (literary pseudonym – Kirey Mergen – I. F.), he presented his candidate dissertation on the topic “Ritual poetry of the Ik Tatars in Bashkiria” [4]. This work is the first scientific study, which comprehensively and systematically analyzes the national folklore of the Tatars living outside of Tatarstan. It uses the comparative historical and comparative typological methods, in particular, it studies the ritual creativity of the Bashkortostan Tatars, its regional characteristics and its relationship with oral and poetic creative work of other neighboring peoples.

The results of the research, conducted by Rif Mukhametzyanov, were subsequently published in the form of textbooks and teaching aids for students. In 1977, the Publishing House of Bashkir State University printed his work “Ritual Creativity of the Ik Tatars in Bashkortostan: Wedding Poetry” [5], in 1982 it was “Ritual Creativity of the Ik Tatars in Bashkortostan: Calendar Poetry” [6], in 1984 the textbook “The Specifics of Tatar Folklore Genres” [7] was published in Russian. Up to now they remain important sources both for students and anyone else interested in oral folk art.

The author defines the genre of these works as a “textbook for students,” although this is not entirely true. In fact, they are full-fledged scientific monographs. None of these three works aims to convey to students a summary of the “ready-made” results of other researchers’ work. Based on new materials collected by the scholar, they make new hypotheses on the origin and genesis of the ritual folklore genres available for scientific analysis; the author analyzes them in terms of historical and comparative typological aspects.

There are objective reasons why these works are called “textbooks”. Firstly, R. Mukhametzyanov devoted his entire life to scientific and pedagogical activities, teaching at Bashkir State University. In accordance with internal regulations of that time, the main task of editorial and publishing departments of universities was to publish teaching aids and textbooks for students, while the publication of “purely” scientific literature was of secondary importance. In addition, in the 1970–1980s, large state publishing houses in Bashkortostan did not have the equipment for printing in the Tatar language. In the universities of the Republic, it was only the Editorial and Publishing Department of Bashkir State University that

printed educational literature for the Tatar-Russian Department. Taking this fact into account, we can take the lid off Rif Mukhametzyanov's little "trick". Having defined the genre of his works as "educational aids," he managed to get his works published in the Tatar language by the university. Secondly, according to the requirements of the Higher Attestation Commission in force at that time, in order to obtain the academic title of "Associate Professor", university teachers had to publish textbooks and teaching aids for students but not academic monographs. Having published the results of his scientific research as teaching aids, Rif Mukhametzyanov "killed two birds with one stone" – he managed to publish his work in his homeland in his native language and to receive an academic title.

Exploring the ritual poetry of the Tatars living in Bashkortostan, the author proposes a completely new genre division of calendar and wedding poetry for that time; analyzing these works in a historical aspect and comparing them with the folklore of the Kazan Tatars, he identifies their common and distinctive features. R. Mukhametzyanov notes that the Tatars of Bashkortostan, linguistically, culturally and ethnographically, form an integral part of the Tatar people. At the same time, he draws parallels with the folklore of the peoples living in a common ethnocultural space, explores the relationship between the Tatar people's oral and poetic creative work with Bashkir, Russian, Mordovian, Mari and Chuvash folklore.

R. Mukhametzyanov was one of the first researchers exploring Tatar folklore who began work on identifying and studying the historical and mythological roots of the wedding and agricultural rituals of the Tatar people. In his studies, the scholar adhered to the historical and mythological aspects, drawing a number of international parallels. As we know, rituals have always been of a dualistic nature, that is, in them "ancient magic spells are combined with songs, jokes, music and dances" [8, p. 110]. Thus, in rituals, physical actions are always accompanied by a speech component, forming a complex synthesis. Without this dual unity, the ritual cannot exist and loses its meaning. The same quality is inherent in mythology. It also has "two expressions: a text and a ritual, a word and an action, faith and worship" [9, p. 3]. Taking this feature into account, the scholar examines every traditional ritual movement that has survived to this day in combination with the accompanying folklore genres, while simultaneously identifying their mythological roots. Thus, he associated the origin of matchmaking songs (*yauchi gyrlary – samaklar* – I. F.), which formed the basis of the matchmaker's po-

etic repertoire, with the rudiments of a secret taboo language characteristic of preventive magic. Having revealed the primitive roots of the wedding ceremony, the scientist indirectly proved the ancience of the Tatar people's history [10, p. 9].

In this regard, of special interest are Rif Mukhametzyanov's observations regarding maiden's lamentations (*kysz elatu kyrlary, syktaular* – I. F.), widespread in the wedding repertoire of the Ik Tatars. Abandoning the idea of considering this type of works within one genre, he proposed his own principles for their classification and differentiation. For example, he gave the name of "tankuchat" to the songs sung by the bride on the night before the wedding. From outside, the girl comes up to the window of the room where her father is sleeping and, wailing, asks him for money. On hearing the song, the father must give her some coins, since according to pagan beliefs, the soul of a girl given in marriage for a *kalym* (bride price), therefore sold, can later become a ghost and take revenge on her father. Thus, here too, the folk custom retains traces of ancient mythological ideas [11, p. 97].

The scholar found a close connection with national mythology in rituals of an agrarian and everyday nature. According to R. Mukhametzyanov, they have rudiments of various beliefs, magical cults and other pagan elements. In particular, agricultural rituals, which form the basis of calendar poetry, are clear examples of the worship of the Sun, Earth, Water, providing an opportunity to "study the people's ancient system of thinking, which served real-practical purposes" [12, p. 65].

At the same time, the scholar notes that the calendar ritual aspect is not limited to "labor" songs, but is closely intertwined with wedding and family themes. As an example, he cites fortune telling for the betrothed, recitative song competitions, various games played by girls and boys, common at folk festivals associated with the cult of plants. In them, the creativity of household content is closely connected with the elements of carpogenic magic aimed at increasing offspring, that is, with wedding and family themes, forming a complex synthesis. Thus, developing the thoughts of Rif Mukhametzyanov, we should say that "ritual poetry combines the works based on three different layers – ancient mythological, agrarian-everyday and family-wedding forms of thinking" [10, p. 10].

We should also mention R. Mukhametzyanov's multifaceted social activities as a scientist and teacher. For more than 20 years, he was the trade union foreman of the Tatar Philology Department, headed the *Akcharlaklar* literary circle, traveled to

villages and hamlets, giving lectures to the common people on various topics. In the late 1980s, with the rise of national consciousness in the country, he became one of the leaders of the republican Tatar national movement. He was elected a member of the Gali-Majlis at the Tatar Public Center of the Republic of Bashkortostan, and headed the Altyn Ai National Educational Foundation. His participation in the only television program broadcast in the Tatar language “Telem. jirem. Khalkym” (later “Raikhan” – I. F.) of Bashkir television was devoted to the problems of preservation and development of the Tatar language, national folklore and literature in Bashkortostan. On Bashkir radio, he organized a series of radio programs “Alluki”, where he introduced listeners to the history of Tatar culture in the Volga-Ural Region. If in Bashkortostan today four republican publications are issued in the Tatar language and three universities have Tatar branches, this is mostly due to Rif Mukhametzyanov’s efforts.

According to the scholar’s contemporaries, in 1960–1970, more than 100 poems by our mentor were published in periodicals. Unfortunately, after his untimely death on February 7, 1996, their list was lost. Handwritten versions of his poems also disappeared. A small part of them was discovered in the press archive and re-published on the pages of the literary magazine “Tulpar”, issued in the Tatar language in Bashkortostan [3, p. 31]. Currently, the Tatar Philology and Culture Department of Ufa University of Science and Technology is carrying out painstaking work collecting and publishing his scientific and creative heritage.

Given the need to preserve the scientific, theoretical and practical heritage of R. Mukhametzyanov, in 2021, we, together with the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, prepared and published a collection of his works under the general title “Ritual Poetry of the Ik Tatars of Bashkortostan” [13]. The author of this article also published the series “Folklore of the Tatars of Bashkortostan”, consisting of three books, which reflect the most significant works of folklore collected by the students of the Tatar-Russian Department of the Philological Faculty of Bashkir State University (now Ufa University of Science and Technology. – I. F.) during their summer folklore expeditions of 1966–2020 [14] [15] [16]. Folklore materials, collected by R. Mukhametzyanov or under his guidance, occupy more than half of their total volume.

Thus, the work of collecting, preserving, studying and popularizing the works of Bashkortostan Tatars’ folklore, initiated by the scientist and teacher

R. Mukhametzyanov, lives on today. We, his students, bow our heads before his blessed memory.

References

1. *Entsiklopediya. Ermekeevskii raion* (2010) [Encyclopedia. The Ermekeevsky District. Republic of Bashkortostan: A-Ya]. Otvetstvennyi redaktor T. I. Aminev. 199 p. Ufa, Ufimskii poligraficheskii kombinat. (In Russian)
2. Khəmid, R. (2014). *Yash'ti abyı* [My Younger Brother]. Tulpar. No. 3, pp. 22–30. (In Tatar)
3. Fazletdinov, I. K. (2009). *Yuksynu* [Yearning]. Tulpar. No. 4, pp. 30–31. (In Tatar)
4. Mukhametzyanov, R. M. (1973). *Obryadovaya poeziya priiskikh tatar Bashkiri: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.09* [Ritual Poetry of the Ik Tatars from Bashkiria: Ph.D. Thesis]. Ufa, 228 p. (In Russian)
5. Məkhəmmətxanov, R. M. (1977). *Bashkortstan Yk bue tatarlarynyñ iola ıxaty* [Ritual Creativity of the Bashkortostan Ik Tatars]. Tui poehziyase: “Tatar khalyk ıxaty” kursy buencha chittən toryp ukuchy studentlar öchen uku əsbaby. 72 p. Ufa. (In Tatar)
6. Məkhəmmətxanov, R. M. (1982). *Bashkortstan Yk bue tatarlarynyñ iola ıxaty* [Ritual Creativity of the Bashkortostan Ik Tatars]. Kalendar' poehziya: “Tatar khalyk ıxaty” kursy buencha uku əsbaby. Fənni redaktory T. N. Galiullin. 72 p. Ufa. (In Tatar)
7. Mukhametzyanov, R. M. (1989). *Spetsifika tatarskikh fol'klornykh zhanrov: uchebnoe posobie po spetskursu* [Specifics of Tatar Folklore Genres: A Textbook for a Special Course]. 84 p. Ufa. (In Russian)
8. Urmanche, F. I. (2009). *Tatar mifologiyase. Ehntsiklopedik syzlek: 3 tomda* [Tatar Mythology. Encyclopedic Dictionary: Three Volumes]. T. II. (D – S). 343 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)
9. *Tatar miflary: iyalər, yshanular, yrymnar, fallar, im-tomnar, synamyshlar, iolalar* (1996) [Tatar Myths: Mythical Creatures, Beliefs, Rituals, Fortune Telling, Witchcraft, Omens, Traditions]. Berenche kitap. Galimjan Gyl'manov khikəyaləvendə. 388 p. Kazan, Tatarstan kitap nəshriyatı. (In Tatar)
10. Fazletdinov, I. K. (2021). *Keresh* [Introduction]. Məkhəmmətxanov R.M. Bashkortstan Yk bue tatarlarynyñ iola ıxaty. Təzychelər I. I. Yamaltdinov, I. K. Fazletdinov; fənni redaktor K. M. Miñnullin. Kazan, TƏhSI. (In Tatar)
11. Fazletdinov, I. K. (2019). *Fol'klorchy galim Rif Məkhəmmətxanovnyñ fənni həm pedagogik ehshchənlege* [Scientific and Pedagogical Activity of Folklorist Rif Muhammetzhanov]. Pp. 94–99. Fənni Tatarstan. (In Tatar)
12. Bakirov, M. Kh. (2008). *Tatar fol'klory: yugary uku iortlary öchen dəreslek* [Tatar Folklore: A Textbook for Universities]. 359 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)
13. Məkhəmmətxanov, R. M. (2021). *Bashkortstan Yk bue tatarlarynyñ iola ıxaty* [Ritual Creativity of Bashkortostan Ik Tatars]. Təzychelər I. I. Yamaltdinov, I. K. Fazletdinov; fənni redaktor K. M. Miñnullin. 228 p. Kazan, TƏhSI. (In Tatar)

14. *Bashkortstan tatarlary fol'klory. Kənbatysh hām kən'yak-kənbatysh raionnar* (2021) [Tatar Folklore in Western and Southwestern Regions of Bashkortostan]. Təzyche, keresh məkalə hām aңlatmalar avtory I. K. Fazletdinov; fənni redaktory K. M. Miңnullin. 312 p. Kazan, TƏhSI. (In Tatar)

15. *Bashkortstan tatarlary fol'klory Tən'yak hām tən'yak-kənchygysh raionnar* (2021) [Tatar Folklore in Northern and Northeastern Regions of Bashkortostan].

Təzyche, keresh məkalə hām aңlatmalar avtory I. K. Fazletdinov; fənni redaktory K. M. Miңnullin. 296 p. Kazan, TƏhSI. (In Tatar)

16. *Bashkortstan tatarlary fol'klory. Yzək hām tən'yak-kənbatysh raionnar* (2021) [Tatar Folklore in Central and Northwestern Regions of Bashkortostan]. Təzyche, keresh məkalə hām aңlatmalar avtory I. K. Fazletdinov; fənni redaktory K. M. Miңnullin. 304 p. Kazan, TƏhSI. (In Tatar)

СОБИРАТЕЛЬ НАРОДНЫХ ЖЕМЧУЖИН (К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО ФОЛЬКЛОРИСТА РИФА МУХАМЕТЗЯНОВА)

Ильдус Камирович Фазлутдинов,
Уфимский университет науки и технологий,
Россия, 450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32,
fazludinov75@mail.ru.

Риф Мирхабибуллович Мухаметзянов родился 2 июля 1939 года в деревне Аксак Ермакеевского района Башкортостана (эта деревня перестала существовать в 1960-х годах в результате кампании по объединению небольших деревень. – И. Ф.) С юных лет увлекался поэзией, писал стихи. Получив восьмилетнее образование в родном селе, в 1957 году с серебряной медалью окончил Старотураевскую среднюю школу Ермакеевского района. Любовь к литературе, родному языку привела его в Башкирский государственный университет [1, с. 117]. Примечательно то, что Риф Мухаметзянов весь первый курс проучился на башкирско-русском отделении филологического факультета. Причину этого его родной брат, известный татарский драматург Ризван Хамид, описывает следующим образом:

«... Во время собеседования с абитуриентами – а у моего брата была медаль, и он не должен был сдавать вступительные экзамены – в кабинет вошел известный башкирский ученый-фольклорист Кирей Мэргэн и, увидев в руках Рифа какую-то толстую „амбарную книжку“, спросил: „Что это?“ „Отец у меня агроном, всю жизнь наблюдал за природой и записывал в дневник различные приметы и поверья, связанные с сельским хозяйством. Вдобавок собирал народные обряды, разные песни, и я от себя кое-что добавил“, – ответил Риф-абый, засмущавшись. „Не надо краснеть, парень, это святое дело. Пожалуй, я возьму тебя в свое отделение“, – ответил известный фольклорист» [2, с. 23].

Добавим, что будущий доктор филологических наук, народный поэт Башкортостана, лауреат Государственной премии имени Салавата Юлаева, председатель Союза писателей БАССР Равиль Бикбаев в том же году поступил на татарско-русское отделение филологического факультета Башкирского государственного университета. Возникло парадоксальное явление: башкирский парень учится на татарском отделении филфака, а татарин – на башкирском. В 1958 году, по окончании первого курса, эта «ошибка» была исправлена – они «поменялись» местами учебы, и Риф Мирхабибуллович в 1962 году окончил татарско-русское отделение БГУ. Тем не менее будущий ученый в течение 1962–1966 годов занимал должность литературного работника в республиканской газете «Совет Башкортостаны», издаваемой на башкирском языке, писал многочисленные очерки, статьи [1, с. 117].

Но он, по велению души до сих пор собиравший фольклор у жителей окрестных сел и деревень, тянулся к науке. В 1966 году талантливый молодой специалист был приглашен на работу на кафедру татарской филологии Башкирского государственного университета и стал вести лекции по предметам «Татарское народное творчество», «История татарской литературы», спецкурсы, руководил научной работой студентов. Молодой ученый быстро завоевал большой авторитет среди коллег [3, с. 30–31].

Пожалуй, самым большим достижением Рифа Мухаметзянова на научном поприще является создание фольклорного фонда при ка-

федре татарской филологии БГУ. Он стал первым ученым, начавшим сбор, систематизацию и научное изучение устного народного творчества татар Башкортостана. С 1967 по начало 1990-х годов им было организовано более тридцати фольклорных экспедиций в районы компактного проживания татар, со студентами он объездил более 150 сел и деревень. Собранные в этих экспедициях фольклорные материалы быстро вошли в научный оборот. Например, во всех 13 томах академического свода «Татарское народное творчество», изданного в Татарском книжном издательстве в 1976–1988 и 1993 годах и удостоенного Государственной премии РТ имени Габдуллы Тукая, содержатся образцы устного народного творчества, собранные Р.М. Мухаметзяновым. Особое внимание он уделяет изучению народных обычаев и обрядов татар, проживающих в районах, прилегающих к бассейну реки Ик. В результате данной кропотливой работы в 1973 году под руководством доктора филологических наук, профессора Ахнафа Киреева (литературный псевдоним – Кирей Мэргэн. – *И. Ф.*) им была защищена кандидатская диссертация на тему «Обрядовая поэзия приикских татар Башкирии» [4]. Данный труд является первым научным исследованием, в котором в сравнительно-историческом и сравнительно-типологическом планах комплексно и системно анализируется национальный фольклор татар, проживающих за пределами Татарстана, в частности обрядовое творчество татар Башкортостана, его региональные особенности, взаимосвязь с устно-поэтическим творчеством других соседних народов.

Результаты исследований, проведенных Рифом Мирхабибулловичем, впоследствии трансформировались в учебники и учебные пособия для студентов. В 1977 году в издательстве Башкирского государственного университета вышла его работа «Обрядовое творчество приикских татар Башкортостана: свадебная поэзия» [5], в 1982 году – «Обрядовое творчество приикских татар Башкортостана: календарная поэзия» [6], в 1984 году учебное пособие «Специфика татарских фольклорных жанров» [7] увидело свет на русском языке. Они и сегодня остаются важными источниками как для студентов, так и для всех, кто интересуется устным народным творчеством.

Автором определяет жанр данных работ как «учебное пособие для студентов», хотя это не совсем верно. На самом деле они являются полноправными научными монографиями. Ни

одна из этих трех работ не ставит своей задачей донести до студентов выжимку из «готовых» результатов трудов других исследователей. Опираясь на новые материалы, собранные ученым, они вводят в научный оборот новые гипотезы по происхождению и генезису жанров обрядового фольклора; автор анализирует их исходя из исторического и сравнительно-типологического аспектов.

Есть объективные причины, по которым данные труды названы «учебными пособиями». Во-первых, Р. М. Мухаметзянов всю свою жизнь посвятил научно-педагогической деятельности, преподаванию в Башкирском государственном университете. В соответствии с внутренним распорядком, основной задачей редакционно-издательских отделов вузов тогда являлось издание учебных пособий и учебников для студентов, выпуск «чисто» научной литературы отходил на второй план. К тому же, в 1970–80-е годы в крупных государственных издательствах Башкортостана еще не было налажено книгопечатание на татарском языке. Публикацией учебной и учебно-методической литературы для единственного татарско-русского отделения в вузах республики занимался лишь редакционно-издательский отдел Башкирского государственного университета. Исходя из этого, секрет маленькой «хитрости» Рифа Мирхабибулловича становится вполне понятным. Определив жанр своих трудов как «учебные пособия», он добился их издания на татарском языке за счет университета. Во-вторых, согласно действовавшему тогда требованиям Высшей аттестационной комиссии, преподавателям вузов для получения ученого звания «доцент» было необходимо издавать не научные монографии, а учебники и учебные пособия для студентов. Риф Мухаметзянов, опубликовав свои научные исследования как учебные пособия, «поймал сразу двух зайцев» – добился их издания на родине на родном языке и получил ученое звание.

Исследуя обрядовую поэзию татар, проживающих в Башкортостане, автор предлагает совершенно новое для того времени разделение календарной и свадебной поэзии по жанрам; анализируя эти произведения в историко-сравнительном аспекте с фольклором казанских татар, выделяет их общие и отличительные черты. Р. М. Мухаметзянов подчеркивает, что татары Башкортостана и в языковом, и в культурном, и в этнографическом отношении составляют неотъемлемую часть татарского народа. Одновременно он проводит параллели с

фольклором народов, проживающих в общем этнокультурном пространстве, исследует взаимосвязи устно-поэтического творчества татарского народа с башкирским, русским, мордовским, марийским и чувашским фольклором.

Р. М. Мухаметзянов одним из первых в татарской фольклористике начал работу по выявлению и исследованию историко-мифологических корней свадебных и аграрных обрядов татарского народа. В своих поисках ученый придерживался историко-мифологической плоскости, проведя ряд международных параллелей. Как мы знаем, обряды всегда носили дуалистический характер, то есть в них «древние магические заклинания сочетались с песнями, частушками-прибаутками, музыкой и танцами» [8, с. 110]. Таким образом, в обрядах физическое действие всегда сочетается с речевым компонентом, образуя сложный синтез. Без этого двуединства обряд не может существовать, теряет свой смысл. Это же качество присуще и мифологии. Она тоже имеет «два выражения: текст и обряд, слово и действие, вера и поклонение» [9, с. 3]. Учитывая эту особенность, ученый исследует каждое дошедшее до наших дней ритуальное обрядовое движение в комплексе с сопровождающими его фольклорными жанрами, одновременно выявляя их мифологические корни. Так, происхождение сватовских песен (яучы жырлары – самаклар. – *И. Ф.*), составлявших основу поэтического репертуара свата, он связывал с рудиментами табуированного тайного языка, присущего профилактической магии. Раскрыв первобытные корни свадебного обряда, ученый опосредованно доказал и древность истории татарского народа [10, с. 9].

В этой связи особенно интересны наблюдения Рифа Мухаметзянова в отношении девичьих причитаний (кыз елату жырлары, сыктаулар. – *И. Ф.*), широко распространенных в свадебном репертуаре прикиских татар. Отказавшись от рассмотрения произведений данного типа в рамках одного жанра, он предложил свои принципы их классификации и дифференциации. Например, «танкучат»ами он назвал песни, исполняемые невестой в ночь перед свадьбой. Она с улицы подходит к окну комнаты, где спит ее отец, и, причитая, просит денег. Отец, услышав песню, должен одарить ее монетами, так как, согласно языческим поверьям, душа девушки, выданной замуж за калым, а значит, проданной, может в дальнейшем стать призрак и отомстить отцу. Таким образом, и здесь

народный обычай сохраняет следы древних мифологических представлений [11, с. 97].

Ученый прослеживает тесную связь с национальной мифологией и в обрядах аграрно-бытового характера. Р. М. Мухаметзянов отмечает в них наличие рудиментов различных верований, магических культов и других языческих элементов. В частности, аграрные обряды, составляющие основу календарной поэзии, являются наглядными примерами поклонения Солнцу, Земле, Воде и дают возможность «изучить древнюю систему мышления народа, служившую реально-практическим целям» [12, с. 65].

При этом ученый подчеркивает, что календарная обрядовая позиция не ограничивается «трудовыми» песнями, а тесно переплетается со свадебно-семейной тематикой. В качестве примера он приводит гадания на суженого, речитативно-песенные соревнования, различные игры между девушками и парнями, распространенные на народных праздниках, связанных с культом растений. В них творчество хозяйственно-бытового содержания тесно переплетается с элементами карпогонической магии, направленной на увеличение потомства, то есть со свадебно-семейной тематикой, образуя сложный синтез. Таким образом, развивая мысли Рифа Мухаметзянова, мы должны подчеркнуть, что в «обрядовой поэзии сочетаются произведения, построенные на трех различных пластах – древне-мифологическом, аграрно-бытовом и семейно-свадебном формах мышления» [10, с. 10].

Нельзя обойти стороной и многогранную общественную деятельность ученого и педагога Р. М. Мухаметзянова. Более 20 лет он исполнял обязанности профорга кафедры татарской филологии, руководил литературным кружком «Акчарлаклар», ездил по селам и деревням, выступая перед простым народом с лекциями на различные темы. В конце 1980-х годов, с подъемом национального самосознания в стране, он стал одним из лидеров республиканского татарского национального движения. Был избран членом Гали-Меджлиса Татарского общественного центра Республики Башкортостан, возглавлял Национальный просветительский фонд «Алтын Ай». Его выступления в единственной телепередаче на татарском языке «Телем. Жирем. Халкым» (впоследствии «Рәйхан». – *И. Ф.*) Башкирского телевидения были посвящены проблемам сохранения и развития в Башкортостане татарского языка, национального фольклора и литературы. На башкирском радио он

организовал цикл радиопередач «Аллюки», где знакомил слушателей с историей татарской культуры в Волго-Уральском регионе. Если сегодня в Башкортостане издаются четыре республиканских издания на татарском языке, а в трех вузах действуют татарские отделения – в этом немалая заслуга Рифа Мирхабибулловича.

По сведению современников ученого, в 1960–1970 годах в периодической печати было опубликовано более 100 стихотворений нашего наставника. К сожалению, после его безвременной кончины 7 февраля 1996 года их список был утрачен. Пропали и рукописные варианты его стихотворений. Малая их часть была обнаружена в архиве печати и повторно опубликована на страницах литературно-художественного журнала «Тулпар», издаваемого в Башкортостане на татарском языке [3, с. 31]. В настоящее время кафедрой татарской филологии и культуры Уфимского университета науки и технологий ведется кропотливая работа по сбору и публикации его научного и творческого наследия.

Учитывая необходимость сохранения научно-теоретического и практического наследия Р. М. Мухаметзянова, нами совместно с ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ в 2021 году был подготовлен и издан сборник его трудов под общим названием «Обрядовая поэзия приикских татар Башкортостана» [13]. Автором данной статьи также была издана серия «Фольклор татар Башкортостана», состоящая из трех книг, в которых нашли отражение наиболее значительные произведения фольклора, собранные студентами татарско-русского отделения филологического факультета Башкирского государственного университета (ныне Уфимский университет науки и технологий. – И. Ф.) во время летних фольклорных экспедиций 1966–2020 годов [14], [15], [16]. Фольклорные материалы, собранные Р. М. Мухаметзяновым или под его руководством, занимают больше половины их общего объема.

Таким образом, работа по сбору, сохранению, изучению и популяризации произведений фольклора татар Башкортостана, начатая ученым и педагогом Р. М. Мухаметзяновым, живет и сегодня. Мы, его ученики, преклоняем головы перед его светлой памятью.

Литература

1. Энциклопедия. Ермакеевский район. Республика Башкортостан: А-Я / ответственный

редактор Т. И. Аминев. Уфа: Уфимский полиграфический комбинат, 2010. 199 с.

2. Хамид Р. Яшьти абый // Тулпар. 2014. № 3. Б. 22–30.

3. Фазлетдинов И. К. Юксыну // Тулпар. 2009. № 4. С. 30–31.

4. Мухаметзянов Р. М. Обрядовая поэзия приикских татар Башкирии: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Уфа, 1973. 228 с.

5. Мөхәммәтҗанов Р. М. Башкортстан Ык буе татарларының йола ижаты. Туй поэзиясе: «Татар халык ижаты» курсы буенча читтән торып укучы студентлар өчен уку әсбабы. Уфа, 1977. 72 б.

6. Мөхәммәтҗанов Р. М. Башкортстан Ык буе татарларының йола ижаты. Календарь поэзия: «Татар халык ижаты» курсы буенча уку әсбабы / фәнни редакторы Т. Н. Галиуллин. Уфа, 1982. 72 б.

7. Мухаметзянов Р. М. Специфика татарских фольклорных жанров: учебное пособие по спецкурсу. Уфа, 1989. 84 с.

8. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. Т. II. (Д – С). Казан: Мәгариф, 2009. 343 б.

9. Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар. Беренче китап / Галимжан Гыйльманов хикәяләвендә. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1996. 388 б.

10. Фазлетдинов И. К. Кереш // Мөхәммәтҗанов Р. М. Башкортстан Ык буе татарларының йола ижаты / төзүчеләр И. И. Ямалтдинов, И. К. Фазлетдинов; фәнни редактор К. М. Миңнуллин. Казан: ТӘҺСИ, 2021. Б. 3–12.

11. Фазлетдинов И. К. Фольклорчы галим Риф Мөхәммәтҗановның фәнни һәм педагогик эшчәнлеге // Фәнни Татарстан. 2019. Б. 94–99.

12. Бакиров М. Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2008. 359 б.

13. Мөхәммәтҗанов Р. М. Башкортстан Ык буе татарларының йола ижаты / төзүчеләр И. И. Ямалтдинов, И. К. Фазлетдинов; фәнни редактор К. М. Миңнуллин. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 228 б.

14. Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 312 б.

15. Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 296 б.

16. Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 304 б.

THE LAST OF THE MOHICANS

Anis Foatovich Galimdjano,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,

anis_59@mail.ru.

Farit Rashitovich Shakirzyanov,

Kazan State University of Architecture and Engineering,

1 Zelenaya Str., Kazan, 420043, Russian Federation,

faritbox@mail.ru.

Shakirzyanov Rashit Agleevich (7.06.1949 – 22.11.2021) was a scientist in the field of structural mechanics, candidate of technical sciences (1990), head of the Methodological Office for Teaching in the Tatar Language, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (2009), Honorary Worker of Higher School of the Republic of Tatarstan (2015), laureate of the State Prize of the Republic of Tatarstan in the Field of Science and Technology (2009) and laureate of the Kayum Nasyri Prize.

He graduated from the Faculty of Mechanics and Mathematics of Moscow State University with a degree in mechanics in 1975. He began his teaching and scientific career in 1975 at the Kazan Civil Engineering Institute (now the Kazan University of Architecture and Engineering), where he worked all his life. He was an engineer in the Department of Strength of Materials and Theory of Elasticity of the Insti-

Рәшит Әгълә улы Шакиржанов (7.06.1949 – 22.11.2021) – төзелеш механикасы өлкәсендә галим, техник фәннәр кандидаты (1990), татар телендә укуыту буенча методик кабинет мөдире, РФ Югары белем бирү мактаулы хезмәткәре (2009), ТР Югары мәктәбе атказанган хезмәткәре (2015), ТРның Фән һәм техника өлкәсендә дәүләт премиясе лауреаты (2009), Каюм Насыри исемендәге премия лауреаты.

Казан дәүләт университеты механика-математика факультетын «Механика» белгечлеге буенча 1975 нче елда тәмамлаган. Педагогик һәм фәнни эшчәнлеген Казан инженерлык-төзелеш институтында (хәзерге Казан архитектура-төзелеш университеты) 1975 нче елда башлый һәм гомер буе шунда хезмәт куя. Институтның материаллар каршылыгы һәм сыгымчалык теориясе кафедрасы

Шакирзянов Рашит Аглеевич (7.06.1949 – 22.11.2021) – ученый в области строительной механики, кандидат технических наук (1990), заведующий методическим кабинетом по преподаванию на татарском языке, Почетный работник высшего образования РФ (2009), заслуженный работник высшей школы РТ (2015), лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники (2009), лауреат имени премии Каюма Насыри.

Окончил механико-математический факультет МГУ по специальности «Механика» в 1975 г. Педагогическую и научную деятельность начал в 1975 г. в Казанском инженерно-строительном институте (ныне Казанский архитектурно-строительный университет), где проработал всю жизнь. Инженер кафедры сопротивления материалов и теории упругости института (1975–1977), ассистент

tute (1975–1977), assistant professor in the Department of Structural Mechanics (1977–1979, 1982–1990), graduate student (1979–1982) and senior lecturer in the same department (1990–1993), later associate professor 1993–2008) and professor in the same department. In (2008–2013), he was associate professor in the Department of Mechanics (2013–2021) and in 1995–2001 head of the Methodological Office for Teaching the Tatar Language. In 1997–2014, he was also the editor-in-chief of the journal “Nauka i Yazyk” (Science and Language).

инженеры (1975–1977), төзелеш механикасы кафедрасы ассистенты (1977–1979, 1982–1990), шул ук кафедра аспиранты (1979–1982), шул ук кафедра өлкән укытучы (1990–1993), кафедра доценты (1993–2008), шул ук кафедра профессора (2008–2013), механика кафедрасы доценты (2013–2021). 1995–2021 нче елларда татар телендә укыту бунча методик кабинет мөдире. 1997–2014 нче елларда «Фән һәм тел» журналының баш мөхәррире.

кафедры строительной механики (1977–1979, 1982–1990), аспирант той же кафедры (1979–1982), старший преподаватель той же кафедры (1990–1993), доцент той же кафедры (1993–2008), профессор той же кафедры (2008–2013), доцент кафедры механики (2013–2021). В 1995–2001 гг. заведующий методическим кабинетом по преподаванию татарского языка. В 1997–2014 гг. главный редактор журнала «Наука и язык».

It seems only natural that every thinking Tatar, without being nationalistic, wants to see his people and his language equal in their rights among other peoples and languages. If your native language is being lost, is opposed to being widely used, it is one's sacred duty to make every effort to maintain the use of your mother tongue. One of these selfless people was Rashit Shakirzyanov who devoted his entire life to preserving his native Tatar language.

Rashit Shakirzyanov was born into a family of teachers on June 7, 1949 in the village of Yamashirma, the Vysokogorskiy Region. He graduated from 8th grade of Yamashirma School. As he wrote, “my close connections with the school and the village of Yamashirma ended in 1964. At first, I came to the village to visit my parents, talk to them and help. This place gave me vitality, and the school gave me a good upbringing and education, so I miss the village and its inhabitants, I remember them. Later, I was able to write and publish the monograph “Yamashirma maktabe – magrifat chishmase” (“Yamashirma School – a Spring of Enlightenment”) about the history of my village and school, in which these feelings of mine are clearly reflected”. Shortly after, his father sent him to Kazan, to School No. 15 with profound learning of mathematics. R. Shakirzyanov graduated from this high school in 1964. In the same year, he entered the Department of Mechanics of the Faculty of Mechanics and Mathematics at Kazan State University. In his second year he was drafted into the army where he served for two years, so he graduated from the university only in 1975 and was appointed as an engineer in the Department of Strength of Materials at the Kazan Civil Engineering Institute. While working in this department, he took part in the study of various theoretical and experimental properties of helicopters. He continued this research work as an assistant professor in

the Department of Structural Mechanics, at the same time doing his postgraduate course.

However, his research work ran into difficulties. The results of his research were appropriated by others; after the death of his supervisor, he had to change the subject matter of his study, so in fact, R. Shakirzyanov wrote two candidate dissertations and passed two candidate exams in his specialty. He successfully defended his Ph.D. thesis on February 19, 1990 at the Dissertation Council of MGMI in specialty 05.23.17 (structural mechanics).

The winds of change began to blow. At the beginning of 1991, a movement to return the instruction in the Tatar language began in higher educational institutions. In Kazan universities, the head of this movement was Vagiz Fatkhullin, the dean of the Construction Faculty of the Construction Institute. The article “On the possibility of teaching in two languages” was added to the Institute's charter.

Naturally, when teaching technical and exact disciplines in Tatar, the first problem that arises is terminology. As you know, it basically exists, since the Tatar people are educated, well-read and work in various fields. However, at that time, these terms were found in different sources, scattered in different works, and they were to be put together and processed. Various technical problems arose, including the problem of the absence of the Tatar font on computers, they were to be made. Despite this, in fact within two years, Rashit all by himself, prepared one of the first terminological dictionaries “Ruscha-tatarcha tozelesh atamalary suzlege” (“Russian-Tatar Dictionary of Construction Terms”) with a volume of more than 500 pages, with a meaningful and thorough introductory article. During these years, Rashit Shakirzyan began to actively participate in public life and became intensively involved in editorial work. In fact, it was he who developed and published the “Russian-

Tatar Oilfield Dictionary”. At the same time, he created a course of lectures in his specialty and began delivering it to students.

In those years, through the efforts of Rashit Shakirzyanov and Vagiz Fatkhullin, the first popular science journal “Fan hem Tel” (“Science and Language”) began to be published in the Tatar language. Its slogan and motto was “Belem-akyl-gamal” (“Knowledge-mind-action”), and articles related to various fields of science were published in it in the Tatar language. In fact, all the work of the journal - collecting articles and editing, was carried out by Rashit Shakirzyanov. Based on the materials, published in the section of the journal “Mashur Galimnerebez” (“Illustrious Scientists”), the book “Mashur Tatar Galimnere” (Illustrious Tatar Scientists) was compiled. Unfortunately, the journal ceased publication in 2013; a total of 51 issues of the journal were published.

During these years, mainly through the efforts of Rashit Shakirzyanov, the concept of “Tatar telenda yugari belem biru” (“Higher education in the Tatar language”) was developed. It was made public at the 5th Republican Conference “Vuzlarda Tatar telenda ukytu problemalary” (“Problems of teaching in the Tatar language in universities”). The concept was accepted, but, unfortunately, until now it has not been implemented.

Vagiz Fatkhullin, the dean of the Faculty of Engineering, who promoted education in the Tatar language, died tragically in the autumn of 2005. At KSASU, Rashit Shakirzyanov was appointed responsible for the management of education in the Tatar language; he was made the head of the Methodological Office for Education in the Tatar Language. In 2006, a scientific and practical conference was held dedicated to the 15th anniversary of teaching in the Tatar language at KSASU. It was dedicated to the memory of V. Fatkhullin. Since the autumn of 2008, Prof. R. Nizamov, who has assumed the duties of the University Rector, has greatly helped the cause of teaching in the Tatar language.

In 2008, taking into account all his merits in various fields, Rashit Shakirzyanov was elected professor. In the same year he was given the Prize of the Republic of Tatarstan in the field of Science and Technology. In 2009, on his 60th anniversary, he was awarded the honorary title “Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.”

Preparing textbooks and lecture courses in the Tatar language continued unceasingly. Rashit Shakirzyanov was always ready to help any researcher in any field of science; he assisted them in

compiling textbooks, dictionaries for their courses and organized conferences on teaching in the Tatar language. In 2019, in honor of his 70th anniversary, he was given a badge “For achievements in education”, “For active and fruitful activity in training specialists with higher education in the state languages of the Republic of Tatarstan, for many years of conscientious work.” However, in recent years, pressure against teaching in the Tatar language has increased; it is not obvious or explicit but noticeably felt. As Rashit wrote, “When your work is seen, recognized and appreciated, it is a great joy and pride. However, in recent years there have been a lot of losses and retreats: the main direction in which I worked sparing no effort and time – increasing the status of the Tatar language, its preservation, development, higher education teaching and conducting research work in the Tatar language – all these were subjected to strong oppression... At a meeting of the State Council this chauvinistic oppression was opposed by the only deputy – the Minister of Education E. Fattakhov. As a protest against this injustice, he quit his job. This is our real hero, a fearless and relentless national warrior!

What were the people doing at this time? Even if there were some protests, nothing went beyond words. We didn’t have leaders. Faith in the rulers, obedience to them and their support has become a habit, absorbed into the blood for over hundreds of years. After all, at one time we even gave up Queen Syuyumbike to the enemy.

What are the results? Our children practically do not know the Tatar language. Now they are studying in Russian schools that provide poor quality of teaching, they are full of chauvinism and Russian Orthodoxy, giving education in a deceitful patriotic spirit. Our parents do not want to send their children to Tatar schools. As a result of this, last year we were unable to recruit a group studying in the Tatar language at KSASU. Thus, for our language and people, the prospect of not only growing, but also simply surviving is lost. It is no longer possible to endure all this; we need to take some drastic measures, pull the people out of the modern ideological emptiness and darkness, educate them and raise them to their feet.

With all of the above in mind, I have published articles and spoken in various media and newspapers, scientific collections of articles on the topic of the Tatar language proving its spiritual value at the global level. Among them are an open letter to the radio station “Echo of Moscow”, an interview with the radio station “Azatlyk”

(Freedom)*¹, the articles “Tatar tele saklauga laek” (“The Tatar language deserves to be preserved”) and “Kilachak tele da ul!” (“It is the language of the future!”) in Issues 45 and 52 of the newspaper “Madani Zhomga” (“The Cultural Friday”) of 2020.”

Rashit Shakirzyanov was a selfless person who dedicated his life to the preservation and development of his native language. Unfortunately, insidious Covid took him from our ranks. I do not know other people who would do as much for the benefit of our native language as he did. As you know, when it came to preserving the Tatar language, about teaching in the Tatar language, he expressed sharp ideas, perhaps many people did not like it. However, everything he did, all his speeches were dedicated to preserving his native language, for the sake of this he was ready to do anything. His work, research works, textbooks, dictionaries on teaching technical and exact sciences in the Tatar language will serve the people

for many years to come. This year, a Tatar group has reopened for students at KSASU. KFU has bilingual and multilingual groups for its undergraduates. So, don't lose hope.

References

1. Shakirzyanov, R. A. (2021). *Tugan telne saklau yulynda: izhat hem yazмыш* [On the Path to Preserving the Native Language: Creativity and Fate. A Monograph (in Tatar and Russian)]. F. R. Shakirzyanov. 500 p. Kazan, LLC “Alfa-K”. (In Tatar)
2. *Yamashirma maktabe – magrifat chishmase* (2005) [Yamashirma School – a Spring of Enlightenment]. Monografiya. 204 p. Kazan. (In Tatar)
3. *Mashhur tatar galimnare* (2011) [Illustrious Tatar Scientists]. (Avtordashlar: A. I. Narbekov, F. R. Shakirzyanov). (Monografiya). 423 p. Kazan. Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
4. *Tatar tele saklauga hem yaklauga laek* (2020) [The Tatar Language Deserves to Be Preserved and Protected]. “Madani Zhomga”. No. 45, 52, p. 11. (In Tatar)

СОҢҖЫ МОГИКАН

Әнис Фоат улы Галимжанов,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
anis_59@mail.ru.

Фәрит Рәшит улы Шакиржанов,

Казан архитектура-төзелеш университеты,
Россия, 420043, Казан ш., Яшел ур., 1 нче йорт,
faritbox@mail.ru.

Уйлый белгән, аз гына булса да, милли хисе булган һәр татар баласының үзенә халкын, үз туган телен халыклар һәм телләр арасында тигез хокуклы итеп күрергә теләве табигый хәлдәр. Әгәр дә туган телең кысыла, югала (һәм югалтыла!) бара икән, моңа каршы чыгу, туган телең яшәсен өчен бөтен көчңеңе кую фарыз гамәлдәр. Бөтен гомерен туган телне – татар телен яшәтүгә багышлаган Рәшит Әгълә улы Шакиржанов шундый фидакәр затлардан иде.

Рәшит Әгълә улы Шакиржанов Биектау районы Ямаширмә авылында 1949 нчы елның 7 июнендә укытучылар гаиләсендә дөньяга килә. Ямаширмә мәктәбендә ул 8 нче сыйныфны тәмамлый. Үзе язганча, «минем Ямаширмә мәктәбе һәм авылы белән тыгыз элемтәм шушы

1964 елда тәмамланды. Мин авылга, башлыча, эти-әниләр янына, алар белән аралашырга һәм ярдәм итәргә кайтып йөри башладым. Бу жир миңа – яшәү көче, ә мәктәп яхшы тәрбия һәм белем биргән, мин авылны һәм аның кешеләрен сагынам, искә алам. Шуңа хисләремне чагылдырырга тырышып, соңрак авылым һәм мәктәбем тарихын яктырткан «Ямаширмә мәктәбе – мәгърифәт чешмәсе» дигән монографияне яза һәм бастыра алдым». Аннан соң аны әтисе Казандагы математиканы махсус программа белән укуга торган 15 нче мәктәпкә бирә. Урта мәктәпне Р. Ә. Шакиржанов шунда 1964 нче елда тәмамлый. Шуңа ук елны ул Казан дәүләт университеты механика-математика факультетының «Механика» бүлегенә укырга керә. Икенче курстан армия сафларына алына, анда ике ел хезмәт итеп кайта, шуңа күрә университетны 1975 нче елда гына тәмамлай

¹* Registered as a foreign agent by the Ministry of Justice of Russian Federation

һәм комиссия аны Казан инженер-төзелеш институтына материаллар каршылыгы кафедрасына инженер итеп билгели. Бу кафедрада ул вертолётларның төрле үзлекләрен теоретик һәм эксперименталь юллар белән өйрәнүдә катнаша. Бу фәнни эшен ул инде төзелеш механикасы кафедрасы ассистенты һәм шул ук вакытта аспирант булып та дәвам итә.

Фәнни эше дә киртэләргә очрый аның. Ул эшлэгәнне башкалар үзләштерә, фәнни житәкчесе вафат булганнан соң, темасын үзгәртәргә туры килә. Шул рәвешле Р. Ә. Шакиржанов ике кандидатлык диссертациясе яза, белгечлек буенча ике тапкыр кандидатлык имтиханы бирә. Кандидатлык диссертациясен 1990 елның 19 февраль көнне МГМИда (Мәскәү гидромелиорация институты) 05.23.17 (Төзелеш механикасы) белгечлеге буенча диссертацияләр яклау советында уңышлы яктый.

Үзгәртеп кору жилләре исә башлаган 1991 нче елда югары уку йортларында татарча белем бирүне кайтару буенча хәрәкәт башлана. Казан югары уку йортларында бу хәрәкәт башында төзелеш институты, шәхсән, төзелеш факультеты деканы Вәгыйз Шәйхуллы улы Фәтхуллин тора. Институт уставына «ике телдә дә укуга мөмкинлеге турында» пункт өстәлә.

Билгеле, техник һәм төгәл фәннәргә татарча укуытканда килеп чыккан мәсьәләләрнең беренчесе – терминология. Билгеле, алар, нигездә, бар, чонки татар халкы китапчы, мәгърифәтле халык булган һәм төрле өлкәләрдә хезмәт куйган. Ләкин ул терминнар төрле чыганаclarда таралган, һәм аларны бергә җыярга, эшкәртәргә кирәк. Төрле техник проблемалар, шул исәптән ул вакытта компьютерларда татар хәрефләре булмау проблемасы да чыга, бу мәсьәләне дә хәл итәргә кирәк. Шуңа карамастан, Рәшит Әгълә улы махсус юнәлешле сүзлекләр арасында беренчеләрдән булып, 500 биттән артык күләмдә «Русча-татарча төзелеш атамалары сүзлеге»н ике ел эчендә эзәрләп, аңа эчтәлекле, әтрафлы кереш мәкалә язып бастыруга ирешә. Шушы елларда Рәшит Шакиржанов жәмәгать эшләрендә актив катнаша башлый, редакторлык эше белән дә актив шөгыльләнә. Шулай ук «Русско-татарский нефтепромышленый словарь» сүзлеген дә эшләп бетереп, бастырып чыгаруга ирешә. Бер үк вакытта ул үз белгечлеге буенча татарча лекцияләр курсын төзи һәм укуга башлый.

Шушы ук елларда Рәшит Шакиржанов һәм Вәгыйз Фәтхуллин тырышлыгы белән татар

телендә беренче фәнни-хәбәри басма – «Фән һәм тел» журналы чыга башлый. Аның шигаре «Белем–акыл–гамәл» була, анда татар телендә фәннең төрле өлкәләренә караган мәкаләләр басыла. Басманың эшен оештыручы, мәкаләләрне җыючы, редакцияләүе Рәшит Шакиржанов була. Журналның «Мәшһүр галимнәребез» сәхифәсендә басылып чыккан материалларга нигезләнеп, «Мәшһүр татар галимнәре» китабы төзелә. Кызганычка каршы, журнал 2013 нче елда эшчәнлеген туктата, аның 51 саны гына дөнья күрә кала.

Бу елларда, нигездә, Рәшит Шакиржанов тарафыннан «Татар телендә югары белем бирү» концепциясе эшләнә һәм ул «Вузларда татар телендә укуга проблемалары» дигән 5 нче Республика конференциясендә игълан ителә. Концепция кабул ителә, ләкин, кызганычка каршы, аның хәзерге вакытка кадәр тормышка ашырылганы юк.

Төзелеш факультеты деканы, татар телендә укуытуны әйдәп баручы Вәгыйз Фәтхуллин 2005 нче елның көзендә фажиғалә рәвештә вафат була. КДАТУда татар телендә укуытуны житәкләү өчен җаваплы кеше һәм татарча укуыту буенча методик кабинет мөдире итеп Рәшит Шакиржанов билгеләнә. 2006 нчы елда КДАТУда татарча укуыта башлауының 15 еллыгына багышланган фәнни-гамәли конференция үткәрелә, һәм ул В. Ш. Фәтхуллин истәлегенә багышлана. 2008 нче елның көзеннән ректор вазифасына керешкән профессор Р. К. Низамов татарча укуытуга бик нык ярдәм итә.

2008 нче елда, төрле юнәлештә башкарылган эшләрен исәпкә алып, Рәшит Шакиржанов профессор итеп сайлана. Шул ук елда аңа ТРның Фән һәм техника өлкәсендәге премиясе, ә 2009 нчы елда 60 яшьлек юбилеена «Россия Федерациясенә һөнәри югары белем бирү өлкәсендәге мактаулы хезмәткәре» дигән исем бирелә.

Татар телендә дәрәслекләр язу, лекцияләр курсларын төзү өзлексез дәвам итә. Рәшит Шакиржанов бер белгечлек буенча килгән галимнәргә дә кирәк какмый, аларга үз курслары буенча дәрәслекләр, сүзлекләр төзәргә ярдәм итә, татарча укуыту буенча конференцияләр үткәрүдә башлап йөри. 2019 нчы елда 70 яшьлек юбилееда аңа «Татарстан Республикасының дәүләт телләрендә югары белемле белгечләр эзәрләүдә актив һәм нәтиҗәле эшчәнлек, күпеллык намуслы хезмәт өчен» дип атап, шул елның октябрдә «Мәгарифтәге

казанышлар өчен» күкрәк билгесе бирелә. Ләкин соңгы елларда татарча укытуга каршы басым көчәйде. Рәшит үзе язганча, «Эшенче күрү, тану, югары бәяләү зур шатлык һәм горурлык инде ул. Әмма соңгы елларда зур югалтулар, артка чигенүләр дә булды: бар көчемне биреп, вакытымны кызганмыйча тырышып эшләгән төп юнәлеш – татар теленең статусын күтәрү, аны саклау, үстерү, татар телендә югары белем бирү һәм фәнни эшчәнлек алып бару юнәлеше – зур басымга дучар булды... Бу шовинистик басымга Дәүләт советы утырышында каршы чыккан бердәнбер депутатыбыз – мәгариф министры Э. Н. Фәттахов кына булды кебек. Шушы гаделсезлеккә протест йөзеннән, ул эшеннән китте. Менә кем ул безнең чын каһарманыбыз, курыкмас һәм чигенмәс милли батырыбыз!

Бу чорда халкыбыз ни эшләде соң? Кайбер протестлар булса да, сөйләнүдән узмадык. Лидерларыбыз юк. Түрәләргә ышану, аларга буйсыну һәм иярү гадәткә кергән, йөзләргә еллар буена каныбызга сеңгән. Заманында Сөембикә-ханбикәбезне дә дошманга биреп жибергән халык бит без.

Инде нәтижеләр нинди? Балаларыбыз татар телен белми диярлек. Хәзер алар сай белем бирә торган, шовинизм һәм рус православиегә аңкыган, ялган патриотик рухта тәрбияләнүче мәктәпләрдә укыйлар. Ата-аналарыбыз балаларын татар мәктәпләренә бирергә теләми. Шунинчә нәтижәсендә узган ел КДАТУда без дә татар телендә укый торган төркем туплый алмадык. Шулай итеп, телебезгә, халкыбызга үсәргә түгел, сакланып калырга да перспектива бетә бара. Инде боларга түзеп торып булмый, ниндидер кардиналь чаралар күрергә, халыкны бүгенге идеологик бушлыктан, караңгылыктан чыгарырга, тәрбияләргә, күтәрергә кирәк.

Шуларны истә тотып, мин төрле массакүләм матбугат чараларында һәм газеталарда, фәнни җыентыкларда татар теленә багышланган, аның дөньякүләм дәрәжәдәге рухи кыйммәт икәнен раслый торган мәкаләләр һәм чыгышлар ясадым. Алар арасында «Эхо Москвы» радиостанциясенә ачык хат, «Азатлык»¹ радиостанциясенә интервью, «Мәдәни жомга» газетасының 2020 елгы 45 һәм 52 нче саннарында басылган «Татар теле

саклауга лаек» һәм «Киләчәк теле дә ул!» мәкаләләрем бар».

Рәшит Шакиржанов үзенең тормышын туган телебезне саклауга, үстерүгә багышлаган фидакарь шәхес иде. Кызганыч, мәкерле ковид авыруы аны арабыздан алып китте. Туган телебез хакына аның кадәр эшләгән шәхесләргә белгемин. Билгеле, сүз татар телен саклау, татарча укыту турында барганда, ул кискен-кискен фикерләр әйтә иде, күпләргә бу ошамагандыр да. Ләкин аның башкарган хезмәте, чыгышлары туган телне саклауга, яшәтүгә багышланган иде, аның хакына ул теләсә нинди адымга барырга эзәр иде. Техник һәм төгәл фәннәргә татарча укытуга багышланган эшләре, фәнни хезмәтләре, дәрәжәләре, сүзлекләре аның әле күп еллар халкыбызга хезмәт итәр. Быел КДАТУда татар төркеме кабат ачылды. КФУда билингваль һәм полилингваль төркемнәр бар. Димәк, өметне югалтмаска кирәк.

Әдәбият

1. Шакиржанов Р. Ә. Туган телне саклау юлында: иҗат һәм язмыш: Монография (татар һәм рус телләрендә) / Ф. Р. Шакиржанов. Казан: ООО «Альфа-К», 2021. 500 б.
2. Ямаширма мәктәбе – мәгърифәт чишмәсе (монография). Казан, 2005. 204 б.
3. Мәшһүр татар галимнәре (монография) / автордашлар: А. И. Нарбеков, Ф. Р. Шакиржанов. Казан: Тат. кит. нәшр., 2011. 423 б.
4. Татар теле саклауга һәм яклауга лаек // «Мәдәни жомга» газетасы. 2020. № 45, 52. – 11 б.

¹* РФ Юстиция министрлыгы тарафыннан иноагент дип танылган.

* Признан иноагентом Министерством юстиции РФ.

Reviews

Бәяләмә һәм күзәтүләр

Рецензии и обзоры

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-186-192

**REVIEW OF LILIYA SATTAROVA'S MONOGRAPH
"TATAR PATTERNED LEATHER: CRAFT, TRADITION, ART".
KAZAN: TATAR BOOK PUBLISHING HOUSE, 2023. 119 P.**

Alsou Rashidovna Enikeeva,

Kazan State Institute of Culture,
3 Orenburgsky Tract, Kazan, 420008, Russian Federation,
ak-kalfak@yandex.ru.

Ekaterina Gavrilovna Vakulenko,

Head of the Artistic Expert Council of the Center
for Cossack Kuban Culture "Cossack Will",
127 Zavodskaya Str. Ust-Labinsk, Ust-Labinskoye Urban Settlement,
Ust-Labinsky District, 52332, Krasnodar Region,
sohranenie@mail.ru.

The article examines the contribution of art critic L. Sattarova to the study of leather mosaic art, which is a global brand of Tatar traditional culture. The paper proves the novelty of the approach to the interpretation of the Tatar patterned leather artistic characteristics and substantiates the value of the conducted research, focusing on the key aspects of the analyzed topic. The review highlights the significance of the author's research into art history and cultural studies.

Key words: Tatar patterned leather, leather mosaic, Kazan stitch, interpretation, applied art, ornament, museum collections

For many years of her professional activity, art historian Liliya Sattarova has been researching Tatar patterned leather (leather mosaics), the unique art of the Kazan Tatars, which has no analogues in the culture of other Turkic peoples. She has published a number of works on this topic in various Russian and foreign publications. Two decades have passed since the publication of L. Sattarova's book "Kazan Patterned Leather" [1], which has long since become a

bibliographic rarity. It is appropriate to remember that the book was highly appreciated by art experts; the publication has become a reference book for art critics, historians, cultural experts, as well as artists and craftsmen [2]. The text of the book has literally become a quote, which over the course of many years has appeared on the pages of printed and electronic publications; a discussion of the "Tatar seam" technology has become a fashionable trend on thematic

Internet forums, and the products of the craftsmen have been enriched with new ornaments, first described in the book. It should be said that largely thanks to the term, introduced by the author of the book, Kazan patterned leather has become a recognizable phenomenon, developing into a popular brand, later registered by a manufacturer of national shoes [3]. In subsequent years, having studied in detail the museum collections of Tatarstan and the history of collecting patterned leather, the author accumulated new material and wrote an essay on the modern development of the leather mosaic art. A part of these materials was included in an expanded and revised version of the book, published by the Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan in the Tatar language in translation by the famous poetess and translator Flyora Tarkhanova [4].

Being an important component of national culture, the art of Tatar patterned leather, unfortunately, remains little known in the world. All the more, it is necessary to publish illustrated works that will tell the reader in a clear and accessible language about the history and traditions of this craft, its ornamental motifs and modern masters of their craft. The book by L. Sattarova "Tatar Patterned Leather: Craft, Tradition, Art" is just the publication of this type. The book opens with a preface, in which the author explains her objectives: "By turning to the origins of the craft, tracing its centuries-old artistic tradition, we can both preserve the heritage of our ancestors and give it a new life - in the art of its modern masters." The structure of the book and its design are subordinated to this idea. The book consists of five chapters, which reveal the stages of the Tatar patterned leather development, the topic stated by the author in the title. The story about the history of the craft, including a brief historiography of the issue, is based on the tradition of producing leather shoes by the Kazan Tatars and their ancestors - the Volga Bulgars; the author tells about this wonderful period of national culture against a broad historical background. The history of patterned leather, from the "Kazan seam" origins to the heyday of the Kazan ichigi craft, is shown both by means of museum samples of the 18th–20th centuries (from twenty museums in Russia and foreign countries: Turkey, Germany, Canada and others), and through images of literature and folklore. The logical continuation of this section is the chapter "The Basis of Tradition: Ornament and Tatar Seam", which is a fascinating story about the unity of ornament and the unique "Tatar seam", representing the unique artistic merits of Tatar patterned leather.

An integral and, undoubtedly, valuable part of the book is its section "The Wisdom of the Tatar

Seam", describing the process of working on the "Tatar seam", which is presented simply and clearly, with the necessary diagrams and photographs, with brief and explicit step-by-step instructions, which are the only manual of its kind.

A book on applied arts implies having a rich illustrative series. The work of L. Sattarova is undoubtedly an example of how this should be done. The author's text is accompanied by more than 160 illustrations, most of them have detailed annotations that draw the reader's attention to the specific features of a particular patterned leather product. The author uses a wide range of photographs documenting different stages of the craft ("sewing Tatar boots" in the photo of the late 19th century from the Kaluga Museum; Ichizhnik Tatars cutting leather and putting it on a last; embroiderers of the "Obuv" and "Kzyl Kustar" artels in the photographs of 1929–1930), and the Tatar patterned ichig itself: here it is on Isadora Duncan's leg in the photo of 1922, then it is on the stand of the World Exhibition in Paris in 1925 and in the museum exhibitions of the 20th and 21st centuries.

Samples of Tatar patterned shoes and other products, published in the book, are the result of many years of persistent, painstaking research, of correspondence with Russian and foreign museums, just one list of them allows us to assess the scale of scientific research: the Deutsches Ledermuseum (Offenbach am Main), the Museum of Fine Arts (Boston), the Bata Shoe Museum (Toronto), the Ethnographic Museum and Ankara Vakıf Eserleri Müzesi (Ankara), the Topkapi Palace Museum (Istanbul), the National Museum of Mongolia (Ulaanbaatar), the Metropolitan Museum of Art (New York). From the extensive collections of a number of Russian museums, large and small, the author selected the most expressive examples of patterned leather, which characterize a certain stage in the development of the famous ichigi craft. Among these collections are the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg), the Sergiev Posad Museum-Reserve (Sergiev Posad), the State Historical Museum (Moscow), the Kasimov Museum-Reserve (Kasimov), the Kaluga State United Museum of Local Lore (Kaluga), the Central State Theater Museum named after A. Bakhrushin (Moscow), the M. Voloshin Museum (Koktebel). The author's special attention is given to the museum collections of Tatarstan, which to some extent compensates for the lack of catalogs on Tatar art, in particular patterned leather, stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan and the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan. In the context of the museum collec-

tions' history, the author's appeal to the very phenomenon of looking-for and collecting patterned leather is of great importance as it reflects, first of all, a high assessment of samples of patterned shoes as objects with undoubted artistic merit, and cultural and historical significance.

The comprehensive search, conducted by the researcher in the museums, is noteworthy: interesting samples of patterned ichigs were discovered by the author even in school museums of the Republic (p. 64, 67). The author thereby emphasizes the importance of the school museums' collections in recording and studying the history of the region, in particular the development of crafts in the villages of the Arsky and Vysokogorsky regions of the Republic of Tatarstan – the places of traditional ichigi industry. Detailed descriptions, provided with almost every sample, are the key to understanding the original features of each item, the uniqueness of these samples as products of folk art.

We should note the fact that it was L. Sattarova who first introduced the Russian reader to unique examples of patterned shoes by describing them for the first time in her articles and books. Of particular importance was the information about the collections of foreign museums, which contained ichigs intended for European consumers, they came from World Exhibitions and had an early date and original ornament [5, pp. 136–147]. It is with regret that we have to admit that in foreign museums, wonderful examples of our craft are often attributed to the peoples of the Caucasus, Crimea and Central Asia. The author of the book proves that such attributions are unfounded.

The art of Tatar patterned leather is an important part of modern artistic practice in the Republic of Tatarstan, this phenomenon is described in the final chapter “The Art of Leather Mosaic: Inheriting an Ancient Tradition.” As the author of the idea and organizer of leather festivals in the Turkic world and symposiums on artistic leather processing, L. Sattarova has been an expert in the development and support of this type of national art in Tatarstan in recent decades. In her essays on the work of each modern master and professional artist, the author shows how our unique heritage is interpreted and introduced into a modern artistic context in the design of interior items, clothing, and the creation of unique works of decorative and applied art. Continuity is the most important factor in preserving the experience of folk art; it is ensured in Tatarstan through the practice of mentoring, carried out by prominent artists of applied art. The book characterizes the existing system of training craftsmen and artists who work with leather in the

Republic, depicts the creative achievements of teachers and graduates of the Kazan Art School named after N. Feshin and the Kazan State Institute of Culture. The most important feature of this study is that Liliya Sattarova highlights the creativity of contemporary masters and professional artists who develop the famous art in the modern ethnocultural environment and creative industry. At the same time, the author reveals the true artistic content of this folk craft, its technique and features of its color scheme, the semiotic meaning of its ornament, which will not allow turning this unique phenomenon into kitsch, falsifying its true image.

This monograph is the result of many years of work conducted by the famous scholar L. Sattarova. The research has great scientific, practical and methodological significance; it can be used in the development of museum concepts, as well as educational and scientific materials both for students of “Folk artistic culture” and “Decorative and applied arts” at universities of culture, and for folklore ensembles and ethnocultural associations in their work devoted to reviving and developing the Tatars' traditional culture. The book by L. Sattarova is important and necessary for modern life, when ethnic values acquire special significance; it will serve as an aid in preserving and reviving the traditions of the Kazan Tatars' famous folk craft.

References

1. Sattarova, L. I. (2004). *Kazanskaya uzornaya kozha* [Kazan Patterned Leather]. 159 p. Moscow, Kul'tura i traditsii. (In Russian)
2. *Tolkovye kozhevennye knigi. L. Satarova “Kazanskaya uzornaya kozha”* (2023) [Explanatory Leather Books. L. Satarova “Kazan Patterned Leather”]. YouTube, 6 iyulya 2023 g. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ODiNOwNbPAo> (accessed: 11.03.2024). (In Russian)
3. *V Tatarstane zaregistrovan novyi regional'nyi brend “Kazanskaya uzornaya kozha”* [A New Regional Brand “Kazan Patterned Leather” Has Been Registered in Tatarstan]. Real'noe vremya. 19.05.2023. URL: <https://realnoevremya.ru/news/281143-rosipatent-zaregistroval-nmpt-kazanskaya-uzornaya-kozha> (accessed: 11.03.2024). (In Russian)
4. Sattarova, L. I. (2013). *Kazan kayuly kyne* [Kazan Patterned Leather]. Säkhtiyan chitek, sauryi ykchə. Kazan, “Zaman” nəshriyate. 167 b. (In Tatar)
5. Sattarova, L. I. (2014). *Obraztsy kazanskoi uzornoj kozhi v zarubezhnykh muzeyakh* [Samples of Kazan Patterned Leather in Foreign Museums]. Khudozhestvennaya obrabotka kozhi u tyurkskikh narodov. Doklady II Mezhdunarodnogo simpoziuma. Pp. 136–147. Kazan', 19–20 sentyabrya 2014 g. Ankara. (In Russian)

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ САТТАРОВОЙ ЛИЛИИ ИЛЕВНЫ
«ТАТАРСКАЯ УЗОРНАЯ КОЖА: РЕМЕСЛО, ТРАДИЦИЯ,
ИСКУССТВО». КАЗАНЬ: ТАТАР. КН. ИЗД-ВО, 2023. 119 С.**

Алсу Рашидовна Еникеева,

Казанский государственный институт культуры,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, д. 3,
ak-kalfak@yandex.ru.

Екатерина Гавриловна Вакуленко,

руководитель художественно-экспертного совета
Центра казачьей кубанской культуры «Казачья воля», Краснодарский край,
52332, Краснодарский край, Усть-Лабинский м.р.-н, Усть-Лабинское г.п.,
г. Усть-Лабинск, ул. Заводская, д. 127,
sohranenie@mail.ru.

В статье рассматривается вклад искусствоведа Л. И. Саттаровой в изучение искусства кожаной мозаики, являющегося мировым брендом татарской традиционной культуры. Доказывается новизна подхода к интерпретации художественных характеристик татарской узорной кожи, обозначается ряд обоснований ценности проведенных исследований, акцентируется внимание на ключевых аспектах анализируемой тематики, аргументируется степень значимости исследования автора в искусствоведении и культурологии.

Ключевые слова: татарская узорная кожа, кожаная мозаика, казанский шов, интерпретация, прикладное искусство, орнамент, музейные коллекции

В течение многих лет своей профессиональной деятельности искусствовед Лилия Саттарова занимается исследованиями татарской узорной кожи (кожаной мозаики), уникального искусства казанских татар, не имеющего аналогов в культуре других тюркских народов. Ею осуществлен целый ряд публикаций по этой теме в различных российских и зарубежных изданиях. Прошло два десятилетия после выхода в свет издания книги Л. И. Саттаровой «Казанская узорная кожа» [1], которая давно перешла в разряд библиографической редкости. Уместно вспомнить, что книга получила высокие отзывы специалистов, издание стало настольной книгой для искусствоведов, историков, культурологов, а также художников и мастеров народных промыслов [2]. Книгу буквально разобрали на цитаты, перешедшие за много лет на страницы печатных и электронных изданий; обсуждение технологии «татарского шва» превратилось в модный тренд на тематических интернет-форумах, а изделия мастеров обогатились новыми орнаментами, впервые опубликованными в книге. Следует сказать, что во многом благодаря введенному автором книги термину казанская узорная кожа стала узнаваемым

явлением, превратившись в популярный бренд, впоследствии зарегистрированный фирмой – производителем национальной обуви [3]. В последующие годы автором был накоплен новый материал, написан очерк о современном развитии искусства кожаной мозаики, подробно изучены музейные коллекции Татарстана, исследована история коллекционирования узорной кожи. Частично эти материалы вошли в дополненный и переработанный вариант книги, изданный Министерством культуры Республики Татарстан на татарском языке в переводе, осуществленном известной поэтессой и переводчиком Флёррой Тархановой [4].

Являясь важной составляющей национальной культуры, искусство татарской узорной кожи, к большому сожалению, остается малоизвестным в мире. Тем более необходимыми и насущными являются иллюстрированные издания, которые ярким и доступным языком расскажут читателю об истории и традициях промысла, орнаментальных мотивах, современных мастерах. Книга Л. И. Саттаровой «Татарская узорная кожа: ремесло, традиция, искусство» является именно таким изданием. Книгу открывает предисловие, в котором автор поясняет свою зада-

чу: «Обращаясь к истокам ремесла, прослеживая его многовековую художественную традицию, мы сможем не только сохранить наследие предков, но и дать ему новую жизнь – в искусстве современных мастеров». Структура книги и ее дизайн подчинены этой идее. Книга состоит из пяти глав, в которых раскрываются заявленные автором в названии этапы развития татарской узорной кожи. Рассказ об истории ремесла, включающий краткую историографию вопроса, строится на связи с традицией производства кожаной обуви казанскими татарами и их предками – волжскими булгарами; автор рассказывает об этой замечательной странице национальной культуры на широком историческом фоне. История узорной кожи, от зарождения «казанского шва» до расцвета казанского ичижного промысла, показана не только на музейных образцах XVIII–XX вв. из двадцати музеев России и зарубежных стран (Турции, Германии, Канады и других), но и через образы литературы и фольклора. Логическим продолжением этого раздела является глава «Основа традиции: орнамент и татарский шов», ставшая увлекательным рассказом о единстве орнамента и уникального «татарского шва», в котором воплотились неповторимые художественные достоинства татарской узорной кожи.

Органичным и, несомненно, составляющим ценную часть книги является раздел «Премудрости татарского шва» с описанием процесса работы над «татарским швом», который подан просто и ясно, с необходимыми схемами и фотографиями и краткими и понятными пошаговыми инструкциями, которые являются единственным пособием своего рода.

Книга по прикладному искусству подразумевает богатый иллюстративный ряд. Труд Л. И. Саттаровой, несомненно, является образцом в том, как надо это делать. Авторский текст сопровождает более 160 иллюстраций, большинство из них имеет развернутые аннотации, которые обращают внимание читателя на специфические особенности конкретного изделия из узорной кожи. Автором использован широкий ряд фотографий, задокументировавших как разные стадии ремесла («сшивание татарских сапог» на фото конца XIX в. из Калужского музея, татары-ичижники за раскроем кожи и посадкой на колодку, вышивальщицы артелей «Обувь» и «Кзыл Кустарь» на фотографиях 1929–1930 гг.), так и сам татарский узорный ичиг: вот он на ноге Айседоры Дункан на фото 1922 г., далее – на стенде Всемирной вы-

ставки в Париже в 1925 г., в экспозициях музеев в XX и в XXI столетиях.

Образцы татарской узорной обуви и других изделий, опубликованные в книге, – результат многолетнего настойчивого, кропотливого исследования, переписки с российскими и зарубежными музеями, один перечень которых позволяет оценить масштаб научного поиска: Немецкий музей кожи (Оффенбах-на-Майне), Музей изящных искусств (Бостон), Музей обуви Батя (Торонто), Этнографический музей и Музей вакуфного искусства (Анкара), Музей дворца Топкапы (Стамбул), Национальный музей Монголии (Улан-Батор), Музей Метрополитен (Нью-Йорк). В обширных коллекциях целого ряда российских музеев, больших и малых, автором выбраны самые выразительные образцы узорной кожи, которые характеризуют определенный этап развития знаменитого ичижного промысла. Среди этих собраний – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), Сергиево-Посадский музей-заповедник (Сергиев-Посад), Государственный исторический музей (Москва), Касимовский музей-заповедник (Касимов), Калужский государственный объединенный краеведческий музей (Калуга), Центральный государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва), Музей М. Волошина (Коктебель). Особое внимание автора сосредоточено на музейных коллекциях Татарстана, что в некоторой степени восполняет отсутствие каталогов по татарскому искусству, в частности узорной коже, хранящейся в Национальном музее Республики Татарстан и Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан. В разрезе истории музейных собраний ценным является обращение автора к самому феномену собирания и коллекционирования узорной кожи, в котором отразилась прежде всего высокая оценка образцов узорной обуви как предметов, обладающих несомненными художественными достоинствами и культурно-исторической значимостью.

Обращает на себя внимание широта музейного поиска исследователя: интересные образцы узорных ичигов обнаружены автором даже в школьных музеях республики (с. 64, 67). Автор тем самым подчеркивает важность коллекций школьных музеев в фиксации и изучении истории края, в частности развития промыслов в селах Арского и Высокогорского районов Республики Татарстан – местах традиционного бытования ичижного промысла. Подробные описания, которыми снабжен практически каждый

образец, дают ключ к пониманию уникальной особенности каждой вещи, неповторимости этих образов как изделий народного искусства.

Заслуживает особого упоминания тот факт, что именно Л. И. Саттарова впервые познакомила российского читателя с уникальными образцами узорной обуви, осуществив их первую публикацию в своих статьях и книгах. Особенно важной была информация о коллекциях зарубежных музеев, в которых оказались собраны ичиги, предназначенные для европейского потребителя, происходящие со Всемирных выставок и имеющие раннюю дату и оригинальный орнамент [5, с. 136–147]. С сожалением приходится констатировать, что в зарубежных музеях замечательные образцы нашего промысла нередко приписываются народам Кавказа, Крыма, Центральной Азии. Автор книги доказывает, что подобные атрибуции не имеют под собой ни малейшего основания.

Искусство татарской узорной кожи является важной частью современной художественной практики в Республике Татарстан, данное явление раскрыто в завершающей главе «Искусство кожаной мозаики: наследуя древнюю традицию». Являясь автором идеи и организатором фестивалей кожаного дела в тюркском мире и симпозиумов по художественной обработке кожи, Л. И. Саттарова полностью владеет темой развития и поддержки данного вида национального искусства в Татарстане в последние десятилетия. В очерке творчества каждого современного мастера и профессионального художника автор показывает, как уникальное наследие интерпретируется и вводится в современный художественный контекст в дизайне предметов интерьера, одежды, создании уникальных произведений декоративно-прикладного искусства. Преемственность является важнейшим фактором в сохранении опыта народного искусства, она обеспечивается в Татарстане через наставничество видных художников прикладного искусства. В книге характеризуется существующая в республике система подготовки кадров мастеров и художников, работающих с кожей, раскрываются творческие достижения преподавателей и выпускников Казанского художественного училища им. Н. И. Фешина и Казанского государственного института культуры. Важнейшим достоинством данного исследования является то, что Лилия Илевна большое внима-

ние уделяет творчеству современных мастеров и профессиональных художников по развитию знаменитого искусства в современной этнокультурной среде и креативной индустрии. При этом автор раскрывает истинное художественное содержание данного народного промысла, его технику, особенности цветовой гаммы, семиотическое значение орнамента, что позволит не превратить уникальное явление в китч и не фальсифицировать его истинный образ.

Данная монография является итогом многолетнего труда известного ученого Л. И. Саттаровой. Исследование имеет ценное научно-практическое и методическое значение, оно может быть использовано в разработке концепций музеев, а также образовательных и научных материалов как для студентов направления подготовки «Народная художественная культура» и «Декоративно-прикладное искусство» вузов культуры, так и для фольклорных ансамблей и этнокультурных объединений в их работе по возрождению и развитию традиционной культуры татар. Книга Л. И. Саттаровой является важной и необходимой в современной жизни, когда этнические ценности приобретают особую значимость; она будет служить пособием для тех, кто заинтересован в сохранении и возрождении традиций знаменитого народного промысла казанских татар.

Литература

1. Саттарова Л. И. Казанская узорная кожа. М.: Культура и традиции, 2004. 159 с.
2. Толковые кожаные книги. Л. Сатарова «Казанская узорная кожа» // YouTube, 6 июля 2023 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ODiNOwNbPAo> (дата обращения: 11.03.2024).
3. В Татарстане зарегистрирован новый региональный бренд «Казанская узорная кожа» // Реальное время. 19.05.2023. URL: <https://realnoevremya.ru/news/281143-rosopatent-zaregistroval-nmpt-kazanskaya-uzornaya-kozha> (дата обращения: 11.03.2024).
4. Саттарова Л. И. Казан каюлы күне. Сәхтияң читек, саурың үкчә. Казан: «Заман» нәшрияте, 2013. 167 б.
5. Саттарова Л. И. Образцы казанской узорной кожи в зарубежных музеях // Художественная обработка кожи у тюркских народов. Доклады II Международного симпозиума. Казань, 19–20 сентября 2014 г. Анкара, 2014. С. 136–147.

**ЛИЛИЯ ИЛ КЫЗЫ САТТАРОВАНЫҢ «ТАТАРСКАЯ УЗОРНАЯ
КОЖА: РЕМЕСЛО, ТРАДИЦИЯ, ИСКУССТВО»
МОНОГРАФИЯСЕНӘ (КАЗАН: ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ,
2023. 119 б.) БӘЯЛӘМӘ**

Алсу Рәшит кызы Еникеева,

Казан дәүләт мәдәният институты,
Россия, 420008, Казан ш., Оренбург тракты ур., 3 йорт,
ak-kalfak@yandex.ru.

Екатерина Гавриловна Вакуленко,

«Казачья воля» Кубань казаклары мәдәнияте үзәге,
52332, Краснодар крае, Усть-Лабинск шәһәре, Завод урамы, 127 йорт,
sohranenie@mail.ru.

Мәкаләдә сәнгать белгече Л. И. Саттарованың татар традицион мәдәниятенә дөньякүләм танылган бренды булган күн эшләнмәләре мозаикасы сәнгать өйрәнүгә керткән өлешенә бәя бирелә. Татар күн бизәкләренә сәнгати характеристикаларын интерпретацияләү жәһәттен авторның яңача карашы дәлиләнә, үткәрелгән тикшеренүләрнең кыйммәте нигезләнә, анализлана торган темаларның төп аспектларына игътибар бирелә, тикшеренүләрнең сәнгать гыйлемендәге һәм культурологиядәге әһәмияте дәрәжәсе билгеләнә.

Төп төшенчәләр: татар күн бизәкләре, күн мозаикасы, Казан жәе, интерпретация, кулланма сәнгать, бизәк, музей коллекцияләре

THE PIONEERS, HISTORICAL PAGES AND GOLDEN PILLARS OF THE SILVER SCREEN

Vasil Zagitovich Garifullin,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
vasilgarifullin@mail.ru.

The article provides a review of the monograph “Tatarstan televideniyesi: telefottan alyp tsifly tehnologiyalerge” (Television of Tatarstan: From Telephot to Digital Technologies) by Kazan Federal University Professor R. Dautova and KNRTU-KAI Researcher M. Shleimovich. The monograph, dedicated to the history of Tatarstan television, conducts a detailed analysis of the television in terms of its creative and technological development. The review notes that the book widely covers the activities of the people who made a huge contribution to the emergence of television, but whose names are still little known.

Key words: Tatars, Tatarstan television, history, R. Dautova, M. Shleimovich

Tatarstan television celebrates its 65th anniversary in 2024. In the history of Tatarstan, November 1, 1959 is marked as the day when the Kazan Television studio was opened. Starting from this day, television began to penetrate into the lives of Tatarstan residents, into the daily life of the Tatar people. Even now I can remember that when we were children, we used to read books from the village library, passing them from hand to hand, until they looked completely worn out. We also subscribed to ten to fifteen different newspapers and magazines. When TV came into our lives, a very fun life began. As soon as we brought home a newspaper with a TV time table, we carefully studied it, noting the programs, interesting films and cartoons that would be shown next week, and underlined them. After that, we eagerly awaited for the program to start, holding this time table in our hands. Very few programs for children in the Tatar language were like a real treat. It was with great interest that adults watched concerts, television performances and weekly almanacs created at the Kazan television studio.

Unfortunately, little studied remain the origins of our television, which has a fairly rich history, the stages of its development and its legendary personalities. Professor of Kazan Federal University Rezeda Dautova, Doctor of History, is one of the authors who has been actively working to fill in the gaps of the television history. Most recently, her voluminous monographic work on the history of Tatarstan television, entitled “Tatarstan televideniyesi: telefottan alyp tsifly tehnologiyalerge” (Television of Tatarstan: From Telephot to Digital Technologies), was published in the form of a book. Her co-author is a

researcher, a technical expert, the head of the department at KNRTU-KAI Mikhail Shleimovich.

Indeed, the book clearly shows two planes of the television development in Tatarstan: its creative and technical-technological planes. The emergence and development of television, as a form of creative art and a branch of culture, is primarily associated with the development of exact sciences and technical discoveries. Naturally, in this regard, the first chapter of the book describes the technological achievements that made the creation of television possible. To tell the truth, no one can clearly answer the question of who invented television. Because the television signal we watch today is not the achievement of just one person. Speaking about the origin of television, first of all, we mention the Russian physicist Boris Rosing who, at the beginning of the 20th century, invented a tube working with electron beams, and Vladimir Zvorykin was the inventor of the first television set working with this kind of tube; we remember the German scientist Paul Nippkow who invented a device that switches images using a mechanical disk. But few people know that the Kazan engineer Alexander Polumordvinov was involved in the invention of color television. While working at the United Kazan Industrial School as a teacher of mechanical sciences and drawing, in 1899 Polumordvinov applied for a patent for a color television system. At the beginning of 1900, at the first electrical engineering congress in St. Petersburg, Alexander Polumordvinov made a report on his invention. A. Popov, B. Rosing and other outstanding scientists expressed their solidarity with him and offered their help. In 1903, it was Polumordvinov who first proposed combining the transmission of

color and sound; at that time it was akin to a revolution. The War Ministry also got interested in the scientist's inventions. The military goals were clear: at that time, it was important to be able to quickly present a clear existing situation in military conditions. In 1900, Polumordvinov received a subsidy of 2,000 rubles from the War Ministry. In 1903, the inventor patented a device for simultaneous transmission of image and sound.

The book "Tatarstan televideniye: telefoto i alyp tsifly tehnologiyalerge" (Television of Tatarstan: From Telephoto to Digital Technologies) gives a well-deserved high assessment of Alexander Polumordvinov's work. The authors of the book call this scientist the pioneer of Tatarstan television and accurately describe the essence of Polumordvinov's discovery.

Unfortunately, the scientist's fate, like that of many others, was tragic: he was forced to fight bureaucracy and raise money to launch his invention, which greatly undermined his health. In the end, he had to sell his patent to the English scientist John Baird. After some improvements, in 1925, Baird put the long-distance color image transmission system through laboratory tests and in 1928, he organized the first public display. As a result, it was he who went down in history as the inventor of color television. Without the devices of Polumordvinov and other inventors there would be no electronic television.

Electronic television, which Zvorykin proposed in 1923, turned out to be simpler and cheaper than photomechanical television, and the name of the Kazan scientist Polumordvinov was completely forgotten.

The author of the second great discovery in the field of television was also our fellow countryman. Born in 1892 and raised in the village of Russkaya Aisha near Kazan, Alexander Polyakov invented the video recorder in 1948. However, as this discovery was also made abroad, in our country his name is known to a small circle of people. The new book on the history of television provides some interesting information about this fact.

Obviously, the book analyzes in detail the history of local television programs, created in Kazan by a team of radio amateurs. The book mentions that thanks to the efforts of these amateurs, the first television sets were assembled in our capital as early as in 1937, moreover, in the early 1950s, "Zvezda" brand televisions were assembled at one of the Kazan factories. During the same period, a television center was created in Kazan and its experimental programs were first broadcast in 1955 – these are the facts that deserve our attention.

The Kazan television studio, which began working professionally in 1959, introduced its viewers to examples of high art from the very first days. To begin with, music programs prepared in Moscow and various films were shown on air. Later, the studio began broadcasting its own programs. The development of national television began with information programs. In 1960, the first portable television station was brought to the Kazan television studio and made it possible for the viewers to see live events on television screens. On September 27, 1960, the first television report was broadcast.

From its first days, the Kazan television studio employed real professionals, who had won a tough competition to work here, they left their mark on the achievements in the field of literature and art. The famous directors, Gali Khusaenov, Idmas Utyaganov and Akhtam Zaripov, starting from the 1960s, created immortal television plays, television and documentary films, television concerts, feature films and interesting programs that are included in the golden fund of our television. The famous cameramen, Toivo Kaljurand, Eduard Utyaganov, Stanislav Yarosh, Yuri Gvozdz, Iskander Shamsetdinov and Vitaly Mironov, the brilliant presenters like Irkya Sakaeva, Abdulla Dubin, Galina Zimenkova, Amina Safiullina, Rousstem Nabiullin, Elmira Khammatova and Nailya Nogmanova worked here. All of them deserve to be called the golden pillars of our silver screen. It is next to impossible to enumerate and list the editors and journalists who worked here at different times. Besides simply mentioning them, the book gives a worthy assessment of their dedicated work.

The book analyzes stages of the television development in connection with the socio-political situation in the country. Until the 1980s, the duration of Kazan television studio programs was very limited. The programs were mainly broadcast in the evening. The 1990s, which brought about dramatic changes, began a new stage in the development of television in Tatarstan. It was during these years that the volume of national programs on Tatarstan television increased. The appearance of leading journalists on air was a big innovation. Many new types of programs appeared.

In the nineties, several more new television channels were opened in Tatarstan. It was a period of intense rivalry on television. The year of 2002 went down in history as the year of the television formation when the radio company "Tatarstan – Novyi Vek" ("Tatarstan – New Century") ("TNV") was created on the basis of the Kazan television

studio. At the same time, the Tatarstan State Television and Radio Company continued its activities. In 2012, the first satellite TV channel “TNV-Planeta” began broadcasting to all regions of the Russian Federation and other countries. Later, the “Shayan-TV” channel got its independence.

Thus, R. Dautova and M. Shleimovich’s book “Tatarstan televideniye: telefotdan alyp tsifly tehnologiyalarge” (Television of Tatarstan: From Telephot to Digital Technologies) describes all stages of the republican television development in detail. It also examines the prospects for its future development, using special formulas and digital data to prove the advantages of the signal transmission through digital technologies at a high scientific level. The fact that the book contains official documents, related to the development of Tatarstan television, in the form of separate appendices increases the value of the book.

It should be noted that for one of the authors of this book, scientist Rezeda Dautova, known as a theorist and practitioner of journalism both in the republic and in the country, television is an especially close sphere. Her mother, Liliya Nigmatova, began her professional career at the Kazan television studio in her youth; later she became a senior director responsible for broadcasting the most important and complex programs. Reseda followed in her footsteps; as early as in school she was drawn to television actively participating in children’s programs. The choice of the Journalism Department of Kazan State University after leaving school was probably due to her love for television. However, life made its own adjustments to her plans and dreams. In her student years, Reseda began working for a university newspaper, and after receiving a diploma in journalism, she was invited to work for the

newspaper “Vechernyaya Kazan” (“The Evening Kazan”), which was considered the most daring and influential publication in the Republic in the 1990s. Still, her connection with television has not broken: having gained some practical experience, she returned to the University and completed a postgraduate course. Under the guidance of the famous scientist Indus Tagirov, the young researcher began to study the history of Tatarstan television and in 2004, she presented her Ph.D. thesis on this topic. Her further scientific research was also related to the stages of our television development. As a result of her work, Rezeda Dautova was entrusted with the training of television personnel at the University: she became both the first head of the Department of Television Programs and Television Production, which opened at KFU in 2013, and one of the founders of undergraduate and graduate programs in the field of “Television” in Russia.

R. Dautova’s book “Tatarstan televideniye: telefotdan alyp tsifly tehnologiyalarge” (Television of Tatarstan: From Telephot to Digital Technologies), written in collaboration with scientist M. Shleimovich, an expert in television technology, should be considered a major event in the scientific career of both scholars. It should be emphasized that it will go down in history as the first voluminous scientific publication covering the history of our television in detail.

References

1. Dautova, R. V., Shleimovich, M. P. (2023). *Televidenie Tatarstana: ot telefota do tsifrovyykh tekhnologii* [Television of Tatarstan: From Telephot to Digital Technologies]. Kollektivnaya monografiya. Ed. O. G. Morozov. 371 p. Kazan, izd. KNRTU-KAI. (In Russian)

ЗӘҢГӘР ЭКРАННЫҢ ЧИШМӘ БАШЫ, ТАРИХИ СӘХИФӘЛӘР ҺӘМ АЛТЫН БАГАНАЛАРЫ

Васил Заһит улы Гарифуллин,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
vasilgarifullin@mail.ru

Мәкаләдә Казан федераль университеты профессоры Р. В. Даутова һәм КНИТУ-КАИ галиме М. П. Шлеймовичның «Татарстан телевидение: телефоттан алып цифрлы технологияләргә» дигән монографиясенә күзәтү ясаля. Татарстан телевидение тарихына багышланган монографиядә телевидениең ижади һәм технологик ясылыклардагы үсеше эзлекле рәвештә жентекле анализлана. Шулай ук китапта телевидение барлыкка килгә зур өлеш керткән, ләкин моңа кадәр исемнәре аз билгеле булган шәхесләрнең эшчәнлегә дә киң яктыртылган булуы әйтелә.

Төп төшенчәләр: татарлар, Татарстан телевидениесе, тарих, Р. В. Даутова, М. П. Шлеймович

Татарстан телевидениесе 2024 елда үзенң 65 еллык юбилеең бәйрәм итә. 1959 елның 1 ноябре Татарстан тарихына Казан телевидение студиясе эшли башлаган көн буларак теркәлгән. Шул көннән башлап телевидение татарстанлылар тормышына, татар халкының көндәлек яшәшенә көннән-көн кирәк үтәп керә башлый. Әле дә хәтердә, без бала чакта авыл китапханәсендәгә китапларны тәмам тузып-таушалып беткәнче, кулдан-кулга йөртеп укый идек. Өстәвенә өйгә ун-унбишәр төрле газета-журнал алдырабыз. Тормышыбызга телевизор килеп кергәч, бөтенләй күңелле тормыш башланды. Өйгә атналык телетапшырулар программасы игълан ителгән газета килеп төшү белән, аны эңсәңнән-жебенә кадәр өйрәнәп, киләсе атнада булачак тапшыруларның, мажаралы фильм һәм мультфильмнарны барлап чыгабыз, асларына сыза-сыза билгеләп куябыз. Аннары кулга шул программаны тотып, түземсезлек белән тапшыру башланганын көтәп утырабыз. Балалар өчен әллә нигә бер була торган татарча тапшырулар – үзе зур бер бәйрәм кебек иде. Олылар исә Казан телестудиясендә әзерләнгән концертларны, телевизион спектакльләрен, атналык альманахларны бик яратып карыйлар иде.

Кызганычка, гаять бай тарихлы телевидениебезнең барлыкка килүе дә, үсеш этаплары да, аның белән бәйлә легендар шәхесләр дә бүгенгә көнгә кадәр бик аз өйрәнелгән. Әлегә тарихның ак битләрен барлау һәм тулыландыру юлында соңгы елларда актив эшләгән авторларның берсе – тарих фәннәре докторы, Казан федераль университеты профессоры Резеда Вагиз кызы Даутова. Әле күптән түгел генә аның Татарстан телевидениесе тарихына багышлап язылган зур күләмле «Татарстан телевидениесе: телефоттан алып цифрлы технологияләргә» (Телевидение Татарстана: от телефота до цифровых технологий) дип аталган монографик хезмәте китап буларак басылып чыкты. Китапны язуда тагын бер авторның, техник яктан коралланган галимнең дә катнашуы бик табигый. Бу – КНИТУ-КАИ уку йортының кафедра мөдире Михаил Петрович Шлеймович.

Чынлап та, китапта Татарстанда телевидение үсешенең ике ясылыгын бик ачык күзәтеп була: ижади һәм техник-технологик ясылыкларны. Телевидениенең ижат төре, мәдәният һәм сәнгать

тармагы буларак барлыкка килүе һәм алга китеше, беренче чиратта, төгәл фәннәрнең үсеше һәм техник ачышлар белән бәйлә. Табигый, бу нисбәттән китапның беренче бүлегендә телевидение барлыкка китергән техника казанышлары турында сүз бара. Дөресен генә әйткәндә, телевидениене кем уйлап тапкан дигән сорауга дөрес җавапны берәү дә өздәреп кенә әйтә алмый. Чөнки бүген без карый торган телевизион сигнал – бер генә кешенең ачыш-казанышы нәтижәсе түгел. Телевидение барлыкка килүе турында сөйләгәндә, беренче чиратта, XX гасыр башында ук электрон нурлар белән эшли торган трубканы уйлап тапкан Россия физигы Борис Розинг һәм шундый трубканы беренче телевизорны уйлап чыгарган Владимир Зворыкинны телгә алалар, механик диск аша сурәтләр күчәрә торган жайланма ясаган немец галиме Пауль Нипков турында әйтәләр. Ә менә Казан инженеры Александр Полумордвиновның төсле телевидение уйлап табуга катнашы барлыгын бик аз кеше белә. Казан берләшкән сәнгать училищесында механика фәннәре һәм сызым укучысы булып эшләгән чорында, 1899 елда Полумордвинов төсле телевизион системаны патентлаштыруга гариза бирә. 1900 ел башында Петербургта узган беренче электротехника съездында Александр Полумордвинов үзенң ачышы турында доклад ясай. А. Попов, Б. Розинг һәм башка күренекле галимнәр аңа теләктәшлек белдерә, ярдәм кулы суза. 1903 елда нәкъ менә Полумордвинов беренче булып төс һәм тавыш тапшыруны берләштерергә тәкъдим итә, ул вакытта бу революция була. Галимнең эшләнмәләре белән хәрби министрлык та кызыксына. Хәрбиләрнең максатлары аңлашыла: ул вакытта мәгълүматны тиз тапшыру мөмкинлегә сугыш шартларында бик файдалы булып иде. 1900 елда Полумордвинов хәрби министрлыктан 2000 сум субсидия ала. 1903 елда уйлап табучы бер үк вакытта сурәт һәм тавыш тапшыру өчен жайланманы патентлай.

«Татарстан телевидениесе: телефоттан алып цифрлы технологияләргә» китабында Александр Аполлонович эшчәнлегенә тиешле югары бәя бирелгән. Татарстанда телевидение үсешенең чишмә башы дип китап авторлары нәкъ менә әлегә галимне атыйлар һәм Полумордвинов ачышының асылын ачык итеп күрсәтеп бирәләр.

Кызганычка каршы, галимнең язмышы башка бик күпләрнеке кебек фаҗигале була: ул

бюрократлар белән көрәшеп, үз эшләнмәсен гамәлгә куяр өчен өчен акча жыйрга мәжбүр булып, сәламәтлеген нык какшата. Үзенң патентын англиз галиме Джон Бэрдка сатарга мәжбүр була. Кайбер камилләштерүләрдән соң, 1925 елда Бэрд төсле сурәтләрне еракка тапшыру системасын лаборатория сынаулары аша уздыра, ә 1928 елда беренче жәмәгать каравын оештыра. Нәтижәдә тарихка нәкъ менә ул төсле телевидение уйлап табучы буларак керә. Әгәр Полумордвинов һәм башка уйлап табучылар эшләнмәләре булмаса, электрон телевидение дә булмас иде.

1923 елда Зворыкин тәкъдим иткән электрон телевидение фотомеханик телевидениегә караганда гадирәк һәм арзанрак булып чыга һәм Казан галиме Полумордвиновның исеме тәмам онытыла.

Телевидение өлкәсендәге икенче бер зур ачышның да авторы безнең якташыбыз икән. 1892 елда Казан янындагы Рус Әйшәсе авылында туып үскән Александр Матвеевич Поляков 1948 елда видеоманитофон уйлап тапкан. Ләкин ачышын чит илдә ясаганлыгы аркасында, аның исеме дә безнең илдә бик азларга гына билгеле була. Телевидение тарихына багышланган яңа китапта бу хакта гаять кызыклы мәгълүматлар бар.

Әлбәттә, китапта шулай ук Казанда радио-сөючеләр эшчәнлегенә нәтижәсендә туған жирле телевизион тапшырулар тарихы жентекле анализлана. Үзешчәннәр тырышлыгы белән мәркәзбездә беренче телевизорларның 1937 елда ук жыелуы, ә инде 50 нче еллар башыннан Казан заводларының берсендә «Звезда» маркалы телевизорлар ясала башлавы искә алына. Шулай ук чорда Казанда телевизион үзәк төзелүе һәм аның эксперимент рәвешендәге тапшырулары 1955 елда чыга башлавы да – игътибарга лаеклы фактлар.

1959 елдан профессиональ рәвештә эшли башлаган Казан телевидение студиясе беренче көннәреннән тамашачыларны югары сәнгать үрнәкләре белән таныштыра. Башта эфирда Мәскәүдә әзерләнган музыкаль программалар һәм төрле фильмнар күрсәтелә. Соңрак студия үз тапшыруларын гамәлгә куя башлый. Милли телевидение үсеше мәгълүмати тапшыру барлыкка килүдән башлана. 1960 елда Казан телевидение студиясенә беренче күчмә телевизион станция кайта һәм ул телеэкранда вакыйгаларның тере шаһитларын күрергә мөмкинлек тудыра. 1960 елның 27 нче сентябрена беренче телевизион репортаж эфирга чыга.

Казан телестудиясе барлыкка килүенң беренче көннәреннән үк биредә зур конкурс буенча сайлап алынган чын профессионаллар, әдәбият-сәнгать өлкәсендә тирән эз калдырган зур шәхесләр эшли. Гали Хөсәенов, Идмас Үтәгәнов, Әхтәм Зарипов кебек танылган режиссёрлар 60 нчы еллардан башлап телевидениенең жуелмас фондына кергән үлемсез телеспектакльләр, телевизион һәм документаль фильмнар, фильм-концертлар, кызыклы тапшырулар иҗат итә. Биредә Тойво Кальюрланд, Эдуард Үтәгәнов, Станислав Ярош, Юрий Гвоздь, Искәндәр Шәмсетдинов, Виталий Миронов кебек танылган операторлар, Иркә Сакаева, Абдулла Дубин, Галина Зименкова, Әминә Сафиуллина, Рөстәм Нәбиуллин, Эльмира Хамматова, Наилә Ногманова кебек оста дикторлар иҗат итә. Алар барысы да зәңгәр экраныбызның алтын баганалары дип аталырга хаклы. Ә инде биредә төрле елларда эшләгән редактор-журналистларның исемнәрен санап-барлап чыгу гына да мөмкин түгелдер кебек. Китапта аларның һәркайсы искә алына, алай гына да түгел, аларның эшчәнлекләренә тиешле гадел бәя бирелә.

Китапта телевидение үсешенң аерым этаплары илдәге иҗтимагый-сәяси вазгыять белән бәйләп анализлана. 1980 елларга кадәр Казан телевидение студиясе программаларының вакыты нык чикләнгән була. Тапшырулар күбесенчә кичке вакытта эфирга чыга. Зур үзгәрешләр алып килгән 1990 еллар Татарстанда телевидение үсешендә яңа бер этапны башлап жибәрә. Нәкъ шушы елларда Татарстан телевидениесендә милли тапшыруларның күләме арттырыла. Эфирга зур яңалык булып алып баручы-журналистлар килеп керә. Күп кенә яңа тип тапшырулар барлыкка килә.

Туксанынчы еллар Татарстанда тагын берничә телевизион канал оешу чоры да булды. Телевизион эфирда көчле көндәшлек чоры башланып китте. 2002 ел Казан телевидение студиясе базасында «Татарстан – яңа гасыр» («ТНВ») телерадиокомпаниясе барлыкка килүе белән тарихка керде. Бер үк вакытта Татарстан дәүләт телерадиокомпаниясе үз эшчәнлеген давам итте. 2012 елда Россия Федерациясенң барлык регионнары һәм дөнья илләренә эшли торган беренче спутник телеканалы «ТНВ-Планета» үз тапшыруларын эфирга чыгара башлады. Соңрак «Шаян-ТВ» телеканалы мөстәкыйльлек алды.

Шулай итеп, Р. В. Даутова һәм М. П. Шлеймовичның «Татарстан телевидениесе: телефоттан алып цифрлы технологияләргә» китабында

республикабызда телевидение үсешенә барлык этаплары жентекле күрсәтеп бирелгән. Өстәвенә биредә телевидение үсешенә киләчәк перспективалары күзаллана, цифрлы технологиялар аша сигнал тапшыруның өстенлекле яклары махсус формулалар һәм саннар ярдәмендә югары фәнни дәрәжәдә исбатлап бирелә. Китапта аерым кушымталар рәвешендә Татарстанда телевидение үсешә белән бәйлә рәсми документларның китерелүе аның кыйммәтен тагын да арттыра.

Сүз унаеннан шунысын да әйтеп китү урынлы булыр: әлегә китап авторларының берсе – журналистика теоретигы һәм практигы буларак республикабызда да, илдә дә шактый ук танылу алган галимә Резеда Даутова өчен телевидение – аеруча якын өлкә. Әнисе Лилия Нигъмәтова яшлы Казан телевидение студиясенә эшкә килгән, соңрак иң җаваплы һәм катлаулы тапшыруларны эфирга чыгара башлаган өлкән режиссёр булып житешә. Аңа ияреп, Резеда да мәктәп елларыннан ук телевидениегә тартылып үсә, балалар тапшыруларында актив катнаша. Мәктәпне тәмамлагач, Казан дәүләт университетының журналистика бүлегенә укырга керүе дә телевидениегә мәхәббәткә белән бәйлә булгандыр. Ләкин тормыш максат-хыялларга үз төзәтмәләрен кертә. Студент елларыннан ук Резеда университет газетасында эшли башлый, журналист дипломы алгач исә аны узган гасырның туксанынчы елларында республикабызның иң кыю һәм абруйлы басмаларыннан саналган «Вечерняя Казань» газетасына эшкә чакыралар. Шулай да телевидение

белән булган багланышлар өзелми: практик тәҗрибә туплап, үзе укыган университетка аспирант буларак әйләнеп кайткан яшь галимә атаклы галимбез Индус Таһиров житәкчелегендә Татарстан телевидениесе тарихын өйрәнергә керешә һәм 2004 елда шушы темага кандидатлык диссертациясе яклый. Галимәнең моннан соңгы фәнни эзләнүләре дә телевидениебезнең үсеш сәхифәләре белән тыгыз бәйлә. Шуның нәтижәсендә университетта телевидение кадрлары әзерләү бурычы аңа йөкләнә: 2013 елда КФУда ачылган телетапшырулар һәм телепроизводство кафедрасының беренче мөдире дә, Россиядә беренчеләрдән булып «Телевидение» юнәлеше буенча бакалавриат һәм магистратура программаларын гамәлгә куючы да Резеда Вагиз кызы Даутова булды.

Ә инде Р. В. Даутованың телевизион технологияләр өлкәсен өйрәнүче галим М. П. Шлеймович белән фәнни тандемда иҗат ителгән «Татарстан телевидениесе: телефоттан алып цифрлы технологияләргә» китабын ике галимнең дә фәнни эшчәнлегендәгә зур этап вакыйгасы дип кабул итәргә һәм телевидениебез тарихын жентекле яктырткан беренче күләмле фәнни хезмәт буларак, тарихка кереп калачагын ассызыкларга кирәк.

Әдәбият

1. Даутова Р. В., Шлеймович М. П. Телевидение Татарстана: от телефота до цифровых технологий. Коллективная монография / Под ред. О. Г. Морозова. Казань: издательство КНИТУ-КАИ, 2023. 371 б.

У ИСТОКОВ ТЕЛЕВИДЕНИЯ, СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И ЗОЛОТЫЕ СТОЛПЫ

Васил Загитович Гарифуллин,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казан, ул.Кремлевская, д. 18
vasilgarifullin@mail.ru

В статье представлена рецензия на монографию профессора Казанского федерального университета Р. Даутовой и научного сотрудника КНИТУ-КАИ М. Шлеймовича «Телевидение Татарстана: от телефота к цифровым технологиям». В монографии, посвященной истории татарстанского телевидения, проводится подробный анализ телевидения с точки зрения его творческого и технологического развития. В рецензии отмечается, что в книге широко освещается деятельность людей, внесших огромный вклад в становление телевидения, но чьи имена до сих пор малоизвестны.

Ключевые слова: татары, татарское телевидение, история, Р. В. Даутова, М. П. Шлеймович

Scientific Chronicles of the Turkic World

Тәрки дәнъя фәнни хроникасы

Научная хроника тюркского мира

DOI: 10.26907/2311-2042-2024-22-1-199-207

LATEST EVENTS IN THE FIRST HALF OF 2024

On February 20, 2024, researchers, teachers, graduate students and master's students gathered again to hold the annual International Research and Methodology Online Seminar "Improving Language Teaching Methods: A Platform for the Exchange of Progressive Practices," organized for the eighth time. It was traditionally held on the basis of the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University.

The event was organized by the Gabdulla Tukay Higher School of National Culture and Education, the Research and Education Centre for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures and the Kayum Nasyri Institute of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, with the participation of researchers from the Aegean University (Republic of Turkey), Azerbaijan State Pedagogical University (Republic of Azerbaijan), L. Gumilyov Eurasian National University and Abay Kazakh National Pedagogical University (Republic of Kazakhstan), Bukhara State University (Republic of Uzbekistan), M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University and other universities.

The international online seminar is an important annual event devoted to developing scientific cooperation between universities, teachers of higher educational institutions and general education institutions, to discussing the most pressing problems of linguodidactics, linguistics and Turkic studies (for more details see: <https://ifmk.kpfu.ru/news/pedagogi-i-uchenye-podelilis-opytom-izucheniya-i-obucheniya-yazykam/>).

On March 4, the Institute of History named after Sh. Marjani, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, and the International Association of Researchers of the Golden Horde held the All-Russian Research Conference "Portraits of Medieval Tatar History". The event began with the presentation of the painting "Ulug Muhammad Khan" by the famous artist I. Murtazin.

As part of the event, the Round Table "The Kazan Khanate: The Issues of Representing History" was held, at which the researchers shared their opinions on the prospects for studying the history of the Kazan Khanate and the problems of writing a collective monograph on this topic (for more details see: <http://Tataroved.rf/news/1035>).

On March 5, in the hall of the Academic Council of the Chuvash State Institute of Humanities, a presentation took place, displaying a collection of documents "Education and Christian Enlightenment of the Chuvash in the Volga-Ural Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Documents

---

and Materials from the Funds of N. Ilminsky and the Kazan Teachers' Seminary". The release of the publication was carried out through the efforts of two institutions - the Chuvash State Institute of Humanities and the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Its compilers were Gennady Nikolaev, candidate of history, the acting director of the Chuvash State Institute of Humanities, and Radik Iskhakov, doctor of history, head of the Department of History of the Volga and Urals Regions, the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (for more details see: <http://Tataroved.rf/news/1036>).

On March 21, the All-Russian Research and Practice Conference "Turkic Philology in the Light of Modern Achievements" was held at the Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology. It was dedicated to the 90th anniversary of Prof. Salavat Galin, the Honored Scientist of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, Excellent Worker of Public Education of the RSFSR, full member of the Academy of Humanities of the Russian Federation, doctor of philology. The organizer of the research conference was the Faculty of Bashkir and Turkic Philology of the Sterlitamak branch of Ufa University of Science and Technology. The geography of the conference participants was very wide: Kyrgyzstan, Uzbekistan, Sterlitamak, Ufa, the Republic of Chuvashia, the Republic of Tyva, Altai, etc. (for more details see: <https://strbsu.ru/news/7770>).

On March 30–31, the International Conference "History and Culture of the of Steppe Eurasia Peoples: Traditions and Interactions" took place in Kazan. The conference was organized by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the A. Khalikov Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the International Center for Research of Steppe Eurasia and the Russian Historical Society. The conference was attended by 120 scientists, representatives of research centers from Russia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, China, Kyrgyzstan, Mongolia, Romania, Turkey and Uzbekistan (for more details see: <http://tataroved.rf/news/1045>).

On April 5–6, the D. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute (a branch of Tyumen State University) hosted the 8th International Research and Practice Conference "The Zankiev Readings" on the topic "Integration of Science and Practice in the Modern Educational Space: Traditions and Innovations," dedicated to the Year of the Family.

The geography of the conference participants was very wide: Bukhara (Uzbekistan), Elazig (Turkey), Kazan (Republic of Tatarstan), Simferopol (Republic of Crimea), Sterlitamak (Republic of Bashkortostan), the Tyumen Region, Tobolsk, Tyumen (for more details see: <https://ifmk.kpfu.ru/news/tubyl-daznkiev-ukulary-uzdy/>).

On April 24–26, the International Research Conference "The Bartold Readings" was held in Moscow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in a full-time and remote format.

In 2024, the topic of "The Bartold Readings" was the consideration of the concept of "title" in all its diversity in the East. The conference discussed a wide range of issues related to the formation, use and evolution of the title in the East (for more details see: <http://Tataroved.rf/news/1068>).

On April 25–26, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan) together with Hadcetepe University (Ankara, Turkey), International Turkic Academy (Astana, Kazakhstan), the Farabi Eurasian Center for Scientific Research at Istanbul University (Istanbul, Turkey), Uzbekistan National University (Tashkent, Uzbekistan) and Uzbek State University of World Languages (Tashkent, Uzbekistan) held the International Research Conference "E. Tenishev's Universe: Turkology and Life in Science" (for more details see: <https://www.kaznu.kz/ru/27189/page/>).

On May 8, the All-Russian Research and Practice Conference “Tatars - Participants and Veterans of the Great Patriotic War and the Processes of Re-Islamization (the second half of the twentieth century)” took place in Kazan. The conference was held within the framework of the Section “Confessional Politics and Islamic Activism of the 1950s–1980s”, the Round Table “Veterans of the Great Patriotic War and the Revival of Islam in the Late 1980s–1990s”, the Round Table “The Great Patriotic War in the Mirror of Tatar Literature and Journalism” (for more details see: <http://tataroved.rf/news/1073>).

On May 17, the Eastern Faculty of St. Petersburg State University hosted the International Research Conference “The 24th Ivanov Readings”. The conference was held with the support of the St. Petersburg Center for the Development and Support of Oriental Studies and the St. Petersburg Society for Scientific and Cultural Relations with Turkey.

Dedicated to the outstanding Russian Turkologist Sergei Ivanov (1922–1999), “The Ivanov Readings” have been held annually at the Department of Turkic Philology since 1999. The reports touch on various issues of history, literature, culture and ethnography of the Turkic peoples who mostly lived in the territories of Russia in the past and are living now (for more details see: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/novosti/novosti-konferentsij/arkhiv-novostej/148-ivanovskie-chteniya/2861-17-maya-2024-goda-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-xxiv-ivanovskie-chteniya>).

The information was submitted by G. A. Nabiullina, Associate Professor of the Institute of Philology and Inter-cultural Communication, Kazan Federal University.

2024 ЕЛНЫҢ I ЯРТЫСЫНДА БУЛГАН ВАКЫЙГАЛАР

2024 нче елның 20 нче февралендә галимнәр, педагоглар, аспирантлар һәм магистрлар ел саен үткәрелә торган «Телләргә өйрәтү методикасын камилләштерү: алдынгы тәҗрибә белән уртаклашу майданчыгы» VIII Халыкара фәнни-методик онлайн семинары булып узды. Ул быел да традиция буенча КФУның Филология һәм мәдәнияләре багланлышлар институты базасында үткәрелде.

Чараны Габдулла Тукай исемендәге Милли мәдәният һәм мәгариф югары мәктәбе, Туган телләр һәм мәдәниятләр өлкәсендә стратегик тикшеренүләр фәнни-белем бирү үзәге һәм Каюм Насыйри институты тарафыннан һәм Эгей университеты (Төркия Республикасы), Азәрбайҗан дәүләт педагогика университеты (Азәрбайҗан Республикасы), Л. Н. Гумилев исемендәге Евразия милли университеты һәм Абай исемендәге Казах милли педагогика университеты (Казахстан Республикасы), Бохара дәүләт университеты (Үзбәкстан Республикасы), М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогика университеты һәм башка югары уку йортлары катнашы белән уздырыла.

Халыкара онлайн семинар вузара, югары уку йортлары һәм гомуми белем бирү учреждениеләре педагоглары арасында фәнни хезмәттәшлекне үстерү, шулай ук лингводидактика, тел белеме һәм төрки тел гыйлеменә иң актуаль проблемаларын тикшерү күзлегеннән моһим чара булып тора (тулырак: <https://ifmk.kpfu.ru/news/pedagogi-i-uchenye-podelilis-opytom-izucheniya-i-obucheniya-yazykam/>).

---

4 мартта ТР Фәннәр академиясенә Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты һәм Алтын Урданы тикшерүче галимнәрнең Халыкара Ассоциациясе «Урта гасыр татар тарихы портретлары» дип аталган Бөтенроссия фәнни конференциясе үткәрелде. Чара танылган рәссам И. Х. Мортазинның «Олуг Мөхәммәт хан» картинасын тәкъдим итүдән башланды.

Чарада «Казан ханлыгы: тарихны тәкъдим итү проблемалары» дигән түгәрәк өстәл узды, анда галимнәр Казан ханлыгы тарихын өйрәнү перспективалары һәм әлеге тема буенча коллектив монография язу мәсьәләләре турындагы фикерләре белән уртаклаштылар (тулырак: <http://татаровед.рф/news/1035>).

---

5 мартта Чуваш дәүләт гуманитар фәннәр институтының Гыйльми совет залында «XIX гасырның икенче яртысында – XX гасыр башында Идел-Урал чувашларының мәгарифе һәм христиан мәгърифәте: Н. И. Ильминский һәм Казан укытучылар семинариясе фондларыннан документлар һәм материаллар» дип аталган документлар жыйнагы презентациясе узды. Басма ике оешма тырышлыгы – Чуваш дәүләт гуманитар фәннәр институты һәм ТР Фәннәр академиясенә Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты тарафыннан нәшер ителә. Аны тарих фәннәре кандидаты Чуваш дәүләт гуманитар фәннәр институты директоры вазифаларын башкаручы Геннадий Николаев һәм тарих фәннәре докторы, ТР Фәннәр академиясенә Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институтының Идел буе һәм Урал алды тарихы бүлгәсә житәкчесе Радик Исхаков төзөгән (тулырак: <http://татаровед.рф/news/1036>).

---

21 мартта Уфа фән һәм технологияләр университетының Стәрлетамак филиалында «Заманча казанышлар яктылыгында төрки филология» дип исемләнгән Бөтенроссия фәнни-гамәли конференциясе узды. Ул Башкорт АССРның атказанган фән эшлеклесе, РСФСРның халык мәгарифе отличнигы, Россия Федерациясе гуманитар Фәннәр академиясенә хокукый әгъзасы, филология фәннәре докторы, профессор Салават Әхмәдиевич Галинның тууына 90 ел тулуга багышланган иде. Фәнни конференцияне Уфа фән һәм технологияләр университетының Стәрлетамак филиалында башкорт һәм төрки филология факультеты оештырды. Конференциядә катнашучыларның географиясе бик киң: Кыргызстан, Үзбәкстан, Стәрлетамак, Уфа, Чувашия Республикасы, Тыва Республикасы, Алтай һәм башкалар (тулырак: <https://strbsu.ru/news/7770>).

30–31 март көннәрендә Казанда «Дала Евразиясе халыкларының тарихы һәм мәдәнияте: традицияләр һәм үзара бәйләнеш» дигән Халыкара конференция узды. Конференцияне Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе, ТР Фәннәр академиясенең Ш. Мәржани исемендәге тарих институты, ТР Фәннәр академиясенең А. Х. Халиков исемендәге Археология институты, Дала Евразиясен тикшерү халыкара үзәге, Россия тарихи жәмгыяте оештырды. Конференция эшендә Россия, Азәрбайжан, Белоруссия, Болгария, Казахстан, Кытай, Кыргызстан, Монголия, Румыния, Төркия, Үзбәкстаннан 120 галим, фәнни үзәк вәкилләре катнашты (тулырак: <http://татаровед.рф/news/1045>).

5–6 апрель көннәрендә Д. И. Менделеев исемендәге Тубыл педагогика институтында (Төмән дәүләт университеты филиалы) Гаилә елына багышланган «Заманча белем бирү киңлегендә фән һәм практиканы интеграцияләү: традицияләр һәм инновацияләр» дигән темага VIII Халыкара фәнни-практик конференция «Зәнкийе укылары» үтте.

Конференция эшендә катнашучыларның географиясе гаять киң: Бохара (Үзбәкстан), Элязыг (Төркия), Казан (Татарстан Республикасы), Симферополь (Кырым Республикасы), Стәрлетамак (Башкортстан Республикасы), Төмән өлкәсе, Тубыл, Төмән шәһәрләре һәм районнарыннан галимнәр, укытучылар булды (тулырак: <https://ifmk.kpfu.ru/news/tubyl-da-zankiev-ukulary-uzdy/>).

24–26 апрель көннәрендә Мәскәүдә Россия Фәннәр академиясенең Көнчыгышны өйрәнү институтында көндезге-дистанцион форматта «Бартольд укылары» дигән Халыкара фәнни конференция узды.

Быел «Бартольд укылары» тематикасы Көнчыгыштагы «титул» төшенчәсенең кулланылыш төрлеләгән өйрәнүгә бәйле иде. Конференция барышында көнчыгышта титулның формалашуы, кулланылышы һәм үсешенә бәйле киң колачлы мәсьәләләр каралды (тулырак: <http://татаровед.рф/news/1068>).

25–26 апрель көннәрендә Әл-Фараби исемендәге Казах милли университеты (Алматы, Казахстан) Хаджетеппе университеты (Анкара, Төркия), Халыкара Төрки академиясе (Астана, Казахстан), Истанбул университеты каршындагы Фараби исемендәге Евразия фәнни тикшеренүләр үзәге (Истанбул, Төркия), Үзбәкстан Милли университеты (Ташкент, Үзбәкстан), Дөнья телләре Үзбәк дәүләт университеты белән берлектә (Ташкент, Үзбәкстан) «Э. Тенишев галәме: тюркология һәм фәндәге тормыш» халыкара фәнни конференциясен үткәрдә (тулырак: <https://www.kaznu.kz/ru/27189/page/>).

---

8 майда Казанда «Татарлар – Бөек Ватан сугышында катнашучылар вә ветераннар һәм реисламизация процесслары (XX гасырның икенче яртысы)» дигән Бөтенроссия фәнни-гамәли конференциясе узды. Конференция эше «XX гасырның 50–80 елларындагы конфессиональ сәясәт һәм Ислам активизмы» секциясе, «Бөек Ватан сугышы ветераннары һәм 1980 еллар ахырында-1990 елларда исламның янадан торгызылуы» түгәрәк өстәле, «Татар әдәбияты һәм публицистикасы көзгесендә Бөек Ватан сугышы» түгәрәк өстәле кысаларында узды (тулырак: <http://татаровед.рф/news/1073>).

---

17 майда Санкт-Петербург дәүләт университетының Көнчыгыш факультетында «XXIV Иванов укылары» Халыкара фәнни конференциясе узды. Конференция Санкт-Петербургның Көнчыгышны өйрәнүне үстерү һәм аларга ярдәм итү үзәге һәм Санкт-Петербургның Төркия белән фәнни һәм мәдәни элементлар жәмгыяте ярдәме белән узды.

«Иванов укулары» төрки филология кафедрасында 1999 нчы елдан бирле ел саен үткәрелә һәм күренекле тюрколог Сергей Николаевич Иванова (1922–1999) багышлана. Докладлар элек һәм хәзерге вакытта күпчелеге Россия территорияләрендә яшәгән төрки халыкларның тарихы, әдәбияты, мәдәнияте, этнографиясе мәсьәләләренә кагыла (тулырак: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/novosti/novosti-konferentsij/arkhiv-novostej/148-ivanovskie-chteniya/2861-17-maya-2024-goda-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-xxiv-ivanovskie-chteniya>).

Материаллар филология фәннәре кандидаты, Казан федераль университетының Филология һәм мәдәниятара багланышлар институты доценты Г. Ә. Нәбиуллина тарафыннан тупланды һәм әзерләнде.

ПРОШЕДШИЕ СОБЫТИЯ I ПОЛОВИНЫ 2024 ГОДА

20 февраля 2024 года ученые, педагоги, аспиранты и магистры вновь собрались для проведения ежегодного Международного научно-методического онлайн-семинара «Совершенствование методики обучения языкам: площадка обмена прогрессивной практикой», который организуется в восьмой раз. Он по традиции проводится на базе Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ.

Мероприятие организуется Высшей школой национальной культуры и образования им. Габдуллы Тукая, НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур и Институтом Каюма Насыри ИФМК КФУ при участии ученых из Эгейского университета (Республика Турция), Азербайджанского государственного педагогического университета (Республика Азербайджан), Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева и Казахского национального педагогического университета имени Абая (Республика Казахстан), Бухарского государственного университета (Республика Узбекистан), Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы и других вузов.

Международный онлайн-семинар является важным мероприятием с точки зрения развития научного сотрудничества между вузами, педагогами высших учебных заведений и общеобразовательных учреждений, а также обсуждения наиболее актуальных проблем лингводидактики, языкознания и тюркологии (подробнее: <https://ifmk.kpfu.ru/news/pedagogi-i-uchenye-podelilis-opytom-izucheniya-i-obucheniya-yazykam/>).

---

4 марта Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ и Международная ассоциация исследователей Золотой Орды провели Всероссийскую научную конференцию «Портреты средневековой татарской истории». Мероприятие началось с презентации картины «Улуг Мухаммадхан» известного художника И. Х. Муртазина.

В рамках мероприятия прошел круглый стол «Казанское ханство: проблемы репрезентации истории», на котором ученые поделились своими суждениями о перспективах исследования истории Казанского ханства и проблемах написания коллективной монографии по этой теме (подробнее: <http://татаровед.рф/news/1035>).

---

5 марта в зале Ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук состоялась презентация сборника документов «Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н. И. Ильминского и Казанской учительской семинарии». Выпуск издания реализован усилиями двух учреждений – Чувашского государственного института гуманитарных наук и Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Его составителями выступили кандидат исторических наук, и. о. директора Чувашского государственного института гуманитарных наук Геннадий Николаев и доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Радик Исхаков (подробнее: <http://татаровед.рф/news/1036>).

---

21 марта в Стерлитамакском филиале УУНиТ прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Тюркская филология в свете современных достижений», которая была посвящена 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, Отличника народного просвещения РСФСР, действительного члена Академии гуманитарных наук Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Салавата Ахмадиевича Галина. Организатором научной конференции выступил факультет башкирской и тюркской филологии Стерлитамакского филиала УУНиТ. География участников конференции очень широка: Киргизия, Узбекистан, Стерлитамак, Уфа, Республика Чувашия, Республика Тыва, Алтай и другие (подробнее: <https://strbsu.ru/news/7770>).

30–31 марта в Казани состоялась международная конференция «История и культура народов Степной Евразии: традиции и взаимодействие». Организаторами конференции выступили Академия наук Республики Татарстан, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, Международный центр исследований Степной Евразии, Российское историческое общество. В работе конференции приняли участие 120 ученых, представителей научных центров из России, Азербайджана, Беларуси, Болгарии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Монголии, Румынии, Турции, Узбекистана (подробнее: <http://татаровед.рф/news/1045>).

5–6 апреля в Тобольском педагогическом институте им. Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета) прошла VIII Международная научно-практическая конференция «Занкиевские чтения» на тему «Интеграция науки и практики в современном образовательном пространстве: традиции и инновации», которая посвящена Году семьи.

География участников конференции была очень обширной: Бухара (Узбекистан), Элязыг (Турция), Казань (Республика Татарстан), Симферополь (Республика Крым), Стерлитамак (Республика Башкортостан), Тюменская область, Тобольск, Тюмень (подробнее: <https://ifmk.kpfu.ru/news/tubylida-zankiev-ukulary-uzdy/>).

24–26 апреля в Москве в Институте востоковедения РАН в очно-дистанционном формате состоялась Международная научная конференция «Бартольдские чтения».

В текущем году тематикой «Бартольдских чтений» стало рассмотрение понятия «титул» во всем его многообразии на Востоке. В ходе конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с формированием, использованием и эволюцией титула на Востоке (подробнее: <http://татаровед.рф/news/1068>).

25–26 апреля Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан) совместно с Университетом Хаджетеппе (Анкара, Турция), Международной Тюркской академией (Астана, Казахстан), Евразийским центром научных исследований имени Фараби при Стамбульском университете (Стамбул, Турция), Узбекистанским национальным университетом (Ташкент, Узбекистан), Узбекским государственным университетом мировых языков (Ташкент, Узбекистан) проводил Международную научную конференцию «Вселенная Э. Тенишева: тюркология и жизнь в науке» (подробнее: <https://www.kaznu.kz/ru/27189/page/>).

---

8 мая в Казани прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Татары – участники и ветераны Великой Отечественной войны и процессы реисламизации (вторая половина XX в.)». Работа конференции проходила в рамках секции «Конфессиональная политика и исламский активизм 50–80 гг. XX века», круглого стола «Ветераны Великой Отечественной войны и возрождение ислама в конце 1980-х – 1990-е гг.», круглого стола «Великая Отечественная война в зеркале татарской литературы и публицистики» (подробнее: <http://татаровед.рф/news/1073>).

---

17 мая на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета прошла Международная научная конференция «XXIV Ивановские чтения». Конференция прошла при поддержке Санкт-Петербургского центра развития и поддержки востоковедных исследований и Санкт-Петербургского общества научных и культурных связей с Турцией.

Ежегодные «Ивановские чтения» проводятся на кафедре тюркской филологии с 1999 года и посвящены выдающемуся отечественному тюркологу Сергею Николаевичу Иванову (1922–1999). Доклады затрагивают различные вопросы истории, литературы, культуры, этнографии тюркских

народов, большей частью проживающих на территориях России в прошлом и в настоящее время (подробнее: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/novosti/novosti-konferentsij/arkhiv-novostej/148-ivanovskie-chteniya/2861-17-maya-2024-goda-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-xxiv-ivanovskie-chteniya>).

Материалы подготовлены доцентом Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета Г. А. Набиуллиной.

UPCOMING EVENTS OF 2024

June 21, 2024

The 3rd International Research and Practice Conference “Folklore and Folklore Studies of the 21st Century: Current Trends and Prospects for Research Practices” dedicated to the 85th anniversary of Akhmet Suleymanov.

Organizers: Faculty of Bashkir Philology and Research Center of Bashkir Folklore.

Venue: Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.

Information: <https://bspu.ru/news/29354>

September 27, 2024

The All-Russian Research Conference “Tatars in the Service of the Fatherland”.

Organizer: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <http://tatarologist.rf/news/1043>

September 9–11, 2024

The 12th International Conference on Computer Processing of Turkic Languages “TurkLang 2024”.

Organizers: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, L. Gumilyov Eurasian National University, Istanbul Technical University, Kazan Federal University.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <https://turklang.ieees.org/>

October 11–12, 2024

The 8th International Research and Practice Conference “Modern Problems of Philology and Methods of Language Teaching: Issues of Theory and Practice”.

Organizers: Elabuga Institute of Kazan Federal University.

Venue: Yelabuga, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=5

October 25–26, 2024

The International Research and Practice Conference “Tatar Literary Studies at Kazan University in the Space of Dialogue among Cultures” dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of Tatar Philology and History of Kazan State University and the 220th anniversary of Kazan University.

Organizer: Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=6

October 2024

International Research and Practice Conference “National Languages and Interlingual Processes in the Modern World.”

Organizer: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <http://www.antat.ru/ru/anons/>

October 2024

International Research and Practice Seminar (Workshop) “Tatar Studies in the Situation of a Scientific Paradigm Shift: Theory, Methodology, Practice.”

Organizer: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <http://www.antat.ru/ru/anons/>

November 22, 2024

The 4th All-Russian Research and Practice Conference “The Kama Trade Route”.

Organizer: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University.

Venue: Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <https://tatngpi.ru/universitet/struktura-ngpu/upravlencheskie-podrazdeleniya/nauchno-issledovatel'skiy-sektor/konferentsii-i-forumy/?ysclid=lw3nfw8vmv156667977>

November 26–27, 2024

The 9th International Research and Practice Conference “Current Problems and Prospects for the Development of Russian-Language Literature in the Context of National Literatures” dedicated to R. Kutuy and R. Bukharaev.

Organizer: Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: https://kpfu.ru/portal_new/main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=6

December 5, 2024

International Research and Practice Conference “Dialogue among Cultures in the Context of Educational Activities”.

Organizer: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University.

Venue: Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <https://tatngpi.ru/universitet/struktura-ngpu/upravlencheskie-podrazdeleniya/nauchno-issledovatel'skiy-sektor/konferentsii-i-forumy/?ysclid=lw3nfw8vmv156667977>

2024 НЧЕ ЕЛНЫҢ ИЯРТЫСЫНДА БУЛАЧАК ВАКЫЙГАЛАР

21 июнь, 2024 ел

Әхмәт Сөләймановның 85 еллыгына багышланган «XXI гасыр фольклоры һәм фольклористикасы: тикшеренү практикасының актуаль юнәлешләре һәм перспективалары» III Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручылар: Башкорт дәүләт университеты һәм Башкорт фольклорының фәнни-тикшеренү үзәге.

Үткәру урыны: Уфа ш., Башкортстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <https://bspu.ru/news/29354>

27 сентябрь, 2024 ел

«Татарлар Ватанга хезмәттә» Бөтенроссия фәнни конференциясе.

Оештыручы: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты.

Үткәру урыны: Казан ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <http://татаровед.рф/news/1043>

9–11 сентябрь, 2024 ел

Төрки телләргә компьютерда эшкәртү буенча «TurkLang 2024» XII Халыкара конференциясе.

Оештыручылар: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе, Л. Н. Гумилев исемендәге Евразия милли университеты, Истанбул техник университеты, Казан федераль университеты.

Үткәру урыны: Казан ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <https://turklang.ieees.org/>

11–12 октябрь, 2024 ел

«Телләргә уку методикасы һәм филологиянең заманча проблемалары: теория һәм практика мәсьәләләре» VIII Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Казан федераль университетының Алабуга институты.

Үткәру урыны: Алабуга ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=5

25–26 октябрь, 2024 ел

КДУның татар филологиясе һәм тарихы факультетының 80 еллыгына һәм Казан университетының 220 еллыгына багышланган «Мәдәниятләр диалогы кичлегендә Казан университетында татар әдәбияты белеме» Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Казан федераль университетының Филология һәм мәдәниятара багланышлар институты.

Үткәру урыны: Казан ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=6

Октябрь, 2024 ел

«Хәзерге дөньяда милли телләр һәм телара процесслар» Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе.

Үткәру урыны: Казан ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <http://www.antat.ru/ru/anons/>

Октябрь, 2024 ел

«Фәнни парадигмалар үзгәру ситуациясендә татарны өйрәнү: теория, методология, практика» Халыкара фәнни-гамәли семинары (воркшоп).

Оештыручы: Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе.

Үткәру урыны: Казан ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <http://www.antat.ru/ru/anons/>

22 ноябрь, 2024 ел

«Кама сәүдә юлы» IV Бөтенроссия фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Яр Чаллы дәүләт педагогика университеты.

Үткәру урыны: Яр Чаллы ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <https://tatngpi.ru/universitet/struktura-ngpu/upravlencheskie-podrazdeleniya/nauchno-issledovatel'skiy-sektor/konferentsii-i-forumy/?ysclid=lw3nfw8vmv156667977>

26–27 ноябрь, 2024 ел

Р.А. Кутуй һәм Р.Р. Бохараевка багышланган «Милли әдәбият контекстында рус телле әдәбиятны үстерүнең актуаль проблемалары һәм перспективалары» IX Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Казан федераль университетының Филология һәм мәдәниятара багланышлар институты.

Үткәру урыны: Казан ш., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=6

5 декабрь, 2024 ел

«Мәгариф эшчәнлеген контекстында мәдәниятләр диалогы» Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Яр Чаллы дәүләт педагогика университеты.

Үткәру урыны: Татарстан Республикасы, Яр Чаллы шәһәре, Россия.

Мәгълүмат: <https://tatngpi.ru/universitet/struktura-ngpu/upravlencheskie-podrazdeleniya/nauchno-issledovatel'skiy-sektor/konferentsii-i-forumy/?ysclid=lw3nfw8vmv156667977>

КАЛЕНДАРЬ ПРЕДСТОЯЩИХ СОБЫТИЙ II ПОЛОВИНЫ 2024 ГОДА

21 июня 2024 г.

III Международная научно-практическая конференция «Фольклор и фольклористика XXI в.: актуальные направления и перспективы исследовательских практик», посвященная 85-летию Ахмета Сулейманова.

Организаторы: Башкирский государственный университет и Научно-исследовательский центр башкирского фольклора.

Место проведения: г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия.

Информация: <https://bspu.ru/news/29354>

27 сентября 2024 г.

Всероссийская научная конференция «Татары на службе Отечеству».

Организатор: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <http://татаровед.рф/news/1043>

9–11 сентября 2024 г.

XII Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TurkLang 2024».

Организаторы: Академия наук Республики Татарстан, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Стамбульский технический университет, Казанский федеральный университет.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <https://turklang.ieees.org/>

11–12 октября 2024 г.

VIII Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики».

Организатор: Елабужский институт Казанского федерального университета.

Место проведения: г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия.

Информация: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=5

25–26 октября 2024 г.

Международная научно-практическая конференция «Татарское литературоведение в Казанском университете в пространстве диалога культур», приуроченная к 80-летию факультета татарской филологии и истории КГУ и 220-летию Казанского университета.

Организатор: Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=6

Октябрь 2024 г.

Международная научно-практическая конференция «Национальные языки и межкультурные процессы в современном мире».

Организатор: Академия наук Республики Татарстан.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <http://www.antat.ru/ru/anons/>

Октябрь 2024 г.

Международный научно-практический семинар (воркшоп) «Татароведение в ситуации смены научных парадигм: теория, методология, практика».

Организатор: Академия наук Республики Татарстан.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <http://www.antat.ru/ru/anons/>

22 ноября 2024 г.

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Камский торговый путь».

Организатор: Набережночелнинский государственный педагогический университет.

Место проведения: г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <https://tatngpi.ru/universitet/struktura-ngpu/upravlencheskie-podrazdeleniya/nauchno-issledovatel'skiy-sektor/konferentsii-i-forumy/?ysclid=lw3nfw8vmv156667977>

26–27 ноября 2024 г.

IX Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур», посвященная Р. А. Кутую и Р. Р. Бухараеву.

Организатор: Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&p_year_start=2024&status=&p_office=&p_date_start=&p_date_end=&p_page=6

5 декабря 2024 г.

Международная научно-практическая конференция «Диалог культур в контексте образовательной деятельности».

Организатор: Набережночелнинский государственный педагогический университет.

Место проведения: г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <https://tatngpi.ru/universitet/struktura-ngpu/upravlencheskie-podrazdeleniya/nauchno-issledovatel'skiy-sektor/konferentsii-i-forumy/?ysclid=lw3nfw8vmv156667977>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS¹

Aksoy, Gülüse – Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer in the Department of Philosophy, the Faculty of Literary Studies, Bartın University (Bartın, Turkey).

Andreeva, Ida – Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation)

Vakulenko, Ekaterina – Candidate of Pedagogy, Professor, Head of the Artistic Expert Council of the Center for Cossack Kuban Culture “Cossack Will” (Ust-Labinsk, Russian Federation)

Galimullina, Gulshat – Senior Researcher in the Department of Scientific and Information Support of the Encyclopedic Center, the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation).

Galimzyanov, Anis – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor in the Department of Bilingual and Digital Education, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Garifullin, Vasil – Doctor of Philology, Head of the Department of National and Global Media at the Higher School of Journalism and Media Communications, the Institute of Social-Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Enikeeva, Alsu – Candidate of Pedagogy, Professor in the Department of Ethno-Cultural Creativity and Music Education, the Kazan State Institute of Culture, Professor (Kazan, Russian Federation).

Zamaletdinova, Gulnara – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of General and Turkic Linguistics, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Isanbet, Yulduz – Candidate of Art History (Kazan, Russian Federation).

Kuzmina, Khalisa – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of General and Turkic Linguistics, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Makarov, Dmitry – teacher at the Moscow Islamic Institute (Kazan, Russian Federation)

Motigullina, Alfiya – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Foreign Languages and Linguistics, Volga State University (Kazan, Russian Federation).

Nurieva, Fanuza – Doctor of Philology, Professor in the Department of Tatar Linguistics, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Sayfulina, Flera – Doctor of Philology, Professor, Head of the Tatar Literature Department, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Senior Researcher at the Research Center for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Fazlutdinov, Ildus – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Tatar Philology and Culture, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation).

---

¹ Author names are published exactly as they appear in the manuscript file.

Fayzullina, Guzel – Doctor of Philology, Professor in the Department of Pedagogical, Psychological and Social Education, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation).

Khabutdinov, Aidar – Doctor of History, Professor in the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Kazan Branch of Russian State University of Justice (Kazan, Russian Federation).

Khabutdinova, Mileusha – Candidate of Philology, Associate Professor in the Tatar Literature Department, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Senior Researcher at the Research Center for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Shakirzyanov, Farid – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor in the Department of Mechanics, Kazan University of Architecture and Civil Engineering (Kazan, Russian Federation).

Yusupov, Airat – Doctor of Philology, Associate Professor in the Department of Tatar Linguistics, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

АВТОРЛАР ТУРЫНДА МӘГЪЛҮМАТ¹

Аксой Гөлүсә Габдерәшит кызы – фәлсәфә фәннәре кандидаты, Бартин университеты әдәбият белеме факультетының фәлсәфә кафедрасы укытучысы (Бартин, Турция)

Андреева Ида Ивановна – филология фәннәре кандидаты, доцент (С-Петербург, Россия)

Вакуленко Екатерина Гавриловна – педагогика фәннәре докторы, профессор, «Казачья воля» Кубань казаклары мәдәнияте үзәгенә сәнгать-эксперт советы җитәкчесе (Усть-Лабинск, Россия)

Галимуллина Гөлшат Хабулла кызы – ТР Фәннәр академиясе Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты энциклопедистика үзәгенә фәнни-мәгълүмати тәмин итү бүлегә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан, Россия)

Галимжанов Әнис Фоат улы – физика-математика фәннәре кандидаты, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягара багланышлар институтының билингваль һәм цифрлы белем бирү кафедрасы доценты (Казан, Россия)

Гарифуллин Васыйл Заһит улы – филология фәннәре докторы, Казан федераль университеты Социаль-фәлсәфи фәннәр һәм гаммәви бәйләнешләр институты Журналистика һәм медиакоммуникация югары мәктәбенә милли һәм глобаль медиа чаралары кафедрасы мәдире (Казан, Россия)

Еникеева Алсу Рәшид кызы – педагогика фәннәре кандидаты, Казан дәүләт сәнгать институтының этномәдәни иҗат һәм музыка белеме кафедрасы профессоры

Җамалетдинова Гөлнәра Фәндәс кызы – филология фәннәре докторы, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягара багланышлар институтының гомуми тел белеме һәм түркология кафедрасы доценты (Казан, Россия)

Исәнбәт Йолдыз Нәкый кызы – сәнгать фәннәре кандидаты (Казан, Россия).

Кузьмина Халисә Хатыйп кызы – филология фәннәре кандидаты, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягара багланышлар институтының татар теле белеме кафедрасы доценты (Казан, Россия)

Макаров Дмитрий Витальевич – Мәскәү ислам институты укытучысы (Мәскәү, Россия)

Мотыйгуллина Әлфия Рухуллa кызы – филология фәннәре кандидаты, Идел буе дәүләт физик тәрбия, спорт һәм туризм академиясенә чит телләр һәм тел белеме кафедрасы доценты (Казан, Россия)

Нуриева Фәнүзә Шәкүр кызы – филология фәннәре докторы, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягара багланышлар институтының татар теле белеме кафедрасы профессоры (Казан, Россия)

Сәйфуллина Флөра Сәгыйть кызы – филология фәннәре докторы, профессор, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягара багланышлар институтының татар әдәбияты кафедрасы мәдире, Туган телләр һәм мәдәниятләр өлкәсендә стратегик тикшеренүләр фәнни белем бирү үзәгенә әйдәп баручы фәнни хезмәткәре (Казан, Россия)

Фазлетдинов Илдус Камил улы – филология фәннәре кандидаты, Уфа фән һәм технологияләр университетының татар филологиясе һәм мәдәнияте кафедрасы доценты (Уфа, Россия)

---

¹ «Авторлар турында мәгълүмат» бүлегендә мәкалә авторларының фамилиясе, исеме һәм атасының исеме автор редакциясендә бирелә.

Фәйзуллина Гүзәл Жәгъфәр кызы – филология фәннәре докторы, Төмән дәүләт университетының педагогик, психологик һәм иҗтимагый белемнәр кафедрасы профессоры (Төмән, Россия)

Хәбетдинов Айдар Юрий улы – тарих фәннәре докторы, Россия гадел хөкөм университетының Казан филиалы профессоры (Казан, Россия)

Хәбетдинова Миләүшә Мөхәммәтжан кызы – филология фәннәре кандидаты, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниятара багланышлар институтының татар әдәбияты кафедрасы доценты, Туган телләр һәм мәдәниятләр өлкәсендә стратегик тикшеренүләр фәнни белем бирү үзәгенең өлкән фәнни хезмәткәре (Казан, Россия)

Шакиржанов Фәрит Рәшит улы – техник фәннәр кандидаты, Казан архитектура-төзелеш университетының механика кафедрасы доценты (Казан, Россия)

Юсупов Айрат Фаик улы – филология фәннәре докторы, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниятара багланышлар институтының татар теле белеме кафедрасы доценты (Казан, Россия)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Аксо́й Гу́льуса Габдраши́товна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии факультета литературоведения, Бартинский университет (Бартин, Турция).

Андреева Ида Ивановна – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Вакуленко Екатерина Гавриловна – доктор педагогических наук, профессор, руководитель художественно-экспертного совета Центра казачьей кубанской культуры «Казачья воля» (Усть-Лабинск, Россия)

Галимуллина Гульшат Хабулловна – старший научный сотрудник отдела научно-информационного обеспечения центра энциклопедистики Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (Казань, Россия).

Галимянов Анис Фоатович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры билингвального и цифрового образования Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Гарифуллин Васил Загитович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Еникеева Алсу Рашидовна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры этнокультурного творчества и музыкального образования Казанского государственного института культуры профессор (Казань, Россия).

Замалетдинова Гульнара Фандасовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и тюркского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Исанбет Юлдуз Накиевна – кандидат искусствоведения (Казань, Россия).

Кузьмина Халиса Хатиповна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Макаров Дмитрий Витальевич – преподаватель Московского исламского института (Казань, Россия)

Мотигуллина Альфия Рухулловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и языкознания Поволжского государственного университета

Нуриева Фануза Шакуровна – доктор филологических наук, профессор кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия)

Сайфулина Флёра Сагитовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, старший научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур Казанского федерального университета (Казань, Россия).

---

¹ Имена авторов в разделе «Сведения об авторах» приводятся в авторской редакции.

Фазлутдинов Ильдус Камирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия).

Файзуллина Гузель Чахваровна – доктор филологических наук, профессор кафедры педагогического, психологического и социального образования Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

Хабутдинов Айдар Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (Казань, Россия).

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, старший научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Шакирзянов Фарид Рашитович – кандидат технических наук, доцент кафедры механики Казанского архитектурно-строительного университета (Казань, Россия).

Юсупов Айрат Фаикович – доктор филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal publishes articles based on original scientific research on Tatar studies including studies of the Tatar language, literature, history, culture, arts and education. The journal also welcomes bio-bibliographical material about leading Tatar scholars and researchers in the field of Tatar studies and publishes short overviews of the scientific events in the Turkic world.

Submission Requirements

Research articles should include:

1) text of the paper in two languages (Tatar / Russian and English), an abstract of 150–200 words and 5–8 keywords in three languages – submitted electronically to tatarica.kpfu@gmail.com. Translation services are available at an additional cost. Papers in English do not require translation into the Russian or Tatar language. Submission guidelines can be found on the journal's website <https://tatarica.elpub.ru/jour>;

2) a cover letter with the following information about the author (s) in Russian, Tatar and English:

- Last name, first name, middle name
- City, country
- Place of work (with address)
- Position
- Academic status and academic degree
- Work phone
- Mobile phone (for communication with editors)
- Personal E-mail;

3) a recommendation letter written by the academic advisor in any of the 3 official languages of the journal (Russian, Tatar and English) if the author is a graduate student or an applicant for the degree of the Candidate of Sciences (PhD). The literature listed in the References should primarily be published within the last 10 years.

Manuscript Selection

Research papers submitted for publication are selected on the basis of independent internal and external reviews and the decision of the editorial board. Accepted papers should meet high scientific criteria (relevance, significance, etc.) and the general requirements of the journal.

We will not consider any paper or component of a paper that has been previously published or is under consideration for publication elsewhere.

Selected papers are edited to improve accuracy and clarity and for length. In case of a more serious correction, the paper is sent to the authors for revision.

АВТОРЛАР ӨЧЕН БЕЛЕШМӘ

Журналда татар халкының теле, әдәбияты, тарихы, мәдәнияте, сәнгате һәм мәгарифе өлкәләрендә яңа гыйльми эзләнүләрне яктырткан фәнни мәкаләләр басыла; күренекле татар галимнәре һәм татарларга кагылышлы мәсьәләләрне өйрәнүче башка галимнәр хакында биобиблиографик материаллар, төрки дөнья фәнни вакыйгалары турында кыска хәбәрләр бирелә.

Кулъязмаларны тәкъдим итү кагыйдәләре

Журналның редакция коллегиясенә түбәндәгеләр тәкъдим ителә:

1) мәкаләнең тексты (ике телдә татар/рус һәм инглиз), аннотациясе (өч телдә 150–200 сүз) һәм төп төшенчәләре (5–8 сүз) электрон вариантта tatarica.kpfu@gmail.com адресына юллана. Теләүчеләр өчен өстәмә түләү хисабына тәржемәче хезмәте каралган. Редакциягә инглиз телендә тәкъдим ителгән мәкаләне рус яки татар теленә тәржемә итү соралмый. Мәкаләне формалаштыру таләпләрен журналның <https://tatarica.elpub.ru/jour> сайтынан табарга мөмкин;

2) автор (авторлар) турында рус, татар һәм инглиз телләрендә мәгълүматлар теркәлгән хат:

- Фамилия, исеме, әтисенең исеме (тулысынча)
- Шәһәр, ил
- Эш урыны (адресы белән бергә)
- Вазифасы
- Гыйльми исеме һәм гыйльми дәрәжәсе
- Эш телефоны
- Кәрәзле телефон (редакция өчен)
- Электрон адрес;

3) Мәкаләнең авторы кандидатлык дәрәжәсен (PhD) алырга теләүче аспирант яки соискатель булса, фәнни житәкче бәяләмәсе (өч телнең берсендә: рус, татар, инглиз) сорала.

Мәкаләдә соңгы 10 елда басылган хезмәтләргә сылтама бирү әһәмиятле.

Кулъязмаларны карау тәртибе

Материалларны бастыруга сайлап алу эчке һәм тышкы бәяләмәләр, журнал редколлегиясе карары нигезендә башкарыла. Мәкаләгә куелган төп таләп – язманың югары фәнни критерийларга (хезмәтнең актуальлеге, фәнни яңалыгы һ.б.) туры килүе.

Гомуми таләпләргә җавап бирмәгән һәм моңа кадәр басылган яисә башка журнал редакцияләренә юлланган мәкаләләр кабул ителми.

Мәкаләгә кертелгән стилистик һәм формаль характердагы төзәтмәләр автордан башка хәл ителә. Житдирәк төзәтмәләр автор белән килешенеп башкарыла яисә мәкалә, эшләп бетерү өчен, авторга җибәрелә.

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале публикуются научные статьи, содержащие исследования в области языка, литературы, истории, культуры, искусства и образования татарского народа, а также биобиблиографические материалы о ведущих ученых-татарах и ученых, обращавшихся в том или ином аспекте к проблемам татарики, краткая информация о научных событиях тюркского мира.

Порядок предоставления рукописей

Авторы должны предоставить в редакционную коллегию журнала следующие материалы:

1) текст статьи на двух языках (татарском / русском и английском), а также аннотацию объемом 150–200 слов и 5–8 ключевых слов на трех языках в электронном виде по адресу tatarica.kpfu@gmail.com. При необходимости за дополнительную плату предоставляются услуги переводчика. Статьи на английском языке не требуют перевода на русский или татарский язык. Требования к оформлению статьи можно найти на сайте журнала: <https://tatarica.elpub.ru/jour>;

2) сопроводительное письмо, содержащее сведения об авторе (авторах) на русском, татарском и английском языках:

- Фамилия, имя, отчество полностью
- Город, страна
- Место работы (с адресом)
- Занимаемая должность
- Ученое звание, ученая степень
- Рабочий телефон
- Мобильный телефон (для редакции)
- Электронный адрес;

3) отзыв научного руководителя на любом из 3 официальных языков журнала (русском, татарском или английском), если автор статьи – аспирант или соискатель ученой степени кандидата наук (PhD).

В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 10 лет.

Порядок рассмотрения рукописей

Материалы для публикации отбираются на основе независимого внутреннего и внешнего рецензирования и решения редколлегии журнала. Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.).

К рассмотрению не принимаются статьи, не соответствующие общим требованиям и опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласуется с авторами или статья направляется авторам на доработку.

CONTENTS

LANGUAGE

- Kuzmina, Kh., Nurieva, F.* Studies in the history of the Tatar language at Kazan University. 7
Yusupov, A., Faizullina, G. Tatar Dialectological School in Kazan University: Origins, formation and development. 26

LITERATURE

- Andreeva, I.* People's fates in the novel "In Whose Hands Is the Axe?" and the story "The Wound" by Ayaz Gilyazov. 49
Sayfulina, F. Reception of Ayaz Gilyazov's novel "The Wound" by Turkish readers. 58

HISTORY AND SOCIETY

- Makarov, D., Khabutdinov, A.* Muslim charitable societies and Muslim committees and bureaus (based on the Kazan, Ufa and Orenburg provinces) 74
Zamaletdinova, G., Motigullina, A. From the history of the Tatar children's press. 100

CULTURE, PERSONALITY, EDUCATION

- Khabutdinova, M., Aksoy, G.* Historical themes in Elmira Galimova's operas. 119
Isanbet, Yu. A. Eichenwald's memories about G. Tukay – memoirs or fantasies? 136

PERSONALIA

- Galimullina, G.* Tatar television legend. 166
Fazlutdinov, I. Collector of folk gems (on the 85th anniversary of the famous folklorist Rif Mukhametzyanov). 172
Galimdjanov, A., Shakirzyanov, F. The last of the mohicans. 180

REVIEWS

- Enikeeva, A., Vakulenko, E.* Review of Liliya Sattarova's monograph "Tatar Patterned Leather: Craft, Tradition, Art". Kazan: Tatar Book Publishing House, 2023. 119 p. 186
Garifullin, V. The pioneers, historical pages and golden pillars of the silver screen. 193

SCIENTIFIC CHRONICLES OF THE TURKIC WORLD

- Latest events in the first half of 2024. 199
Upcoming events of 2024. 208

ЭЧТӘЛЕК

ТЕЛ

- Кузьмина Х.Х., Нуриева Ф.Ш.* Казан университетында татар теле тарихы фәнен өйрәнү. 7
Юсупов А.Ф., Фәйзуллина Г.Ж. Казан университетында татар диалектологиясе мәктәбе:
алшартлары, формалашуы һәм үсеш. 26

ӘДӘБИЯТ

- Андреева И.И.* Аяз Гыйләжевның «Балта кем кулында?» романында һәм «Яра» повестенда
халык язмышлары. 49
Сәйфуллина Ф.С. Аяз Гыйләжевның «Яра» повесте: төрек укучысындагы рецепциясе. 58

ТАРИХ, ЖӘМГИЯТ

- Макаров Д.В., Хәбетдинов А.Ю.* Мөселман хәйрия жәмгыятьләре, мөселман комитетлары
һәм бюро (Казан, Уфа һәм Оренбург губерналары мисалында). 74
Жамалетдинова Г.Ф., Мотыйгуллина Ә.Р. Татар балалар матбугаты тарихыннан. 100

МӘДӘНИЯТ, ШӘХЕС, МӘГАРИФ

- Хәбетдинова М.М., Аксой Г.Р.* Эльмира Галимова операларының тарихи тематикасы. 119
Исәнбәт Й.Н. А. Эйхенвальдның Г. Тукай турында хатирәләре – чынбарлыкмы, уйлап
чыгарылганмы? 136

PERSONALIA

- Галимуллина Г.Х.* Татар телевидениесенен легендасы. 166
Фазлетдинов И.К. Халык энжеләрен жыючы (күренекле фольклорчы Риф
Мөхәммәтжановның тууына 85 ел тулу унаеннан). 172
Галимҗанов Ә.Ф., Шакирҗанов Ф.Р. Соңгы могикан. 180

РЕЦЕНЗИЯ ҺӘМ КҮЗӘТҮЛӘР

- Гарифуллин Р.З.* Зәңгәр экраннарның чишмә башы, тарихи сәхифәләре һәм алтын баганалары 186
Еникеева А.Р., Вакуленко Е.Г. Лилия Ил кызы Саттарованың «Татарская узорная кожа:
ремесло, традиция, искусство» монографиясенә (Казан: Татар китап нәшрияты, 2023. 119 б.)
бәяләмә. 193

ТӨРКИ ДӨНЬЯ ФӘННИ ХРОНИКАСЫ

- 2023 елның II яртысында булган вакыйгалар. 199
2024 елның I яртысында булчак вакыйгалар. 208

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК

<i>Кузьмина Х.Х., Нуриева Ф.Ш.</i> Изучение истории татарского языка в Казанском университете.	7
<i>Юсупов А.Ф., Файзуллина Г.Ч.</i> Школа татарской диалектологии в Казанском университете: предпосылки, формирование и развитие.	26

ЛИТЕРАТУРА

<i>Андреева И.И.</i> Судьбы народные в романе Аяза Гилязова «В чьих руках топор?» и повести «Рана».	49
<i>Сайфулина Ф.С.</i> Повесть Аяза Гилязова «Рана» в рецепции турецких читателей.	58

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Макаров Д.В., Хабутдинов А.Ю.</i> Мусульманские благотворительные общества и Мусульманские Комитеты и Бюро (на примере Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний)	74
<i>Замалетдинова Г.Ф., Мотигуллина А.Р.</i> Из истории татарской детской прессы.	100

КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Хабутдинова М.М., Аксой Г.Г.</i> Историческая тематика опер Эльмиры Галимовой.	119
<i>Исанбет Ю.Н.</i> Воспоминания А. Эйхенвальда о Г. Тукае – мемуары или фантазии?	136

PERSONALIA

<i>Галимуллина Г.Х.</i> Легенда татарского телевидения.	166
<i>Фазлутдинов И.К.</i> Собиранье народных жемчужин (к 85-летию со дня рождения известного фольклориста Рифа Мухаметзянова).	172
<i>Галимянов А.Ф., Шакирзянов Ф.Р.</i> Последний из могикан	180

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>Еникеева А.Р., Вакуленко Е.Г.</i> Рецензия на монографию Саттаровой Лилии Илевны «Татарская узорная кожа: ремесло, традиция, искусство». Казань: Татар. кн. изд-во, 2023. 119 с.	186
<i>Гарифуллин В.З.</i> У истоков татарского телевидения, страницы истории и золотые столпы.	193

НАУЧНАЯ ХРОНИКА ТЮРКСКОГО МИРА

Прошедшие события II половины 2023 года.	199
Календарь предстоящих событий I половины 2024 года.	208

TATARICA

№ 1(22) / 2024

Дата выхода в свет 11.06.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 26,2.

Тираж 500 экз. Заказ 15/6.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

